

*Созвездие
онлайн
неверности*

***Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.
Лев Николаевич Толстой (1828 - 1910).***

1 апреля 2011 год

— Валенсия Викторовна! – и я удивленно подняла глаза на распахнувшуюся дверь в свой уютный персональный офис, мою крепость, за высокими стенами которой я пряталась от тоски монотонной семейной жизни.

— Паулин? – от неожиданности я выронила шариковую ручку, и она звонко ударилась о ламинат, но я уже ничего не слышала, рассматривая своего нежданного гостя.

Он вошел без стука, как к себе домой. Он это солидный мужчина в сером костюме, сшитом на заказ у лучшего портного нашего областного центра. Он это тот, кто уже шесть лет являлся моим законным мужем. Но, не смотря на все, он это тот, кого я как будто и не знала вовсе.

Я заворожено смотрела сначала на бардовые едва распутившиеся бутоны эквадорских роз, шикарным букетом красующиеся в его руках. Потом мне хватило нескольких мгновений, чтобы своим натренированным взором рассмотреть и оценить внешний вид моего холеного бизнесмена.

Аккуратный маникюр и нежная ухоженная кожа рук, массивная печатка вместо обручального кольца на безымянном пальце. Что значит, не машет лопатой в угольной шахте! И гладко выбрит, коротко подстрижен, еще и волосы уложены назад гелем с легкой фиксации. Глаза интригующе сияют. И с чего бы это все? Скромно опустив глаза, я уставилась на его новые туфли. И тут я поняла, что у моего муженька явно имелись какие-то серьезные планы. Уж слишком он был безукоризненным.

— Дорогая, прими этот скромный букетик!

— Паулин Борисович, благодарю за внимание и столь неожиданный сюрприз!

Я была приятно удивлена, и запах роз видимо вскружил мне голову, как и много лет назад, когда мы только познакомились. Мимолетным видением перед глазами пронеслась наша первая случайная встреча, первое романтическое свидание, первый поцелуй, затем пышная свадьба и рождение нашего Елисея. К реальности меня вернул все тот же незабываемый запах цветов.

— Не стоит, дорогая, ты же знаешь букетик роз для меня сущий пустяк, – лукаво подмигнул мне муж, вручая цветы.

И не смотря на то, что Паулин имел возможность покупать цветы, не считая денег, он никогда не дарил мне их просто так, без повода. День влюбленных и 8 марта позади, до дня моего рождения еще далеко, как и до годовщины нашего бракосочетания. Что же его подвигло на такой отчаянный романтический поступок, оставалось только догадываться.

— Спасибо, дорогой, за этот милый «пустяк»!

Я первым делом решила опустить цветы в воду. Достав из тумбочки китайскую вазу, подаренную коллегой-журналистом, я, тайком поглядывая на Паулина, наполнила её чистой водой. И вскоре букет красовался на отдаленной части стола.

Муж тем временем удобно устроился в кресле и листал свежий номер моего журнала «Между строк», на первых полосах которого я решила поместить статью начинающего автора из центра «Поэзия против попсы». Паулин был далеким от творчества человеком, но тогда он почему-то прочитал вслух несколько предложений, что было на него совсем непохоже: *«Чем же отличаются популярные попсовые тексты от настоящей поэзии?» ...*

— Дорогая Валенсия, позвольте узнать, – а говорил он несерьезно, с легкой насмешкой, – неужели кого-то еще интересует поэзия? И не желаете ли вы, моя супруга, взять отпуск на недельку? Я думаю, издательство вполне справится и без вашего строгого вмешательства в культурно-просветительскую жизнь общества.

Паулин пристально смотрел мне в глаза, ожидая последующей реакции. В отпуск я точно не собиралась, но я была просто обязана разузнать, что же он задумал.

— Уважаемый Паулин Борисович, – я намеренно разговаривала в деловом стиле, и со стороны никто бы низачто не догадался что мы муж и жена, – а позвольте узнать, для каких целей мне нужен отпуск? Уж не хотите ли вы устроить семейный отдых где-нибудь за границей? В Венеции, например? Или еще в каком-то райском уголке Земли?

— Нет, что вы, Валенсия Викторовна. Вы же знаете, у меня очень ответственная работа. Я не могу и выходные нормально провести в кругу семьи. А вот вы могли бы заниматься своими статьями и дома, – его улыбка тотчас же исчезла, и со мной заговорил серьезный мужчина 42-ух лет с проблемками седины на висках.

— Почему? – только и смогла спросить я.

— Послезавтра приезжает моя мама. Она погостит у нас недельку. И я бы хотел...

— Чтобы я неделю её по театрам водила? Так?

Быть в роли клоуна меня нисколько не прельщало. И уж кого-кого развлекать, но только не «герцогиню» Изольду Бенедиктовну Перольскую.

— Ну, дорогая, почему же сразу по театрам? У нас в городе совсем недавно открылась художественная галерея. А ты же знаешь, как мама относится к живописи?! Сходите в кино, в конце концов, пройдитеесь «ураганом» по донецким магазинам!

Я так и знала, что цветы он принес не просто так. Ну что за мужчина: взять и спихнуть на мои хрупкие плечи свою мамочку? А сам будет, как ни в чем не бывало заниматься своими делами. Нет!

— Паулин, я все-таки думаю, что Изольда Бенедиктовна больше обрадуется, если не я, а ты будешь уделять ей все свое внимание и в театре, и на выставках. Ведь ты её единственный сын, к которому она не так уж часто приезжает. А что я? Нет, я, конечно, понимаю, что твоя мама испытывает неописуемое удовольствие, поучая меня всем премудростям семейной жизни. Но я не могу подобного сказать о себе. К тому же у нас намечается творческий вечер в Одессе, в издательстве незаконченных дел неуворот, прости, дорогой, но в отпуск я не пойду.

Паулин, похоже, другого поворота событий и не ожидал. По крайней мере, он не настаивал на своём предложении, стараясь переубедить.

— Валенсия, у меня тоже полно неотложных дел, но ради мамы я что-нибудь придумаю. Так уж и быть. Придется нам с Елисеем развлекать нашу бабушку, раз Валенсия Викторовна оторваться не может от своих очерков. Или не хочет? – он встал, одергивая пиджак, и решительно направился ко мне.

Минуя фигурный серый стол, он резко остановился у финиковой пальмы, потрогал острые зеленые листья, искоса поглядывая в мою сторону. Я встала.

— Они такие же колючие, как твой нрав.

Это звучало почти как комплимент, и я ничуть не обиделась, хотя с фиником меня еще никто и никогда не сравнивал.

— Паулин, я...

Он стоял в полуметре. Я уловила тонкий сигарный запах с ванилью его лосьона после бритья. Его руки легли мне на талию, а глаза блуждали по сочным губам, покрытым пурпурным блеском увлажняющей помады, по шее, на которой красовалось подаренное им ожерелье. Казалось, он внимательно рассматривает пуговички моей шифоновой

блузки. Потом он взял мои ладони и поднес к губам. Да! Он поцеловал мои пальчики! Я была уверена, что он не поцелует меня в губы, и я была права. Они ведь были накрашены, и он как деловой мужчина не мог позволить себе выглядеть влюбленным мальчишкой со следами помады на лице. Хотя в помаде я бы его точно не выпустила из кабинета, но Паулин есть Паулин.

— Увидимся вечером, Валенсия, – он дерзко отошел назад и, подмигнув, развернулся, чтобы оставить меня одну среди бледно-зеленых стен офиса еще на четыре часа.

— До вечера, Паулин.

Негромко тикали часы, успокаивающе плавали рыбки в большом аквариуме, встроенном в стену, а я чувствовала себя одинокой и никому ненужной. Еще и эти розы стояли перед глазами, напоминая о моем муже, который даже не соизволил страстно впиться мне в губы. Ах, да. Они же накрашены.

Погрузиться в свои мысли мне не позволил нарастающий сигнал мобильного телефона.

— Да.

— Валенсия Викторовна? – послышался приятный мужской голос.

— Да, это я...

— Вас беспокоит Мануил Верпиский, председатель комиссии горсовета по вопросам культуры и туризма, поэт и прозаик в одном лице.

— Мануил Александрович, рада вас слышать! По какому поводу вы решили меня потревожить? – я уже удобно сидела в кресле, позабыв о приезде «герцогини» Изольды «с сердцем из льда».

— Валенсия Викторовна, у меня к вам предложение принять участие во всеукраинском фестивале русской поэзии в качестве члена жюри.

— Мануил Александрович, я с удовольствием приму участие! Когда и в каком городе планируется проведение финального тура?

— Фестиваль состоится 11-15 июня в Моршине. На данный момент прием заявок продолжается. По итогам первого заочного тура, выберем победителей, которые и приедут в Моршин для участия в очных турах. Будет телевидение, Валенсия Викторовна! А также наши спонсоры выделили и немалую сумму на ценные призы, так что все пройдет на высшем уровне! Детальнее сможете прочесть на нашем сайте «Культурная держава».

— Обязательно, Мануил Александрович, прочту все подробности относительно фестиваля-2011. Спасибо за приглашение!

— До связи, Валенсия Викторовна. Я буду держать вас в курсе всех событий, – все тот же приятный голос звучал, касаясь глубины моей души.

— До связи, – а дальше гудки.

Кликнув дважды по красной букве «О», я погрузилась в виртуальный мир искусства.

Ответив на скопившуюся электронную почту, я досконально изучила последние новости «Культурной державы». Прочла о награждении победителей статуэтками «Пера в хрустале» и оплаченными поездками в Москву для участия в одном из крупнейших в мире поэтических фестивалей. Потом я зашла на свою страничку в «Стихарь», где публиковала свои произведения под вымышленным именем – «7фиалок», чтобы читатели относились ко мне так, как и к остальным писателям.

В тот день я обратила внимание на еще одного поэта, скрывающего свое истинное имя под маской псевдонима «Дюжесиль». Я перешла на его авторскую страницу, откуда на меня смотрели удивительно голубые глаза молодого подкачанного человека в джинсах. На нем не было рубашки, только загорелая мускулистая плоть, широкие сильные плечи, кубики пресса на животе и некая загадка, повисшая облачком на цветном фото.

Может это и не его фото, так же как «Дюжесиль» и не его фамилия, но образ этого, несомненно, творческого человека встревожил мои мысли, разбудив девичью фантазию, временно пребывавшую в летаргическом сне.

— «Дюжесиль»! О чем вы пишете стихи? – мне стало безумно интересно, и я не заметила, как заговорила сама с собой.

Всего 53 стихотворения было в его списке, все с красивыми любовными названиями. Даже не читая самих произведений, я поняла, что их писал душевный человек, переживший как минимум однажды разочарование и боль от потери любимого и близкого человека. Мелодией журчащего ручья, печалью скрипки лились строчки его первого стихо*... а потом снова и снова стихи.

Звездный вальс

*В небе звезды ярким светом
синий берег в тишине
рисовали карамелью
цвета счастья при луне.*

*Блестки чувства пленом ночи
в диком танце тех лампад
белый вечер полномочий
превращали в звездопад.*

*Блики в море цепью время
приковали над волной
стоном боли Прометея,
вечной правдой вековой.*

*Радость звезды излучали
в танце счастья при луне
только яркими слезами -
белым вальсом в полутьме.*

Я читала одно стихотворение за другим. Все они без исключения были романтическими и пропитанными нежными чувствами. Ох, как же красиво он передавал глубину ощущений, свои страхи и переживания, желания и розовые мечты! Каждая строчка была пронизана нежностью и возвышенным величием жестокой любви.

Я не замечала никаких недостатков. И ритм, и рифмы, и глубокий смысл поразили меня в самое сердце, словно острой стрелой, название которой восхищение.

Оставив несколько рецензий на наиболее понравившиеся мне стихотворения, я продолжила заниматься подготовкой к выпуску очередного номера журнала.

Незаметно пролетело время, и вот уже в правом углу монитора электронные часы показывали 15:57. Последний рабочий день недели был завершен, впереди выходные. Единственное, что немного омрачало – это неожиданный приезд Перольской Изольды Бенедиктовны.

Все работники редакции спешили по домам. Кто-то нес с собой толстые папки распечаток для корректировки на дому, другие в конце рабочего дня развозили выполненные заказы на издание книг малым тиражом за счет авторов, третьи были настолько поглощены работой, что им и вовсе не хотелось возвращаться домой. Как, например, Лидия

Васильевна. У неё не было ни мужа, ни детей, и спешить ей было некуда.

А мне еще нужно было забрать ребенка из садика, и на маршрутке добраться домой. Личного автомобиля у меня не было, а мой Паулин постоянно был занят допоздна, поэтому возить нас было некому.

Пропощавшись с сотрудниками, я включила сигнализацию и без особых усилий закрыла тяжелую металлическую дверь на все замки, потом поспешила по лестнице вниз, размышляя над прошедшим днем.

Апрельское солнышко ласково пригревало, щебетали радостно птички, и я решила пройтись пешком к детскому садiku. У меня было целых полчаса на размышления, и думала ни о ком другом, как о «герцогине».

Изольда Бенедиктовна родилась в небольшом поселке на берегу Белого моря в самый холодный зимний день 19 января 1948 года. Её и нарекли так по принципу «изо льда». Говорю же «ледяное сердце». Совсем бессердечной я бы её не назвала, было и в ней что-то человеческое. Вот только что, трудно было определить. Какие-то комплексы типа «а что обо мне подумают»? Хотя нет, не это. Она была чрезмерно самоуверенна, и ей было «фиолетово» кто и что о ней подумает. Её самолюбие всегда было превыше уважения к окружающим.

Оставшись без мужа, Изольда Бенедиктовна сама растила сына. Она решительно боролась со всеми выпавшими на её долю трудностями архангельской тайги. Твердо настаивала на своем, пробиваясь напролом к своей цели. Даже если ей нужно было бы пройти по головам, её бы точно ничто не остановило.

Иногда «ледяная герцогиня» производила впечатление человека истосковавшегося по общению. Настолько длинными были её монологи, что я уставала и слушать, и вникать в суть дела.

Но чаще всего она была высокомерно молчалива, словно надменная царица, которой забыли упасть в ножки. В возникших спорах она категорично доказывала свою точку зрения, не учитывая взгляды окружающих. Порой мне казалось, что мама Паулина играет свою роль. Я даже думала, как бы заставить её снять эту ледяную маску хладнокровной леди. Но ключик к её расположению мне найти не удавалось.

Самолюбие и импульсивный характер «ледяной герцогини» всю жизнь отпугивали от неё мужчин. Именно поэтому она целеустремленно всю жизнь шла по карьерной

лестнице, и стала директором лесоперерабатывающей базы в Архангельске.

А счастлива ли Изольда Бенедиктовна в своем холодном мире? Что кроется за видимостью независимости в её двуликом образе? Кто она? Лед или пламя, намеренно скрываемое от посторонних? Чужая душа потемки.

Ясно лишь одно: её не проведешь, она как рентгеновский луч видит все насквозь. А мне бы не хотелось объяснять ей незначительную прохладу в наших семейных отношениях...

В дворике шумно играли детки. И мой Елисей, увлеченный игрой, не сразу обратил на меня внимание. Зато стоило ему краем глаза заметить мое приближение, как он что было духу побежал навстречу, позабыв о своих маленьких друзьях.

— «Мамичка!»! – до чего же мне нравилось это слово, слетающее с уст любимого малыша!

— Елисейка! Моё солнышко! – я обняла своего мальчугана, и он обеими руками обхватил меня нежно за шею.

— «Посему» ты так долго? – его голубые глазки пристально в меня всматривались.

— Моё солнышко соскучилось?! – это было ясно.

Я взяла его за руку, и мы вместе направились к Светлане Владимировне, воспитательнице средней группы, чтобы поставить её в известность о наших планах на следующую неделю...

Дома нас как всегда никто не ждал. Только кошка Мурчала лениво лежала на полу, вытянувшись на спине. Елисей пульнул в неё ботинок, от чего она моментально подскочила, грозно поглядывая своими круглыми желтыми глазами.

— Так нельзя.

— «Мамичка, а посему она лежит, как пинцесса?!» – как забавно он произносил слова!

— Елисейка, она спокойно отдыхала от вчерашнего вечера! Ты же её сам замучил, вот она и наслаждалась тишиной до сих пор, – объясняла я, помогая ребенку раздеться.

Тем временем кошка успела скрыться в неизвестном направлении. И пока я переодевалась, а потом готовила ужин, малыш был занят поисками своей пушистой любимицы.

Беседа в тишине

*Кому пишу я эти строки?
Мне просто не кому сказать,
и мыслей бурные потоки
ложатся медленно в тетрадь.*

*Луна в таком же одиночестве
бледнее полотна,
и брызгами шампанского
искрится синева.*

*До разговоров в тишине
со стен немой ответом
не докатилась, но уже
беседую с рассветом.*

*Прохлада ранняя, постой,
зачем так торопиться?
Наполнена душа тоской,
и бьется сердце птицей.*

*Я слышу за спиной шаги
и легкое дыханье,
на расстоянии руки
реальность... И желания*

*отброшу снова до времен,
когда покой и тишина,
не называя имена,
вернут мне прежнего тебя.*

Паулин вернулся поздно. Так и не дождавшись папы, Елисей уже крепко спал в своей эксклюзивной кровати в виде красного плюшевого автомобиля с черными мягкими колесами.

— Валения Викторовна, — от мужа пахло нотками спирта и сухофруктов, — вы еще не спите?

Он неуверенно стоял на ногах посреди коридора, повернувшись ко мне спиной и поправляя воротник пиджака перед зеркалом так, словно собирался куда-то идти. Потухший взгляд говорил о том, что он пил коньяк, причем не один снифтер (коньячный бокал тюльпанообразной формы с короткой ножкой, что позволяет ладони согревать напиток, который, в свою очередь, раскрывает аромат).

— Я вас ждала, Паулин Борисович, – он сделал виноватое лицо, раскачиваясь на месте, – так, где вас носила нечистая сила?

— Меня? Нигде? Мы с друзьями отмечали 1-ое апреля! Сегодня же праздник, дорогая! День Дурака! Ты разве не знала?!!

Похоже, Паулину тогда было очень весело. Он смеялся по непонятной для меня причине. Конечно, меня же с ним не было! Может, и я бы посмеялась над хмельными причудами его друзей? Хотя они мне и трезвыми были несимпатичны, а намеренно наблюдать за их пьяными выходками у меня не было ни малейшего желания.

— Ложитесь спать, господин Перольский! – я окончательно развязала его галстук, и так и оставила длинной лентой висеть на шее.

— А вы, Валенсия Викторовна, не желаете составить мне компанию? Боюсь без жара вашего горячего тела этой ночью мне не уснуть!

Как же мне надоели эти наигранные роли. 42 года, а все считает себя шекспировским Ромео.

— Думаю, алкоголь в вашей крови будет согревать вас до завтрашнего дня, дорогой, – я развернулась, чтобы уйти на кухню, но его сильные руки внезапно остановили меня на полпути.

Он провел кончиками пальцев по овалу моего лица, небрежно тронул ниспадающие рыжие локоны, а потом уткнулся лицом в шею, жадно вдыхая тонкий запах французских духов.

— «Тьерри Кюри Ангел»! Мой подарок...

— Да, Паулин.

Он поцеловал меня детским поцелуем, и тяжелой походкой направился в нашу спальню, предоставив мне возможность уделить еще часик творчеству.

Я вновь открыла страничку со стихами «Дюжесия», читала откровенные строчки, рисуя в своем воображении романтические картины, навеянные его особым нежным стилем. Незаметно мои мысли перетекли в другое русло. Я думала об авторе как о загадочном мужчине, и мне захотелось снять с него маску незнакомца, узнав, что же собой представляет этот красавчик спортивного телосложения.

— А вдруг это женщина?! – подумала я, перечитывая повторно одно из его стихотворений.

Разреши мне

*Я в твои безумные глаза
окунаюсь, и без разрешенья
вспоминаю свадьбу, и когда
сказка стала воплощением*

*недосказанных фантазий
и наивных помыслов моих
с лепестками на кровати,
завершающими штрих*

*полотна любви и ласки,
что никак я не смогла
разукрасить, и без краски
вдруг картина ночью ожила.*

*И теней нечетких силуэты
гаснут в отблесках огня,
с губ срываются сонеты,
и от счастья я уже пьяна.*

*И в глазах твоих бушует
пламя, необузданной волной
веер крыльев поневоле
встрепенулся за моей спиной.*

*Невесомой птицей,
вздых роняя, на твое плечо
разреши мне приземлиться,
обжигая страстью горячо!*

— Смогла, пьяна, – повторила я. – Неужели поэт, скрывающий свое имя и фамилию, женщина? Я с интересом начала перечитывать все рецензии к этому произведению. Оказывается, читатели, а они же и авторы других стихотворений на сайте Стихарь уже задавали подобные вопросы «Дюжесилу». И он корректно отвечал, что умышленно писал от женского лица, пытаюсь понять нас – женщин.

Еще раз полюбовавшись красивым телом в джинсах и без рубашки, я обратила внимание на параметры самого фото. Оно было явно обрезано. Возможно, слева он обнимал свою любимую, и намеренно скрыл её от любопытных зрителей,

обрезав часть изображения своей руки и глаза. А если он инвалид? И от тоски пишет стихи, уделяя этому занятию все свое время? Что если, он никогда не знал любви и ласки, и пишет свои прекрасные стихи, мечтая о том, чего у него никогда не было и, возможно, не будет?

Очки! В его правой руке я заметила черные солнцезащитные очки. Что у него с левым глазом? Нет, это не должно меня волновать, – подумала я. Это только неудачно обрезанное фото, тем более возможно совершенно чужого человека. Под псевдонимом «Дюжесиль» может скрываться кто угодно. И толстяк с рыжей бородой, и женщина с усами ☺ ... и это абсолютно не должно меня беспокоить.

Я вернулась на свою авторскую страничку, просмотрела пополнившийся список читателей, и среди длинных имен я увидела его восьмибуквенный псевдоним. Он тоже читал мои стихи, оставляя комментарии к ним и похвалы в мой адрес. Над одним из его предложений, оставленным в рецензии, я серьезно задумалась:

Рецензия к стихотворению «Запретны» (7фиалок)

Очень яркие чувства, может не стоит их тратить на ожидания...

Дюжесиль 01.04.2011 21:37

Может и не стоит, но если бы все делали, как им хочется, тогда «запретного» не было бы ничего. А с другой стороны, каждый живет по своим запретам. И если я верна мужу, значит, это мой выбор, а измена – мое табу. Права ли я? Или мои взгляды устарели?

Эти вопросы долго не давали мне уснуть в ту ночь.

...Суббота пролетела в подготовке к приезду мамы Паулина – Перольской Изольды Бенедиктовны. Я три часа убирала в нашей трехкомнатной квартире. Пропылесосила, вымыла полы, натерла до блеска все зеркала и стекла. Не обделила вниманием ни один уголок, и вымыла каждый листочек на подаренной свекровью драцене. Безукоризненная чистота радовала меня. Теперь даже при самом большом желании «графине изо льда» не к чему будет придраться, – думала я.

Вместе с мужем мы съездили в супермаркет. И переполненный холодильник был готов не оставить голодной целую роту солдат!

***Бояться любви – значит бояться жизни,
а тот, кто боится жизни – уже на треть мертв.
Рассел Бертран (1872-1970).***

3 апреля 2011 год

В 07.55 мы всей семьей уже были в северной части Донецка, в Киевском районе, где находится наш главный железнодорожный вокзал. На привокзальной площади было многолюдно. Чуть ли не на каждом шагу стояли старушки с протянутой рукой. Немытые цыганские красавицы настойчиво просили «позолотить ручку», бомжи сновали туда-сюда, и неприятный запах снова и снова ударял в нос «боксерской перчаткой реальности». Служащие железнодорожной станции длинными самодельными метелками усердно мели мусор, но чище все-таки не становилось. Компания молодых парней, с самого утра едва держась на ногах, пили и курили, разбрасывая окурки и пустые бутылки по площади. Противный пьяный смех меня раздражал. А еще больше мне не нравилось само воспитание подрастающего поколения.

В вестибюле блестел чистотой напольный кафель. Белые высокие потолки были искусно украшены декоративной лепниной. К окошкам кассы тянулась небольшая очередь. А самое главное – не было той уличной грязи. И я не имею в виду лужи на асфальте.

Поезд Архангельск-Донецк ожидался на 2-ой платформе в 08.11. Туда мы и направились, вновь минувя кучку аморальной молодежи.

Синее безоблачное небо предвещало теплый день. Смелые солнечные лучи щедро пригревали холодную мокрую землю, и весна медленно, но уверенно вступала в свои права. На перроне домашние голуби жадно клевали разбросанные крошки, время от времени прерываясь от резкого шума. А когда заскрипели колеса приближающегося поезда, они поднялись ввысь, оставив свой недоеденный завтрак привокзальной собаке.

С окошка помахала чья-то рука в белой перчатке. Но лица не было видно, и мы с Паулином, переглянувшись, пожали плечами и поторопились подойти ближе к спускающимся приезжим.

Я внимательно рассматривала всех пожилых женщин. Одна была с тростью из неотесанной деревянной палки, в зашитых тапочках и СССР-овских коричневых колготках, в выцветшем платке и неприметном пальто прошлого века. Это точно была не наша «герцогиня». Вторая дама была явно

молода для 63-ех летней женщины. Третья в дорогах кожаных ботиночках на шпильке, с ярким макияжем на помятом годами лице, и укутанная кружевной шалью, тоже не могла быть Изольдой Бенедиктовной. Потом спустились двое мужчин, семейная пара, девушка с красным зонтом, и ...

— Мама! – и Паулин радостно, расставив руки, побежал ей навстречу.

Однотонное синее классическое пальтишко выделяло эту женщину из серых масс. И никакие разрисованные старушки, желающие скрыть возраст за слоем штукатурки, не шли в сравнение с этой изысканной архангельской «снежной королевой»! Серебряной снежинкой с блестящими белыми камнями красовалась на груди объемная брошь. Янтарные бусы гармонично контрастировали с её безупречным нарядом. Из-под пальто, застегивающимся по задумке модельера только на одну пуговицу, было видно такое же синее платье. Элегантная синяя шляпка с широкими полями была украшена декоративной имитацией павлиньего пера. Белые туфли на низком каблуке, белые перчатки, белая сумочка и белый чемоданчик с металлической ручкой, – значит, все-таки это она махала нам рукой!

Из-под шляпки в мою сторону долетел строгий взгляд голубых глаз. Лицо Изольды Бенедиктовны излучало здоровый ухоженный вид. Хотя из следов косметики лишь бледно-розовая помада прорисовывалась на ее губах. Ни веки, ни ресницы не были накрашены. Она, скорее всего, даже не пользуется ни тональным кремом, ни пудрой. А вот стойкий аромат цветочными нотками я уловила, когда подошла ближе.

— Доброе утро, Изольда Бенедиктовна, – я все еще разбирала на детали её образ, обратив внимание и на белизну её волос. – Как добрались?

— Почти двое суток тряски в поезде измотали меня, – ответила свекровь, наклонившись к Елисею, и протягивая ему свою руку, предварительно сняв перчатку. – Мой внучок так попросил за этот год! Настоящий потомок моего покойного Бориса, те же черты лица, тот же умный взгляд! Да, Елисейка?

— «Ни наю», – застенчиво произнес Елисей, прячась за моей юбкой.

— Мама, давайте отойдем, мы мешаем другим приезжим и встречающим, – Паулин взял из её рук чемоданчик на колесиках, и под локоть повел маму в сторону привокзального кафе.

— Да «Павлинчик»!

Как же мне не нравилось это перевернутое имя. Хватило же фантазии назвать сына «Паулин»? Хотя, что в этом удивительного? У Изольды Бенедиктовны мания величия появилась, наверно, с самого рождения. А павлин, как известно, царская птица.

— Мама, сколько раз Вам повторять, что я уже давно не мальчик, и не надо так меня называть, тем более в общественном месте. Я Паулин Борисович. И никак иначе, запомните это.

— Не правда ли чудесная погода! – умела «графиня» перепрыгивать с темы на тему. – Валенсия, а ты знаешь какой завтра день?

— Понедельник! – радостно заявила я. К счастью, мне завтра на работу! Но вслух я этого, естественно, не сказала. – 4 апреля. А что?

— А то, что погода сегодня хорошая! И чтоб ты знала, 4 апреля почитается память священномученика Василия Анкирского, которого в народе называют Василием Теплым.

— И все Вы знаете, мама! – улыбнулся Паулин, переводя взгляд на меня.

— Конечно, сынок, мне же не 26 лет, как твоей жене.

Я знала, что Изольда Бенедиктовна считает разницу в 16 лет недопустимой, и хотела бы вместо меня видеть невесткой 40-ка летнюю женщину, которая еще бы знала от корки до корки библию и народный календарь со всеми приметами. Но я не такая, и свекровь не упускала возможности напомнить мне об этом.

— Уважаемая Изольда Бенедиктовна, торжественно обещаю вам, что к 63-ем годам постараюсь запомнить, когда почитают память Теплого Василия, а когда Теплого Алексея!

«Графиня» искоса одарила меня требовательным взглядом, ничего не говоря, а Паулин демонстративно покашлял, намекая мне быть, наверное, тактичнее и терпимее к его маме.

Мы вошли в полупустое кафе. Первое что сделала «графиня» это присела на уровне первого столика и провела пальцем в белой перчатке по столешнице. Я ничуть этому не удивилась, как и серому пятну на её, несомненно, дорогой перчатке.

— Куда вы меня привели? Эта забегаловка ниже моего достоинства. А сидения? Вы посмотрите.

Сидения, насколько я поняла, были вымыты грязной тряпкой. И разводы на поверхности были вовсе не приемлемы для нашей «королевской особы».

— Но в прошлом году мы довольно хорошо здесь посидели, мама, и Вы ни на что не жаловались? – удивился Паулин.

Кафе на самом деле было не настолько плохим. Его единственный минус, с моей точки зрения, был в завышенных ценах. И поэтому сюда заходило мало посетителей. Но атмосфера была довольно приятной, если не считать невымытого как следует стола и стульев. По крайней мере, здесь чувствовалось присутствие современного ремонта с элементами отделки в стиле «хай тек». Натяжные потолки отражали свет из пластиковых окон, горели софиты, за барной стойкой аккуратный официант поправлял черную бабочку на белом воротничке рубашке. Играла приятная симфоническая музыка, как под заказ для нашей гостыи. Но Изольда Бенедиктовна, скривив недовольную гримасу, уже хотела выйти наружу.

— Какой чудный запах кофе! – голос пожилого мужчины неожиданно появившегося с ниоткуда остановил «графиню» у двери.

Она окинула взором всё кафе. Что за мысль пронеслась в её голове, осталось загадкой, но решительные шаги привели нашу пани к стойке.

— Три кофе, молочный коктейль и 4 свежие булочки, – тоном королевской особы, гордо поднимая подбородок, сделала свекровь свой заказ. – И, пожалуйста, посадите нас за самый чистый столик. Или они у вас все такие, как тот, что у входа?

— Прошу следовать за мной, – молодой официант в белой рубашке со смущенным лицом повел нас к столикам между желтыми диванчиками.

В его руках было чистое полотенце, которым он старательно натер и без того чистый стол и два мягких дивана. Мы с Паулином опять переглянулись, и мне почему-то стало его немного жалко. Ведь ему целую неделю придется во всем угождать своей маме, которая вечно всем была недовольна.

— Я 42 часа тряслась в поезде, плюс еще около 5-ти часов провела на московском вокзале, ожидая пересадки. Итого почти двое суток! – возмущалась Изольда Бенедиктовна, усаживаясь поудобнее. – И это еще называется «самый быстрый маршрут»?

— Мама, Вам надо было лететь самолетом. Это заняло бы меньше времени, – предложил Паулин.

— Самолеты падают. А сколько сейчас террористов?! Уж лучше поездом.

Пока мы пили кофе в прикуску с хрустящей булочкой, Изольда Бенедиктовна безуданно рассказывала об авиакатастрофах и репортажах телевизионных журналистов с мест событий. Нам же оставалось только слушать и соглашаться с ее доводами относительно небезопасности воздушных передвижений.

Но это были только цветочки. Приехав, домой, Изольда Бенедиктовна не смогла не сделать хотя бы нескольких замечаний. Это была бы не наша «графиня»!

— У вас воняет кошатиной, — заявила она с порога. — Кошачий лоток нужно тщательно мыть с белизной, Валушка!

— Именно этим я и планировала сейчас заняться, — и на самом деле запах в квартире был катастрофически испорчен нашей Мерчелой.

Разувшись и повесив на вешалку свой плащик, я взяла лоток и пошла с ним в ванную. Шум воды отвлек меня от мыслей о приезде свекрови, но не надолго.

— Ты моешь вонючий горшок в ванне? — округлила глаза «свекровушка».

— А, по-вашему, я должна мыть его в кухонной раковине? — я специальной мочалкой вспенила моющее средство, и продолжила натирать лоток.

— Вот говорила вам, покупайте дом. Нет, вы купили эту квартиру. Так кошечка делала бы свои дела на улице, и не приходилось бы мыть горшок в ванне.

— Вот осталось нам только под кошечку подстраиваться, — ну, хоть Паулин пришел спасти меня от своей назойливой мамочки.

— Сынок, при чем здесь подстраиваться? — и снова длинная лекция о достоинствах частного дома...

А потом — совместное приготовление праздничного обеда. Не зря я с самого утра выпила две капсулы успокоительного состава: корень валерианы лекарственной, страстоцвет и шишки шмеля. Теперь мне не были особо страшны волнения и нервное напряжение, я надеялась, что смогу держать себя в руках, не поддаваясь на провокации свекрови. А она так и старалась ужалить, как оса.

— Вот, зачем тебе кухонный комбайн? Пищу нужно готовить своими руками, так она получается вкуснее.

— А с комбайном быстрее!

— А посудомоечную машину еще не купили?

— Вы знаете, Изольда Бенедиктовна, мне не тяжело помыть три тарелки вручную!

Потом очередной длинный монолог свекрови ввел меня в полусонное состояние, и я машинально заканчивала

приготовление окрошки, селедки под шубой, блинчиков с маслом и красной икрой, при этом не забывая поглядывать на фаршированный болгарский перец, томившийся на слабом огне.

Паулин лишь изредка появлялся на кухне, контролирую процесс приготовления обеда. А Елисей и вовсе в 13.00, как по расписанию лег спать.

Изольда Бенедиктовна, как истинная леди, к обеду сменила наряд. Теперь на ней было строгое зеленоватое платье с высоким вырезом и жемчужные классические бусы в ансамбле с серьгами и довольно интересной брошью в виде веточки ландыша. Такая шикарная женщина, и одна, – мелькнула мысль у меня в голове и тут же погасла.

За столом, накрытым по случаю приезда свекрови не в кухне, а в зале, было бы очень скучно, если бы не сама Изольда Бенедиктовна, неиссякаемой энергией которой можно было удивляться и удивляться.

— Валюшка, как поживают твои родители? Не перебрались ли еще со своего приморского курорта в какой-нибудь приличный город? – отпивая глоточек шампанского, поинтересовалась «графиня».

— Нет, конечно! Разве плохо жить на берегу моря?! Еще и в собственном доме?! Даже если бы им предложили пентхауз – квартиру, вид из которой открывается на все четыре стороны света, где нет соседей (только снизу), они бы не согласились! – это было правдой.

— Я их понимаю. Я тоже люблю свой дом. А вот наши дети, и ты, и Паулин выбрали эту крохотную квартиру. Здесь и душе разгуляться негде, а если пригласить полсотни гостей? – она обвела весь зал взглядом, и на несколько секунд замолчала, откусывая кусочек блинчика, завернутого трубочкой.

— А для полсотни гостей можно заказать на вечер уютное кафе! – ответила я.

— Валюшка, ты вся в маму. Такая же сообразительная и порой просто непредсказуемая натура. А вот внешне ты больше похожа на отца.

Что она этим хотела сказать? На кого бы я ни была похожа, а спорить со свекровью у меня не было ни малейшего желания. И я не в первый раз надела свою любимую маску скромности, производящую на людей впечатление застенчивой и робкой Валенсии. Но на самом деле я наблюдала, слушала и все запоминала. А память у меня очень хорошая!

— Если бы ты знала, как тебе повезло, что у тебя есть Паулин – тот, на кого можно положиться, человек, которого воспитала такая женщина, как я! – мысленно я с неё улыбалась (её нужно было назвать Паулиной за способность раскрывать павлиний хвост). – Мой Паулин помог создать тебе надежный и уютный семейный очаг, ты пылинки с него сдувать должна!

Мой муженек сидел с довольным лицом. Еще бы: мамочка захвалила! Только для любой матери её дети всегда самые лучшие.

— Валенсия, ты со мной не согласна?

— Насчет пылинок или вашего воспитания, или моего везения? – и как по заказу заиграла мелодия на моем телефоне. – Извините, – и я вышла из-за стола.

Это был Мануил Александрович. Я закрыла за собой дверь, и, ответив на звонок, пошла разговаривать в нашу спальню.

Весеннее солнышко озорными лучиками играло с зелеными листьями драцены. Свет полосками заливал комнату через приоткрытые жалюзи. В спальне было почти тихо, спокойно, и мягкая кровать заманила меня прилечь на краешек.

Приятный мужской голос на линии вводил меня в курс дел относительно творческого вечера в Одессе, время проведения которого было уже не за горами.

— Валенсия Викторовна, сообщаю вам, как победителю прошедших туров всеукраинского стихотворного конкурса следующее: Вы вышли в большой открытый финал! – я чувствовала его улыбку, хотя по телефону и не могла видеть лица поэта Верпиского. – Вам предстоит прочесть 4-ое и 5-ое стихотворение из вашей конкурсной подборки со сцены Дворца Культуры в Одессе 07.04.2011 года.

— Отлично, Мануил Александрович! 4-ое и 5-ое, значит, 4-ое и 5-ое! – я была очень довольна выходом в большой открытый финал.

— Валенсия Викторовна, а вы ознакомлены со списком всех участников? – загадочно произнес все тот же приятный голос.

— Всех? – я задумалась. – Нет. Но я знаю, что очень много известных творческих людей подали заявки на участие.

— Дело в том, Валенсия, что вами сегодня интересовался один писатель, поэт и художник в одном лице, – признаюсь честно, я была заинтригована.

— И кто же это? – любопытству не было придела.

— Это француз Люсьен Дюжесиль. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

Дюжесиль! Так он француз! Как тесен мир! И я смогу воочию увидеть этого красивого мужчину в черном костюме, читающего со сцены свои лучшие произведения! Я уже хочу в Одессу! Поскорее бы! – размечталась я, забыв на миг о самом Мануиле Александровиче, ожидающем ответа.

— Да, я читала стихи «Дюжесиль»! Я в восторге от глубины его души!!! – и это была истинная правда.

— Что же, значит, вы знаете своего соперника в лицо, так сказать, ибо есть такая вероятность, что один из вас станет победителем нашего конкурса и получит кругленькую сумму наличных!

— Пусть победит сильнейший! – а мысленно я даже не думала о награждении, главное было для меня убедиться, что «Дюжесиль» полноценный мужчина: с парой рук, парой глаз... и такой же красавчик, как на фото!

— Так и будет, Валенсия. Да, и вот еще что: постарайтесь быть в Одессе к вечеру 6 апреля.

— Безусловно, Мануил Александрович. А что конкретно хотел обо мне узнать Дюжесиль? Вы лично встречались? Или...

— Я получил от него электронное письмо с вопросом «Валенсия Перольская и 7фиалок это один и тот же писатель?», и я лишь подтвердил его слова.

— Спасибо за информацию, Мануил Александрович, – а вот мысленно я прокручивала сложившуюся ситуацию: значит, Дюжесиль знает кто я такая.

— Всегда к вашим услугам, Валенсия, и до связи. Как только появятся какие-либо новости, я вам обязательно сообщу.

— Вы очень любезны, спасибо. До связи.

Экран телефона погас, и я, утопая в мягкой постели, закрыла глаза, вспоминая фотографию нежного принца – французского Люсьена Дюжесиль. Получается «Дюжесиль» вовсе не псевдоним, а фамилия. А если это два разных человека? В любом случае, в ближайшее время я разгадаю эту загадку!

Шорох в детской отвлек меня от своих рассуждений, и я, поправив постель, поспешила к Елисею. Мой малыш уже проснулся. И мы вместе подошли к закрытой двери в зал, сквозь которую отчетливо была слышна непрерывная речь Изольды Бенедиктовны. И говорила она обо мне: «Валенсия непредсказуемая. В её внутренний мир так просто не проникнешь. Я, например, с трудом догадываюсь, о чем она думает. Не знаю, как ты с ней живешь?»

— Мама, Валенсия хорошая, – говорил Паулин негромко, – она часто уступает мне, мы не конфликтуем по пустякам. А о чем она думает мне все равно. Она творческая натура и постоянно летает где-то в облаках. Я с этим давно уже смирился.

— Я бы на твоём месте не была столь безразлична к её мыслям. А что если у неё есть другой мужчина?

Выслушивать дальше этот разговор за закрытой дверью я не стала. Подняв Елисея на руки, мы резко ворвались в комнату, слегка смутив «снежную королеву». И при мне она не решилась продолжить тему о другом мужчине, переключив все своё внимание на ещё сонного Елисейку.

— Дорогой, сегодня в ДК проводится вечер «Кому за **». Вы не желаете вывести маму в свет?

Изоolda Бенедиктовна скривила недовольно тонкие губы, поморщила носик в знак протеста, и Паулину ничего не оставалось делать, как только предложить маме партию в шахматы. В любом случае «графиню» нужно было развлекать.

— У меня по расписанию уже должен был начаться дневной сон. А ещё и эта утомительная дорога. Пожалуй, я прилягу на часок-другой. А вечером куда-нибудь сходим, – Изоolda Бенедиктовна как всегда все решила за всех.

— Я расстелю вам диван, только сначала со стола приберу, – я уже подхватила пустые тарелки и хотела нести их в кухню.

— Диван? – она демонстративно впилась в него всей пятерней. – У меня проблемы с позвоночником. Если вы не против, я буду спать в вашей спальне. Целую неделю. Ваш ортопедический матрац послужит во благо моему увядающему здоровью.

— Конечно, мама. Идемте, я Вас провожу, – Паулин услужливо протянул ей руку.

Она бросила насмешливый взгляд в мою сторону, потом взъерошила волосики Елисея, и с гордым видом покинула зал, как её величество королева.

Как хорошо, что мне не придется терпеть её присутствие целую неделю, – думала я, убирая со стола.

...Я с Елисеем и десятком его мягких игрушек улеглись на диване, играя в забавную и поучительную игру – в «школки». Малыш обеими руками держал своего любимого песика и вместо него читал по слогам слова из яркой красочной книжки. Потом точно так читала коровка, кошечка, черепаха и остальные «детки». А я только и

успевала нахваливать умненьких малышей, правильно соединяющих слоги в слова.

А когда Елисею надоело заниматься чтением, я включила для него телевизор и нашла мультфильмы на детском канале. Изольда Бенедиктовна еще спала, Паулин отлучился по важным делам «ненадолго». А у меня появилось свободное время для себя любимой. Приняв ванну и переодевшись в шелковый пеньюар, я открыла ноутбук, с головой погрузившись в виртуальный мир.

На страничках Стихаря меня порадовал приятный сюрприз. Дюжесиль совсем недавно написал для меня личное сообщение:

Валенсия, доброго времени суток! У Вас очень красивое имя, такое же красивое, как и та очаровательная особа со жгучими рыжими волосами, языки которых разожгли в моем сердце безудержный пожар желания коснуться кончиками пальцев ваших игривых локонов. Ваш образ пленил мой разум, и кажется, что время тяжелыми кандалами замедляет нашу встречу. Но я разорву любые цепи ради возможности увидеть Вас...

*Ваш страстный поклонник Люсьен Дюжесиль.
03.04.2011 18:23*

Разве такое бывает? Мы ведь даже не знакомы, ни разу не виделись, совершенно не знаем друг друга, – думала я обо всем этом. Виртуальная любовь что ли? Скорее увлечение. Но что же ему ответить? Или не отвечать и вовсе? Я ведь замужем, и у нас ничего серьезного не может быть. Или может? Стоп.

Я была в замешательстве. Как часто со мной такое бывает. Перед глазами появляются две чаши весов, словно символ справедливости на стене в зале суда. Весы. Какая чаша перевесит?

Мы можем стать друзьями! У нас много общего, мы творческие люди, – говорил внутренний голос. Отвечу все-таки на это душевное письмо, – решила я.

Не игнорируя души желанья

*Не игнорируя души желанья,
я отвечаю строчкой на письмо,*

*и пальцы трепетным касаньем
стучат по клавишам легко.*

*Я позволяю локонов касаться
на расстоянии невидимых сетей,
и в виртуальном мире наслаждаться
огнем запрета и страстей...*

*Безымянные реальности оковы
не подвластны розовым мечтам...
в лабиринте судеб тупиковом
волю я даю своим стихам...*

*Валенсия.
03.04.2011 19:14*

Отправив это стихотворение в ответ Люсьену Дюжесиль, я продолжила разбирать электронную почту, но мысли были где-то далеко. Там где не было никого и ничего, только сказочный тропический остров, словно рай для двух влюбленных. Пенные волны, горячий песок, и беззаботная нега в объятиях сильных и одновременно нежных рук. Рук незнакомого мне человека, писателя, чей образ помутнил мой рассудок. И этот розовый туман в моей голове был мне приятен, как чудодейственный бальзам. Проблемой было лишь моё замужество, выражающееся не только кольцом на безымянном пальце. Я не могла себе позволить преступить черту верности, но я и не могла заставить себя не думать о другом мужчине, взбудоражившем мой мир.

— Валюшка, вот ты где, – резкий голос свекрови помешал моим размышлениям. – Будь так любезна, приготовь мне ромашковый чай, – и Изольда Бенедиктовна с королевским видом расселась в мягком кресле, как в троне, не хватало только короны, скипетра и державы в руках.

— Сию минуту, Изольда Бенедиктовна! – я даже играючи присела в реверансе, отчего «графиня» изобразила легкую улыбку на своем заспанном лице. – А тапочки вам не принести? Вы не замерзли?

— Да, спасибо, и от теплых тапочек я бы не отказалась, – видимо, она такая же мерзлячка, как я.

Оставив свекровь в зале, мы Елисеем пошли в кухню заваривать бабушке чай. Я включила электрочайник и засыпала в две чашечки зеленый ромашковый чай, привезенный «графиней» с Архангельска в качестве подарка (а больше она ничего не привезла, даже Елисею, наверное,

возраст уже не позволял носиться с тяжелыми чемоданами). Пока закипала вода, я разогрела малышу тарелочку манной каши с сахаром. И приготовив чай, оставила его одного ужинать.

С разносом, на котором кроме двух чашек чая я поместила нарезку сыра и баночку меда, я подходила к залу. Как вдруг, неожиданно для себя самой, я уловила приглушенный звук щелканья клавиш на ноутбуке. Неужели Изольда Бенедиктовна без разрешения шныряет по моим папкам?

Да. Открыта моя авторская страничка, и свекровь с упоением читает рецензии к моим стихотворениям.

— Зачем включили ноутбук? Кто дал вам это право? – я свекровь за преступлением застала.

— Валенсия, послушай, дорогая? Ты Паулину изменяешь? Я тут прочитала...

О, боже, «Дюжесиль» мне написал любовное посланье, а прочитала его «снежная графиня».

— Да как же так? Что вы себе здесь позволяете? Не смейте больше никогда читать чужие сообщения, чужие письма и так далее.

— Так, значит, я была права? Ты Паулину неверна.

— Изольда Бенедиктовна, у вас, как погляжу, неоспоримый дар в чужие жизни свой длинный нос без разрешения совать. Не ваше дело! Разберемся сами! Может быть, у нас свободная любовь! Решать мы сами вправе, а вы не лезьте. Хорошо?

— Да что же тут хорошего? Ты за спиной у Паулина крутишь шуры-муры, а я должна, по-твоему, молчать? Нет, дорогуша! Этого не будет? И его денег тебе тоже не видать!

— О, герцогиня, вот вам мой глубокий реверанс, но ваши подозрения несправедливы, мужу я верна! А вы бы, чем читать чужие письма, уж лучше разложили бы пасьянс. Проблем бы было меньше.

— У тебя? Так это еще цветочки! Попляшешь ты у меня еще, Валенсия Викторовна. Я тебя научу порядочности. Ты еще пожалеешь.

— Не угрожайте мне. Я вовсе не боюсь. И совесть капель горных рек моя чиста.

— Ну, пишут о любви тебе же неспроста?! Давала повод, значит, кокетка, мать твою, блудница, да чтоб мне здесь сквозь землю провалиться. Я выведу тебя на чистую воду!

— Не стоит в вашем возрасте так кипятиться! Расслабьтесь, я знаю, ледяное сердце мне растопить, как снега и зимой не допросится.

Я мышку вырвала из рук, со злобой сжатую старушкой, и отключила ноутбук.

— Валюшка!

— Изольда Бенедиктовна, по вам большая сцена плачет. Да, вы не лед — вы ограненный бриллиант.

— А ты считала, ты единственный талант?

— Я не считала, не считаю, хватит. Устроили тут пьесу по ролям.

И только звонок в дверь утихомирил нас обоих. Домой вернулся Паулин.

Две чашки чая, излучая тепло и легкий аромат, остались лежать нетронутыми на столике. А Изольда Бенедиктовна, подняв нос кверху, поторопилась встретить сына у дверей. Про тапочки я и не вспомнила тогда, все мысли были о письме. Что же он такого мне там написал? А тут еще свекровь, и Паулин пришел совсем некстати.

Как ни странно, но Изольда Бенедиктовна тогда ничего не сказала Паулину о своих подозрениях. Они спокойно сыграли две партии в шахматы, Елисей кружился вокруг них, играя со своими мягкими игрушками. А я, перебив посуду, прилегла в детской комнате, предварительно забрав из зала свой ноутбук. Недоброжелательный взгляд ничего хорошего не обещал, но бояться то мне было нечего. И я со спокойной душой и легким трепетом все-таки прочла то письмо, из-за которого «графиня» решила, что я неверная жена.

По-весеннему осенней красотой

*Безымянной реальности оковы
и меня сплетали по рукам,
но из плена в глубину простора
ускользнул, переступая грань*

*своих собственных запретов,
и вопреки сложившейся судьбе,
всей душой влюбленного поэта
вновь мечтаю тайно о весне.*

*И апрель лавандовым рассветом
разбудил безудержный огонь
в ледяном хвосте кометы,
спрятанном в сознании моем.*

*Вы, непревзойденной чародейкой
вдохновляете на написание строк,
и кричат с экрана карамельки
ваших губ, нежнейший лепесток:*

*Не зацелованная, страстная тигрица,
в душе такой же яркий огонек...
Позвольте влагой ваших губ напиться...
я и готов сгорать как мотылек*

*от жгучих языков каскадов меди,
что ниспадают огненной рекой
сквозь монитор... мой разум бредит
по-весеннему осенней красотой.*

*Я думал о Вас, Валенсия! Люсьен Дюжесиль.
03.04.2011 19:43*

По-весеннему осенней красотой! И где здесь Изольда Бенедиктовна нашла хоть один намек на наши отношения? Ничего ведь нет! Ну, если не считать миленького приятного стихотворения о «рыжеволосой чародейке с губами цвета карамельки!».

*Безымянной реальности оковы
и меня сплетали по рукам...*

Так значит, Люсьен Дюжесиль был женат, но теперь разведен. И я стала его музой! Забавно... но отвечать на этот раз я не стала. Мало ли что взбредет в голову моей свекрови. Удалив все письма, не относящиеся к работе, я так и уснула в детской комнате, не дождавшись, когда же закончится очередная партия в шахматы.

***Любовь всеильна! Нет на земле ни горя - выше кары
ее, ни счастья - выше наслаждения служить ей.
Вильям Шекспир (1564-1616).***

4 апреля 2011 год

Изольда Бенедиктовна проснулась в пять утра. Шум от журчащей воды в ванной разбудил и меня, но вставать с теплой постели я не спешила. Прикрыв глаза, я нежилась под одеялом. Внезапно я почувствовала приближение

огромной черной тени. Меня аж передернуло, когда я увидела склоняющуюся надо мной «королеву» в белой ночной рубашке, выполненной в классическом стиле, а на голове был кружевной чепчик, как у бабушки со сказки «Красная шапочка».

— Валенсия, – произнесла она еле слышно, – мне нужен уют.

— Уют? – меня это очень удивило. – Вы опаздываете на свидание? Еще рано куда-то собираться.

— Валенсия, уже шестой час, – свекровь стащила с меня одеяло, и тут я поняла, что мне не удастся понежиться и пяти минут. – Я же говорила, что сегодня православная церковь почитает священномученика Василия. Я собираюсь в церковь! – чуть ли не закричала она.

— В церковь вы точно не опоздаете.

Я достала ей уют, разложила гладильную доску, и оставила «графиню» одну гладить очередной наряд, выполненный в том же стиле, что и вчерашние два.

Утро точно нельзя было назвать добрым. Серое небо неприветливо смотрело в окна, ни один солнечный луч не мог пробиться сквозь густую пелену апрельской непогоды. И даже по дороге не проезжала ни одна маршрутка, ни один автомобиль, лишь случайные пешеходы изредка мелькали, пересекая промокший асфальт.

К тому времени, когда я аккуратно уложила рыжие волосы в улитку, закрепив их шпильками-невидимками, накрасила выразительно глаза и увлажнила губы перламутровым блеском, «её величество королева» уже облачилась в своё новое убранство. И я последовала её примеру, сменив розовый пеньюар на черную юбку ниже колена, шифоновую блузку цвета кофе, и повязала цветастый платок вокруг шеи. Дополнив образ серьгами, цепочкой и кольцами, я была готова к очередному рабочему дню. Но этот понедельник, на удивление, стал одним из лучших понедельников в моей жизни.

Еще утром мы вместе с Изольдой Бенедиктовной довольно спокойно попили кофейный напиток «Золотой корень» – секрет её молодости, как выяснилось. Она одержима целью сбережения своего здоровья, чтобы как можно дольше радовать нас своим присутствием (вот как!). По словам «графини», лев царь зверей, а женьшень царь растений, он омолаживает и укрепляет организм, а самое главное, что по вкусу этот напиток напоминает перуанский кофе, который многие считают самым вкусным в мире.

Мы не говорили ни о стихах, ни о подозрениях Изольды Бенедиктовны насчет моей верности-неверности, только о женьшене и о красных кругах вокруг солнца, едва проглядывающего из-за туч.

Паулин искоса на нас посмотрел, когда проходил мимо, направляясь в ванную комнату. Сегодня ему уж точно предстоял тяжелый понедельник, – снова подумала я, радуясь, что мне прямо сейчас можно сбежать на работу. Что я, собственно говоря, и сделала. Лишь легонько поцеловала сонного сыночка перед уходом. А с Паулином мы, естественно, и не целовались, у меня же были крашеные губы, а моему мужу не по душе неестественная красота...

Серый понедельник обещал быть обычным ничем не примечательным днем. Я, как самая ранняя пташка, была в офисе еще за несколько минут до семи утра. Включила свет, и нежные зеленоватые стены согрели меня своим теплом, источаемым из десятков ярких софитов. Разложив на столе стопки материалов для публикаций, я погрузилась в работу. В аквариуме с моим приходом оживились рыбки, и я изредка ими любовалась, поглядывая на часы.

К восьми часам офис по-настоящему оживился. Штат редакции сменил глухую тишину на приятную рабочую атмосферу. После пятиминутки все активно занялись работой по подготовке очередных заказов и номеров нашего журнала. Я же, в надежде на новое письмо от Люсьена, просмотрела электронную почту, все рецензии и комментарии к своим стихотворениям, но Дюжесиль больше ничего не написал. Стараясь выбросить его романтический образ из головы, я решила написать статью на гражданскую, а не любовную тему. Но его обворожительные глаза так и стояли передо мной.

Его глаза! Тот образ, что я придумала сама, точнее дорисовала, основываясь на единственное фото, добавленное им на сайте «Стихарь». Улыбка нежных губ, способных страстно обжигать огнем при одном только прочтении его стихов. Я влюблена в творчество «Дюжесилья»! – решила я.

Мои мысли о человеке-незнакомце не покинули меня даже в тот момент, когда в дверь кто-то постучал.

— Войдите.

И снова цветы! Необыкновенный букет в руках девушки в униформе красного цвета с эмблемой цветочного магазина «Ольфия».

— Валенсия Викторовна, это для вас, – девушка вручила мне шикарный букет, от которого не возможно было оторвать глаз.

В нем было всё: и аромат цветущих полей при серебристом лунном свете, загадка и желание, нежность и страсть. Пять альстромерий завораживали взгляд уникальной красотой лепестков, желтые хризантемы грели душу солнцем, розовые – напоминали о несбыточных мечтах, фиолетовые ирисы дополняли и без того колоритную гамму букета-ассорти, а декоративная зелень буйством сочных стеблей перемещала меня на горные луга, туда, где никто и ничто не помешало бы мне...

— Распишитесь здесь, – девушка протянула мне листок о доставке, прервав мои мысли.

— Благодарю вас, – я вернула ей подписанный бланк, но на нем я так и не нашла данных о заказчике этого умопомрачительного букетика. – А можно поинтересоваться, кто оплатил этот заказ?

— Я не могу этого знать, Валенсия Викторовна, – огорчила меня девушка. – Наш клиент не приходил лично в магазин, а делал онлайн-заказ, и я не знаю, с какого счета поступила оплата за цветы. Это не моё дело, извините. Но под упаковкой есть конвертик, может, там вы найдете ответ на ваш вопрос.

— Точно, конвертик! Спасибо!

— Всего доброго, – и девушка-посылный поспешила к двери. – До свиданья.

— До свиданья.

Дрожь от предвкушения разгадки интригующего конвертика волной пронеслась до самых кончиков пальцев. И дрожащими руками я разрывала прозрачную пленку, скрывающую в глубине восточного букета белый конвертик. Я взяла его в руки, и сердце вздрогнуло, как натянутая струна.

Кто же ты, даритель цветочной красоты?

Запретное тепло

*Не расцени вторжением без спроса,
не нарекай несдержанных эмоций
словами беспринципности...*

вопросы

глубины души неправильных пропорций

*терзают сердце кровожадным львом,
и образ жгучей страсти опьяняет,
и от запретного тепла
я ледником
стихами на бумагу в полночь таю.*

*Прости,
полночи бредил, не решаясь
настойчиво стучаться в вашу жизнь,
где солнце в прядях отражаясь,
лучами манит вас с собою увести.*

*И теми же лучами
с неба озаренье
спустилось на рассвете в тишине,
позвольте вас похитить на мгновенье,
чтоб лучик света вечно жил во мне.*

*Цветы...
им не дано сравниться с вами,
я образ ваш огнями рисовал
и возвышал звездой на пьедестале,
что выше всех заслуженных похвал.*

*Ожогами
от листьев крапивы
покрылось все сознание в минуту,
когда глазами с монитора вы
соблазну протянули свою руку...*

Ваш страстный поклонник Люсьен Дюжесиль.

Ну, кто бы это еще мог быть? Только он – Люсьен Дюжесиль! И прекрасный букет стал самым дорогим моим подарком! Нежные чувства океаном ворвались в мой разум, я ощутила умиротворение, и радость переполняла меня, выражаясь ласковой улыбкой, нисходящей с моих губ до самого вечера. Хотелось петь, вкладывая всю поэтичность своей души всего в два слова: Люсьен Дюжесиль!

Поскольку у меня была одна ваза, я, недолго думая, выбросила в урну красные розы, подаренные мужем в пятницу, и на их место поставила романтический букет, полученный от виртуального поклонника с творческой душой.

Рабочий день подходил к концу. С коридора донеслись тяжелые шаги уборщицы Мани, и без стука она лихо открыла настежь дверь, входя (как часто у неё бывает) раком, пятившись через порог, даже не соизволив повернуться ко мне лицом.

— Мария Григорьевна, а где ваше «здравствуйте»? И почему опять без стука? Сколько раз вам повторять, вы же не к себе домой врываетесь?

Тетя Маня, женщина в возрасте 52 лет уже более полугода работала у нас в редакции. За это время она показала себя хорошей уборщицей, но бестактной и невоспитанной особой. Она была вспыльчивой и нервной, иногда даже казалось, что она готова всех поубивать своей шваброй только за то, что ей «указывают, как правильно вытирать пыль на столах», чтобы потом не приходилось по полчаса искать одну бумажку, переложенную уборщицей в не ту стопку.

Сегодня на ней и вовсе лица не было. Лицо то было, конечно, но вот какое оно было – злое, как оскал у голодной волчицы. Глаза на выкате, тонкие губы поджаты, руки дрожат, как при нервном тике. Она буквально шипела, как змея, задыхаясь от переизбытка эмоций.

— Добрый вечер, – наконец-то уборщица соизволила поздороваться.

Она резко приступила к выполнению своих обязанностей, неаккуратно размахивая шваброй и что-то бормоча себе под нос. Наблюдать молча эту картину, было невозможно, и при всем моем уважении к возрасту этой женщины, я встала из-за стола и выхватила из ее рук швабру, которую она нехотя, но все-таки отпустила, грозно сверкая жгучими глазами.

— Мария Григорьевна, у вас личные проблемы? – поинтересовалась я, не сводя глаз с взбешенной уборщицы. – Может, мне сбегать в аптеку за успокоительными травами? Или вы сами успокоитесь?

Уборщицу трясло, скорее всего, от злости. А когда она увидела в урне красные розы, имеющие еще шикарный цветущий вид, её всю перекосило, и лицо, не помнившее ухода и косметики, стало белым, как мел, а губы сине-фиолетовыми. Я оглянувшись, не сразу сообразив, что же послужило причиной ухудшения состояния и без того нервной женщины.

— Да я спокойна, – зарычала она, отчего в открытую дверь на нас уставились удивленные не меньше чем я коллеги. – Я высокообразованный человек, – чуть ли не била себя в грудь уборщица, жадно хватая воздух ртом, как рыба.

– Да я ... я работала бухгалтером на металлзаводе. Я умная, интеллигентная и красивая женщина, – и слезы ручьем полились из её глаз.

– Так что с вами случилось, «умная, интеллигентная и красивая женщина»? Я могу вам чем-то помочь?

– Меня-а-а бро-о-о-сил муж, – еле выговорила Мария Григорьевна, закрывая лицо мокрыми руками.

И мне стало её жаль, но вскоре разговор принял другой оборот. Уборщица в диком припадке набросилась на меня и завалила на стол, разбросав по полу все рукописи, тексты статей, и даже ноутбук едва не упал со стола, чудом удержавшись на самом краю.

– Я ненавижу таких вертихвосток как ты, – кричала она не своим голосом. – Вы только умеете, что уводить чужих мужей, а я с высшим образованием осталась одна с двумя детьми.

– Вы ненормальная истеричка. По вам психушка плачет, – кричала я, вырываясь из её рук.

На помощь прибежали коллеги, оттаскивать от меня невменяемую уборщицу. А она злобно кидалась на всех, кричала, оскорбляла и бросалась всем, что попадалось ей под руки, пока Ирина Сергеевна, член общественного совета журнала не окатила её с ног до головы ведром холодной воды.

– А, – только и сказала уборщица, интенсивно хлопая мокрыми ресницами.

– Мария Григорьевна, сегодня был ваш последний рабочий день в нашей редакции, – строго заявила я, поправляю на себе юбку и блузку. – Вы уволены.

– С радостью, – прошипела уборщица, глядя на меня из-под лба. – Таким высокообразованным людям, как я, не место в вашей захудалой редакции, чьи журналы совершенно не пользуются спросом в кругах интеллигенции. А вы, Валенсия... я с трудом понимаю, за что вам дарят цветы. Так вы этого и не цените. Такие красивые розы... и выбросили в урну. А мне никто и никогда не дарил цветов, – слышалось уже из коридора, куда мои сотрудники насильно поволокли эту озленную женщину в депрессионном состоянии.

У меня самой от переизбытка эмоций дрожали руки. Приподнятое и романтическое настроение как рукой сняло. Часы уже показывали 15.48, а еще нужно было навести порядок в кабинете. Чем мы и занялись вдвоем с Ириной Сергеевной, обсуждая психоз уборщицы.

По дороге домой я прокручивала в мыслях слова брошенной мужем Марии Григорьевны. Я была точно уверена, что не хотела бы оказаться на её месте: одной растить двоих детей, пусть даже они уже и взрослые. А то, что бухгалтер скатился до уборщицы, при этом считая себя интеллигенцией, и вовсе не укладывалось в моей голове. По крайней мере, я бы не назвала уборщицу Маню высокообразованным человеком. Озлобленная дикарка! – и только. Высокообразованные люди не занимаются «навешиванием ярлыков» и не опускаются до подобных сцен. Уж лучше опуститься бухгалтеру до уровня уборщицы, нежели человеку до уровня волка.

Мы все люди, и если каждый, выходя из дома, будет улыбаться своему отражению в зеркале, было бы меньше негатива. А есть ли зеркало в доме Марии Григорьевны? Может, у неё и дома то своего нет. Что если муж оставил её одну ни с чем, и поэтому она такая злая на весь мир? А тут еще я уволила её с работы... Она чувствует себя обиженной, брошенной, никому не нужной, но это не оправдывает хамства и истерик на рабочем месте.

... А дома меня с нетерпением ждали сын, муж и даже свекровь выглядела приветливой. Как ни странно, за ужином Изольда Бенедиктовна уже не тархтела как заведенный будильник. И более того, она не возмущалась кошачьим запахом в коридоре. (А надо сказать, что в коридоре реально воняло, потому что кроме меня помыть горшок некому). Так в добавок ко всему «графиня» еще и угостила нашу Мурчелу сметаной (что было, на мой взгляд, удивительно). Но наша киска не захотела есть сметану, и, только лишь понюхав, ушла из кухни.

Закончив с уборкой в квартире, искупавшись, я проверила, чем занимается Паулин со своей мамой, а они опять сражались в шахматы. Елисей шумно играл одновременно и паровозиком, и машинками, и мягкими игрушками, ему (как мне показалось) было нескучно и без меня. И я включила ноутбук, чтобы проверить почту, а главное написать Люсьену слова благодарности за очень красивый букет цветов.

Таинственному поклоннику

*Букет восточной гаммой альстромерий,
ирисов, желтых хризантем и роз,
в сознание волною несравненной
интригу с восхищением принес.*

*Кто вы такой, таинственный поклонник?
Откуда столько неподдельных чувств?
Уж не под лозунгом ли "Дам угодник"
вы совершаете по списку ряд безумств?*

*К чужим замкам отмычек связку
не носите ль под балахоном невзначай,
а может жизни окольцованную сказку
вам нравиться предательством смещать?*

*Ваш образ обаятельный и смелый,
но не готова вызов я бросать судьбе,
и аккомпанементом неумелым
звучать одной струной в крошечной тьме.*

*И запах ли цветов ванильной дымкой
усладой действует на истощенный мозг
или внимание мужчины-невидимки,
чей образ безупречен и непрост?*

*Спасибо за цветов восточный аромат,
и за стихи, что в глянцевого конверте...
Но наши души, не преодолев преград,
так и останутся рисунком на мольберте.*

Валенсия. 04.04.2011 19:54

— Шах и мат! – радовалась Изольда Бенедиктовна.

Вероятно, они уже закругляются, – подумала я. Но, войдя в нашу спальню, убедилась, что Паулин с мамой вовсе не собираются ложиться так рано спать. Они с азартом готовы продолжать игру. А мы же с Елисеем, не нарушая их идиллии, пошли читать сказки народов мира перед сном.

Мне снова предстояло спать на софе в детской комнате. Устроившись поудобнее, я читала страницу за страницей, пока мой малыш не задремал у меня под боком, обнимая своего любимого коричневого песика. Позже я перенесла его в детскую авто-кровать, и, погасив свет, легла спать. Через приоткрытую дверь доносились голоса игроков, но я медленно погружалась в сон. Глаза потяжелели, и словно космическая невесомость убаюкивала меня мелодией самой лучшей на свете песни – колыбельной в исполнении самого родного человека на Земле – мамы.

Я лежала на левом боку, подложив вытянутую руку под голову, а второй рукой по привычке придерживая одеяло. Не успев ничего понять, я испытала боль и резкое движение чего-то или кого-то совсем близко. Это была кошка. Она накинулась на меня как голодная партера. Сначала вцепилась когтями в руку, и я чувствовала, как течет кровь. А когда она вонзила когти мне в лицо, я закричала, пытаюсь оторвать озверевшую Мурчелу. Кошка противно завывала, не желая выпускать когти из моей щеки. Мне ничего не оставалось делать, как с силой рвануть её вниз. Правая щека горела огнем, а кошка орала, как в предсмертных муках, и так и норовила исцарапать меня всю. Она бросалась на меня диким зверем, и я была вынуждена принять меры. Я стала душить её окровавленными руками.

Когда в комнате зажегся свет, и Паулин с Изольдой Бенедиктовной в испуге застыли в дверном проёме, проснулся Елисей, а я сидела на полу в перепачканной кровью комбинации, и в моих руках лежало бездыханной тело нашей любимицы.

— Изольда Бенедиктовна, что вы сделали с моей кошкой? – кричала во все горло, переводя взгляд со своих рук на «королеву с ледяным сердцем». – Вы отравили Мурчелу. Как вы могли?

Елисей плакал, глядя то на неподвижный серый комок шерсти, то на меня. Паулин помог мне подняться, осматривая мои раны, и только Изольда Бенедиктовна стояла не шевелясь, сложив руки в боки.

— Я вашу кошку не трогала, – ледяным голосом ответила «графиня». – Ты же сама её только что задушила.

— Она набросилась на меня, как обезумевшая. Это вы ей что-то подсыпали в сметану. Я в этом уверена.

— Не говори глупостей, Валенсия, – свекровь пыталась убедить меня в своей непричастности.

— Я сейчас проверю!

— Что ты собираешься делать? – удивленный голос Паулина летел за мной вслед.

Я бежала в кухню. Включила свет и, не раздумывая, достала мусорное ведро, высыпав все его содержимое прямо на пол. Изольда Бенедиктовна пыталась мне помешать, подтвердив тем самым мои догадки. Это она виновата в том, что кошка исцарапала мне лицо и руки.

Паулин утешал Елисея, а я перебирала обертки от конфет, очистки овощей, шкурки от колбасы, косточки и ... подозрительный пакетик с английскими надписями попался мне под руку. Изольда Бенедиктовна покраснела, затряслась.

Видимо, в этом пакетики и было то вещество, вызвавшее бешенство нашей кошки.

— Что это? Я вас спрашиваю, Изольда Бенедиктовна. Вы по-прежнему будете отрицать свою причастность к поведению Мурчелы? Она вам мешала? – я сама была взвинчена до предела, и кричала как ненормальная.

— Я хотела как лучше, – ответила свекровь без малейшего сожаления на лице.

— Как лучше? Да как вы могли? – и я заплакала, глядя в опечаленные глаза своего сына.

— Мама, идите с Елисеем в нашу спальню. Успокойте его, – Паулин выпроводил «графиню» и обнял меня, пытаясь утешить.

Щека сильно щипала от соленых слез, я коснулась кончиками пальцев лица, нащупывая царапины.

— У меня через два дня творческий вечер, а я приеду вся поцарапанная...

— Успокойся, ты все равно красивая. Замажешь лицо слоем тонального крема, пудры, очки наденешь, в конце концов. Это не самое страшное, – рассуждал муж. – А вот кошку нужно если не похоронить, то хотя бы выбросить вместе с мусором. Я этим займусь, а ты, дорогая, обработай ранки моим одеколоном, а то еще заразу какую-нибудь подцепишь.

— А может, ты мне в этом поможешь? А потом кошку отнесешь в мусорный бак, – настойчиво предложила я, и Паулин, переступая гору мусора на полу, послушно пошел в ванную комнату за своим одеколоном.

Он обработал мне ранки. Одна из них все еще кровоточила. Наверное, коготь зацепил вену. А щека до боли горела огнем. Паулин выглядел недовольным, и молчаливо ухаживал за мной, никак не комментирую поступок своей матери.

— Скажи маме, пусть приберет на кухне. Это раз. А вторых, вынесет мусор вместе с кошкой на улицу.

— Я сам.

— Нет, это сделает твоя мама. Не надо было травить нашу кошку.

— Хорошо, дорогая.

Паулин поторопился «вынести маме приговор». А я умылась и вымыла руки с мылом, посмотрела на свое исцарапанное лицо, и мне стало так неприятно, что все это произошло именно перед запланированным творческим вечером в Одессе. А главное там я встречу с Люсьеном Дюжесиль. И что он обо мне подумает? Что у меня дома

целый зоопарк? Что моя кошка такая же дикая, как её хозяйка? Или просто, что я ненормальная?

Я долго не могла уснуть. Этот случай с кошкой, еще и инцидент с уборщицей Маней не выходил из головы. Закрывая глаза, я видела злые и недовольные лица и Марии Григорьевны, и Изольды Бенедиктовны, и дикие глазища нашей Мурчелы, которую «графиня» вынесла на улицу в мусорный бак, небрежно взяв пакет двумя пальчиками в белых перчатках.

***Жизнь — либо дерзкое приключение, либо ничто.
Хелен Келлер (1880 1968).***

5 апреля 2011 год

Во вторник я, явно, встала не с той ноги. Не хотелось никуда ни собираться, ни идти, ни вставать. А Изольда Бенедиктовна, как назло опять проснулась в пять утра и гремела чашками и ложками, как будто специально. Долго игнорировать нескончаемую возню на кухне я не могла. И пришлось снова подниматься ни свет, ни заря, чтобы еще раз явиться в офис задолго до прихода сотрудников.

Отражение в зеркале меня огорчило еще больше. Пять глубоких ранок длинными полосками пересекались с еще пятью царапинами. Щека слегка припухла и отдавала синевой.

— Черт бы вас побрал, – выругалась я, отходя от зеркала и направляясь в ванную.

— Доброе утро, Валюшка, ты уже проснулась?!!

— Да с вами разве поспишь? У вас бессонница?

Свекровь точно издевалась. Она, как ни в чем не бывало, зашла за мной в ванную (мне и самой там тесно было) и пристально наблюдала, как я чищу зубы.

— Сон – это nepoзвoлитeльнaя роскошь, деточка. Чем меньше спишь, тем больше успеваешь сделать, – она так и продолжала стоять рядом.

— Вы что-то хотели? Можно мне спокойно умыться? Или вы так и будете возле меня стоять? – я наградила её недовольным взглядом и продолжила наносить круговыми движениями на лицо балансирующий гель для умывания.

— Валюшка, не злись. Ну, подумаешь: одной кошкой больше, одной кошкой меньше.

— Вы в своем уме? Дело ведь даже не в кошке и не в том, что мой ребенок уснул в расстроенных чувствах из-за того,

что видел свою любимицу мертвой и меня исцарапанной с руками в крови. Дело даже не в этом.

— А в чем же? Тебя пугают отметины на твоем лице? – и опять она надменно улыбалась. – Бог шельму метит. На меня вот почему-то ваша кошка не набросилась. Потому что она чувствовала, что я очень хороший и душевный человек. А ты, Валюшка?

— Вы? И хороший человек? Ну, да, конечно! Только душа у вас палача, безжалостного и эгоистичного человека. Вы никого вокруг не слышите и не хотите слышать, Изольда Бенедиктовна. Кусок льда вы, а не хороший душевный человек.

— А ты предательница, и не зря тебя кошка поцарапала, – прошептала она, подмигивая, прежде чем закрыть за собой дверь в ванную.

— Земля круглая!

... Одевшись, я сразу же вызвала такси, и уехала на работу, даже не выпив чашки чая...

В 8.15 на моем мобильном телефоне заиграла приятная мелодия. Кто-то соскучился, – подумала я. Но оказалась, что этот кто-то звонил либо не со своего телефона, либо это был чужой человек.

— Да, – ответила я.

— Валенсия, – послышался незнакомый голос, – благодарю вас за ваше стихотворение «*Букет восточной гаммой алыстромерий*», – и тут я сразу догадалась кто это.

— Люсьен Дюжесиль?

Он позвонил мне! Нашел мой номер телефона! Да! А этот француз настойчивый мужчина, как Александр Македонский: Пришел, увидел, победил! – мне льстило его внимание, но я и не думала, что он сможет вот так вот взять и позвонить мне. Я бы не рискнула. Но что я? Замужняя женщина, которую к тому же свекровь несправедливо обвиняет в измене.

— Можно просто Люсьен, – его чарующий голос лился так же божественно, как итальянский тенор Алессандро Сафина.

— Люсьен, – я почувствовала дрожь во всем теле, ладони стали влажными, что я чуть не выронила телефон. – Ваш букет порадовал меня, цветы и сейчас утешают меня своим нежным ароматом и разнообразием красок. Спасибо за столь неожиданный сюрприз.

— Рад стараться! Для такой очаровательной девушки все звезды с неба бросил бы к ногам! – и, не смотря на то, что я не могла видеть его лица, я чувствовала его приятную

улыбку, наслаждаясь волшебным голосом, затрагивающим каждую струнку моей душевной флейты.

— Спасибо, – мне показалось, что и вторая щека залилась румянцем. – Мне не нужны звезды. Пусть светят всем желающим ими любоваться. Мне не нужно ничего доказывать. К сожалению, я замужем.

А ведь наши супружеские отношения давно стали прохладными. И я даже представляла себя в объятьях «Дюжесия», читая его стихи. Но не могла же я сказать ему «Да! Муж не помеха, мне ничего не стоит кокетничать на стороне».

— Я понял, что вы «окольцованная птица», и ничего от вас не требую. Прошу лишь позволения оказывать вам знаки внимания. И очень надеюсь встретиться с вами лично на творческом вечере в Одессе.

Его голос имел свойство завораживать. Я не видела в нем соперника по конкурсу поэтов, только мужчину, интерес к которому рос с каждой минутой телефонного звонка, и мне самой очень хотелось взглянуть в его глаза, и утонуть в его объятьях так же сладко, как героини любовных произведений этого французского писателя.

— Я буду в Одессе уже завтра вечером, и мы обязательно встретимся, Люсьен.

— Мне остается только считать минуты до нашей встречи, Валенсия. И еще. Не думайте, что я «дамский угодник» и увлекаюсь каждой красивой женщиной. Я ценю женскую красоту, но не бегаю за каждой юбкой. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Еще бы! Вы выбираете особенных?! Вам нравятся красивые поэтессы? Я видела список ваших читательниц. Ваши произведения пользуются успехом среди женской аудитории.

— Мне нравиться вы.

— Люсьен...

— Валенсия, в моих мыслях нет желанья разрушать ваш брак, но я не могу не думать о вас. Ваши огненные волосы языками пламени сжигают мое сердце, и только серый дым моего «я» возвращает меня к реальности. И пустота, и одиночество – два ненасытных зверя терзают мою душу. Я загнан в клетку образцовой порядочности, и только благодаря вам я понял, что жизнь идет, и нельзя во всем себе отказывать, боясь осуждений.

— Вам легче говорить. Вы ведь в разводе.

— Да, вы совершенно правы, я живу один. Но я никогда раньше не осмелился бы пытаться ухаживать за замужней женщиной, считая это недопустимым.

— Люсьен, это недопустимо. Так нельзя.

— Дайте мне возможность хотя бы ненадолго совершить то, что я всегда считал запретом. Я приглашаю вас завтра вечером в кафе на набережной. Вы согласны?

— Люсьен, я не знаю. Давайте завтра вечером вы мне еще раз позвоните, и тогда поговорим о кафе, хорошо?

— Я буду думать о вас, Валенсия, вы стали моей музой. И вопреки всем преградам, наши души найдут друг друга. Я в этом уверен.

— До завтра, Люсьен.

Мне бы не хотелось прерывать наш разговор, но и продолжать было тяжело. Я чувствовала себя предательницей. Хотя я ничего преступного еще не совершила, но я думала с нежностью о другом мужчине, вместо того чтобы думать о муже.

— До завтра, Валенсия. Приятного дня!

— Спасибо, и вам также.

Люсьен первым положил трубку. В офисе было тихо, и казалось, что моё сердце стучало громче часов, висящих на стене. И я полдня летала в облаках после разговора с Люсьеном, даже не вспомнив ни на миг про Паулина.

Но он сам мне о себе напомнил. После стука в дверь он вошел в кабинет. Мой муж, представительный мужчина в новом галстуке голубого цвета с крупными снежинками. Я была больше чем уверена, что этот галстук ему выбрала его мама. Ну, кто же еще? Это только она помешана на холодных цветах.

— Паулин?

— Да, это я. А ты ждала кого-то? – он присел напротив, и сразу же обратил внимание на цветы.

— Нет. Но ты ведь должен развлекать Изольду Бенедиктовну. А ты здесь.

— Ты рано утром ушла, даже не попрощавшись. Я и не увидел, как твое лицо выглядит в дневном свете после когтей Мурчелы.

— Не напоминай мне об этом. Эта кошка оставила мне глубокие отметины. А мне завтра выезжать поездом в Одессу, потом выступать со сцены. Я одна буду такая. Надо мной все смеяться будут, обсуждать за моей спиной «кто же меня так поцарапал?».

— Не переживай, дорогая, это не самое страшное. Хотя я надеялся, что под слоем штукатурки царапины будут менее заметны.

— Спасибо, приободрил, – у меня уже и слезы были наготове политься ручьем, но я их остановила.

— Ну, не расстраивайся. Идем куда-нибудь вместе пообедаем?

— Нет, я не хочу лишний раз никому на глаза показываться. Я сегодня и на работу на такси добиралась. Так что, дорогой, обедать тебе придется с мамой. Она дома с Елисеєм? – поинтересовалась я.

— Да. Мы были в супермаркете, потом еще прошлись по магазинам. Мама купила мне этот галстук, – Паулин сделал недовольное лицо, поправляя его у воротника рубашки, видно и ему подарочек был не по нраву.

— Я заметила. Милая расцветочка, еще и со снежинками, в стиле твоей мамы.

— А я вижу, не только я дарю тебе цветы? И по какому поводу, позволь полюбопытствовать, этот букетик? – мне даже послышались нотки ревности в его словах.

— Да так, подарок от одного поэта.

— А те розы, что я...

— Они еще вчера увяли, дорогой.

— Валенсия, – Паулин встал со стула и направлялся ко мне. – Хватить работать, а? Я достаточно зарабатываю, чтобы содержать нашу семью.

— Нет, Паулин, даже не проси меня сидеть целыми днями дома. Я творческий человек мне тесно в четырех стенах. Не проси.

Мы стояли близко-близко, я слышала его дыхание, смотрела в его глаза, пытаюсь поставить себя на его место. Но между нами словно стояла стена, прозрачная, однако крепкая и непреступная, как снежная горная вершина.

— Валенсия, ты должна быть берегиней домашнего очага, больше времени уделять семье, а не разъезжать по городам, принимая участия во всех литературных конкурсах, – при этом его глаза были очень грустными.

— Я люблю свою работу, Паулин. А конкурсы в нашей стране проводятся не так уж и часто. Так что не преувеличивай, пожалуйста.

— Валенсия, – он взял меня за руки, – я хочу, чтобы у нас были еще дети. Чтобы ты занималась домом, и только по вечерам иногда писала свои статьи, стихи или романы.

— Паулин...

Я была в замешательстве. Муж планирует второй раз стать папой, а я до этого намеревалась в первый раз «наставить ему рога». Но в любом случае, пока обзаводиться вторым ребенком я не хотела.

— Валенсия, мне уже 42 года, я не мальчик, у которого еще вся жизнь впереди. У меня есть ты: красивая, умная женщина. И я не хочу терять зря время.

— У нас есть Елисей.

— Я тебя прошу, возьми хотя бы отпуск. Давай вместе съезди куда-нибудь? – он умоляюще смотрел на меня, и от его взгляда и слов, и переизбытка чувств мне стало не по себе.

Как я могу, думать о Люсьене Дюжесиль, договариваться с ним о встрече, представлять себя в его объятиях, когда у меня есть муж, ребенок, семья? Я почувствовала себя виноватой. Виноватой только за духовное предательство. К счастью, факта физической измены еще не было.

— Паулин, давай обсудим поездку на отдых после того, как я вернусь с Одессы. А пока я тебе ничего не могу обещать.

— Валенсия, я люблю тебя! Ты же знаешь, ты единственная женщина в моей жизни.

Похоже, его охватила безудержная страсть. Потому что, не смотря на перламутровый блеск на моих губах, Паулин жадно впился в мои губы долгим упорным поцелуем. И его не волновало, что теперь его губы блестели от женской помады; он как чувствовал, что может меня потерять. И старался удержать любым способом. Запретить мне работать, родить второго ребенка... все лишь бы я сидела дома в скромном халатике.

— О, Паулин...

Но он меня уже не слушал. О чем он думал, можно было только догадываться. Во всяком случае, Паулин небрежно вытер губы и, лишь бросив взгляд, быстрым шагом скрылся за дверью. Он ушел, оставив меня одну со своими плачевными мыслями. Что же мне делать? С Паулином, с Люсьеном? Чего я хочу, и как я должна поступить?..

Сквозь бронь души

*Стучать безмолвно капелькой дождя,
стекающей извилисто сквозь стекла,
сквозь бронь души, и глаз не отводя,
устала быть я пленницей свободной.*

*Прозрачной тенью тихой жаркой ночи
я опущусь пушинкой на твою кровать,
свой поцелуй горячий, между прочим,
направлю нежно в приоткрытые уста.*

*Проводишь сонно по губам ладонью,
и шорох одеяла нарушает тишину,
я облаком души, наполненным любовью,
в переизбытке чувства своего тону.*

*Ты никогда обнять меня не сможешь,
рассвет туманный образ мой испепелит,
и лишь во тьме с тобою разделяю ложе,
люблю тебя, хотя рассудок не велит.*

*Любуюсь мужеством в твоем лице,
и невесомым рук прикосновением,
не нравятся лишь блики на кольце...
другая дама окольцевала твоё сердце.*

*Сквозь бронь души ласкаю тебя смело
горячим поцелуем разжигая огоньки,
ты спишь с моей душой... а тело
обещано другому, счастьем вопреки.*

***Мужчины говорят о женщинах, что им угодно,
а женщины делают с мужчинами, что им угодно.
София Сегюр(1799 – 1874).***

6 апреля 2011 год

Поезд Донецк-Одесса убаюкивая, постукивал колесами. Паулин, повесив голову и приподняв воротник пиджака, смотрел вслед удаляющемуся составу. Я наблюдала за ним, пока фигура в строгом костюме не исчезла из вида, затерявшись в толпе провожающих. Мой муж болезненно переживал мои странствия по городам, но не препятствовал участию в конкурсах, хоть это ему и вовсе не нравилось. И в этот раз он снова отпустил меня.

В 7.28 поезд сделал остановку на станции Чаплино. Я не собиралась выходить, но все-таки поддалась искушению купить что-нибудь вкусненькое в ближайшем киоске. В воздухе пахло жареными пирожками, чебуреками и сдобными булочками. Среди сотни спящих туда-сюда людей, я заметила одно знакомое лицо. Это была уволенная мной позавчера уборщица Маня. Сгорбленная высокая и

довольно крупная женщина в каком-то очень старом пальто, залатанном как минимум несколько раз, с разноцветными пуговицами и жирными пятнами на груди, ходила с протянутой рукой. В отекавших посиневших руках трясся пластиковый стаканчик. Она обмотала голову выцветшим платком (наверно, как и пальто, доставшимся ей по наследству от её мамы или даже от бабушки), а сверху натянула черную мальчишескую шапку с надписью «Adidas». И в таком виде тетя Маня жалобно просила «подайте на пропитание бога ради». В стаканчике звонко постукивали пятаки и десюлики. Но люди шарахались от настырной грязной попрошайки, заглядывающей бесцеремонно каждому прохожему в глаза.

Я, почувствовав себя отчасти виновной в столь бедственном положении «интеллигенции» (как сама себе называет Мария Григорьевна), решила дать ей немного денег хотя бы на пирожки. Но когда наши глаза встретились, тетя Маня скривила недовольную гримасу, поморщив свой длинный армянский нос. Злобный огонек блеснул в её карих очах, и она, выпрямившись, точно как её величество Изольда Бенедиктовна, повернулась ко мне задом, и пошла прочь, специально вилия бедрами.

— Вот такая у нас интеллигенция, – сделала я вывод, провожая взглядом замарашку Маню.

... Во второй половине дня мне снова звонил Люсьен Дюжесиль. Он тоже был в дороге, и мы договорились встретиться с ним в 18.30 в центре Одессы, возле фонтана. Мой поезд по расписанию уже в 18.11 должен прибыть на одесский вокзал. И мне оставалось только ждать.

Самым страшным для меня было то, что я еще ни разу не была в Одессе, и понятия не имела где там центр, и где фонтан. И как выяснилось позже в Одессе не один фонтан, а гораздо больше, и есть даже целый курортный район с названием «Большой Фонтан». Мануил Александрович Верпиский по телефону подробно объяснил мне, что «Большой Фонтан» это часть Одессы от вокзала и до виллы «Дача Ковалевского» (3-этажное современное здание). Также я уже имела представление, что район условно делится на 16 трамвайных остановок – станций, и в районе первой станции расположено здание одесской областной администрации. А Дворец культуры студентов ОНПУ (Одесский национальный политехнический университет) был размещен недалеко от привокзальной площади, и к нему можно было быстро добраться троллейбусом №7.

Еще в поезде я и с Паулином поговорила об Одессе. Он рассказывал мне об отеле «Аркадия», что находится под седьмой станцией трамвая. По его словам пляж «Аркадия» один из самых известных одесских пляжей, где двадцать лет назад он весело проводил время в каком-то дорогом ночном клубе. А вот я кроме громкого названия Дерибасовской улицы об Одессе мало чего знала, и с легкостью могла бы там заблудиться.

Моросил дождик. Мелкий, но колючий. Словно тысячи иголочек впивались в кожу лица и рук. А я невольно любовалась красотой железнодорожного вокзала, словно не замечая серости погоды. Вокзал, как лицо Одессы, был чистым, выкрашенным, а на верху развивался желто-голубой флаг, напоминая, что я все еще на родине.

На часах было 18.00, поезд прибыл на удивление быстро. По-хорошему, я бы хотела сначала снять номер в одной из гостиниц, чтобы оставить там тяжелую сумку с вещами и освежиться перед свиданием с Люсьеном. Но времени было мало, и я уже размышляла над тем, где искать тот фонтан, о котором говорил поэт «Дюжесиль».

Моя ты сказка

*Чужие высокие стены
и город угрюмо молчит,
а сверху серое небо
дождем совершает визит.*

*Сердце безумно стучится,
у меня всего полчаса,
и я как уставшая птица
подняться хочу в небеса.*

Ах, если бы я могла взлететь птицей, и посмотреть свысока на Одессу, чтобы найти то место, где мы условились встретиться, – думала я, поглядывая то на часы, то на безлюдные улицы. И куда подевались все жители? Может, я иду не в том направлении? Где же здесь остановка хоть автобуса, хоть трамвая, хоть чего-нибудь?

*Не зная названия улиц,
как мне разыскать тебя?
И я с головой окунулась
в кричащую боль дождя.*

Шел дождь. Такой холодный и неприветливый. А я продолжала путь по прямой от вокзала к центру, как мне казалось. Я должна была найти фонтан на Дерибасовской, но мне и спросить было не у кого, в правильном ли направлении я двигаюсь. По пустынным тротуарам не бродила ни одна живая душа. Дождь становился сильнее, и я достала зонт, не прекращая шагать на встречу со своей мечтой. Где же ты, Люсьен Дюжесиль, – повторяла я про себя. Остановившись и оглядевшись по сторонам, я почувствовала, что начинаю очень сильно нервничать. Незнакомый город, еще и в такую мокрую погоду, казался таким чужим, что я невольно вспомнила свой родной город, родной поселок, где я росла и знала каждое дерево и каждый камень на дороге. Я продолжила путь.

Нет, так можно бродить до утра, – думала я. Нужно что-то предпринимать. Но что? Позвонить Люсьену? А почему он мне не позвонил? Наверное, он ждет меня где-то у фонтана...

*Набирая заученный номер,
пытаюсь понять, где же я,
и пусть в этом ты не виновен,
но я тебя не нашла.*

*И нежный голос мне вторит,
«Я жду тебя под дождем»,
и сердца лиловые зори
горят золотым октябрем.*

*«Ты памятник Ленину видишь?»
И сердце стучится сильнее,
Я скоро тебя увижу,
поют мне слезинки дождей.*

Каменный Ленин в промокшем плаще издали возвышался на пьедестале. Люсьен сказал, ждать его возле Ленина и никуда не отходить, он скоро будет.

Парк был жутковатым местечком, во всяком случае, центр Одессы я представляла иначе. Голые деревья уныло клонились к земле, пахло болотом, и никого нигде не было. Куда же я пришла? Неужели я полчаса шла не в том направлении? Радовало только то, что теперь Люсьен будет искать меня, а не я его. И я поспешила по лужам к памятнику Владимиру Ильичу.

*Опять каблучки утопают
в лужах бушующих вод,
я о тебе мечтаю... мой
нежный спасательный плот.*

*Последние капельки с зонта
упали на мокрый асфальт,
на линии личного фронта
печально стонет мой альт.*

*Томлюсь я в ожидании,
а стрелки все бегут,
и тишина с молчанием
огнем мне душу жгут.*

Где же ты? Надо же, здесь есть люди, – подумала я, обнаружив, что кроме меня в этом скучном месте еще кто-то прогуливается. Черную дорожную сумку я поставила у ног, сложила промокший зонт, и бросила сверху. Поправила прическу, достав кошелек с вложенным в него зеркальцем. Неприятно было осознавать, что дождь испортил всю укладку, волосы бесформенно спадали на плечи, еще и поцарапанная щека бросалась в глаза. А мне бы хотелось показаться Люсьену еще красивее, чем на фотографии. Но сегодня у меня это точно не получится. И зачем я здесь? Чтобы убедиться, что у Люсьена Дюжесиль и тело и душа прекрасны!

*А вот и ты! и бешено
сердце камнем вниз
падает под ноги мне
в дождя холодный бриз.*

*Теперь я бессердечная,
как статуя стою,
у пьедестала Ленина
мгновенья тороплю.*

*Как сладкий сон, видением
вальс свой Мендельсон
осколками свечения
играет в унисон.*

В груди безудержно барабанило сердце, я любовалась Люсьеном издали, обращая внимание на его легкую ровную

походку, черные брюки с наглаженными стрелками, остроносые туфли, классный пиджак нараспашку, и бледно-розовую рубашку, как раз такую, как мне нравится. А его лицо?!! Короткая стрижка, светлые волосы, слегка промокшие от дождя, гладко выбрит. Он еще молод, и светится внутренним светом!

Я стояла не шевелясь, меня словно парализовало от волнения, ноги потяжелели, став как свинцовые гири, а он уже совсем близко. Его глаза! Серо-голубые, красивые! Губы чувственные! Невесомая улыбка! Вот он – мой запрет! На расстоянии вытянутой руки.

— Валенсия? – его бархатный голос услада моим ушам.

— Люсьен!

Его руки нежно охватили мои ладони. Я и не успела больше ничего сказать, как он поднес мои пальцы к своим горячим губам, и, гипнотизируя взглядом, поцеловал каждый пальчик, не задерживая внимания на французском маникюре, сделанном специально по поводу этой встречи даже больше, чем из-за творческого вечера, который состоится завтра во дворце культуры студентов ОНПУ. Я не хотела отрываться от его глаз. Мне казалось, я читаю по глазам все его прошлое. И в то же время, было такое чувство, будто мы знаем друг друга целую вечность.

— Позвольте, – и, не дожидаясь ответа, он уже страстно целовал меня в губы.

И мне было совсем неважно, кто и что обо мне подумает. И я не думала ни о чем и ни о ком. Лишь наслаждалась нахлынувшим океаном страстей. Казалось, во мне закипает кровь, стало жарко, а его страстные губы не хотели меня отпускать. И я поддалась, позволив целовать себя под открытым небом, на глазах у прохожих зевак чужого города. И эти минуты незабываемы! А ведь если подумать, это была первая наша встреча, и первый поцелуй с незнакомцем вопреки понятиям о супружеской верности.

*От глаз не оторваться,
по ним читаю жизнь...
и все забыла... только
губы в единое слились.*

*Не важно, что подумают,
я знаю все сама:
муж жену прилюдно
не поцелует никогда.*

*А мы и не любовники,
знакомы лишь едва,
зато в два наших сердце
вошла одна стрела.*

*И руки аккуратно
на талию легли,
мы в аромате сладком
сорвались от земли.*

*Я бы с тобой летела
в заоблачную даль,
душой своей и телом
я стерла бы печаль.*

*В твоих ладонях сердце
трепещет от любви,
короткие мгновенья
на чувства нам даны...*

— Валенсия, вы очаровательны! – его руки приподняли мой подбородок, и наши губы, словно сами искали друг друга, вновь слились в поцелуе.

— И не смотря на дождь и царапины на щеке? – я вдруг с ужасом вспомнила о своем внешнем виде. – Вы ведь ожидали увидеть меня другой?

— Царапины, – Люсьен нежно поцеловал меня в щечку, – у меня такие же, но на сердце. Меня терзали сомнения и угрызения совести из-за моих чувств и растущего влечения к вам, прекрасная Валенсия. А вас поцарапала всего лишь кошка, это скоро пройдет, вот увидите. А раны на сердце могут напоминать о себе вечно.

— О, Люсьен, вы такой... Романтичный!

*Теперь ты не картинка,
я встретила тебя,
чужая половинка,
сегодня ты моя.*

*Точнее мой, и вечер
культурно проведем,
а, насладившись встречей,
уснем с тобой вдвоем.*

*Моя ты сказка и реальность,
мой сон и бытие,
и двух сердец одна тональность
связала нас с тобой в одно!*

Я поймала себя на мысли, что готова сегодня на настоящие безумства, и даже на секунду пожалела мужа, но тут же переключила свое внимание на волшебного принца, стоящего рядом. Решено: пока я в Одессе, я не упущу возможности любить, желать и быть любимой и желанной. И пусть мы больше никогда-никогда не встретимся, но я запомню каждый миг, проведенный в этом городе, и эти воспоминания будут согревать меня даже в самые холодные дни: и в снег, и в дождь.

— Валенсия, я тронут вашими словами. Идемте, – он с легкостью подхватил мою сумку и перекинул её через плечо. – А вы знаете, Валенсия, что мы ведь сейчас не в центре. Вы пошли от вокзала налево, а нужно было вперед, и только вперед.

— Да!? То-то я смотрю, здесь почти и людей нет. Я так и знала, что обязательно заблужусь. Я вообще плохо ориентируюсь, к тому же в чужом городе.

Мы держались за руки и медленно шли по аллее. Над нами расходились тучи, и голубое небо околдовывало своей чистотой.

— А я уже неоднократно бывал в Одессе, прогуливался по Молдаванке, кстати, вы этот район прошли во время своего мини-путешествия к заброшенному парку, в то время как я ждал вас у фонтана в городском саду.

— Простите, если бы у меня была карта, я бы точно не заблудилась, – и мы снова встретились глазами, Люсьен улыбался мне также обворожительно, как и Алессандро Сафина, целуя руку Елизаветы II.

— Ничего страшного, главное, что мы все-таки встретились, – его рука легонько сжимала мою ладонь.

— Да! А городской сад недалеко? После моего звонка вы быстро нашли меня.

— Городской сад расположен в центре города, на улице Дерибасовской. Я думал вы знаете, куда идти. Мне надо было встретить вас прямо на вокзале. Это моё упущение, милая Валенсия.

— Люсьен, вы такой галантный!

— Как только вы сказали о Ленине, я сразу понял, где вас искать, и на первой же маршрутке приехал. Мы и сейчас можем не идти пешком.

— Не надо, давайте прогуляемся по Одессе. Это так приятно. Уже зажгли фонари, город преображается!

— А если бы вы увидели музыкальный фонтан! Он необычайно красив, как и вы, Валенсия Викторовна.

— Вы мне льстите.

— Ну что вы? Это чистой воды правда.

Тогда я была на седьмом небе от счастья. А осознание морального преступления добавляло особую изюминку тому незабываемому вечеру в Одессе.

— А где вы остановились, Люсьен?

— В гостинице «Пассаж», недалеко от городского сада, на пересечении Дерибасовской и Преображенской улиц. Я снял номер-люкс на втором этаже, так что с радостью мог бы разделить его с вами, если вы не сочтете это бестактностью, – последовало не совсем приличное предложение.

— Надеюсь, в «Пассаже» найдется свободный номер и для меня, Люсьен, иначе мне придется остановиться в другой гостинице (не могла же я открыто заявить, что с радостью разделю с ним номер).

— Я уверен, что и для вас найдется номер. И не обижайтесь, если я был с вами слишком откровенен, – его виноватый взгляд вызывал улыбку. «Какой ты милый, Люсьен Дюжесиль», – думала я, не произнося лишних слов.

— Какие красивые дома! – я сменила тему разговора.

— Мы приближаемся к гостинице по праву являющейся одним из самых красивых зданий города!

— Точно!

Перед глазами, словно из далекого прошлого появилось желтое четырехэтажное здание с уникальной архитектурой и лепниной ручной работы. Фигурные балконы третьего и четвертого этажей были выполнены в классическом стиле. Сколько же серенад было под ними спето?! Фасады были богато декорированы скульптурными формами. А на первом этаже были и магазинчики с сувенирами, подарками, ювелирный салон, кафе и супермаркет. История тесно переплеталась с современностью.

— Верхние этажи и есть сама гостиница. Вам здесь понравится!

— Мне здесь уже нравится!

Когда мы вошли внутрь, я остановилась, внимательно рассматривая роскошь огромного зала под высоким стеклянным потолком. Колоны, колоны, статуи с поднятыми руками, красота, достойная царского дворца!

... Администратор гостиницы любезно выдала мне ключи от двухкомнатного номера высшей категории (со всеми

удобствами: туалет, ванная, телевизор, холодильник, телефон и, конечно же, мебель). На лифте мы вместе с Люсьеном поднялись на четвертый этаж. Наши номера были рядом. За 15 минут я должна была успеть принять душ, сделать укладку феном и накраситься, чтобы выглядеть подобающим образом для ужина в одном из лучших ресторанов Одессы, куда Люсьен Дюжесиль меня любезно пригласил.

Последним штрихом была капелька любимых духов «Тьерри Кюри Ангел». Флакон в виде звездочки невольно напомнил мне о муже. Это был его подарок. Я тут же вспомнила о Елисее, и, как оказалось, дома тоже думали обо мне. Зазвонил телефон в тот самый момент, когда и кто-то постучал в дверь.

— Люсьен, дайте мне еще две минуты, – я показала ему неугомонный телефон, как только открыла дверь.

— Безусловно, Валенсия, – я заметила его скользящий взгляд по моей блузке, он подмигнул мне. – Я буду ждать вас внизу у лифта.

— Окей, Люсьен, только две минуты.

Телефон умолк, и я сама набрала номер Паулина.

— Алло, ты, почему не отвечаешь? – он был явно недоволен.

— Я была в ванной. Не переживай, я остановилась в «Пассаже», очень хорошая гостиница. И комфортно, и доступно!

— Мы уже скучаем без тебя, Елисей хотел с тобой поговорить, – по голосу я поняла, что Паулин уже далеко не в трезвом состоянии.

— Ты пил?

— Ну что за вопросы? Какая разница, пил я или не пил? Ты уехала в Одессу, а я что не имею права выпить 100 грамм с друзьями?

— Дай мне поговорить с сыном.

— Елисее-е-ей, – послышалось в трубку, – беги сюда, мама звонит. «Мамичка, ты скола вилнешся?» – это был мой любимый маленький мальчик.

— Скоро, моё солнышко, скоро! А пока меня нет, слушай папу и бабушку. Договорились?

— «Халасо, Мамичка, я тебя люблю! Призай скорей!»

— Я тоже тебя люблю. Пока, моё солнышко. Я завтра утром тебе позвоню. Цём-цём! Дай папе трубочку, – я хотела еще поговорить с мужем.

— Папа спит.

— А? Так быстро? Все ясно, Елисейка. А бабушка что делает?

— «Читала книжку».

— Ясненько, Елисейка, ложись и ты спать. И пусть тебе приснится самый красивый яркий сон! Целую тебя!

— «Цём-цём! Мамичка!»

— Цём-цём! – и я положила трубку.

... Внизу меня ждал мой сказочный принц – мужчина в возрасте за 30-цать в черном костюме и розовой рубашке. Мы смотрели друг на друга, словно кроме нас больше не было никого в целом мире. Но это оказалось не так. Как только Люсьен протянул мне руку, и я хотела сделать тоже самое, звонкий женский голос окликнул меня по имени.

— Валенсия, как тесен мир!

Я вмиг собралась с мыслями. И кто бы мог подумать, что здесь, на другом конце страны я встречу кого-то из знакомых?

— Ирина, это ты!? – хотя сомнения развеялись, как утренний туман, едва я взглянула в лицо окликнувшей меня одноклассницы.

— Ну, а кто же еще! – Ира, улыбаясь, провела нескромным взглядом по моему спутнику

Люсьен спокойно за нами наблюдал, но вот мне было неловко, что меня (можно сказать) застали в чужом городе с чужим мужчиной.

— Познакомься, это Люсьен Дюжесиль, писатель, поэт. Мы коллеги, – добавила я, – завтра во дворце культуры студентов ОНПУ состоится литературное мероприятие. Вот писатели и приехали в Одессу со всех уголков Украины, и даже России. И мы в том числе.

— Очень приятно, Люсьен. Я Ирина.

— Приятно познакомиться, Ирина, – Люсьен был сдержан, даже серьезен, безукоризненно элегантен, истинный джентльмен! Только ручки он ей не целовал, и я это одобрила легким кивком головы.

— Валенсия, а Паулина ты дома оставила?

— Само собой, Ирочка, он и творчество – два несовместимых понятия!

— И правильно сделала! С таким коллегой о муже и вспоминать не нужно! – Ира мне подмигнула, словно видела меня насквозь.

— Не вводи в краску Люсьена, он очень правильный и порядочный человек, – но Ира меня даже не слушала.

— И вы идете, на ночь глядя, прогуляться по Одессе исключительно в целях подготовки к завтрашнему выступлению?!! – она специально меня подкалывала.

— Типа того! А ты надолго здесь?

— Нет, поезд Одесса-Мариуполь отправляется завтра в 14.00, и я возвращаюсь домой. Я приезжала по вопросам наследства, мой дядя Ваня завещал мне домик в районе Мельницы, – Ира тяжело вздохнула, и прежнее веселое лицо помрачнело. – Здесь ремонт идет, а там родителей одних бросить не могу. Вот и разрываюсь между Одессой и Мариуполем. Так что, к сожалению, не смогу соприсутствовать на вашем творческом вечере. А мне бы очень этого хотелось. Но если в первой половине дня ты будешь свободна, я с удовольствием выпью с тобой по чашечке чая, и поговорим!

— Хорошо, я утром к тебе зайду. Ты в каком номере?

— Девятый! Приятного вечера!

— Спасибо.

А вечер был и вправду приятным! Сначала мы прогулялись по Дерибасовской. Здесь совсем не ездили машины, и было многолюдно. Сотни прохожих не спеша, совершали вечернюю прогулку по выложенной брусчаткой дороге. Горели фонари, неоновые рекламы, Одесса буквально утопала в блеске ночных огней. Пахло весной, на деревьях зеленела молодая листва, а с городского сада доносилась негромкая классическая мелодия музыкального фонтана.

Все это время мы держались за руки, словно боялись потерять друг друга в суматохе эмоционально возбужденных туристов. На Дерибасовской было столько кафе, ресторанов, но Люсьен привел меня в «Иокогама» – излюбленное место пребывания любителей японской кухни. На стенах светлого просторного зала были развешены картины восточных мотивов: буддийские храмы, монахи, пейзажи с изображением цветущей сакуры, символизирующей Японию. А самым впечатляющим был настоящий водопад посреди зала, а в его бассейне плавали разноцветные рыбки. Это были декоративные пестрые карпы Кои. Вежливый официант с улыбкой встретил нас и пригласил за свободный столик у огромного окна, через которое можно было любоваться яркими красками ночной Одессы.

Я не очень любила бывать в восточных ресторанах, поскольку ложками там не пользуются, и твердую пищу нужно есть хаси (палочками). Мой романтический кавалер предложил мне сделать заказ, но я лишь мельком взглянув

на незнакомые названия, поняла, что будет лучше, если Люсьен закажет ужин на свое усмотрение.

Мы успели поделиться впечатлениями, пока нам принесли заказ, а это были и роллы с лососем «Сяке маки», искусно разложенные шесть кусочков на большой квадратной тарелке, приправленные соевым соусом с васаби, и крабы с зеленым салатом, и какой-то неаппетитный суп, и две глиняные пиалы с теплым sake. Я чувствовала себя в этом ресторане белой вороной. Передо мной стояла глубокая тарелка с супом-пюре, и мне, как русскому человеку, было непривычно пить суп прямо с тарелки, хотя все именно так и делали, и Люсьен тоже. Я повторяла за ним. В супе точно присутствовал картофель и бульон с неразличимым набором восточных специй, но в любом случае домашний суп вкуснее (по-моему).

Мы меньше чем за полчаса опустошили тарелочки, пиалы, вот только заставить себя допить теплый и противный sake, я не смогла. А Люсьен свою порцию выпил и даже не скривился. Его глаза горели ярче ночной Одессы, и в них я видела желание и восхищение. Я даже забыла о случае с кошкой. Рядом с ним я чувствовала себя предметом обожания, принцессой в жарких объятиях рыцаря на белом коне.

— А не прогуляться ли нам по приморскому бульвару? Там очень красиво, Валенсия, – Люсьен встал из-за стола, доставая портмоне из бокового кармана. – Официант, счет, пожалуйста!

— С удовольствием, – я только потянула за молнию на сумочке, как его рука тут же остановила меня.

— Что вы делаете, Валенсия? – его рука уже лежала на моей талии, и я ощущала горячее дыхание кожей.

— Я хотела достать кошелек, и оплатить половину счета, – честно призналась я.

— И вы думали, я позволю вам это сделать?

— Гм, – официант уже был рядом, – вот ваш счет, пожалуйста, – исписанный листок аккуратно был положен на край стола.

Сумма была немалой, но Люсьен сам расплатился, оставив щедрые чаевые. А потом нас ожидала волшебная прогулка по историческим достопримечательностям Одессы. Почему волшебная? Потому что к памятнику Дюку де Ришелье, одному из основателей города, мы добирались на карете. Тройка лошадей неторопливо удалялась с Дерибасовской к приморскому бульвару. Как же в такой обстановке не почувствовать себя принцессой?! А главное, у нас впереди

была еще целая ночь, потом день и еще одна ночь. Мне повезло больше, чем Золушке. И когда было без пяти минут двенадцать, я никуда не спешила.

Сонные деревья переливались неоновыми огнями гирлянд, как в новогодний праздник. Бульвар был необычайно красивым и романтичным местом. Именно там, рядом со знаменитой Потемкинской лестницей, где можно было полюбоваться красотами Одессы с фуникулера, Люсьен предложил мне встретиться снова здесь ровно через месяц.

— Я не знаю, смогу ли я, – в этот превосходный момент я вспомнила о муже и о его просьбах бросить работу или хотя бы съездить с ним в отпуск, и это немного омрачало.

— Главное, очень сильно чего-то захотеть.

Его губы были близко. Мы стояли под высокими столетними кленами, мерцающими огнями разноцветных гирлянд, и целовались, и только луна подглядывала за нами свысока, потому что прохожих становилось все меньше и меньше.

Мы еще долго бродили по ночной Одессе. Великолепный вид на Черное море вызывал бурю эмоций. Корабли морского вокзала в отблесках света выглядели сногшибательно. Большие и светящиеся! Экспозиция Якорей, памятников, греческая церковь: было столько всего нового, а главное – со мной был замечательный мужчина, который показал мне если не все, то почти все достопримечательности Одессы. И Воронцовский дворец, и тещин мост или МОСТ ЛЮБВИ! Ограда моста была увешена тоннами замочков, символизирующих прочность отношений.

— А почему именно тещин мост? – удивилась я, когда Люсьен сказал мне его первое название.

— Наверно, потому что на ветру мост очень сильно раскачивается и болтается, как тещин язык! – Люсьен засмеялся. – Пойдем, я покажу тебе еще один мостик, его называют мостом поцелуев!

Мы долго шли, обнявшись по узкому и длинному мосту любви. Люсьен немного рассказал мне о своей семье. О том, что рос до девяти лет во Франции. Его родной город Страсбург – столица северо-восточного региона Эльзас. Оттуда родом его отец Пьер Дюжесиль. А его мама родом из Житомира. После ранней смерти мужа в результате осложнений гриппа, Ольга Дюжесиль вернулась на родину вместе с сыном, распродав всё имущество во Франции. Это позволило ей жить безбедно и выучить сына в киевском национальном университете имени Т.Шевченко. А вскоре

Люсьен Дюжесиль стал деканом географического факультета того же университета.

На другой стороне моста Люви, Люсьен показал мне древний колодец и маленький горбатый мостик. Ничего сверх естественного этот мостик собой не представлял, если не считать романтического названия. Под мостом тянулась железная дорога, напоминая о том, что я здесь всего лишь гостя.

Шумело море, и лунный свет отражался в его колышущихся волнах. Люсьен шептал мне на ухо комплименты, а над мостом горела полная луна. Мы были одни. Отдаленные голоса ночных прогуливающихся стихли, и только прибрежный ветер неумоимо продолжал петь нам симфонию запретной любви.

Холодные ладони Люсьена робко проскользнули под тонкую ткань блузки, и сразу мурашки пробежались по всему телу, в то время как жар поцелуя согревал меня, как никогда. В его объятиях мне было и холодно, и жарко одновременно. От переизбытка эмоций кружилась голова, хотелось остановиться и отдышаться, но губы сами искали тепла и страсти. Мой кожаный пиджачок вместе с блузкой неумоимо спускался вниз, и Люсьен, не жалея брюк, опустился на колени, осторожно расстегивая последние пуговички. Он, как застенчивый студент медленно убрал бретельки бюстгалтера, не прекращая ни на мгновения поглаживать согревшимися ладошками бледную кожу. Его влажные губы покрывали поцелуями открытые плечи, грудь и изгибы талии. Я была в восторге. Мои руки тоже не просто грелись на широкой спине Люсьена. В порыве страсти, я резким движением коснулась его горячего тела. Необузданное влечение лишило нас рассудка, и лишь когда мост оказался над нами и от луны остался только приглушенный свет, я поняла что лежу на сырой земле, а вместо звезд надо мной горят глаза желанного мужчины.

И не было никаких фальшивых признаний в любви, я и не ждала этих слов. Но было нечто большее – неподдельные чувства, заставляющие разум отключиться и довериться сердцу. Тишина апрельской ночи, нарушаемая срывающимся дыханием, нежность пальцев и трепет в груди стали лучшим подарком для души, истосковавшейся по настоящей мужской ласке. Я не думала ни о расставании, ни о продолжении нашего романа. Я жила теми прекрасными мгновениями, той одесской сказкой, прекрасным сном, лишь предполагая, что наступит то время, когда мне нужно будет проснуться, возвращаясь домой – в серый скучный мир, лишенный

долгих поцелуев, нежных объятий, комплиментов и похвал. Хотя, я точно знала, что никогда не забуду Люсьена Дюжесиль, разве что в результате старческого склероза.

Отпусти, не мучай

*Мелодией печально сердце в тишине
стонет нелегально в черной пустоте,
Кандалы запрета тяжестью цепей
приковали к лету стужу зимних дней*

*Я белыми снегами, ты языком огня
запреты нарушали, любовь свою храня.
Отпусти, не мучай, оковы разорви...
Какой тяжелый случай сохнуть от любви.*

*Я не имею права требовать забыть
спокойствием удава чувства истребить.
Отпусти рабыней неземной любви,
солнечной богиней с инеем в груди.*

*Снежную метелью я еще вернусь,
вопреки забвенью снегом улыбнусь,
и под ноги лягу белым полотном,
строчкой на бумагу в творчестве твоём.*

Дорога в гостиницу оказалась утомительной. Была уже глубокая ночь, Одесса спала, и мне тоже хотелось как можно скорее улечься под теплым одеялом. Я без особого воодушевления рассматривала архитектуру города, Люсьен же (как мне казалось) был еще полон сил и энергии. Он постоянно что-то рассказывал: то о пушке фрегата «Тигр», то о памятнике Пушкину, то о здании городской думы.

— Завтра сходим сюда полюбоваться светомузыкальным представлением? – нежным завораживающим голосом спросил Люсьен.

Мы приближались к Городскому саду, блистающему отремонтированными фасадами. В ярком освещении фонарей было видно, что не так давно были заменены все коммуникации. Чаша фонтана, облицованная мрамором, красовалась за живописными металлическими решетками, за которыми шумно поднимались и падали струи воды, а их я насчитала 13. Но вода не светилась разноцветными красками, так как было уже поздно.

— Да, конечно, давай завтра посмотрим и на этот фонтан. Ты здесь меня ждал сегодня?

— Да, моя муза! И я готов ждать тебя снова и снова! – Люсьен был очень милым, и я понимала, что любая женщина хотела бы хоть раз почувствовать себя предметом его обожания, как я этой ночью.

— Ну что вы, Люсьен... – что я могла ему ответить? Что у наших отношений не будет продолжения? Что я им играю от скуки? Что я считаю, что изменять некрасиво? Или сказать, что он лучший мужчина во всем мире, и я бы и сама хотела верить, что мы еще обязательно увидимся?

— Валенсия, вы настолько загадочная девушка, – мы остановились и смотрели друг другу в глаза. – Порой мне кажется, что вы никогда не впадаете в панику и не делаете ничего наспех, настолько вы спокойны и невозмутимы, но в тоже время вы способны и на смелые подвиги. Ваша сдержанность граничит с безрассудством и бурным темпераментом. Мне остается только восхищаться вами и надеяться, что вы...

— Давай окончательно перейдем на «ты»! Извини, что перебила, продолжай, мне интересно, какой ты меня видишь, зная меня совсем недолго.

— Валенсия, я вижу в тебе и уверенную женщину, прочно стоящую на ногах и не желающую тратить время на строительство воздушных замков, и романтическую леди, еще способную мечтать и видеть мир в розовых красках. Я почувствовал, насколько велика твоя потребность в нежности и ласке, как важны для тебя внешние проявления любви. А главное, я понял, что у меня есть шанс завоевать твое сердце окончательно – навсегда!

— Что? – я была удивлена. Оказывается, Люсьен верит в продолжение нашего романа.

— Я не хочу расставаться с тобой. Я знаю, ты замужем и переживаешь из-за своих внутренних убеждений о супружеской неверности. Но, по-моему, ты несчастлива в браке. Я прав? (Люсьен был как никогда очень серьезен, может, даже расстроен, и мне не хотелось, чтобы он грустил из-за меня.)

— Люсьен, да, у нас с мужем не все гладко. Но...

— Я тебя не тороплю, позволь лишь надеяться, что наши отношения не закончатся прогулками по Одессе.

— Только прогулками наши отношения точно не закончатся! – я тонко намекнула на любовную сцену под мостом Поцелуев.

Его нежные губы снова приблизились. Прежде чем поцеловать, Люсьен заботливо убрал с моего лица волосы растрепанные поднявшимся ветром. Одна его рука продолжала играть моими волосами, а вторая страстно прижимала к себе.

— Уже поздно, — нехотя я оторвалась от его губ. — У нас завтра конкурсная программа.

— Да, Валенсия, и нам нужно поспать хотя бы несколько часов, — с нотками легкого сожаления в голосе произнес Люсьен, беря меня за руку.

В лифте мы стояли, обнявшись, я прижалась к его сильному плечу и едва не засыпала, от нахлынувшего спокойствия и усталости после прекрасного и утомительного променада. В холле никого не было, все уже давно смотрели сны. У двери моего номера мы задержались, но только на минутку, чтобы договориться о времени нашего совместного завтрака, перед тем как отправиться во дворец культуры. Как истинный джентльмен, Люсьен поблагодарил меня за «столь чудесный вечер», и вновь покрыл горячими поцелуями мои замерзшие руки.

Я закрыла за собой дверь, прислушиваясь к отдаляющимся шагам мужчины, способного устраивать бурю в спокойном океане моей души. Как только щелкнул замок двери его номера, я, облегчено вздохнув, прежде чем лечь спать, поторопилась смыть с себя остатки макияжа...

***...Измена и предательство немыслимый барьер,
преодоленный сгоряча в ночном дурмане
моих фантазий, утонувших в нежности твоей...***

7 апреля 2011 год

Утром казалось, что я только-только прилегла в холодную постель, а уже во всю светило солнце, и стук в дверь заставил меня встать, так окончательно и не проснувшись. В коротеньких шортиках и кружевной майке я осторожно приоткрыла дверь, чтобы не выставлять напоказ все прелести полураздетой фигуры.

За дверью была Ирина, моя одноклассница, по большому совпадению остановившаяся в этой же гостинице. Видимо ей не терпелось поговорить со мной, раз она не дождалась пока я, как обещала, зайду за ней.

Я завела её в номер и усадила в кресло. И пока я приводила себя в порядок, Ира рассказывала мне в подробностях о своих планах на ближайшее будущее. А именно о переезде в Одессу, о доме и земельном участке

размером в 5 соток, о новой крыше, металлопластиковых окнах, бронированной двери, о необходимости менять электропроводку, трубопровод и т.д. Когда я вышла с ванной комнаты, Ира уже вырывала с блокнота листочек с записанным её новым номером телефона и одесским адресом дома, доставшегося ей в наследство.

— Буду ждать тебя в гости, Валенсия! Все равно ведь летом куда-то поедешь отдыхать, так почему бы ни ко мне? – с этими слова она протянула мне исписанный листочек бумаги.

— 099-09-09-099, – совсем несложный для запоминания номер, – Одесса, Ближние мельницы, улица Ивана и Юрия Липы, дом № 9 – прочитала я.

— Улица, названная в честь творческих людей!

— Отец и сын, Иван и Юрий Липа, писатели, поэты и государственные деятели! – продолжила я.

— Совершенно верно, Валенсия! – Ирина интригуяще улыбнулась. – Ты сегодня решила совсем свести с ума своего коллегу Люсьена Дюжесиль? Я заметила, как он поедал тебя глазами вчера. А этот багровый костюм с осенними нотками кленовых листьев, еще и в сочетании с твоими огненными волосами окончательно вскружат ему голову! – ох уж эта Ира, подруга-экстрасенс!

— Ничего от тебя прямо-таки не скроешь, Ирина Николаевна! Скажи же: Люсьен, на твой взгляд, действительно, необычайно восхитительный мужчина?! – я присела напротив, аккуратно расправляя юбку.

— Не то слово! Эталон мужской красоты, а если он еще и стихи писать умеет, так ему и вовсе цены нет! – хихикнула подружка.

— Да, перед таким мужчиной тяжело устоять!

— А как же Паулин? У вас свободная любовь?

— Свободная или несвободная, какая разница? По-моему и любви то уже нет, осталась одна привычка, – честно призналась я.

— Вот как бывает?! Очень жаль.

— А как у тебя на личном фронте?

— Никак. Попадают одни ненормальные, то старые, то страшенькие, то женатые, а принца своего я так еще и не встретила.

Зазвонил телефон. Это был как раз мой Паулин. Часы показывали 8.15, и больше пяти минут я проговорила с мужем и Елисеем. Ира тихонько ожидала, когда же я положу трубку. Но спокойно пообщаться с подружкой все-таки не

вышло. Вскоре снова зазвонил телефон. На этот раз это была моя мама... а в 8.30 раздался стук в дверь.

На пороге стоял Люсьен. Опрятно одетый в солидный костюм цвета «кофе с молоком». Последние две пуговицы его белоснежной рубашки были расстегнутыми, на шее виднелась все та же золотая цепочка с крестиком, холодное прикосновение которой я ощущала этой незабываемой ночью. Люсьен был гладко выбрит, и от него утонченно пахло ароматами фиалки и муската. Такой притягательный парфюмерный тенде́м, похоже, был создан специально для искушения прекрасного пола. По крайней мере, я была готова вновь забыть обо всем на свете и броситься в его распростертые объятия.

— Люсьен, я...

— Кхе-кхе, – Ира дала о себе знать, поднимаясь с кресла. – Доброе утро, Люсьен. Валенсия, не буду вам мешать, я уже ухожу. И не забудь, о чем мы говорили.

— Доброе утро, Ирина, – Люсьен галантно кивнул головой, а сам скользил глазами по осенним краскам моего наряда.

— Ира, я обязательно позвоню тебе, как только у меня появится свободное время. Передавай родителям привет!

— Передам. Всего вам доброго! – и Ира застучала каблучками по полу, оставляя нас одних в номере.

— Всего доброго, – Люсьен закрыл за ней дверь. – Валенсия, ты роскошно выглядишь, моя осенняя сказка весенней Одессы!

*...И апрель лавандовым рассветом
разбудил безудержный огонь
в ледяном хвосте кометы,
спрятанном в сознании моем...*

*...от жгучих языков каскадов меди,
что ниспадают огненной рекой
сквозь монитор... мой разум бредит
по-весеннему осенней красотой.*

Его стихи неподражаемым оперным тенором вливались в мои и без того опутанные чарами розовые мысли. Ушами я уже точно была влюблена в «Дюжесия», в его любовную лирику, в современный образ дон Жуана. Но разум боялся его любить. Наверное, опасаясь предположения, что Люсьен

часто и очень быстро влюбляется, и вскоре столь же быстро разочаровывается.

— «По-весеннему осенней красотой» – лишь успела я повторить, прежде чем его упругие губы, бесстрашно размазали перламутровый блеск по лицу. И Люсьен вовсе не боялся испачкаться губной помадой, в отличие от Паулина.

Потом снова послышался сигнал телефонного звонка.

— Ни минуты покоя, – вытирая губы, я взглянула в глаза своего поэта-романтика. – Я должна ответить.

Люсьен освободил меня из плена страстных объятий с понимающим видом. Его губы слегка поблескивали, а глаза излучали глубокий внутренний свет. Невольно я им залюбовалась, машинально отвечая на звонок.

Голос Мануила Александровича бодро меня поприветствовал, потом он поинтересовался, где я остановилась, и поставил в известность о небольших изменениях в культурной программе сегодняшнего дня:

10.00 – Открытие фестиваля в ДК студентов ОНПУ

– презентационные проекты,

– выступления членов жюри;

12.00 – конкурсная программа (с антрактом);

16.00 – спектакль «Безбрежный океан любви» в исполнении молодых начинающих актеров;

17.00 – награждение победителей (гран-при, лауреат, три дипломанта, и приз зрительских симпатий!).

Все указывало на то, что до начала запланированного творческого вечера времени оставалось немного ...

— Люсьен, мы должны поторопиться, в 10.00 – начало фестиваля. Вы уже завтракали?

— Еще нет, и надеюсь, мы позавтракаем вдвоем?

— С удовольствием, только не в японском ресторане. Может, сходим в пиццерию? – предложила я.

— Не возражаю, – Люсьен снова заключил меня в свои объятия, на этот раз легонько поцеловав в губы, а потом глубоко вдохнул запах моих волос, предварительно опрыснутых французскими духами.

Поправив макияж, и поухаживав за своим страстным поклонником, вытирая влажной салфеткой кожу вокруг его губ, я взяла сумочку, положив в её кармашек листочек, оставленный Ириной. Затем мы покинули комфортный номер исторически важной одесской гостиницы «Пассаж».

... В пиццерии вкусно пахло хрустящими булочками и насыщенным ароматом кофе. Мы уже доедали свой завтрак, когда Люсьен вдруг потянулся за своей барсеткой из натуральной кожи в тон его коричневым туфлям. Он достал

свою записную книжку и ручку, и я только успевала следить, как на чистый лист ложились строчка за строчкой его стихи.

— Послушай, что мне пришло в голову: «Весенней осенью из лета» – и песней строчки разлились...

Весенней осенью из лета

*Кленовый лист с подола платья
осенней грусти желтый след
оставил холодом в объятьях
без поражений и побед.*

*Кусочком призрачного счастья
твой силуэт сквозь мрачный сон
подолом огненного платья
пылает в сумраке ночном.*

*Я не стремлюсь печаль сознанья
залить бокалом горьких вин,
но от любви на сердце пьяном
шипами розы бьет полынь*

*по моим смелым откровеньям,
я честен в этот раз с собой,
не разделяя старых мнений,
болею встречей роковой.*

*Огонь в глазах, искра желанья,
расшитый осенью костюм,
но время мигом в наказанье
кленовый лист бросает в трюм*

*мечтаний грустного поэта,
чье сердце бьется от любви...
Весенней осенью из лета
моей души не уходи...*

— Ты писал обо мне?

— Ну, о ком же еще? Ведь это ты похожа на осень своими огненными волосами и карими глазами из-под пушистых черных ресниц. Но с твоим появлением все вокруг оживает. Ты волшебницей-весной разбудила в моем сердце спящую любовь, моя прекрасная Валенсия.

Его рука накрыла мою ладонь. Люсьен нежно поглаживал меня, словно не замечая обручального кольца. Как же мне

хотелось снять это кольцо и не надевать никогда, чтобы оно не напоминало мне о предательстве.

— Спасибо за прекрасные стихи, за вчерашний вечер и незабываемую ночь, – я смотрела на него с восхищением, и он явно догадывался, какое пламя бушевало в моей груди.

— У нас впереди еще один вечер и еще одна ночь, – спокойным голосом говорил Люсьен, пытаюсь скрыть волнение, но я чувствовала, что он не хочет со мной расставаться, так же как и я с ним.

— Еще один вечер и еще одна ночь. Это так мало...

— Мало. Поэтому мы должны встретиться снова, – он с надеждой смотрел мне в глаза, а я не знала, что и ответить.

Мы сидели у самого окна, мимо проходили одесситы и гости города, я их и не замечала, ходят себе и пусть ходят. Но когда на меня кто-то долго смотрит, я будто чувствую на себе чужие взгляды. А от недобрых взоров у меня появляется какое-то смятение и желание взглянуть недоброжелателю в глаза. Тогда был именно такой случай. Я встревожено посмотрела по сторонам, ничего и никого подозрительного не обнаружив. Люсьен заметил мою беспокойность, и тоже оглянулся назад через плечо.

— Что случилось? – он негромко спросил, поворачиваясь, как и я к окну.

— Мне кажется, за мной кто-то наблюдает.

И какое же было моё удивление, когда за стеклом появился, подсматривающий образ уборщицы Марии Григорьевны.

— И я даже знаю кто это.

Я пулей сорвалась с места, пытаюсь догнать скрывающуюся за углом «интеллигентку» в порванном пальто. Люсьен побежал следом, а за нами два официанта. Видимо, испугались, что мы не оплатим счет за завтрак.

— Стойте, куда же вы? – кричали они, и нам пришлось остановиться.

— Кто это был? – Люсьен удивленно ждал ответа.

— Уволенная мной в понедельник уборщица. Но что она здесь делает? Неужели её нанял муж, чтобы она следила за мной и все ему докладывала? Это значит, Паулин уже возможно знает о наших прогулках под луной, – это были мысли вслух.

— Уважаемые молодые, интересные, а кто же оплатит счет? – один из официантов тряс перед нашими лицами толстым блокнотом.

— Одну минутку, – я хотела достать кошелек, но и в этот раз Люсьен не позволил мне этого сделать.

Мой поэт-поклонник снова рассчитался из своего кармана, и опять оставил щедрые чаевые, попросив прощения за сложившуюся ситуацию. Довольные пареньки в цветных фартуках с логотипом названия пиццерии тут же оставили нас в покое. А вот мне на сердце было по-прежнему неспокойно.

— Насколько твой Паулин ревнивый человек? – серьезно спросил Люсьен.

— Не знаю насколько, но если он узнает о нас, у меня будут большие неприятности.

— Ты уверена, что та особа была именно уволенная тобой уборщица?

— На 100 %, это была она.

— Может, нужно разыскать её и предложить ей денег за молчание?

— Сомневаюсь, что это поможет. У меня остались об этой женщине дурные воспоминания, и я не хочу, чтобы весь остаток жизни она мне угрожала и доила, как дойную корову. Пусть будет, что будет, Люсьен.

— Я не хотел, чтобы у тебя были проблемы из-за наших отношений, Валенсия.

Люсьен еще что-то хотел сказать, но его остановила. Я обняла его посреди Дерibasовской, не замечая ни прохожих, ни стука моросящего дождя, прильнула к его сильной груди, стараясь тем самым успокоиться. Его ласковые руки обнимали меня, горячее дыхание обжигало кожу, он утешал меня, шепча на ушко «все будет хорошо». И уже через несколько минут, мы торопились на троллейбусную остановку, чтобы не опоздать на открытие поэтического фестиваля.

*«Нам нужно торопиться,
уже наполнен зал»,
и словно крылья птице
сломал свирепый шквал.*

*И снова я на землю,
на камни мокрых плит
упала, и не внемлю,
о чем кричит гранит.*

*Мы за руки беремся,
культура нас зовет,
поэт и поэтесса,
вперед! Вперед! Вперед!*

Во дворе Дворца Культуры наблюдалось оживленное движение. Два солидных седовласых мужчины в серых костюмах бурно что-то обсуждали, энергично жестикулируя. У каждого в руке была полупрозрачная папка с текстами, вероятно, эти двое тоже были участниками поэтического конкурса. У желтой двери громадных размеров полукругом стояли, видимо, студенты. Молодые люди в джинсах, кроссовках и черных куртках из кожзаменителя громко смеялись, читая установленную у входа афишу. С ними была и девушка, чьи разноцветные пряди беспорядочно торчали в разные стороны. Сразу стало ясно, что публика соберется разношерстная: от студента до преподавателя, от начинающего автора до лауреата литературных премий.

В зале уже находилось много народа, и первые ряды, предназначенные для участников конкурса, были практически заполнены. Среди поэтов не хватало только нас двоих. Свободные места нам достались порознь, мы немного не успели, чтобы наслаждаться творческим вечером, держа друг друга за руку.

На сцене устанавливали трибуну, проверяли микрофоны, а зал шумно продолжал наполняться. Люсьен усадил меня прямо в первом ряду. Его нежный взгляд в очередной раз смотрел сквозь меня, словно в душу. Он, наверное, догадывался, что я тоже хотела бы наслаждаться конкурсом, держа его за руку, и время от времени заглядывать в его самые ласковые и добрые глаза.

Ровно в назначенное время заиграла музыка в знак приветствия и начала очередного литературного фестиваля. Бурными аплодисментами зрители встречали ведущего в черном фраке и его помощницу в красном вечернем платье, скрывающем её туфельки явно на очень высоком каблуке. Им буквально не давали сказать слово, настолько «живыми», эмоциональными и главное небезразличными к творчеству оказались собравшиеся в зале зрители.

Знаменитых писателей зал встречал стоя. Семь авторов презентовали новые шедевры, зачитывая отрывки из поэм, делились своими мыслями и побуждали нас, зрителей размышлять о культуре, о жизни, о плохом и хорошем, о добре и зле. А одна из авторов зачитала публике стихотворение под названием «Недолюбила». Первые строки казались противоречивыми, но в целом стихотворение цепляло за душу глубоким смыслом бытия:

Недолюбила

*Не спрашивай, я грею солнце
дыханьем снежных февралей
в свечении луны, что тоньше
любви непролитых дождей.*

*Росой серебряной на листьях
и облаками в край небес,
желая навсегда проститься,
иду с реальностью вразрез.*

*Размахом рук пернатых крыльев
черчу я инеем огни,
но от попыток обессилев,
лишь точки падают одни...*

*Недолюбила... я не художник,
картин с души нарисовать,
когда от сердца подорожник
без боли мне не оторвать.*

*То солнце что меня согрело,
погасло искоркой во тьме...
Прости за то, что не успела
сказать о главном я тебе.*

— Любите друг друга, пока есть такая возможность... – разлеталось гигагерцами по залу. – Скажите о вашей любви, пока ваши слова могут принести радость... чтобы потом не жалеть о том, чего уже нельзя исправить...

После презентаций книг известных русскоязычных авторов современности, ведущие торжественно представили членов жюри. В их число входил и Мануил Александрович Верпиский – председатель комиссии донецкого горсовета по вопросам культуры и туризма, поэт и прозаик в одном лице.

Добрые напутствующие слова слетали с уст многоуважаемого жюри, зажигались и гасли вспышки фотоаппаратов, зал поддерживал овациями каждого выступающего, и вот ровно в 12.00 на сцену пригласили первого участника конкурсной программы.

Это была женщина пенсионного возраста по стилю одежды напоминающая Аллу Борисовну. Черный балахон с вышитыми белыми крупными розами прикрывал коротенькие

обтягивающие брючки-велосипедки. Полные ноги были похожи на молочные сардельки, перетянутые тугим ремешком лаковых туфель. Копна соломенных волос львиной гривой ниспадала на плечи. И поэтесса, обдувая себя красным веером из искусственных перьев, выразительно читала стихотворения на гражданскую тематику. Молодежь, как мне показалось, не разделяла глубоких мыслей мудрой писательницы. Слышалось перешептывание и неодобрительные смешки. А стихи продолжали накатываться волнами, с каждым стихотворением, все с более сильным акцентом на духовную бедность молодого поколения:

Грязь натур:

*Вечер субботний,
в сквере гулянье,
взгляд беспокойный
огнем в наказанье*

*дерзости юной,
рамки приличий
не соблюдаемых
уже по обычаям,*

*брошу стрелой,
выстрелом в сердце
за толстой броней
безмозглого тельца,*

*кричащего бранью,
окурки бросая,
дозволенной грани
предела не зная.*

*Кто их воспитал?
Слепая волчица?
Злобный оскал,
а добра ни крупницы.*

*И даже мусор
кучей у бордюра,
несравним с грязью
неотесанной природы.*

Многим, конечно, не понравилось бы подобное сравнение. Но автору заслуженно аплодировал весь зал за её смелость и не безразличное отношение к нормам морали, как к шансу на спасение всего общества от губительных чар безнравственного воспитания. Один поэт сменял другого. Разные чувства и сужденье несли с собой новые произведения конкурсантов: и любовь, и политика, и пейзажная лирика тесно переплетались на сцене ДК студентов одесского политехнического университета.

Когда назвали моё имя, во мне как будто что-то перевернулось. Нужно было выходить из понравившейся роли увлеченного зрителя и слушателя, чтобы самой блеснуть с украшенной сцены несколькими своими стихотворениями. И в этот день, как каждый раз перед выходом на сцену я чувствовала неловкость и боязнь забыть слова. Даже стараясь не обращать внимания на отдельные лица и уставившись в одну точку в глубине зала, я все равно волновалась. Зал внимал каждое слово. К моему успокоению, на паузах в сильных местах зарифмованных мыслей доносились вздохи восхищения, и шквалом оваций награждалось каждое очередное стихотворение. Но даже когда в конце моего выступления мне подарили скромный букетик белых, как снег, хризантем, руки все еще дрожали.

Я спустилась по ступенькам, ища глазами Люсьена. Он аплодировал, довольно улыбаясь и подмигивая. Его воздушный поцелуй, украдкой подаренный мне в переполненном зале, я бы с радостью поймала, сжала в ладонях и приложила бы к сердцу, и никогда бы не отпускала, чтобы частичка его светлых чувств шагала со мной по жизни, помогая преодолевать трудности и скрашивая скучные серые будни.

Во время антракта у нас появилась возможность снова побыть вдвоем. Мы держались за руки и не спеша, продвигались к выходу, хотя многие продолжали оставаться сидеть на своих местах. За одной из широких белых колонн было бы идеальное место, чтобы спрятаться от случайных взглядов, – мелькнуло молнией в моей голове. И по глазам зачарованного Люсьена я попыталась прочесть его мысли. Он, так же как и я, хотел бы обнять меня и ощутить вкус запретного поцелуя на своих губах.

— Люсьен! – и больше ничего не нужно было говорить.

Спрятавшись за колонной, мы лишь несколько секунд молча смотрели в глаза. Что я хотела прочесть в его глазах? Не знала и не знаю. Что он хотел сказать мне немым языком, влюбленной мимикой красивого мужественного лица? Я

могла лишь предполагать. Он обнял меня нерешительно, не было прежней ночной страсти. Это и понятно, мы ведь находились в людном месте, а не в темной тишине спящих улиц. Но, не смотря на это, Люсьен прижал меня спиной к стене, покрывая лицо и шею поцелуями, с каждым разом все жарче и жарче. Со мной целовался мужчина моей мечты...

Со мной целуется мечта

*Ненароком и чужую половинкой
ты ворвался в скучный мир,
и хрусталь сердечной льдинки
в бриллиант словами обратил.*

*Даже если не имеем права
вслух о счастье рассуждать,
камнем в золотой оправе
упаду с тобою на кровать.*

*И немые фразы океаном
будут о любви во всю кричать,
прикрывая наготу туманом,
ставить нам греховную печать.*

*Даже если только раз,
а потом не вспомнишь ты об этом,
выставляя в рифмах на показ
отрывки увлекательных сюжетов,*

*я запомню каждое мгновенье,
и дыханье, что срывалось вместо слов,
наполняя душу вдохновением,
разжигая грешную любовь.*

*Ненасытных губ не отрывая,
я ресниц не стану опускать,
чтобы не забыться, обнимаясь,
что со мной целуется мечта!*

Так и не насытившись окончательно нежностью французского поцелуя, его волшебством, соединяющим души и дарящим ощущение радости и легкого волнения от прикосновений языков, мы все-таки остановились. Не целоваться же на глазах у проходящей мимо молодежи с синими и фиолетовыми волосами, проколотыми ноздрями и

бровями. Они искоса на нас взглянули, удивленно поднимая брови, и кто-то даже сказал «любви все возрасты покорны», как будто я и Люсьен седовласые пенсионеры, а не 26-ти летняя девушка с 34-ех летним красавчиком.

*— Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежают.
Александр Сергеевич Пушкин(1799-1837).*

— Ты такой милый, Люсьен!

Мой муж никогда не читал мне Пушкина, не писал для меня стихи, не был столь романтичным и галантным кавалером. И лишь сравнивая этих совершенно разных мужчин, я понимала, что поспешила выйти замуж. Нужно было сначала познать как можно больше представителей сильного пола (в мерах разумного, конечно), и только потом выбирать тот тип мужчин, который мне больше по нраву. А я? Вышла замуж чуть ли не за первого встречного.

Люсьен сопровождал меня повсюду. Со стороны можно было подумать, что мы либо молодожены, не успевшие еще приесться друг другу, либо любовники. Но меня это несколько не волновало. Пусть думают, что хотят! Главное, что я счастлива! Тем более мы находились на другом конце Украины, и Паулин был далеко, в отличие от Марии Григорьевны, которая словно ходила по моим следам.

Я вновь уловила промелькнувший силуэт крупной женщины в старом пальто и выцветшем платке. Неужели в целях конспирации она решила переодеться нищенкой? Неужели она думает, что таким образом можно слиться с толпой? На вокзале, возможно, но в стенах ДК, где собрались лауреаты литературных премий в новых нарядах, не знающих стирки, это просто невозможно. Мария Григорьевна, как белая ворона рассматривала работы малоизвестных художников, принимавших участие в выставке, открывшейся на первом этаже. Я жестом и глазами указала Люсьену в ту сторону, где спокойно стояла неряшливая женская фигура, как оказалось еще и в грязных резиновых калошах.

— Это она?

Люсьен хотел подойти, но я вовремя остановила его за рукав. Мария Григорьевна стояла спиной к нам, вокруг её было свободно, так как люди боялись слишком близко к ней подходить. Ведь половина участников конкурса еще не

выступила со своими произведениями, как и сам Люсьен, а выходить на сцену в испачканном белом платье никто бы не захотел. Так одна молодая особа в очень красивом светлом наряде, брезгливо сморщила носик, обходя стороной «пани Маню», важно изучающую яркую абстракцию.

— Давай за ней понаблюдаем, – предложила я, уводя Люсьена в сторону. – Могла ли она по чистой случайности оказаться здесь? Еще и в таком виде? Я её совсем не понимаю.

— Может, она как ценитель прекрасного не пропускает ни одного творческого мероприятия? – Люсьен так не думал, он все-таки подозревал Марию Григорьевну в слежке. – Но стиль одежды этому явно противоречит.

— Скорее не стиль, а финансовые трудности.

— А финансовые трудности, как известно, заставляют людей идти либо на необдуманные поступки, либо на тщательно спланированные акции.

— Я подойду к ней, и заговорю о той картине с изображением деревянного ящика, наполненного зелеными яблоками. Она ей любит, смотри, как голову наклонила набок. По-моему картины её интересуют больше, чем я.

— У неё звонит мобильный телефон. О! А модель то из последних! У вас в Донецке у всех уборщиц есть возможность покупать лучшее, как в рекламе «мы ведь этого достойны!», да? – Люсьен был прав, дорогой телефон никак не соответствовал одеянию Марии Григорьевны.

Смартфон Nokia N8 с красивым и быстро реагирующим пользовательским интерфейсом дорогой игрушкой блистал в неухоженных руках. Грязные пальцы вертели его, словно боясь нажать на сенсорную кнопку. Похоже, Мария Григорьевна и не думала отвечать на звонок.

— А если она его украла? Не зря же она продела такой далекий путь. Здесь её никто не знает, – размышляла я вслух. Никто, кроме меня.

Я должна была разгадать эту загадку. Несколько шагов, и я схватила уволенную уборщицу за руку. Она вздрогнула от удивления и тут же начала кричать неподражаемым басом «Караул, грабят, люди добрые, спасите!». На нас все обратили внимания, так и застыв на месте с открытыми ртами.

— Мария Григорьевна, будьте благоразумной женщиной, не орите, как потерпевшая. На вас же смотрят люди, и что они о вас подумают? – я отпустила её руки, дав ей возможность спрятать дорогой телефон в кармане своего (или чужого) СССР-овского пальто.

— Хочу орать, и буду! – как маленькая глупая девочка ответила она, не сбавляя оборотов. – Вы что следить за мной удумали? Ты посмотри, ну, что за люди? Куда я, туда и они? Вам что места во всей Украине мало?

Я была больше чем удивлена. Неужели, по случайному стечению обстоятельств мы оказались в одном городе, и Мария Григорьевна вовсе не собиралась следить за мной?

— Давайте, выйдем на улицу и спокойно поговорим, как взрослые люди, – любезно предложил Люсьен.

Мария Григорьевна свела недовольно брови, в глазах были отчетливо видны красные воспаленные капилляры, будто она всю ночь проплакала. Но, как ни странно, криков больше не последовало. Наоборот, увидев перед собой Люсьена Дюжесиль, «ценительница прекрасного» показала ему беззубую улыбку.

— О чем вы хотите со мной поговорить, милый человек? Вы художник? Да, вы точно художник! Только у художника могут быть такие красивые руки, – она взяла его ладонь обеими руками, и стала поглаживать, продолжая улыбаться, оголяя десны.

— Нет, я не художник, – Люсьен с трудом выдернул свою ладонь из цепких рук Марии Григорьевны.

Я наблюдала за ней, и мне показалось, что эта женщина обезумела. У неё явно психическое расстройство на фоне затянувшейся депрессии. Мария Григорьевна не смогла спокойно пережить измену мужа. Может, её и следовало бы пожалеть? Во всяком случае, я бы так и сделала, если бы не агрессивное выражение лица, лишь изредка сменяемое искусственной улыбкой.

— Если вы не художник, что вам от меня надо? Я то думала вы хотите написать мой портрет, а вы...

— Выйдем во двор, – Люсьен взял её под руку.

Но Мария Григорьевна со скоростью атлетической бегуны, способной завоевать олимпийскую медаль по бегу с препятствиями, снова от нас удрала, так и не пролив свет на таинственную историю её загадочного появления в Одессе.

— Не думаю, что эта женщина следит за тобой преднамеренно, – тяжело дыша после пробежки, сказал Люсьен.

— У тебя тоже сложилось впечатление, что она просто ненормальная?

— Что-то есть. Я тут подумал: если бы я был ревнивым мужем и хотел бы убедиться в верности или неверности жены, то нанял бы для слежки человека, умеющего как

минимум действовать незамечено. А Мария Григорьевна, наоборот, привлекает к себе слишком много внимания.

— Разве можно изменять такому мужчине, как ты? Я думаю, тебе не придется столкнуться с подобной проблемой, – но тут же вспомнила, что Люсьен был женат. – Или с подобной проблемой тебе уже доводилось сталкиваться?

Мы вновь проходили мимо белых широких колонн, за которыми только недавно целовались, как влюбленные подростки. Люсьен многозначно посмотрел мне в глаза, и мне показалось, что я зацепила его за живое.

— Да, Валенсия, вы женщины весьма коварные создания. Сначала соблазняете, сводите с ума, играете, а, наигравшись, переключаетесь на более интересный вариант. Я прав, не так ли? – Люсьен был как никогда очень серьезен.

— Не обобщай, не все же такие, – но поставить себя в пример я уже не могла. – Если двое несчастливы в браке, почему не попытаться изменить свою жизнь к лучшему, пусть даже прибегая к безнравственности?

— Так думают, наверное, все девушки. Я лично не знаком ни с одной женщиной, кроме своей матери, которая бы ни разу не изменяла своему мужу. И о чем это говорит?

— Что круг твоих знакомств с прекрасным полом узок?!

— Нет, это говорит о неверности свойственной женщинам. И мужчины, конечно, тоже далеко не ушли.

— Меня ты тоже считаешь падшим ангелом?

Мне самой это было неприятно осознавать: дома меня ждет муж, а я прекрасно провожу время в компании постороннего мужчины, который к тому же, не смотря на ласку и нежность, косвенно обвиняет меня в измене. Но ведь я мужу изменила, а не ему. Хотя: если изменила единожды, значит, могу и изменить снова и снова. Я не эталон идеальной супруги, и душа моя грешна.

— Нет, Валенсия, я во всем виню только себя. Возможно, если бы не я, ты была бы образцовой женой своему Паулину.

Люсьен крепко сжал мою ладонь, а глаза, наполненные неописуемой печали, говорили больше, чем его уста. Но недосказанность именно произносимых слов наталкивала на самые разные мысли. В первую очередь я снова стала испытывать угрызения совести по отношению к своему супругу. И мне не доставляло радости, что Люсьен поставил меня в один ряд со всеми изменницами и предательницами, повстречавшимися на его жизненном пути.

Тем временем ведущая в красном облаке своего королевского наряда, объявила о продолжении конкурса. Люсьен вновь провел меня к свободному креслу в первом

ряду, и сам молча поторопился скорее занять свое место. Стих шум и прекратились разговоры. И со сцены летели слова как раз о запретах и предательстве:

Немыслимый барьер

*И вот захлопнулась со скрипом дверь,
мы тихо руки друг от друга отрываем,
но сердце бубенцами загнанных коней
предательски всю душу обнажает.*

*Нет. Ты, конечно, ни говоря ни слова,
мне поцелуями покроешь страстные уста...
Всю без остатка себя отдать тебе готова,
и не смотря на то, что в этом не права.*

*Я запрещала себе думать об обмане,
измена и предательство немыслимый барьер,
преодоленный сгоряча в ночном дурмане
моих фантазий, утонувших в нежности твоей.*

*Я волей случая, несдержанным порывом
тебе позволила во мне желанья разбудить,
и плачет осень от предательства дождливо,
а я от счастья над запретом победить.*

*И слез влажные полоски бережно ладонью
ты смахнешь, не прекращая целовать,
только сердце вот гудками телефона
будет громко о предательстве кричать.*

*Я не хотела. Нет. Безумно и волнительно
внимала каждый сорванный дыхания порыв,
перечеркнув всю жизнь сознательно
под фееричный двух сердечный взрыв!*

Достав из сумочки блокнот и ручку, я написала пару строчек для Люсьена:

Я тоже запрещала себе думать о тебе, но не смогла... Не обвиняй меня за то, что позволяю целовать... и пусть безнравственно, но я... я не хочу влюбляться сердцу запрещать...

Давно мне не приходилось писать подобные записки, а как делать правильно самолетики, я и вовсе забыла. Сложив листочек пополам, и подвернув два края уголком, я сделала что-то типа самолетика. Оглянулась. Мы встретились глазами с Люсьеном, и я запустила своё послание. Но вот мой бумажный лайнер почему-то так и не долетел к месту назначения. Почувствовав себя школьницей, мне казалось, что я сгорю со стыда. Листочек поймал круглолицый дядька с черной бородой (только с бородой, без усов). Вероятно, он подумал, что записочка адресована именно ему. Как же мне было неловко. Он начал разворачивать послание, поднимая густые черные брови от удивления. И лишь когда он растянул свои тонкие губы в улыбке, Люсьен выхватил из его рук исписанную бумажку со словами «простите, это предназначалось мне!»

Облегченно вздохнув, я продолжила слушать стихи молодой писательницы. Сердце бешено стучало, от волнения дрожали руки, я ждала ответа от своего случайного похитителя покоя. И вот он самолетик, мастерски сделанный настоящим мужчиной, стрелой летит к моим ногам!

Не обвиняю

*Не обвиняю. Нет. Я благодарен,
Что ты ворвалась ветром в скучный мир,
Аккордами по скованной гитаре,
Вливая в душу свой целебный эликсир.*

*Не обвиняю. нет, я преклоняюсь
Перед твоей осенней красотой в весне,
И в глубине души не сомневаюсь,
что повторил бы все, как в сладком сне.*

*Опять ласкал бы твои плечи,
И на руках пушинкой в воздухе кружил.
Мир соткан из противоречий,
но разлюбить тебя уже не хватит сил.*

Люсьен опять написал стихами! Я одарила его счастливой улыбкой, и весь остаток конкурсной программы летала в розовых облаках, лишь изредка спускаясь на землю, чтобы поаплодировать творческим людям, читающим упоительные стихотворения о любви. Люсьен! Я думала только о нем. А когда он вышел на сцену и взял в руки микрофон, весь зал замер, вникая в каждое слово:

Чужую женщину-забаву

*Истерзан совестью по праву
за позволение любить
чужую женщину-забаву,
с которой мне не разделить*

*ни фиолетовых рассветов,
ни звездной россыпи небес
под красным лозунгом запретов,
отяготившим мыслей вес.*

*Я протянул виденью руку,
и жаром сердце обдалось,
испепеля боль и муку,
стучать сильнее довелось.*

*И барабанной дробы грохот
до оглушения в груди
свирепым разъяренным соло
пролил в душе моей дожди.*

*Клыками волки рвали тело,
а совесть чистила мозги
за преступление несмелой
и обезумевшей любви.*

*Но из последних сил сражаясь,
я все равно хочу любить,
души дождями обливаясь,
к забаве совершать визит.*

... Спектакль «Безбрежный океан любви» мы так и не посмотрели. До награждения победителей у нас был только час, и нам обоим хотелось побыть вдвоем. Мы не могли наговориться, недопитый чай давно остыл, а стрелки часов неумолимо шли вперед, приближая время награждения победителей:

— Дипломом лауреата литературного фестиваля «Под небом Украины» в номинации «Лучшее стихотворение о любви» награждается писатель из Запорожья – Виктор Везучий! – торжественно объявил коллега Мануила Верпиского; и дядечка с черной бородой, что по ошибке прочитал моё послание, со счастливым лицом полетел на

крыльях радости за, несомненно, заслуженным дипломом лауреата.

— Дипломами дипломантов литературного фестиваля «Под небом Украины» за высокое качество работ награждаются: Валенсия Перольская, Люсьен Дюжесиль и Тутук Дубок! – а остального я уже не слышала...

В тот вечер мы пили шампанское в уютном кафе на Дерибасовской. Из окон открывался волшебный вид на Одессу в ярких огнях. Светомузыкальный фонтан поднимался вверх тонны светящейся воды. Пары кружились в медленном танце под музыку живого оркестра, и Люсьен тоже пригласил меня потанцевать. Я ощущала сильные накаченные мышцы спины, поглаживая его обеими ладонями. Запах фиалки и муската был все еще осязаем. И опьянев толи от пузырьков шампанского, толи от страстного желания к этому мужчине, я никак не могла надышаться стойким ароматом его одеколона.

Время летело незаметно. В 23.30 музыкальный фонтан погас и затих, и только шум воды по-прежнему напоминал, что мы гуляем по городскому парку Одессы. Я шла, обеими руками обнимая большого плюшевого мишку, которого купил мне Люсьен в магазинчике сувениров, разместившегося на первом этаже четырехэтажного здания гостиницы «Пассаж». Люсьен нежно придерживал меня за талию, и мы, мило беседуя об одесских достопримечательностях, направлялись к лифту. Над нами сквозь прозрачную стеклянную крышу светила печальная и одинокая луна, такая же низкая, как и вчера над мостом Поцелуев.

Коротким эпизодом

*Молчания неловкие моменты
туманом застилают чистоту
бездонных глаз, и комплименты
звучат дождями по стеклу.*

*Объятия волной огня по коже,
дыхание шелковым платком...
теперь ты точно устоять не сможешь
перед любви коварным колдовством.*

*И галстук будет мной небрежно
на спинку стула брошен отдыхать,*

*отбросив "но" я в поцелуях нежных
за грех с тобой познаю благодать.*

*Сожмем ладони, и глаза в глаза,
читая сокровенные желанья,
посмотрим, не произнося слова,
на отражение безмолвного признанья.*

*И каждой клеточкой на ласку
ответит кожа криками души,
бросая на пол постоянства маску,
взрывая преданность в ночной тиши.*

*Коротким эпизодом в виде исключения
позволим сбывться розовым мечтам,
и две судьбы желанного паденья
фрагментом сна разделим пополам!*

Номер Люсьена был ближе к лифту. Но мы даже не остановились у его двери. Хотя мы на словах ни о чем и не договаривались, но в руках Люсьена был пакет с фруктами, конфетами и бутылкой одесской «Массандры», которую еще предстояло продегустировать в романтической обстановке. И мы пошли ко мне.

Лишь только за нами захлопнулась дверь, как теплый желто-персиковый мишка мягко опустился в кресло, и вместо игрушки я обняла своего творческого спутника. Я смотрела в его глаза, кончиками пальцев поглаживая по выступающей щетине, по контуру упругих красивой формы губ, целующих мои пальцы. Люсьен делал тоже самое. Он как скульптор, гладил мои щеки, подбородок, губы, словно хотел запомнить пропорции моего лица, чтобы воссоздать мою молчаливую гипсовую копию. Потом горячий поцелуй закрыл мне глаза, а руки нетерпеливо расстегивали неподдающиеся пуговицы белой рубашки. Пиджак укрыл медвежонка, но тот вовсе не думал спать, продолжая подглядывать круглыми черными глазами до тех пор, пока его не накрыло с головой ворохом осенних листьев с моего нарядного костюма. Туда же я бросила и рубашку Люсьена, и черный бюстгальтер птицей опустился сверху. Вскоре мы утопали в водовороте желаний бурлящего океана сладострастного запрета.

Капельки пота струйками стекали по мужественной груди, квадратикам твердого рельефа сексуального подтянутого живота. Запах фиалок и мускатного ореха улетучился, в воздухе пахло сексом с настоящим мужчиной, готовым пойти

на все лишь бы оставить о себе незабываемые воспоминания. Как Аполлон, высокий, стройный, молодой! Божественный! Он взял меня на руки и понес в ванную. Его обнаженный торс не оставил бы равнодушной не одну женщину. И пусть говорят – мы любим ушами, а я люблю и ушами, и глазами, и каждой клеточкой кожи!

Шумела воды, смывая следы страсти, и побуждая к новым порывам несдержанных чувств. Люсьен прижимал меня к мокрому торсу, скользкому и гладкому, красивому и безупречному. Его буйные поцелуи покрывали нежную кожу, оставляя красные следы. Глаза, обезумевшие от вожделения, горели диким манящим светом, а руки то трепетно ласкали грудь, то сползали всёохватывающими змеями всё ниже и ниже. Высвободившись на секунду из цепких объятий, я потянулась за флакончиком геля для душа. Люсьен намочил мочалку, и пахучая пена соблазнительными потоками омыла наши разогретые тела. В ответ на потрясающие французские поцелуи, я обвила его спину руками. Люсьен сильными руками сжимал мои бедра, интенсивно поглаживая и массируя тугую эластичную кожу. Приподнятой ногой я обхватила его стан, закрывая глаза от блаженства. Его губы продолжали дарить мне неизмеримое удовольствие, и лишь шум воды заглушал сладострастные вздохи.

Люсьен неожиданно остановился и, переступив через край ванны, закрыл воду. Он смотрел на меня с восхищением, а я на него, как на статую Аполлону, у которой вместо плаща красовалось на плечах розовое полотенце. Люсьен протянул мне руки, и как только я стала с ним на один коврик, он поднял меня на руки и понес на кровать. Нежно опустив на скомканное покрывало, мой божественный любовник покрыл все мое тело поцелуями, начиная от мокрых волос, заканчивая кончиками пальцев на ногах...

***Не помню, сколько у меня было любовников.
Меня никогда не интересовал счет, а только игра.
Мэй Уэст (1893-1980).***

8 апреля 2011 год

Утром я проснулась от ощущения тяжелой руки, сковывающей движения. Осторожно высвободившись из плена, я любовалась спящим поэтом и деканом географического факультета киевского национального университета имени Т.Шевченко – Люсьеном Дюжесиль.

Он сладко спал. Вдох. Выдох. Вдох. Губы улыбались даже во сне, чувственные и нежные. Мой спящий принц, укравший

сердце и подаривший взамен безбрежный океан любви, сказочное волшебство и незабываемые эмоции, был прекрасен и телом, душой. Льяные пряди беспорядочно спадали на гладкий лоб. Кончиками пальцев я коснулась переносицы, провела по шелковым бровям, при этом его густые ресницы лишь слегка вздрогнули. Мой нежный принц, мой бог, мой лев – котенок!

И словно вся вселенная вращалась вокруг нас, Люсьен – мое солнце, я его огонь, а за стенами номера космический вакуум и черное бесконечное пространство. Мы еще вместе, на одной кровати, под одним одеялом, и все остальное совсем неважно. Я гнала прочь мысли об измене, заставляла совесть отключиться, убеждая себя, что ради такого мужчины можно отклониться от моральных норм, которые уже давно почти никто не соблюдает. Но я не знала, как измениться моя жизнь после этого романа и, заглядывая в будущее, пыталась предугадать, догадается ли Паулин о моих любовных похождениях. Или он уже знает больше, чем надо?

На столике стояли бокалы с недопитым вином, отражая утренний свет, заполняющий комнату сквозь не зашторенные прямоугольники гостиничных окон. Нужно было собираться в дорогу. Как раз зазвенел будильник, и Люсьен сразу же проснулся, открывая серые выразительные глаза.

– Валенсия, – он неловко приподнялся, упершись локтем в подушку. Недолгое молчание, и лишь глаза говорили за нас, нежные прикосновения и поцелуй, легкий, как дуновение ветра в тихую летнюю ночь, горячий, как огонь на поверхности солнца. – Я не хочу с тобой прощаться.

– Тс-с, давай не будем о грустном.

– Я буду звонить, писать, – он сжимал в ладонях мою руку, покрывая нежными поцелуями. – Я буду думать о тебе, и ждать новой встречи.

– Я отвечу на все твои письма и звонки, только не звони по вечерам, иначе мне придется каждый раз искать оправдания перед мужем. А встретиться мы сможем 10 июля в Моршине на всеукраинском фестивале русской поэзии.

– Но сегодня только 8 апреля, – его взгляд сразу погрустнел, – два месяца в ожидании очередной встречи будут тянуться вечностью. Может, мы все-таки сможем увидиться раньше? – его глаза блеснули озорными огоньками, а сильные руки нежно прижали меня к груди.

– Я ничего не могу обещать. Скажу только, что буду помнить о тебе всегда, и 10 июля обязательно приеду в Моршин, – мне вовсе не хотелось огорчать Люсьена, но я

боялась прогнозировать продолжение наших не планируемых отношений.

— Я буду там, где будешь ты.

Еще один поцелуй, и полчаса на сборы.

Апрельское небо грустило вместе со мной. Низкое, в ватных облаках. Оно омрачало и без того унылые мысли. Вовсе не хотелось прощаться, расставаться, сдерживать себя, чтобы не броситься ему на шею, вместо того чтобы с равнодушным видом помахать рукой на прощанье. Но я должна была сесть в тот поезд. Должна. Потому что дома, за 700 км от Одессы меня ждали: мой маленький сын, которому я нужна, мой муж, которого я когда-то любила. Когда-то. Теперь все иначе.

Никто не обращал на нас внимания. Чужие безразличные лица спешили по своим делам. Люди. Они были как муравьи. Но даже на пироне среди кишашего муравейника, мне было одиноко. Передо мной горели звезды уже любимых серых глаз. В них проплывали облака, и отражался океан души поэта. Как же больно прощаться. Увидимся ли мы снова? Или этот образ всегда будет со мной, но только необъятной тенью, коротким эпизодом из жизни, кусочком неподдельного счастья, самым красивым воспоминанием, наруженным запретом, сладким плодом искушения, болью в девичьем сердце, несбыточной мечтой?

— Валенсия, мне будет не хватать твоей улыбки, – Люсьен согнутым указательным пальцем поднял мой подбородок, коснулся нежно губ, – мы расстаемся только на время, только на время.

— Тогда «до свиданья», – прошептала я, собираясь уходить (до отбытия поезда оставалось всего несколько минут).

Мне не хватало сил сдержать нахлынувшие слезы. Мы знакомы всего-то два дня, а такое чувство, что всю жизнь.

— Постой, – Люсьен остановил меня, вытер слезы губами, ладонями, жарко поцеловал, и сказал то, чего я даже не надеялась услышать. Всего три слова! Три коротких слова, несущих в себе всё самое прекрасное на Земле – ЛЮБОВЬ! – Я тебя люблю!

О, боже, и что мне теперь делать? – молнией вспыхнуло в голове. Я в замешательстве. Миг, секунда, две. Его глаза напротив, неловкая тишина, ожидание ответа. А у меня и дар речи от волнения пропал.

— Люсьен, – еле смогла произнести.

— Я не требую ничего, – ровным вдумчивым голосом продолжил Люсьен, – но ты будешь моей, потому что мы созданы друг для друга.

— Мне пора, прости. Я не могу сказать «я тебя люблю» потому что еще до конца не уверена в этом. А то, что я безумно увлечена тобой, ты и без слов знаешь. Время все расставит на свои места. Мне было с тобой хорошо, – я вовсе не хотела его обидеть, но серые глаза наполнились такой грустью, как у бездомного привокзального щенка, потерявшего свою маму.

Наши руки разомкнулись. Люсьен Дюжесиль остался позади, и я успела лишь махнуть рукой, прежде чем вагон тронулся. Всё. Закончилось моё романтическое приключения по Одессе. Стало печально и горько до слез. Опять слезы. И почему я не сказала ему «я тебя люблю»? Люблю! – шептала я, но он меня не слышал.

Яблоком «Ю»

*Люблю! Всего два слога с буквой «Ю»,
и сердце от волнения стучится,
позволь, хоть на минуточку одну
с мечтою мне несбыточной проститься.*

*Глазами молча говорить не буду,
от боли в сердце хочется кричать,
Я вас люблю! Два "Ю" подобных чуду
я отпускаю вздохом наугад,*

*с ладошек облачком мерцающего неба
летите "Ю" по разным сторонам,
сплетаясь воедино ароматом спелым
тех сладких «Ю», что яблоком манят.*

... Сколько мыслей вертелось в моей голове? А главная из них: как вести себя с преданным мужем. Делать вид, что ничего не случилось у меня вряд ли выйдет. Ничего не говорить? А если он уже все знает? Если та ненормальная Мария Григорьевна вправду шпионила за мной? Еще и Изольда Бенедиктовна у нас, та еще проныра, с ней ухо нужно держать востро. Малыш, Елисейка! Он обрадуется пушистому медвежонку, эта игрушка у нас будет общей!

Люсьен! Я не могла не думать о нем. Для меня он был самым лучшим: умным, красивым, любимым! Но нашу разлуку я воспринимала двояко. С одной стороны, я хотела

бы улететь с ним на самую далекую планету, забрав с нами Елисея. Нас никто бы не осуждал, не навешивал ярлыки, мы бы просто пропали без вести для целого мира. Мы были бы вместе, и никогда не прощались бы надолго. Но с другой стороны, расставанием мы проверим наши чувства. На самом ли деле это любовь, а не буря страсти? А поскольку увлечения чаще всего не носят долговечный характер, то разлука здесь как не зря кстати. И пусть я буду обвинять себя за слабость, винить в содеянном или том, чего, наоборот, не сделала – каждый человек имеет право на ошибку, и я не исключение.

Практически все время пребывания в пути я «читала» книгу Артура Конан Дойла. Но на самом деле мои действия вовсе нельзя было назвать чтением. Лишь попутчикам по купе могло показаться, что я читаю. На самом деле я только водила глазами по страницам, даже забывая вовремя их переверачивать. Мои мысли были далеко от описываемых автором детективных историй, тем более эту книгу я уже знала, чуть ли не наизусть. Я размышляла о своем. А поскольку со мной в купе были посторонние люди, с которыми мне отнюдь не хотелось общаться, я делала вид очень увлеченного читателя.

Еще при входе в купе о каждом из попутчиков у меня сложилось свое мнение. Молодая особа, вульгарно изрисовавшая свое лицо, нервно курила прямо у окна, не соизволив даже выйти в специально отведенное место для курения. Пропитым и прокуренным голосом она кому-то рассказывала то о каких-то заказах, то о финансовых трудностях. Слушать её было совсем неприятно. Молодой человек в черной футболке с непонятными аббревиатурами и изображениями черепов, сделал ей замечание. Мол, «не пошли бы вы решать свои проблемы за дверь», но она лишь пустила облачко дыма ему в лицо. Тогда вмешался второй мужчина. Он выхватил из её рук и телефон, и дымящийся окурок, который затушил черным ботинком прямо посреди купе. А телефон отключил со словами «Захочешь потрепаться, выходи в тамбур. Я не намерен всю дорогу выслушивать чужие проблемы. Усекла?», и вложил его в верхний карман её желтой ветровки.

С попутчиками мне явно не повезло. Все были очень подозрительными, и рядом с такими людьми можно было задуматься не только о сохранности ценных вещей, но о личной безопасности. Мне не нравились косые взгляды этой «продавщицы» с красными губами. Она с завистью смотрела на мой французский маникюр и золотые кольца. У неё то

руки были шершавыми, и облупленный лак на грязных ногтях ничего положительного не мог сказать об этой наспех разрисованной особе. Хорошо, что у меня была нижняя полка, и дорожную сумку я поставила в ящик под свое сидение.

Молодые люди, похоже, нашли общий язык. Тот, что типа панк, рассказывал и до какой станции ему ехать, и сколько ему довелось заплатить за билет, и какую очередь пришлось отстоять. Второй был менее общительный, серьезный, даже злой, грубо изъясняющийся, и на его руке я заметила зеленую часть татуировки (что мне не понравилось). Изредка поднимая на них глаза, я сравнивала их жесты, мимику, и было ясно, что со вторым шутить нельзя. Это уловила и девушка в желтом. Может, поэтому она и лежала тихо на верхней полке над мужчинами, щелкая семечки и бросая косые взгляды в мою сторону. И с этими людьми мне предстояло провести весь день.

Первый представился Евгением по прозвищу Джип. С детства увлекается тяжелой музыкой, кумир – Курт Дональд Кобейн (вокалист, гитарист американской группы Nirvana). Второй, называя себя Гиви, рассказывал, как мне показалось, выдуманную и заученную историю о своей ученой степени в области археологии. Магистр! Чуть ли не доктор наук!

— Девушка с книжкой, давайте знакомиться, – обратился ко мне Евгений, расчесывая свои длинные волосы деревянным гребешком.

— Оливия, – ответила я не задумываясь, назвав себя именем одной из героинь Конан Дойла, – лишь на несколько секунд подняв глаза.

— Мальчики, а со мной познакомиться вы не желаете? У меня есть две бутылки водки! Может по рюмашке? За знакомство! – растрепанная амазонка с боевой раскраской на лице без доли грации спустилась вниз.

Естественно, мужчины не отказались. И уже через какое-то время эта троица во всю ржала над рассказами Джипа о его любовных похождениях. Я же на отрез отказалась принимать участие в их, мягко говоря, скромном застолье: литр водки, начатая пачка семечек, два пирожка и горстка сосательных конфет. А вот парни в благодарность за выпивку чуть ли песни не пели для щедрой Берты с красными губами.

Развеселая «продавщица» о себе ничего не рассказывала, в прочем, как и я. А вот у мужчин она выведала и сколько у них с собой денег, и что ценное есть у них при себе, а в

итоге предложила им сыграть в дурака, и одурачила их не по-детски. Вот это талант! – удивлялась я её умению зарабатывать, когда она пересчитывала пресс украинской валюты. Расход – две бутылки дешевого сорокаградусного спиртного, а доход – как минимум пара кожаных сапог.

Евгений очень скоро охмелел. Те двое вызвались помочь ему подняться на верхнюю полку, и молодой парень так и проспал весь остаток дня, громко храпя под стук колес. Гиви с Бертой неоднократно предлагали мне и выпить, и «срезаться в картишки», но я ведь не такая глупая, чтобы пойти на поводу у злоумышленников. А именно так я охарактеризовала бы эту пару. Сначала они сделали вид, что не знакомы, Гиви, или скорее, он вовсе не Гиви, как и она не Берта, нагрубил ей, потом они споили Евгения, очистив содержимое его кошелька, еще и заставили его играть на серебряную цепочку с кулоном в форме круга с буквой «А» и печатку, напоминающую пиратский флаг. Вероятно, что Евгений и не опьянел бы столь быстро, если бы ему не подсыпали в стакан снотворного или еще какого-нибудь психотропного вещества. Но я не была в этом уверена, так как не следила за ними постоянно. Да и помешать им пить или играть в карты я бы не смогла, даже при всем моем желании. У каждого есть своя голова, кто-то думает, как бы защититься от возможных неприятностей, а кто-то – как бы поживиться за чужой счет, а некоторые совсем не думают, и в итоге платят высокую цену за легкомыслие. Во всяком случае, людей, нечестным путем зарабатывающих себе на жизнь можно встретить где угодно. И грабежи в поездах прямое тому подтверждение.

Естественно, 13 часов просидеть сиднем, не вставая с места, просто невозможно, тем более я захотела купить что-нибудь вкусенького в вагоне-ресторане. Прежде чем подняться с места я еще раз окинула взором попутчиков. Берта рассматривала свои приобретения, любуясь в зеркальце из старой пудреницы. Гиви сидел напротив, широко расставив ноги и играя в тетрис на телефоне.

Нет, на таких людей даже пустой чемодан оставить нельзя, – думала я, – а у меня в дорожной сумке кроме одежды и личных принадлежностей лежал еще и очень важный для меня документ – диплом дипломанта литературного фестиваля «Под небом Украины». А мой оранжево-абрикосовый мишка?! И его я боялась потерять. Это ведь подарок. Но не нести же с собой все?

Я приготовила свою сумочку, в которой был кошелек, затем достала дорожную сумку из-под сидения, при этом

сверлящие взгляды пары нетрезвых людей я ощущала спиной. Но брать с собой все я не стала, понадеявшись, что мои вещи не вызовут у них особого интереса. Вынув диплом, черную сумку я снова поместила в ящик, заметив нескромное внимание Гиви. Потом я с трудом вместила диплом в дамскую сумочку, и, перекинув её через плечо, я вышла со словами «я на минутку».

Обедая, я краем уха подслушала историю одного пострадавшего. У него украли портмоне с крупной суммой денег, когда он спал. А второй ему рассказывал, как его обыграли в карты и «раздели до нитки» профессиональные жулики (типа Гиви и Берты, – подумала я). А главное, что жаловаться в милицию пострадавшим в таких случаях бессмысленно: и проигранное не вернешь, так еще и привлечь к ответственности могут, ведь играть на деньги – это преступление.

Поезд приближался к станции Новоукраинка. Пассажиры уже с вещами толпились в проходах, и среди них я заметила знакомые лица. Это была парочка из 7-ого купе – ярко накрашенная «амазонка» и мужчина с татуировкой. Увидев меня, они резко поспешили скрыться.

Остановка. Я что было духу поспешила в купе, с трудом протискиваясь среди жаждущих как можно скорее сойти на пирон людей. Я так и знала, – огорчено закричала я, влетая в свое купе. Мой плюшевый мишка исчез. Такой мягкий и пушистый, теплый, с большими ласковыми глазами и милой мордашкой. Я очень расстроилась. Моя черная сумка лежала посередине. Из неё беспорядочно торчали скомканные вещи. Вероятно, воры искали в ней что-то ценное, но кроме лечебной и декоративной косметики NSP ничего не взяли. А вот у Евгения забрали и гитару, и его рюкзак.

Неприятная вышла ситуация. Об ограблении я сообщила проводнице. Потом мы вдвоем долго не могли привести в чувства Евгения, чтобы сообщить ему неприятную новость и записать в протокол бригадира поезда что у него украли, а также его фамилию и адрес. Вызывать милицию не стали, как и производить обыск, ведь подозреваемые Берта и Гиви давно скрылись.

Эта досадная история с воришками отвлекла меня от мыслей и воспоминаний об Одессе. Меня ожидали родные места Донбасса, навевающие трепетные воспоминания лучшего времени в жизни – детства. А на пироне донецкого вокзала меня ждал законный муж – Паулин Борисович.

Закат окрасил небо малиновыми красками. Все та же круглая луна бледным шаром заняла свое место. Она немой

свидетелей моих преступлений – вечно одинокая луна. Поднимая глаза, я в очередной раз вспомнила Люсьена, его пленительный взгляд, прямой нос, соблазнительные губы, овал лица, и капли воды, стекающие по лицу, шее и мужественной груди во время нашего незабываемого принятия душа. Люсьен и Паулин как небо и земля.

— Валенсия, – знакомый голос мужа окликнул меня.

В освещении мощных привокальных прожекторов его круглое лицо казалось иссини бледным. Мешки под глазами, глубокие морщинки вокруг глаз, рта, на переносице громко кричали и о возрасте, и о явном недовольстве чем-то или кем-то. Неужели он все знает? – подумала я. Чувство вины так и точило сердце кровожадными червями. И как мне смотреть ему в глаза? Молча! – приободрила я себя, решив делать вид, будто ничего сверхъестественного не произошло.

— Паулин, – мы стояли на расстоянии метра, сканируя друг друга пристальным взглядом. – Что это за рубашка на тебе? Опять подарок мамы?

Без сомнений, только Изольда Бенедиктовна могла внушить Паулину отразить свою индивидуальность пышным жабо (отделка рубашки в виде оборки из ткани или кружев, спускающейся от горловины вниз по груди). Хорошо, хотя рубашка была черной и не так бросалась в глаза издали.

— Это хит сезона, – не очень то радостно ответил Паулин, теребя черные рюшки своей экстравагантной рубашки. – А тебе разве не нравится?

— По-моему жабо давно вышли из моды, – начала я мягко, стараясь не огорчать мужа.

— А мама сказала, что этот фасон очень стильный.

— Да, Паулин, твоя мама «истинный знаток современной моды». Только вот почему-то кроме тебя никто не носит таких рубашек. Не знаешь почему? – мы так и стояли на расстоянии, даже руками не коснувшись друг друга.

— Может, потому что у них нет такой мамы? – очень спокойно ответил Паулин, наконец-то взяв меня за руки. – Она ведь у меня знает толк не только в моде!

— Еще бы, – говорить о вкусах Изольды Бенедиктовны мне вовсе не хотелось, и я сменила тему разговора, спросив о нашем Елисее...

Пока мы шли к машине, оставленной на стоянке недалеко от вокзала, я слушала монотонные рассказы мужа и о надоевших ему партиях в шахматы, и о беспорядке в детской комнате. А потом снова посыпались упреки в мой адрес. Паулин был странным, угнетенным, обиженным даже, как мне показалось. Неужели он так сильно переживает из-за

моей работы? Или дело в приезде его матери? Или он чувствует себя преданным? – думала я. Паулин даже не спросил «ну, как там твой конкурс?», а я ожидала этого вопроса. По дороге домой я вкратце рассказала ему, что сочла нужным, при этом зачарованно поглядывая на небо и проплывающие огоньки. Над нами зажигались яркие звезды, чаруя меня своим далеким холодным светом.

Корабликом из звезд

*Над этим городом такие же огни
из сочетания серебряных галактик,
и лунный свет волнующей любви
рисует мой дрейфующий кораблик.*

*Плыви, в потоках золотых ночей
попутным ветром вдаль гонимый,
сквозь бурелом чужих страстей
с пьянящей сладостью малины.*

*К нему... холодным светом серебра,
рисующим мой образ в одночасье,
плыви, кораблик, легкостью пера
рисуй в звездном небе счастье.*

*Лишь для того, кто смотрит на луну,
осознавая неземное притяжение
к чужому свету, падая во тьму,
чтоб испытать запрета впечатленья.*

*Тебе, мой сон, в охапках огоньки
бросаю звездным фейерверком в небо,
плыви, кораблик преданной любви,
и расскажи, о том, что не успела*

*поведать сердцу сказочной мечты,
в красивой оболочке совершенства,
но не смогла под гнетом правоты
не испытать тепла его блаженства.*

Одно и тоже небо, звезды и луна светили мне над городом Донецком, и где-то очень далеко (я верила, что так и есть на самом деле) на это же небо смотрят и печальные глаза моего сказочного принца Люсьена Дюжесиль.

... И не смотря на то, что нашей Мурчелы больше не было, в квартире стоял неприятный запах. Было такое чувство, что два дня не выносили мусорный пакет, в котором явно лежали остатки от соленой селедки или другой рыбы.

Изольда Бенедиктовна в длинном махровом халате исключительно белоснежного цвета встретила нас у двери. Елисей оживленно крутился вокруг, пока я не взяла его на руки – моего маленького принца, радостно обвившего мою шею теплыми ручками!

— Мамичка! – мой малыш поцеловал меня в щеки.

— Моё солнышко! Я за тобой так соскучилась!

— И я «заскучился»! – прозвучало в ответ.

— Раздевайтесь, потом будете обниматься, – «её величество королева» распорядилась леденящим голосом.

— Беги, Елисей, маме нужно снять с себя верхнюю одежду, – я погладила его по светлым волосам, опуская на пол, который, кстати, три дня никто не мыл.

Одарив меня королевским взглядом, Изольда Бенедиктовна тут же заявила, что нам нужно серьезно поговорить, и едва Паулин помог мне раздеться, гладенькая изящная ручка свекрови потащила меня на кухню. Паулин же уныло молчал, виновато опуская глаза.

— Что у вас здесь произошло? – смутные сомнения роились в голове.

На кухне меня ожидал неприятный сюрприз и не только в виде забрызганной раковины, до верху наполненной грязной посудой. На коричневой столешнице белели рассыпанные сахаринки, горстки гранулированного какао вздымались как песочные барханы, утопая в растекающихся каплях молока. На желтых стенах виднелись отчетливые следы от борща, а холодильник был исписан черным фломастером в абстрактном стиле Елисея.

— Вот полюбуйся, – недовольно ворчала «графиня», разводя руки полукругом. – Разве можно женщине, матери оставлять пятилетнего ребенка одного?

— Но я оставила ребенка с вами, Изольда Бенедиктовна, – возмутилась я, – вы ведь бабушка как-никак, и женщина, и мать. А еще у Елисея есть отец. Да, Паулин Борисович? Вы что вдвоем не могли справиться с ребенком? А посуду помыть некогда было? А со стола прибрать? И куда вы смотрели, когда Елисей сам ел борщ? А когда рисовал на холодильнике? – лучшая защита, это нападения, именно этой тактике я и последовала в разговоре с недовольной свекровью, обвиняющей меня в длительном отсутствии.

— Я вам не домработница, Валюшка, а Паулин мужчина, а ты его жена, как бы между прочим, и обязана заниматься домом, а не разъезжать по фестивалям. Твоё место здесь с мужем и ребенком, – добавила она мягче.

— Я творческая личность. И считаю, что одно другому вовсе не мешает. А вот вы с поставленной задачей не справились. А может вы сами дали Елисею черный фломастер, чтобы он изрисовал холодильник?

Паулин молчал, спрятав руки в карманы. Его жабо при ярком освещении выглядело ужасно. Еще и облегающий покрой рубашки вместо того, чтобы подчеркивать достоинства, указывал на обвисший живот и полное отсутствие квадратиков соблазнительного пресса. Годы, что тут поделаешь, – поразмыслила я. Но и опять же, в 42 года стоять и молчать как провинившийся школьник, это ненормально. Изольда Бенедиктовна все-таки имела большую власть над сыном, и Паулин позволял ей помыкать собой.

— Грубиянка, – разозлилась свекровь, метая глазами молнии. Тебе совершенно нет надобности работать. У тебя, ты посмотри, какой муж есть, – она обеими руками демонстративно указала на Паулина, который заметно начинал нервничать. – У него своя фирма, бизнес. Разве тебе мало денег? Или ты в чем-то нуждаешься? Я понимаю, я всю жизнь работала, но у меня не было другого выхода. Я сама растила сына без мужа, без чьей-либо помощи. А ты? – наконец-то она остановилась, сложив руки в боки, ожидая моего ответа.

— А я не хочу сидеть в четырех стенах, – коротко ответила я, хватаясь за полотенце, чтобы убрать со стола.

— Значит так, Валенсия Викторовна, пока ты не передашь должность главного редактора своего мини-издательства в другие руки, я никуда отсюда не уеду.

— Что? Вы больше ничего не придумали? – этого я просто не ожидала (Это ж надо вынуждать меня стать домохозяйкой, угрожая тем, что мне придется еще длительное время «наслаждаться» компанией свекрови).

— Я в воскресенье никуда не уезжаю. Мы с Паулином уже побеседовали на эту тему. И я намерена погостить у вас дольше, чем обычно. Как раз попытаюсь повлиять на твое решение относительно работы и твоего творчества в целом. Не нравятся мне твои, пусть и нечастые командировки. Порядочная женщина не должна разъезжать по чужим городам без мужа.

— Паулин? – я вопросительно ждала его реакции, но он угрюмо молчал.

— Это все, что я хотела сказать, Валюшка. Теперь можешь спокойно приниматься за уборку. И обрати внимание на окна, их стоит вымыть, у вас очень пыльный город, – подняв дугой бровки и поправляя безупречную укладку седых волос, Изольда Бенедиктовна вышла в коридор.

— Паулин, ты, что язык проглотил? – я захлопнула кухонную дверь. – Что это за новости «мы уже побеседовали на эту тему»? По твоему я должна скорее рассчитаться, чтобы облегченно вздохнуть, махая платочком вслед отправляющемуся поезду, увозящему твою маму в Архангельск?

— Валенсия, я не хочу тебя огорчать, – он взял меня за плечи, при этом соблюдая дистанцию в полметра, – мама хочет остаться у нас навсегда.

— Что? А как же лесоперерабатывающая база?

— Маме уже 63 года. Какая может быть лесоперерабатывающая база? Ей давно пора сидеть дома и вязать шерстяные носки, – Паулин отнял у меня полотенце, продолжая вместо меня сметать со стола.

— А как же её любимый дом? – я открыла кран с горячей водой, принимаясь мыть посуду.

— Она его продаст.

— И купит себя дом в Донецке?

— Не знаю, – замаялся Паулин, – у нас ведь большая трехкомнатная квартира, разве нам не хватит места под одной крышей?

— Я не понимаю, Изольда Бенедиктовна хочет, чтобы я целыми днями находилась в её обществе? Я не выдержу слишком длительного общения с твоей мамой. Ты разве не заметил, в котором часу я уезжала на работу и в понедельник, и во вторник?

— Заметил, Валенсия, и мама тоже заметила, что ты её недолюбливаешь. А ведь она не сделала тебе ничего плохого, – упрекнул меня муж.

— Паулин, я дома хочу тишины и покоя, а твоя мама просыпается в 5 утра и начинает греметь чашками, ложками. А еще она заняла нашу спальню. И вообще у меня нет ни малейшего желания выслушивать её нравоученья.

— В любом случае какое-то время тебе придется её потерпеть. Потом возможно, если она все-таки продаст свой дом в Архангельске, мы подыщем ей домик в нашем городе, или квартиру, например, в нашем районе.

— Замечательно, но я как работала, так и буду работать, и твоя мама меня не заставит плясать под свою дудку.

Паулин не стал больше со мной спорить. Он молча вытирал чистые тарелки и складывал на полочку...

***О, Мария, зачатая без греха,
Сделай так, чтобы я могла грешить без зачатия.
Огюстина Броан (1824-1893).***

Пятью неделями позже, пятница 13 мая 2011 год

От навязчивых мыслей и ожидания неизвестности я полночи проворочалась на неудобной софе в детской комнате, отчего на утро выглядела вялой, как выжатый лимон. Судя по сонному лицу, кругам под глазами и бледным щекам можно было бы подумать, что мне нездоровиться.

Изольда Бенедиктовна с гордо поднятой головой готовила себе кофейный напиток из корня женьшеня, делая вид, что и вовсе не замечает моего присутствия. Меня это нисколько не огорчало. Как по мне, так я бы с превеликим удовольствием забрала Елисея и уехала далеко-далеко, чтобы больше никогда не видеть ни «снежную королеву», ни Паулина, во всем потакающего матери. Хотя Паулин последнее время допоздна задерживался на работе, и мы почти не виделись, лишь по утрам обменивались парой слов типа «ах, горячий чай» и коронная фраза «всё, я пошел, пока». Поэтому присутствие, а точнее полное отсутствие мужа меня не так раздражало, как косые надменные взгляды свекрови.

После легкого завтрака в угнетающей тишине, мы с Елисеем, как в любой будний день торопились покинуть пределы нашей квартиры, превратившейся в холодное неприветливое царство, повелевала которым сама Изольда Бенедиктовна – непоколебимая каменная леди. Майская погода за пределами серых стен радовала утренним щебетанием птиц, тонкими цветочными ароматами, наполняющими теплый воздух приятными нотками весны.

Елисей радостно побежал на встречу к таким же маленьким мальчикам и девочкам, играющим во дворе детского сада под строгим присмотром нескольких воспитателей. Миленькая голубоглазая девочка в розовом платьице играла с куклой «Барби», нанося ей по всему голому пластмассовому телу грязевую маску. Малышка старательно облепила всю куклу слоем мокрой земли, приговаривая «так ваша кожа приобретет более здоровый вид!». Я невольно улыбнулась, наблюдая эту картину. И

подумала, а что бы делала моя дочка с куклой. Грязевые ванны?

Я не просто так думала тогда о дочке. Я была почти на 100% уверена, что одесские романтические свидания оставили в моей жизни не только воспоминания. И постоянная усталость, и чувство тошноты свидетельствовали о каком-то гормональном нарушении, поэтому я перед работой заскочила в аптеку, чтобы купить тест на беременность.

В офис я пришла, как всегда раньше всех, и у меня в запасе было еще, как минимум пять минут до начала сбора всего коллектива... Дрожащими руками я держала узкую полоску бумаги, не зная плакать или радоваться двум красным отметинам на ней. Две полоски – у меня будет ребенок! Смешанные чувства мной овладели в один миг. Я и смеялась, и плакала от счастья, чуть ли не подпрыгивала на месте. Люсьен Дюжесиль, ты станешь папой! – мысленно я уже представляла, как сообщу ему эту новость. Открываю телефонную книгу: А, Б... Л – Люся (как благоразумная женщина, я предполагала, что возможно муж или свекровь захотят проверить, с кем я разговариваю по телефону, поэтому номер Люсьена я записала под коротким женским именем «Люся»), вызов, тишина – «ваш абонент находится поза зоною досяжності». Разочарование, и горьких слез мне было не унять.

Гудки немого телефона

*В молчании немого телефона
стучит ускоренно мой пульс...
и мы с тобою вопреки законам
познали сладкой неги вкус.*

*Теперь бумажный тест расплатой
за наши чувства выставляет счет...
приобретение тебя и боль утраты
гудками отправляются в полет.*

*Ты далеко... неизмеримо расстояние
от коридора до вершины, глубины,
где каждый раз слова прощанья
под звездным небом мне слышны.*

Шум приближающихся шагов поставил меня перед необходимостью скрыть следы бушующих эмоций, умыться,

улыбнуться отражению в зеркале и приступить к работе в последний рабочий день этой недели – пятнице 13-го мая. Я не суеверная, но именно тогда я боялась, что по поверьям древних культур, именно в этот день случится что-то неудачное, недоброе, что-то, что перевернет всю мою жизнь. Я предвидела выяснения отношений с Паулином и трепетно мечтала о разговоре с Люсьеном.

Время. Как же долго оно тянется в ожидании, когда стрелки, как в изнеможении еле-еле передвигаются с места на место, когда телефон упрямо молчит, а чувства бурлящим океаном готовы выплеснуться на пустынный берег офисной рутины. Стихи, поэмы, очерки – все лишь бумага с текстом Times New Roman, когда я не вникаю в суть написанных творений, порывов чьих-то внутренних ветров. Все мысли глубоко засели в подсознание, и разговоров о последствиях любовного романа с мужчинами уже не избежать. Изольда Бенедиктовна сказала бы, что большинство интрижек, увы, недолговечны, а вот ошибки, совершенные в моменты слабости, обычно носят пожизненный характер. Ошибка ли моё безумное увлечение поэтом-французом, но я благодарна судьбе и за те незабываемые моменты, подаренные романтическими апрельскими ночами, и за последствие той страсти, опьянившей нас. Я коротала время рассуждениями о чувствах, что не давали мне спокойно работать.

Телефон. Последний вызов. Снова ничего. Голоса в коридоре. Шаги. Я спустилась с небес на землю, ожидая, что кто-то должен войти в кабинет. Медленно опустила фигурную ручку, блеснув желтизной металла. Мужские черные туфли коснулись ламината, и сердце забарабанило в груди, когда глаза мельком проскользнули по наглаженным стрелкам брюк, темно-сливовой рубашке, не застегнутой на две верхние пуговички. Огромный медвежонок озорной улыбкой смотрел на меня, крепко прижатый к телу. В другой руке был чемоданчик. И самое главное этот мужчина был мой любимый Люсьен.

Его глаза сияли: серые, большие, выразительные. Льяные волосы легкими завитками падали на виски, частично прикрывали уши, контрастировали с глубоким фиолетовым цветом воротника с удлиненными острыми кончиками. Губы! Я просто онемела от счастья, и так бы и молчала, любуясь его безупречной красотой, все еще не веря своим глазам.

— Валенсия Викторовна, к вам посетитель, – оживленным голосом сообщила молоденькая девушка-секретарь, кокетливо улыбаясь в сторону Люсьена.

— Да...

Захлопнулась дверь, и мы одни. Все еще молча, я невесомым облаком плыла в распростертые объятия своего любимого. Его запах дурманил: фиалка и мускат! Даже коснувшись его плеч, я все еще не верила, что это не сон.

— Валенсия, я больше не мог не видеть тебя, – между поцелуями лился его умопомрачительный тенор. – Я люблю тебя большего всего на свете, и в темноте, и в бескрайнем пространстве космоса. Ты самая прекрасная женщина во всей вселенной!

— Я тоже тебя люблю, Люсьен.

— Валенсия, – он не прекращал меня осыпать поцелуями, шепча о своей любви. – Мне необходимо быть с тобой рядом, видеть твою улыбку, дышать с тобой одним воздухом, жить с тобой одной судьбой! Лишь твои добрые глаза делают меня счастливым!

— Я полдня звонила тебе. Ты был недоступен.

— Я потерял телефон. Ночью сел в поезд, он был на месте, а утром... но это не важно. Главное, что я обнимаю тебя не в своих ночных фантазиях, а по-настоящему, ощущая сладость твоих губ и горящее дыхание. Валенсия!

— Люсьен, у меня для тебя новость: ты скоро станешь папой!

Я наблюдала за его реакцией. Сначала тишина. Переосмысливание услышанного, наверное. Глаза неподвижно смотрели, руки крепко прижимали, а губы постепенно растягивались в улыбке. Он смеялся, подхватывая меня на руки, и кружил в воздухе, чуть ли не прыгая от радости (как и я).

— Я стану самым счастливым человеком! Да я и уже счастлив! А когда родится наш ребенок, я вдвойне счастливее стану! Как кот Матроскин! – добавил Люсьен, опуская меня осторожно и бережно, как хрустальную вазу на каменный пол.

— Я только сегодня утром узнала, а подозревать начала еще две недели назад.

— Как хорошо, что все именно так случилось. Теперь мы никогда не расстанемся, – Люсьен опустил на одно колено, держа меня за руку и покрывая её поцелуями. – Валенсия, ты окажешь мне честь, если станешь моей женой! Идем в ювелирный магазин!? Потом в кафе!?

— Я бы с радостью, но я замужем.

Люсьен помрачнел, роняя тяжелый вздох и поднимаясь во весь рост по-прежнему сжимая мои ладони.

— Твой муж о нас ничего не знает?

— Скорее всего – нет.

— А о ребенке?

— Ты узнал об этом первый.

— А не может быть, что... – Люсьен не продолжил, вероятно, подбирая слова, чтобы не обидеть меня.

— У меня с мужем давно нет отношений, если ты это хотел спросить. А в последнее время мы даже перестали и разговаривать.

— Прости, я просто подумал... Я не хочу тебя ни с кем делить. Если бы ты знала, сколько раз я грустил о тебе, поднимая глаза в ночное небо. Любить тебя, не имея возможности обнять, это невыносимая боль. Боль разлуки. Что может быть хуже, когда представляешь любимого человека в чужих объятиях. А ты замужем. Но как же приятно было читать твои письма, осознавая, что ты есть на этой планете. Ты – человек, который любит и, оказывается, носит под сердцем частичку нашей любви.

— О, Люсьен, ты не зря любовался звездами, потому что я делала то же самое. Я чувствовала себя такой одинокой и боялась, что наши отношения лишь иллюзия любви, увлечение, которому не суждено будет связать нас одной розовой ленточкой на тугой узел. Эта розовая ленточка как тот одесский весенний воздух: неуловимый, но творящий чудеса! Я боялась остаться в твоей жизни лишь коротким воспоминанием о двух страстных ночах.

— Я боялся того же. Но судьба свела нас для того, чтобы мы были вместе. И зарождение новой жизни подтверждение тому. Мы будем мужем и женой. В горе и радости, в богатстве и бедности. Ты и я, и наши дети! Наша встреча не случайна. В этом жизненном хаосе мы как две половинки единого целого смогли обрести друг друга, понять и полюбить вопреки нормам морали о супружеской верности. Мы уже преодолели барьер измены, вкусили плод запрета, и теперь настало время объявить об этом миру.

— Всему миру?

— Начнем с твоего мужа, милая. С этой ночи ты больше не останешься с ним под одной крышей. Ты ведь станешь мамой моего ребенка, и я хочу и должен заботиться о тебе.

— Ты хочешь, чтобы я сегодня же собрала вещи, но...

— Никаких «но». Мы все решим, все обсудим, и никогда больше не расстанемся. Если бы ты знала, как я ревновал тебя к твоему законному мужу. Сердце сжималось от боли от одной только мысли что ты с ним, а не со мной. Опасение быть отвергнутым заставляло искать способы сохранить тот огонь, зажженный апрельской Одессой в наших сердцах. Я

каждый день писал тебе стихи, с надеждой ждал ответа, я верил, – тихие нежные слова слетали с его губ, и казалось, что даже сердце стучит громче. – Я верил что чувство, сблизившее нас не просто страсть, а чистая и светлая любовь.

– Да, я с тобой согласна. И даже хорошо, что мы живем в разных городах, так мы испытали наши чувства на прочность. Ведь только на расстоянии можно точно разобраться в себе, в первую очередь, чтобы отделить розовые мечты от реальности, отличить серьезные побуждения от флирта и игры в любовь. Меня огорчает только то, что я перешагнула через свой шестилетний брак, идя на встречу собственному счастью.

– Это говорит о том, что у тебя есть совесть, человечность и широкая душа!

– Я изменница и предательница.

– Ты самая прекрасная женщина в мире! – Люсьен нежно обнял меня, целуя в мочку уха. – Не обвиняй себя в желании быть счастливой. В конце концов, если ты не была счастлива в браке, зачем же продолжать весь этот маскарад? Не лучше ли дать и твоему мужу шанс обрести свое истинное счастье? Ведь каждый человек имеет право на любовь. Каждый. И ты тоже.

– Я хочу быть с тобой, Люсьен Дюжесиль, и ради нашего счастья я готова поставить все точки над «и» сегодня же вечером, – я настроилась решительно.

– Сделаем этот шаг вместе, Валенсия Дюжесиль! – улыбнулся Люсьен, блеснув ровным рядом белых зубов. – Ты же возьмешь мою фамилию?

– Думаю «да»!

– «Да» возьму фамилию или «да» поговорим с твоим мужем вдвоем?

– И то, и другое, Люсьен. Вот никогда бы не подумала, что в пятницу 13-го решиться моя судьба. Еще вчера мне жизнь казалась пыткой. Мне не хватало твоего пленительного взгляда, нежных рук и теплых ласковых губ, способных обжигать сладострастным огнем. Я жалела, что нет возможности быть просто рядом, но чувствовала в твоих стихах и письмах ЛЮБОВЬ! И сейчас я на седьмом небе от счастья! Ведь больше месяца прошло, а я как тогда 6-го апреля, хочу растаять в твоих руках. И словно мы не в офисе среди холодных стен, а на мосту Поцелуев под звездным небом Одессы!

— Ты моя сказка, рыжеволосая бестия, похитившая мой покой! – и снова он кружил меня в воздухе, шепча о любви. – Я люблю тебя! Люблю! Люблю!

— Люсьен, любимый, мы больше никогда не расстанемся! Никогда!

— Никогда! Тебе нравится мишка? – Люсьен взял за ухо плюшевую игрушку и протянул мне. – Он почти такой, как тот одесский подарок.

— Он еще лучше! Потому что его подарил человек, которого я люблю всем сердцем!

— Любимая, – Люсьен нежно поцеловал меня, а потом посмотрел в сторону, где громко тикали настенные часы. – До которого часа ты работаешь? Я хочу сегодня еще успеть купить тебе колечко в знак своей любви.

— Люсьен, рабочий день уже подходит к концу, но мне еще нужно будет забрать ребенка из детского сада. А потом, я даже не знаю, Паулин приезжает с работы очень поздно, не сообщать же ему о нас по телефону?

— Постой, – Люсьен снова внимательно рассматривал стены, – ты говоришь, последнее время Паулин возвращается поздно и утром рано уезжает, и вы друг друга почти не видите, не общаетесь, так? Ваши отношения были такими же холодными и до творческого конкурса в Одессе?

— Не совсем, я бы сказала, еще в начале апреля он просил меня бросить работу, стать домохозяйкой, родить еще одного ребенка, съездить с ним куда-нибудь в отпуск. Его мама тоже настаивала, чтобы я сидела дома, даже грозилась, что не уедет, пока я не рассчитаюсь. Она так у нас и живет до сих пор, хотя приехала якобы всего на недельку. А что? – удивилась я, наблюдала, как Люсьен рассматривает каждый угол.

— Тебе не кажется, что твой Муж все знает о нас? Та женщина, уборщица в старом пальто, Мария, забыл отчество...

— Григорьевна.

— Вы больше не пересекались?

— Нет, я больше её не видела.

— Похоже, она и вправду шпионила за нами. Смотри, – Люсьен взял стул, поставил его в угол слева от двери, встал на него и сорвал с потолочного плинтуса маленькую серенькую пуговичку.

Но это была никакая ни пуговичка, ни элемент декора, а беспроводная миниатюрная видео камера – серый квадратик с закругленными углами и красной точечкой в центре.

Паулин следил за мной, подозревая в измене. Именно поэтому он еще больше отдалился от меня, – думала я.

— Её нужно сейчас же разбить, – сказала я, выхватив камеру из рук Люсьена.

Бросив её на пол, я безжалостно прокрутила каблуком по издающим хруст маленьким деталям, которым больше не удастся подсматривать и подслушивать ни за кем.

— Нам нужно поспешить забрать малыша из садика, пока нас не опередили, – Люсьен взял меня за руку. – Идем. Думаю, сотрудники не огорчатся, что ты отпустишь их на 15 минут раньше?!

— Да, сейчас, – нужно было еще отключить ноутбук и положить его в сумку. – Как он посмел установить в моем кабинете камеру? – возмущалась я, едва сдерживая накатившиеся от волнения слезы.

— Успокойся, любимая, его тоже можно понять, – его рука накрыла мою, горячие поглаживания были нежными и ласковыми как всегда.

— Ну конечно, это я во всем виновата. Я изменница, а он жертва. Поэтому ему все прощательно? – я обвиняла мужа, но при этом чувство вины перед ним не давало мне покоя.

— Все уладиться, милая, не переживай. Тем более тебе теперь нельзя волноваться, береги себя и нашего малыша, – голос Люсьена обладал удивительно успокаивающими свойствами, и я попыталась взять себя в руки.

— Я готова, мы можем идти.

Коллеги без тени стеснения рассматривали моего очаровательного спутника в яркой рубашке цвета спелой сливы. Ирина Сергеевна, даже одобряюще подмигнула, словно уже догадывалась, что этот сказочный принц уже давно похитил мое сердце и покой! Остальные были довольны, что рабочий день пятницы 13-го закончился немного раньше, и торопливо готовились как можно скорее подкрасить губки, расправить юбки, и вперед – домой в приподнятом настроении!

...Люсьен шел все еще с чемоданом и медведем, и всячески винил себя, что не остановился в каком-нибудь отеле и не оставил там личные вещи до того как начал искать адрес моего издательства. Он даже не мог взять меня за руку, потому что обе его руки были заняты.

Запах борща витал в воздухе на первом этаже детского сада. Родители деток уже толпились в неуютном маленьком коридорчике в ожидании своих чад. Полная женщина в голубеньком халатике сразу заприметила нас с Люсьеном.

Это была дежурная няня, в обязанности которой входило звать малышей, чьи родители уже за ними пришли.

— Здравствуйте, мы за Елисеем Перольским, – не дожидаясь вопроса, с порога заявила я.

— Детки кушают, ожидайте, – прозвучало в ответ.

Ничего не оставалось делать, только ждать. А ожидание это весьма утомительное занятие, особенно когда страх и беспокойство держат в напряжении каждый мышц. Вдобавок ко всему собравшимся мамам и папам пришлось стать невольными слушателями одного длинного телефонного разговора, или точнее это было больше похоже на монолог. Громкий голос заведующей детсадом разлетался эхом по длинному пустынному коридору, куда родителей не пускали:

«Это уже не первый случай, когда вы забываете забрать ребенка из садика. Одно дело если бы вы единожды по каким-то причинам задержались на три часа, а потом извинились, пообещав, что такое больше не повторится, мы могли бы войти в ваше положение. Но если вы систематически не забираете ребенка вовремя, при этом зная, что в 18.00 рабочий день воспитателей заканчивается, я вынуждена буду в конце рабочего дня сдавать вашего ребенка в детскую комнату милиции. Может, тогда вы перестанете забывать, что дети это в первую очередь большая ответственность родителей».

Оказывается, некоторые родители умудряются даже забыть забрать ребенка из садика. Я же переживала, как бы не столкнуться лицом к лицу с Паулином, который вероятно уже знал о моих планах на ближайшее будущее, и он бы точно не забыл о Елисее.

— Где же мой мальчик? Сколько можно кушать? – как же мне было беспокойно на душе.

— Главное, что он еще не покинул стены детского сада. Так ведь? И мы обязательно его заберем. – Люсьен напугал меня еще больше.

— А что если Паулин опередил нас?

Я уже сорвалась с места, желая лично убедиться, что мой сын еще здесь, как Елисей появился, осторожно спускаясь по ступенькам. В его руках болтался полупрозрачный желтый пакетик с изображением двугорбого верблюда, что означало необходимость постирать мокрые штанишки.

— Мамичка! – радостный крик Елисея стал лучшим вознаграждением за длительное ожидание.

— Моё солнышко, – я обняла своего птенчика, – идем в раздевалку, я помогу тебе одеться!

— Какой «касивый» мишка! Я «тозе такова хацю!» – и его пухлые ручонки потянулись к мягкой лапе симпатичного медвежонка.

— Он твой, ну-ка обними его! Обхватишь? – Люсьен присел, вручая подарок размером больше самого Елисея.

— Какой он «халосый!» – радовался малыш, прижимаясь к пушистой мягкой игрушке.

Все наблюдали за трогательной сценой. Что может быть приятнее счастливых детских глаз, излучающих неподдельную радость?

... Его привлекательная машина – современный седан Almerу остановился у обочины. Открылась дверца, и Паулин с лицом разъяренного быка выскочил, как ошпаренный. Он метнул к приоткрытой калитке, тяжелой походкой передвигаясь по плитке выложенной в шахматном порядке.

— Это мой муж, – не скрывая испуга, взглянула я в серые и по-прежнему спокойные глаза Люсьена.

За нами только-только захлопнулась дверь. И вот мы втроем стоим на пороге застывшие, как статуи. Казалось больше и нет никого: только мы и летящий на нас Паулин. Хотя по дворику детсада в тот момент не спеша проходила старенькая бабушка. Опираясь на трость, она медленно, но уверенно приближалась к нам. А позади, как смерч, несясь рассерженный муж, устремленный дикими глазами на Люсьена.

— Отойди с Елисеем в сторону, – шепнул непоколебимый голос, – дело принимает серьезный оборот.

Елисей удивленно смотрел на своего отца. Обняв огромного медведя, малыш нерешительно последовал за мной, оглядываясь назад.

— Только без глупостей, Люсьен, я прошу, – и больше я ничего не успела сказать, да и перекричать маты бешеного Паулина я бы не смогла.

— Закрой глазки, закрой ушки, все будет хорошо, – просила я Елисея, повернув его к себе лицом и прижимая его голову к бедру.

Старушка тоже начала кричать. Испуганным голосом, поднимая трость вверх, она сзывала людей на помощь, в то время как два прилично одетых мужчины, будто дети, катались по зеленому газону. Люсьен яростно защищался, позволив Паулину первому нанести удар костяшками широкого кулака в челюсть. Я боялась вмешаться в их драку, опасаясь и самой пострадать от рук обманутого мужа. И как назло, в это время в дворике не было никого, кто мог бы их развести в разные стороны.

Не избежать расплаты часа

*Не избежать расплаты часа,
и круг, начертанный судьбой,
не разорвать как цепи трассы
одной безадресной мольбой.*

*И два мужчины в одной стычке
наперекор моим словам
воспламеняются как спички,
деля меня напополам.*

Паулин угрожал расправой, грозился лично закатать Люсьена в асфальт. Казалось, их силы равны, и я еще больше забеспокоилась, что эта драка плохо закончится. Вот они уже снова на ногах. Оба злые, как волки, окровавленные, с разбитыми носами, но продолжают наносить друг другу увечья. Под ними поникли желтые нарциссы. И газон, и клумба стали им полем боя, рингом, с двух сторон огражденным решеткой забора и зелеными кустарниками.

Неожиданно в руках Паулина появилась корявая сухая ветка. Он пронырливо вытащил ей из зеленых кустов, так словно она заранее была им там припрятана для подобного случая. И как опытный монах Шаолинь, он начал избивать Люсьена по корпусу: справа, слева, справа, слева. Тяжелые лязги ударов по телу больно было даже слушать.

— Ты ведешь себя как ребенок, у которого отняли игрушку, — переводя дыхание, бросил ему в лицо Люсьен.

— Это была моя любимая игрушка, — ответил Паулин, рассекая воздух тяжелой палкой, и нисколько не смущаясь, что подает своему же сыну дурной пример.

Он промахнулся, и Люсьен сноровисто схватил за второй конец палки. Они боролись за право владеть единственным оружием в этом сражении. Снова падали и поднимались, не упуская возможности сделать противнику как можно больнее: ударить коленом в грудь, локтем по спине, кулаком в бровь.

*И гнев обманутого мужа
вдруг адским пламенем из глаз
летит стрелой, вселяя ужас
в его угрозы злобных фраз:*

*«Я не позволю стать счастливой
с твоим поэтом молодым...
была женой ты мне строптивой...
не будет больше он живым.*

*Убью за грех и в наказание
за похищение тебя,
за причиненные страдания
жестоким правдой бытия».*

Паулин во все горло орал, что убьет Люсьена. Он был уверен в своих силах и решительно кидался в драку. За невысоким забором образовалась кучка любопытных подростков. С тротуара, раскрыв рты, они с интересом наблюдали за происходящим. Бабушка с тростью, ускорив шаг и постоянно оглядываясь в сторону сцепившихся мужчин, громко возмущалась тем, что среди белого дня зрелые дядьки устроили разборки. Больше наблюдать безучастно я не могла.

— Елисей, бегом обратно в садик, – уже не сдерживая слез отчаянья, я поспешила спрятать ребенка среди детей и за одно попросить двух пап, которых я видела в коридоре, помочь разнять дерущихся мужа и любовника.

Мы вновь перешагнули порог детсада. А бабушка уже и успела поднять всех на уши. Повариха и одна нянечка первыми поспешили посмотреть, что же происходит за стенами детсада, да и только. Они вышли с помещения, устремив свои взгляды в угол зеленой лужайки, где на фоне густых кустов Паулин торопливо уходил по газону, волоча поврежденную ногу и, видимо, боялся на неё даже наступать.

*Удары кулаками в челюсть...
мой принц еще на высоте,
а мужа хлещет злая ревность,
твердя ему о правоте.*

*Я не желала ход событий
до точки «игрек» доводить,
и до минут кровопролитий
мужчин хотела вразумить.*

*Меня уже никто не слышал,
и в драке на глазах детей*

*у обоих слетала крыша
от возмутительных идей...*

Дети и мамы, и папы выходили на улицу, и шли себе спокойно, даже не думая вмешиваться. Ступая по квадратным плиткам, они как неправильные шахматные фигуры просто шли вперед.

— Остановите их, ну, кто-нибудь, – я перешла на громкий крик. И меня услышали.

Лицо Люсьена было разбитым. Синяки и ссадины, кровь, размазанная по подбородку, багровые потеки по шее, испачканная и порванная рубашка – ужас. Он шел мне навстречу. Но Паулин резко и неожиданно снова набросился на него сзади. Люсьен ловко присел, поворачиваясь к врагу лицом и прикрываясь щитом из сильных рук. Увесистые тумачи снова посыпались градом.

Тем временем к детскому саду подъехали еще две машины. Были ли это родители, приехавшие забрать детей, или случайные свидетели кровавой драки, я не знала. Но они не стояли истуканами и не проходили мимо, а сразу же поторопились разнять двоих «сумасшедших».

*Потоком кровь на их рубашки
стекала в страшной тишине,
и капель спелые фисташки
чернели в лучезарном дне.*

*Автомобили тормозили,
прохожие полезли в бой...
бессовестно, но полюбили
друг друга этой мы весной.*

Люсьен тоже довольно умело бил Паулина по лицу кулаками. После очередного удара, мой избитый муж упал на землю, свернулся клубком и закрылся руками. Он сдался. Помощь двух смельчаков не понадобилась.

*Угомонились. Я так рада,
что стихли лязги кулаков...
а ярким пламенем из ада
не возвращается любовь,*

*не избежать расплаты часа,
и круг, начертанный судьбой,*

*не разорвать как цепи трассы
одной безадресной мольбой.*

Те двое подбежали к Паулину, и мне до них больше не было никакого дела, как и до состояния мужа. Все внимание я переключила на своего рыцаря, широкоплечего сильного мужчину, доказавшего в честном бою, что он точно не даст меня никому в обиду. Я бросилась к нему. Мы бежали друг другу навстречу в солнечном дворике сада. Я смотрела в серые глаза, улавливая его двоякие чувства. В них были и проблески злых огоньков, и нежные ласковые эмоции, передаваемые мне всю глубину его любви и переживания. Я хотела тогда крепко обнять Люсьена, но он лишь взял меня за руки и остановил, не позволяя испачкаться о его рубашку.

— Не бойся, всё будет хорошо, — на удивление уравновешенно говорил Люсьен, стараясь скрыть злость, но я то уже могла понимать его, словно мы знакомы вечность.

— Можно я поухаживаю за тобой? У меня в сумочке есть влажные салфетки, — и я дрожащей рукой расстегнула тугой замочек и на ощупь стала искать нужное содержимое.

— Где Елисей, — Люсьен присматривался к собравшимся на ступенях нянькам, среди которых и стоял мой малыш, крепко обнимая подаренного мишку. — Он видел как я бил его отца?

— Надеюсь, что нет, — ответила я, вытирая пятна крови с его лица, — но то, что вы подрались, он точно понял. Глядя на вас, разве не понятно чем вы занимались?

— Мне очень жаль, что все так вышло. Я бы не хотел, чтобы Елисей с первого дня нашего знакомства возненавидел меня.

Его глаза смотрели печально то на меня, то в сторону Елисея. Люсьен даже краем глаза поглядывал на другой край газона, где Паулину уже помогли подняться.

— Елисей еще маленький, он не знает что такое ненависть. И, кстати, нам нужно скорее отсюда уходить, я неловко себя чувствую под пристальным вниманием окружающих.

— Забираем малыша, и едим в гостиницу...

Таксист подозрительно окинул оком Люсьена, но ничего не стал говорить, было итак понятно, что он беспокоился за чистоту сидений своего авто.

— На набережную р. Кальмиус, к гостинице «Эдем», — я невольно вспомнила нашу ночь в «Пассаже», и мне захотелось её повторить. Но уже не на берегу Черного моря, а в живописном уголке Донецка.

«Эдем» возвели на пересечении деловых маршрутов в центральной части города. Поэтому из окна автомобиля Люсьен мог полюбоваться новыми строениями торгово-развлекательных центров, парков. А главное, я показала ему гордость Донецка – один из лучших в Европе стадион класса люкс «Донбасс Арена» с шикарной парковой зоной, садом камней, цветочными клумбами, фонтаном в виде вращающегося футбольного мяча. Похоже, в тот день как раз проходил матч, потому что площадь была наводнена фанатами в черно-оранжевых шарфах и масках кротов.

— А у вас весело! – Люсьен поглядывал через стекло.

— «Потому со много дядей хотят по улицам с желто-черным лицом?» – спросил Елисей, пристально смотря в глаза Люсьену, словно хотел спросить «а почему у тебя лицо наполовину фиолетовое, почти как рубашка».

— И поэтому тоже! – Люсьен нежно взъерошил светлые волосики Елисея, задержав свой ласковый взгляд, прежде чем потянуться рукой к моим сережкам.

Его горячие пальцы с опухшими костяшками и стертой кожей легонько поправили запутавшуюся в рыжих локонах удлиненную серьгу с пятью жемчужинами на цепочках разной длины. Потом Люсьен осторожно тронул подбородок, вроде бы прося разрешения взглянуть и на вторую сережку. Я предоставила ему и такую возможность. Возбуждающие прикосновения распалили огонь моих чувств. Волна страсти прокатилась по всему телу, умиротворяя волнительные мысли.

Но мне нужно было подумать обо всем случившемся в этот непредсказуемый и богатый на события день. В одночасье моя прежняя жизнь стала перечеркнутым листком бумаги. То, что имело значение, потеряло всякий смысл, оставив лишь необходимость расставить все точки над «и». Документы, личные вещи – по сути, у меня ничего этого нет. Зато есть два любимых и любящих меня мужчины: Люсьен Дюжесиль и Елисей Перольский. Но чтобы расставить все по своим местам, мне как минимум придется еще не раз столкнуться и с Паулином, и Изольдой Бенедиктовной, которая как чувствовала, что есть во мне предпосылки неверности. Как же я не хотела даже представлять драматические сцены в исполнении «его величества».

— Гостиница «Эдем», – монотонно произнес водитель, – с вас 50 гривен.

— Секундочку, – я остановила Люсьена, который явно хотел достать портмоне. – Возьмите, – я опередила своего пострадавшего возлюбленного, так как моя сумочка была у

меня на коленях, и мне не пришлось долго искать в ней кошелек.

— Всего доброго, – вежливо произнес седовласый водитель, положив купюру в боковой карман джинсовой потертой ветровки.

— Всего доброго...

«Эдем» не зря так называли. Это было действительно райское место, оазис промышленного мегаполиса, расположенный вдали от шумных транспортных развязок Донецка. Пятиэтажное здание, отделанное кирпичом песочного цвета, утопало в густой зелени декоративных кустарников, роскошных клумб и безупречных газонов. В оформлении фасада тесно переплетались классические и современные дизайнерские решения: высокие колонны средневековых дворцов и лепка, и пластиковые зеркальные окна, сливающиеся в семь стеклянных полос, между которых и стояли могучие необъятные колонны.

— Красивое здание, – Люсьен, как и я любовался отражением голубого неба в зеркальных стенах.

— Да, только здесь и цены «красивы», – я взяла Люсьена за руку, – на сколько дней остановимся здесь?

— У меня отпуск две недели, Валенсия, – он опустил свой чемодан на тротуарную плитку, и повернулся ко мне лицом.

— Я хочу увезти тебя с собой в Житомир, как только ты уладишь свои дела с издательством и мужем.

— На это может понадобится гораздо больше времени. Если управление издательством я еще могу переложить на чужие плечи хоть сегодня, то подать на развод без паспорта я точно не смогу. В первую очередь мне нужно забрать свои личные вещи из квартиры, но не сегодня. Пусть Паулин остынет немного. Может, завтра, – рассуждала я.

— Так, думаем дальше, – продолжил Люсьен. – Если у тебя на руках будут все документы, подать на развод ты сможешь уже в понедельник. Значит, до понедельника мы остановимся в гостинице, а потом видно будет. Возможно, во вторник мы будем уже в Житомире.

— А если Паулин в отместку не пустит меня даже на порог? – подумала я вслух.

— Вызовем милицию и устроим ему большущий скандал, так чтобы надолго запомнилось! – Люсьен на удивление еще и находил силы шутить.

— Ты такой оптимист! Идем уже!

И мы пошли ...

Из предложенных категорий номеров мы выбрали обычный номер Triple с тремя отдельными спальными

местами (30\$ - сутки). Администратор, женщина в возрасте любезно выдала нам ключи, бросая жалостливые взгляды на Люсьена. Она не задавала лишних вопросов, но по глазам было видно, что такие клиенты здесь редкость. Выглядел, конечно, Люсьен не как солидный мужчина, а скорее, как избитый студент, и вероятно, что никто бы не подумал, что у этого бедного студента портмоне туго набито зелеными купюрами. А как только Люсьен расплатился, продемонстрировав свои средства, администраторша сразу учтиво зашебетала, как голосистая канарейка:

— Кроме того, дорогие гости нашего райского уголка, для удобства постояльцев на первом этаже ежедневно с 7.00 до 23.00 ч открыт супермаркет, в котором можно полноценно поужинать, не выходя за территорию отеля. У нас очень хорошие повара и широкий ассортимент блюд. Особенно жильцы очень хвалят хлебобулочные изделия наших пекарей. Советую обязательно попробовать! (Она даже в лице изменилась, настолько уж мило стала моргать длинными ресницами, рассматривая фигуру Люсьена, наверно, представляла его без синяков и ссадин, и в чистой наглаженной одежде.) Если что надо, обращайтесь! Кстати, у нас и аптека есть! Может, вам нужно купить мазь от ушибов или еще что-то, – вот какую силу над людьми имеют деньги (если в кошельке пусто, на тебя смотрят сверху вниз, в лучшем случае с жалостью, а в худшем – с призрением, а если ты с деньгами – сразу улыбаются и стараются угодить).

В «Эдеме» можно было спокойно и полноценно и отдыхать, и работать. В здании отеля для этого предусмотрен конференц-зал, а в каждом номере кроме кондиционера, есть доступ к бесплатному высокоскоростному Интернету, спутниковое телевидение и даже мини-бар (любой каприз за ваши деньги). Так что для романтического вечера нам нужно было лишь пораньше уложить спать Елисея. Гулять по Донецку в огнях ночных фонарей и в свете ярких неоновых вывесок мы и не собирались. Но показать Люсьену город я все-таки хотела, но по стечению обстоятельств, прогулку нужно было отложить.

... После принятия душа мой герой выглядел немного лучше. Я поухаживала за ним: нанесла тонким слоем лечебную мазь и на лицо, на тыльную сторону правой ладони, на плечи, синеющие от сильных ударов Паулина, который колотил Люсьена как боксерскую грушу.

Елисею со временем наскучило носиться с медведем, и он стал задавать вопросы: почему мы не дома, где папа, а почему дядя Люсьен и папа дрались и т.д. Естественно,

рассказывать пятилетнему ребенку все нюансы наших супружеских разногласий я не собиралась. Я отвлекла его разговорами о виде из окна. И мы вдвоем смотрели на возвышающиеся над зеленью деревьев купола Свято Преображенского Кафедрального собора, на красочные островки разноцветных цветов, декоративные кусты в форме различных фигур, застывших в лучах заходящего солнца. А после ужина в кафе, расположенного в зоне супермаркета, мы с Люсьеном по очереди рассказывали Елисею полтора часа сказки, пока он наконец-то не сомкнул глазки, погружаясь в сладкий сон.

— Спит! Мой малыш! – я говорила шепотом, боясь разбудить свое чадо.

Я заботливо укрыла Елисея одеялом. Веселый мишка, расставив мягкие лапки, как две подушки, занял дежурное место в ногах сына, как бодрствующий голубоглазый охранник.

— Спит! Ты каждый раз так долго улаживаешь его спать? – Люсьен тоже говорил шепотом, маня меня взглядом на кровать.

— Нет, что ты?! Обычно я ложу его в постель, читаю или рассказываю одну сказку на ночь, а потом тушу свет, и он сам засыпает, – ответила я, присаживаясь рядом с Люсьеном на краешек мягкой кровати.

Его рука скользнула по кофточке, и я, невесомым перышком легла в пушистые облака синтепонового одеяла. Страстные губы оставили влажный след шее, а потом наши уста слились в опьяняющем поцелуе. Но ненадолго. Люсьен приподнялся, загадочно оглядываясь по сторонам.

Идеально ровные стены, окрашенные в тепло-розовые тона, поблескивали, местами отражая приглушенный свет двух бра в виде сиреневых колокольчиков. Черный квадрат огромного окна был скрыт полупрозрачной органзой-хамелионом, меняющей цвет в зависимости от углов освещения. Абстрактные лепестки на тюли золотистыми красками напыления создавали иллюзию объемных рисунков полевых цветов, застывших во времени. Ламбрекен цвета заката глубокими воланами и легкими облаками голубых широких лент красовался вечерним небом над колышущимися травами органзы. С полотна над широкой двуспальной кроватью, обрамленного декоративной деревянной рамкой, на нас смотрела подведенными черными глазами жрица египетского царства. Её волосы цвета оперения ворона резко контрастировали с белизной молочной ванны, украшенной горящими свечами и крупными

бутонами алых роз. Лепестки красными корабликами бросили свои якоря в молочном океане, и восточная царица с соблазняющим взглядом, так и застыла, по прихоти художника протягивая руки, словно маня своего фараона. А мой малыш под цветочным одеялом крепко спал на тахте, удачно размещенной в углу.

— Валенсия, позволь ненадолго отлучиться, – тихонько произнес Люсьен, встав с постели.

— Ты куда? – спросила я после того, как поняла, что Люсьен собирается покинуть номер.

— Я быстро. Немного таинственности, ожидания, и я скрашу наш романтический вечер небольшим сюрпризом, как сладкой вишенкой украшают молочный коктейль! – интригуяще заявил мой принц, засовывая портмоне в задний карман тонких брюк.

— Не надо куда-то идти, ты и есть моя сладкая вишенка! – хотела я его остановить, но Люсьен решительно хотел что-то купить.

— Я хочу скрасить этот вечер восхитительными эмоциями, – улыбнулся Люсьен опухшими губами, – день был трудным, настало время отдыха.

Легкий поцелуй, и мой возлюбленный скрылся за деревянной дверью. Я провернула ключ на один оборот, и еще раз внимательно оценила наш номер. Снимая надоевшие серьги, присела на край кровати. В голову опять рвались серые мысли:

Если бы Люсьен не приехал ко мне в офис, я бы ночевала дома. Паулин снова приехал бы поздно, и мы увиделись бы только наутро за чашкой чая. Мы так и играли бы роли семейной пары, создавая лишь видимость тлеющих угольков семейного благополучия. На самом деле все чувства давно перегорели. И рано или поздно нужно было бы все расставить по своим местам. Тем более что я ждала ребенка не от мужа, и Паулин, оказалось, с самого начала знал о моем предательстве, но прятал голову как страус из мультфильма в песок. На что он надеялся? Наверное, что поэт-француз лишь увлечение? Что я забуду короткий роман, и все будет по-прежнему? И он был готов с этим жить? Чужая душа потемки. А там еще и Изольда Бенедиктовна, как пить дать, приложила свою леденящую руку. Я не удивилась бы, что идея установить у меня в офисе миниатюрную камеру наблюдения принадлежала именно ей, – размышляла я в тишине гостиничного номера.

Тук-тук-тук, – кто постучал в дверь. Я на мгновение испугалась, но оперный голос Люсьена, пусть даже он говорил тихо, меня успокоил: «Валенсия, это я!»

Его счастливый взгляд серых глаз сразу перечеркнул все грустные мысли. И пусть лицо моего героя выглядело как у гладиатора после ожесточенной схватки с саблезубым тигром, Люсьен был великолепен. В его руке благоухали розовые розы – букетик из семи пахучих цветов без излишних оберток, пленок и бумаги. Только цветы – прекрасные и колючие. Он протянул мне розы со словами: «Осторожно, милая – шипы». Заботливый, нежный, самый лучший! – восхищалась я, вдыхая тонкий аромат.

— Спасибо, Люсьен, они такие красивые!

— Их красоте с твоею не сравнится, моя богиня, свет очей, царица! – протяжным голосом Люсьен мне делал комплименты, и мне казалось, что и щеки у меня порозовели в тон нежных лепестков подаренных цветов.

В другой руке желтел пакет, наполненный, как мне показалось, фруктами. Но Люсьен не спешил мне больше ничего показывать, и шепотом, едва удерживая интригующую улыбку, предложил мне принять душ, пока он подготавливает для меня самый главный сюрприз.

Я последовала его совету, точнее просьбе дать ему хотя бы 5 минут на приготовление нашего романтического праздника...

Красивый столик со стеклянной столешницей, что изначально стоял на своих фигурных металлических ножках у стены между нашей кроватью и тахтой, где сладко посапывал Елисей, теперь занял центральное место у изножья широкой кровати, усыпанной розовыми лепестками.

Высокие красные свечи в красивых подсвечниках, изготовленных в классическом стиле, горели, наполняя комнату приятным и нежным ароматом бергамота, дарующим покой, а танцы огоньков в полумраке восхитительно разыгрывали воображение. Кому-то, может быть, не хватало бы медленной музыки для полного ощущения интимной обстановки, но у нас похоже эта музыка звучала в душе.

В двух бокалах искрилось шампанское, над разбросанными и по столу розовыми лепестками возвышалась коробка шоколадных конфет, тарелка с фруктами, блюдецко с миндальными орехами и небольшой торт в форме сердца. Белые салфетки лежали треугольником на белых тарелочках. Справа от каждой был и нож, а слева вилка.

— За нас, любимая! – Люсьен протянул мне бокал, и мы впервые выпили на брудершафт.

На мне кроме белого гостиничного халата были только комнатные тапочки мужской расцветки в крупную клеточку. Без каблучков я была ниже Люсьена на целую голову, и в его объятиях я чувствовала себя птенцом под материнским крылышком. Жестом, стараясь лишний раз не нарушать тишину, а вместе с ней и сон ребенка, Люсьен пригласил меня присесть.

— Давай съедем по кусочку сладенького тортика, а потом сыграем в одну игру, – с горячим дыханием шепот слетал с его губ.

— Что за игра? – удивилась я.

Но когда я подняла салфетку со своей тарелочки, руки невольно остановились. Я замерла, любуясь блеском обручального колечка, отражающего красные огни свечей золотыми бликами на белую гладь фарфора.

— Это тебе, моя милая Валенсия, в знак моей любви и безграничного счастья по поводу самой приятной новости, которую только может преподнести женщина любящему мужчине – сказать, что он станет папой!

— Любимый, ты такой романтичный, как принц на белом коне, как рыцарь из доброй сказки!

Его посиневшие пальцы, наверно, с болью сжимались, но Люсьен бережно взял мою правую руку и легким движением снял с безымянного пальца старое тонкое кольцо, надев вместо него новое колечко шириной около 5-6 мм, украшенное круглыми светящимися камнями по всей окружности. А обручальное кольцо, надетое более 6 лет назад на мой палец Паулином, так и осталось лежать на краю стола.

— Я люблю тебя, Валенсия!

— Я тоже тебя люблю.

Потом мы играли в интересную и возбуждающую игру – в кубики желаний. На каждой грани голубого небольшого кубика было написано, что нужно сделать, глаголы: погладить, помассировать, поцеловать, лизнуть, укусить... А на втором кубике были написаны части тела. И я, и Люсьен бросали по одному кубику. Тот, кто бросал голубой кубик, выполнял написанное действие. Например, поцеловать животик, лизнуть шею, помассировать ухо, укусить губы. После такой игры невольно захочется продолжить доставлять друг другу удовольствие, чтобы в итоге испытать до дна чашу грации и блаженства в объятиях своего партнера, и, не закрывая глаз, черпать энергию бушующей любви,

отражающуюся в зеркалах наших душ. Это незабываемые моменты, когда искрами бенгальских огней светятся глаза любимого человека!

Поцелуи при звездах

*Самую я сладкую конфетку
блеском ночи с приоткрытых губ
сорвала устами, словно с ветки
аромат черемухи. Вокруг*

*пели соловьи негромко песни,
королева звездная с вершин,
опускаясь серпантином лестниц,
собирала музыку в кувшин.*

*Жаром поцелуя губы пахли,
шоколадом горьким, а на вкус
возбуждающим концом спектакля,
восхищением, огнем. И грусть*

*синей зачарованной богини,
проливающей печаль в окно
волшебством едва заметных линий,
опьяняла красотою, но*

*трезво я срывала поцелуи
блеском ночи с приоткрытых губ,
прогоняя сонную тоску, и
забывая обо всем вокруг.*

*И огнями звезды нам светили,
позволяя видеть все во тьме:
руки, что в сплетении застыли,
губы-карамельки, как во сне.*

***Быть влюбленным –
значит, быть в бешенстве при здравом уме.
Публий Овидий Назон (43год до н.э. – 17 или 18 год
н.э.)***

14 мая 2011 год

Субботнее майское солнце ранними лучами весело проскочило сквозь сияющую органзу, и свет разлился по всей комнате. Лучики играли на атласном банте плюшевого

мишки, отражая озорные огоньки на розовые щечки маленького спящего принца – моего Елисея. Настал новый день, главной задачей которого было забрать личные вещи с квартиры мужа (хотя она была такая же его, как и моя) без лишних разговоров и выяснения отношений...

Сразу же после завтрака мы втроем собрались сходить за документами к Паулину, за одно и прогуляться по Донецкому парку. Елисей радостно прыгал по дорожкам, срывал желтые одуванчики, ковром устилающие зеленые полянки, показывал пальчиком на гнезда сорок, свитые на старых высоких акациях, интересно поднимал голову вверх, наблюдая за стаями прилетевших птиц. А мы с Люсьеном продолжали свое знакомство, познавая друг друга все больше и больше.

— Что ты думаешь вообще о семейной жизни? Даже не о нас с тобой, а образно? У тебя ведь уже был опыт в этом деле? – спросила я, когда мы присели на лавочку, сидя на которой можно было кормить белых лебедей, подплывающих к берегу Кальмиуса.

— Будучи еще семнадцатилетним подростком, я думал, что никогда не женюсь, рассчитывая, что можно прекрасно прожить всю жизнь и без семьи: без грязных пеленок, бессонных ночей и вечно недовольной жены! – Люсьен весело улыбался, сняв черные очки, не побоявшись останавливающих взглядов на его избитом лице таких же отдыхающих у набережной, как мы.

— Твоя жена была монстром в юбке? – рассмеялась я, представляя толстого гнома в несексуальном халате, на голове бигуди, в руках скалка, а на лице маска из белой глины, и недоброжелательный взгляд говорит вместо шевелящихся губ что-то типа «не подходи – покусая!»

— Не то чтобы прямо-таки монстром, но я женился на ней только из-за мыслей, что пора сменить холостяцкую жизнь на семейную. Не под влиянием бушующей любви, не по зову сердца и души. Нет. Видимо, я боялся остаться отшельником, поэтому и сделал предложение одной актрисе малого театра. Но она была мне явно не пара, – как-то грустно добавил Люсьен, бросая кусочки сдобной булочки в воду.

— Как ты это определил? – сорвалось с моих губ.

— У меня в Киеве есть однокомнатная квартира, там мы и жили на протяжении немногим более года. Но если изначально там был творческий беспорядок, то после свадьбы и вплоть до развода вечный хаос на правах хозяина стал царить в нашем «семейном гнездышке». Актриса. Что с неё взять? Ей не было дела ни до куч стирки, ни до гор

немытой посуды, крошки со стола ей даже некогда было смести, – Люсьен явно был недоволен.

— Так ты женился, потому что тебе нужна была домработница, которая еще и по совместительству должна была ублажать тебя по ночам? – я вовсе не собиралась никого ни защищать, ни упрекать, но говорила, как всегда, что первое приходило в голову.

— Мне нужна была жена, способная не только скрасить своим присутствием долгие зимние вечера, но и поддерживающая домашний уют и порядок в доме. А выходило так, что в пустом холодильнике плесенью покрывались стенки; а носки если сам не постираю, то наутро одеть будет нечего; а на кухне под мягким уголком постоянно скапливалась энная партия пустых бутылок. И что толку от такой жены?

— Она еще и пила? Сама? Или у вас каждый вечер был романтическим, как у нас вчера? – мне неприятно было представлять Люсьена в компании посторонней женщины, я ревновала.

— Нет, если каждый вечер будет романтическим, со временем и это надоест. А она любила выпить. И в одиночестве, и в компании со своими подругами-актрисами. Я же не получил того, чего ожидал от семейной жизни. Посоветоваться с ней как с другом было невозможно, друзья тоже не стремились проводить со мной свободное время, им было попросту уже не до меня: жены, дети. И только я был одинок, не смотря на штамп в паспорте, который по сути ничего не изменил в моей жизни.

— Неудачно ты выбрал себе спутницу жизни, – с грустью я констатировала факты, и мне было жалко Люсьена: он хороший человек, и заслуживает на счастье.

— Да, мне не хватало второй половинки изначально, но и жена не стала мне спасательным кругом от моего одиночества. А я ведь надеялся на крепкую семью, я хотел детей, – Люсьен умиленным взглядом наблюдал, как радуется Елисей стаям белых лебедей, как хлопает в ладоши, подпрыгивая пружинкой на месте. – В итоге я завел кошку, которая исцарапала все обои в квартире, съела единственный комнатный цветок, при этом еще и перевернула горшок на пол и разгребла всю землю по кухне. Кошка тоже меня не очень то радовала, хоть и любила тереться о мои ноги, мурлыкала, но однажды она пропала. Я не хочу голословно обвинять бывшую жену, но, по-моему, это она отправила мою Белу в путешествие, из которого не

возвращаются. Больше животных я не заводил, и с Мариной (женой) в скором времени развелся.

— У меня тоже была кошка Мурчела, – вспомнила я свою серую любимицу, исцарапавшую мне лицо перед своей смертью. – Но моя свекровь «доброй души человек» отравила её. Я тебе вкратце рассказывала тогда в Одессе.

— О, да! Моя бедняжка, я помню твою исцарапанную щечку, – Люсьен нежно обнял меня и потрогал по животу. – Я думаю, когда наш малыш подрастет, мы заведем ему кошечку?!

— Но только когда наш малыш сам научится проситься на горшок. Не раньше! – Люсьен положительно кивнул, соглашаясь.

— Если бы ты знала, как я о тебе мечтал! Как долго я ждал встречи с тобой! Сколько бессонных ночей провел, рисуя твой божественный образ. А, засыпая лишь под утро, я тут же просыпался в холодной поту из-за очередного кошмара, в котором между нами появлялась широкая пропасть. И её не преодолеть, не перепрыгнуть, и мы тянем друг другу руки, но расстояние между нами увеличивается, ты все дальше и дальше. А потом высокие волны накрывают меня с головой, и я тону в потоке бушующей стихии. Но твои очаровательные глаза до самого конца наблюдали за мной сквозь голубую пучину, – Люсьен так увлекся, что, рассказывая, смотрел сквозь меня, словно его страшный сон стоял у меня за спиной.

— А до нашего знакомства тебе не снились кошмары?

— Кошмары? Да, но это так давно, как и мои мысли относительно нежелания жениться во что бы то ни стало. Еще в юношеском возрасте я очень переживал по поводу внешности. Мне не нравилось своё отражение в зеркале, я страшно комплексовал из-за веснушек, которые каждую весну с приходом солнца усеивали мой нос и щеки, а потом появились еще и прыщи. Я боялся, что молодые и интересные девушки будут смеяться надо мной. И мне тоже снились мучительные кошмары, и я просыпался от заразительного женского смеха, доносящегося в глубь сознания из обрывков сна.

— С проблемой недовольства внешностью, наверно, сталкиваются все подростки. Это нормальное явление. Зато теперь, если не учитывать во внимание синяки и ссадины, ты «Красавчик» с большой буквы! – ответила я, и Люсьен рассмеялся, нежно сжимая мои ладони.

— Я помню как-то после просмотра в кинотеатре одного фильма с Жан-Клод Ван Даммом в главной роли, я захотел

быть похожим на него, чтобы девушки восхищенно ахали при виде моих мышц! – Люсьен опять смеялся. – Фильм назывался «Уличный боец». Не смотрела? Это так давно было.

– Уличный боец? Не помню, – но образ Ван Дамма мне и самой нравился.

– Это было в 1994 году. Мне тогда исполнилось 17 лет. А тебе, – Люсьен мысленно что-то прикинул в уме.

– А мне только 9 было, я тогда еще куклами игралась, а не боевики смотрела!

– Забавно! Да?! Вспоминать то, что было так давно.

– Да, с детством всегда связано много приятных воспоминаний! И даже если тогда нам что-то казалось катастрофически серьезным, например, как надуманная проблема с внешностью, то теперь эти мысли вызывают улыбку на лице...

Мы еще какое-то время сидели на лавочке, наблюдая, как красивые белые птицы поедают сдобные кусочки свежей булочки, и вспоминали о своем прошлом, приоткрывая завесу тайны друг перед другом...

Звонок в дверь. Тишина. Я пришла домой как нежеланная гостья, которую к тому же не торопились пропускать за порог. Люсьен и Елисей были рядом, и в глазах ребенка отражалось непонимание, он словно хотел спросить, почему я не открываю дверь своим ключом, но молча наблюдал, что же будет дальше. Вскоре послышались шорохи, и недовольные возгласы не заставили себя ждать. Изольда Бенедиктовна всячески отговаривала Паулина открывать дверь, не брезгуя простонародными выражениями, не свойственными королевским особам. Но все-таки дверь перед нами распахнулась.

Паулин стоял с гордо поднятым волевым подбородком. Беглого взгляда мне хватило, чтобы рассмотреть его лицо, отдающее густой синевой. Левый глаз распух, как и нос, который казался круглым как картошка. Руки были недовольно сложены на груди крестом, ноги на ширине плеч. Синий халат в красную полосочку прикрывал колена, но обширный кровоподтек на его левой ноге был отчетливо виден. Тапочки с висячими заячьими ушками и милой мордашкой, надетые на черные носки, никак не сочетались со злыми глазами Паулина.

Свекровь же была как всегда на высоте. Наверное, она либо куда-то собиралась или, наоборот, уже вернулась после выхода в свет. Голубое платье строгого фасона в её любимом классическом стиле подчеркивало синеву

сверкающих молниями глаз. Губы поджаты, брови вразлет высоко подняты. На вытянутой шее так и пульсировала зеленеющая жилка, пока она не дала воли эмоциям.

— Ну что изменница явилась?
И «Дюжесия» привела?
Бессловесная! Не постыдилась
Наставить мужу ты рога?! –
шипела голосом змеиным
свекровь, свой шарфик теребя.

— Давайте только без скандала,
ребенок смотрит же на нас,
а вы тут время не теряли,
отрепетировали, класс! –
Я с Елисеем проскочила
в проем открытой нам двери,
а вот Люсьена не пустила
Изольда за порог пройти.

— Жди там, я не позволю
Дом сына ложью осквернять,
А ты, Валюшка, поскорее
Спеши вещички все собрать,
Чтоб духу твоего отныне
Здесь больше не было, учти
Что за измену Паулину
В аду гореть, таким как ты... –
Я, стоя прямо в коридоре
Сняла сережки и кольцо,
читая злобные укоры
у «королевы» налицо.

— Прими назад свои подарки,
Своей их маме подари, –
И грациозно мимо арки
Я поспешила за своим:
Собрала быстро документы,
Свекровь стояла за спиной
Холодным камнем монумента
Следила трепетно за мной.

— Что ты берешь? Так вижу: паспорт,
свидетельство о браке... код...
Так понимаю что сама ты
Подать решила на развод?

— И на развод, да и не только:
На алименты, и к тому ж
Ведь от имущества я дольку

Имею точно так, как муж!
— Как совесть только позволяет
И на раздел претендовать?
Ведь это ты, табу не зная,
К другому прыгнула в кровать!
— Любовь важнее всего на свете,
И Дюжесия я люблю,
Не удержать руками ветер,
На зов сердечный я иду.
— Да чтоб тебя на сковородке
Сжигали черти в судный день,
Сухарь в блистающей обертке,
Неверный блеск твоих очей...
— Все! Не надо сильно кипятиться,
Старушкам это ни к чему,
К тому, что было возвратиться
Увы, я больше не хочу, —
Одежда собранна и вещи,
И мой любимый аромат,
Что Паулин на праздник женщин
Дарить всегда был очень рад...
— Я говорила Паулину
Чтоб был с тобой он на чеку,
А он лишь гнул за деньги спину
Чтоб содержать тебя в соку!
Неблагодарная особа!
Но помни, что Земля кругла!
Да чтоб тебя озноба
Схватила горечью стыда!
— Всего хорошего, свекрушка,
Приятно было поболтать,
Ваш сын для вас всего игрушка,
Не надо им так помыкать,
Не заставляйте одеваться
Его как графа тех времен,
Чтоб гордо в силе убеждаться
Своих пристрастий к слову «трон».
— Жабо из самых тонких кружев
О вкусе правильном гласит!
— Но веер на груди не нужен!
От вас скорее нужен щит! —
И тишина. Устала спорить
Со мной свекровь, кривя душой,
А Паулин убитый горем,
Молчал как камень неживой.

*В квартиру дверь была открыта,
Люсьен меня спокойно ждал,
Лишь отражая гнев гранита,
Что Паулин из глаз метал.
— Увидимся в суде, до встречи,
Сказала я через порог...
Дышать мне сразу стало легче,
За мной захлопнулся замок.*

***Два величайших тирана на земле: случай и время.
Гердер Иоганн Готфрид (1744-1803).***

19 мая 2011 год

Это был наш третий день на отдыхе. Люсьен показал мне свою сказку, кусочек рая, затерянный среди живописных пейзажей сосновых лесов и озер с кристально чистой водой. На берегу реки Тетерев мы сняли домик на целую неделю, желая отдохнуть от всего мира, уединиться и ни в коем случае не вспоминать о проблемах, делах и заботах. Отдых! И только отдых! В первый день мы гуляли по скалистым берегам, фотографировались на фоне бурлящей водицы, гигантских камней, покрытых зеленым мхом. Общение с природой шло на пользу и Елисею, он восхищенно бегал за бабочками, рассматривал жучков и паучков, любовался цветами, а главное красками заходящего за горизонт солнца. Оно было не таким как в городе. Закат на реке, берега которой представляют собой огромные лесные массивы, был волшебным, чарующим. А вечерние посиделки у костра?! Шашлык с ароматной хрустящей корочкой под звонкие трели птиц и неутихающие пение сверчков делали каждый вечер необыкновенным.

Все мысли о разводе и судебных делах я оставила в Донецке. Заявления были поданы, и оставалось лишь ждать. Но с головой окунуться в сказочные ландшафты житомирских красот со всем многообразием лягушек и пернатых красавцев я не могла из-за частых звонков моих коллег из издательства. Ирина Сергеевна вчера звонила пять раз, трижды Марина Геннадиевна, и два раза Наталья Николаевна, и все по поводу очередного коллективного сборника современных авторов. Мне приходилось долго с ними разговаривать, в то время как Люсьен вместе с Елисеем катались то на надувных байдарках, то на катамаранах. А я обычно ждала их возвращения на берегу – красивой холмистой местности... А если смотреть на леса с центра реки, тогда кажется, что ты находишься не на Украине, и не

в 2011 году, а в далеком-далеком в прошлом, когда еще не было ни грязных заводов, ни каменных джунглей городов и мегаполисов. Леса, луга, холмы, прозрачная вода, небольшие пороги и перекаты! И сплав по реке доставлял массу положительных эмоций, заряд энергии и неопишемое ощущение счастья!

Недалеко от базы отдыха в районе озера располагался дикий лагерь отдыхающих. Оттуда песни под гитару разлетались по всей округе. Прогуливаясь со своими мужчинами, случайно среди компании молодых людей я заметила одно знакомое лицо. Еще длительное время я пыталась вспомнить – кто же это. И только когда парень с голым торсом и в мокрых плавках догнал нас и остановил словами «девушка, я вас запомнил, а вы меня?», я поняла кто же это и почему мне знакомо его лицо.

— Евгений по прозвищу Джип! Как тесен мир!

— И не говори, Оливия, – Евгений пожал руку Люсьену и моему маленькому принцу, отчего Елисей застеснялся и спрятался за мной. – Это твой муж? – веселые глаза Евгения забегали, он смотрел то на меня, то на Люсьена.

— Да, – немедля ответил Люсьен, – Люсьен Дюжесиль. А почему Оливия, а не Валенсия? – он выдал мой маленький секрет, и пришлось признаться.

— Я назвала себя Оливией, когда со мной захотели познакомиться попутчики по купе, – ответила я больше для Люсьена. – Извини, Евгений, за незначительный обман, моё настоящее имя Валенсия.

— Валенсия еще красивее звучит, чем Оливия, – растянул в улыбке Евгений свои губы, обнажив зубы между которыми торчали зеленые кусочки петрушки. – Не желаете присоединиться к нам, послушать несколько песен под гитару?! Я сам слова написал! Может по сто грамм? А вашему малышу у нас тоже понравится! Гляди, – нагнул он к Елисею, – у нас девочки есть! Смотри вон бегают голопузые! Не хочешь с ними что-нибудь слепить из песка?!

— «Мамичка, можно к девочкам?» – его хитрые глазки, как у лисички, так и засияли.

— Ну, беги, познакомься с девочками.

Я разрешила ребенку поиграть с детьми. По его взгляду было понятно, что красота красотой, а общения со сверстниками ни мама, ни наш новый папа заменить не смогут. Елисей любил ходить в садик, ему нравилось находиться среди детей, и в лесной глуши ему было временами скучно. Тем более что в базе отдыха остановились преимущественно одни пенсионеры, любители

порыбачить тихим спокойным утром на берегу реки, спрятавшись где-то в зарослях, подальше от мест для купания.

Нас с Люсьеном мило встретила, как позже выяснилось, жена Евгения – Аленка, симпатичная кареглазая девушка с длинными волосами цвета спелых гранатовых зерен. Она любезно пригласила нас присесть, предложив угоститься аппетитной клубникой. Вторая пара, на первый взгляд производила впечатление довольно серьезных людей: Ринат – татарин по национальности, крепкий парень спортивного телосложения, и Елизавета – светлокочная натуральная блондинка с огромными голубыми глазами и пирсингом в левой брови. Третья семейная пара были Алекс Бесноватый – молодой паренек на вид ничем не примечательный, а вот его жена была видная женщина, женщина и отнюдь не девушка, так как ей было явно за 35, и она отличалась мощной комплекцией фигуры, свойственной русским красавицам. Именно о таких Николай Некрасов, должно быть, писал: *«Есть женщины в русских селеньях с спокойною важностью лиц, с красивою силой в движеньях, с походкой, со взглядом цариц»*. Звали её Надежда – эмоциональная, шумная, и к тому же обладательница мелодичного сильного женского голоса, вокала, с большим диапазоном. От песен в её исполнении затихали птицы, заслушиваясь, настолько красиво и восхитительно лился её колдовской голос.

А детки, пока мы наслаждались пением под гитару, выстроили большой песочный замок, украсив башни сосновыми иголками, которых вокруг было очень много.

Вскоре недалеко остановилась белая машина с четырьмя кольцами на бампере – Audi. С авто вышли два мужчины с удочками, сетями, и, наверно, палаткой, но сразу обосновываться они не стали, сначала подошли к нам. Не знаю почему, но они мне показались неприятными, и мне сразу захотелось забрать Елисея и вместе с Люсьеном уединиться где-нибудь подальше от всех этих людей.

— День добрый, – поздоровался седовласый дядька, а следом и второй, лысый и в очках. Оба были одеты как охотники, в брюки и майки цвета хаки.

— Добрый день, – последовало вразнобой ответное приветствие.

— А здесь не гоняют? Палатку можно поставить? А то мы на соседнем озере хотели порыбачить, так нас любезно попросили выметаться из лесу. Мол, палатку ставить нельзя, рыбу ловить тоже, даже костер разводить, потому что это видите ли заповедник, как сказал нам лесничий.

— Даже не знаю, – выслушав, ответил Евгений, – мы приехали с самого утра, и вот уже обеденное время, а никаких лесничих не было. Разожгли костер, купаемся, отдыхаем в свое удовольствие.

— Здесь можно смело ставить палатку, – ответил Люсьен, он то здесь не первый раз отдыхает. – Но не удивлюсь, если через несколько лет и эту землю выкупит какой-то богач, обнесет забором и вывесит надпись «Частная зона, проход запрещен». И всеобщее достояние народа – пейзажи на берегу рек и озер станут доступными только за деньги. Заплатил – увидел, не заплатил – любуйся картинками в журналах и на страницах Интернета.

— Жестокая правда реальности, – прокомментировал серьезный татарин Ринат.

— То-то и оно, – тяжело вздохнул лысый мужичок с удочкой. – Нас вынудили свернуться и уехать. И что там за заповедник?

— Рыбу они там разводят, вот и не пускают посторонних, а «заповедник» так для культурного оправдания, – пояснил Люсьен.

— Вон оно что, тогда понятно, – почесал лысый затылок второй рыбак. – Ну, вы ребята не будете возражать, если мы метрах в ста отсюда остановимся?

— Нисколько, но мы народ шумный, песни любим петь под гитару, так что если вас это не пугает – располагайтесь! – сделал радушный жест Алекс.

И рыбаки пошли назад к своей машине. Тихонько брэнчала гитара, а мне хотелось, как никогда, полного уединения с природой: зачерпнуть ладонью прозрачной водицы, умыться, смывая с себя все чужие взгляды, и полной грудью вдохнуть чистейший воздух, стоя на краю каменистого утеса, возвышающегося над неизменным в любое время года уровнем воды, поддерживаемым подземными источниками.

— Может, устроим соревнования на байдарках? – предложил Евгений, а в это время по реке как раз проплывали две спортивные лодки.

— Почему бы и нет!? Давайте! Мужчины против женщин, кто кого?! – воодушевленно поддержал идею Евгения Алекс по прозвищу «Бес».

— Я не хочу, – отрицательно махнула головой Надежда. – Знаю я ваши соревнования: будете, как сумасшедшие орать и веслами махать, пока не перевернетесь и лодки не затопите! К тому же кто-то должен остаться на берегу за

детьми смотреть, и вещи караулить, чтоб никто ничего не умыкнул часом.

— Я тоже не буду принимать участие в ваших соревнованиях, – наотрез отказалась я, словно сердцем чуя нависшую опасность.

Люсьен обнял меня за плечи, наблюдая за остальными отдыхающими. Евгений же неугомонно агитировал нас всех «развлечься на всю катушку», восхваляя прекрасные речные пейзажи, чистую прозрачную воду с розовыми водяными лилиями, аромат которых в сочетании с шепотом камышовых зарослей кажется, по его словам, диким раем. Аленка тоже поделилась своими эмоциями о речке: «Места здесь и вправду очень красивые. Холмистые берега то крутые, то пологие, то ступенчатые, и везде зеленый лес, соловьиные рощи, разноцветные ковры полевых цветов!»

— Мы с Люсьеном уже успели полюбоваться видом всей этой красоты с середины реки. Действительно, пленительное зрелище: проплывая малахитовые холмы, кажется будто вокруг волшебный зеленый коридор, и мы по нему движемся, а река – изумрудная лента, колышущаяся на ветру, и ей конца и края нет.

— Так все! Я тоже хочу увидеть этот коридор своими глазами! – блондинка Елизавета, поправляя парео на груди, поднялась с покрывала и протянула руку Ринату. – Поплыли, полюбуемся прекрасным видом! – она настойчиво заставила его подняться.

— Ну, хорошо, моя зайка, если тебе так сильно хочется – я готов выполнить твой каприз, – Ринат едва не присел в реверансе, показывая свою театральность. – Кто еще с нами? – последовало дальше.

— Я! Я! Я с вами! – писклявым голосом кричала босоногая девочка, очень похожая и белизной кожи, и цветом волос, и большими глазами на Елизавету. – Я тоже хочу покататься на лодке!

— И я! И я! – малышня окружила нас, радостно дергая ручками, как птички, собирающиеся взлететь.

Они скакали неугомонными мячиками, надеясь вместе с родителями покататься, даже не представляя, насколько опасным может быть спуск по реке. Надежда самая серьезная из остальных мамаш, не разрешила своим двум дочуркам, а вместе с ними и сынишке лет 3-4, идти с Алексом и остальными к причалу, где можно было взять байдарки хоть на час, хоть на весь день (любой каприз за счет клиента!). Зато все остальные, а это были и Ринат, Елизавета с малышкой; Евгений, Аленка и их первоклашка с

косичками; Алекс без жены и без детей; и я с Люсьеном и Елисеем, все-таки решили провести сплав по Тетереву.

Скорость течения реки была невелика, да и стремительных порогов не наблюдалось, но в тот раз я, как никогда, боялась заплывать далеко, и не столько за себя, как за Елисея и других детей. Хоть на берегу всем желающим прокатиться с ветерком по живописным местам и выдавали надувные жилеты, а все равно было страшно.

— Надо было детвору оставить с Надеждой, – с едва уловимым недовольством сказал Евгений, обращаясь к Алексу. – Я хотел погонять на скорости, устроить соревнования что ли, а с малышкой придется плыть, как черепахи, медленно, и главное аккуратно.

— Ничего, зато можно будет вдоволь насладиться удивительными пейзажами, тишиной и умиротворенностью, – приободрил Люсьен разочарованного Евгения.

— На счет тишины глубоко сомневаюсь, что дети будут спокойно любоваться отражением облаков в голубой воде! – выпалила Аленка на одном дыхании.

— Это точно, – поддержала её Елизавета, а девчонки тем временем озорно хихикали.

И вот нас три девушки, четверо мужчин и трое детей ступаем по шатающимся дощечкам небольшого причала. А по обеим сторонам от нас байдарки и катамараны, привязанные тонкими цепями к небольшим колышкам вдоль всей линии пирса, словно застыли в ожидании очередных гребцов, не побоявшихся легкой физической нагрузки.

Высокий загорелый парень, выдающий байдарки, провел с нами короткий инструктаж и помог застегнуть спасательные жилеты. Маломерные двухместные судна в количестве пяти единиц были отпущены нам на два часа. А по истечению времени мы должны были либо их вернуть, либо доплатить, продолжив водное приключение.

Все взрослые получили по двулопастному тяжелому веслу, которым, кстати, еще нужно было уметь орудовать. Детей усадили вперед в байдарки с мужчинами: Люсьен с Елисеем, Ринат со своей девочкой Лерой, Евгений с милашкой-первоклашкой Вероникой; Алекс сел в одну байдарку с женой Рината Елизаветой, а я с Аленкой, которая к моему удивлению прекрасно справлялась с веслом.

Сначала было еще не так страшно. У берега было так мелко, что можно было разглядеть каждый камешек, каждую улитку. Водная гладь переливалась небольшими волнами, а чем дальше мы отплывали от берега, тем больше давало о

себе знать быстрое течение, и тем синее становилась вода. Дна больше не было видно.

Девчонки, действительно, радостно пищали, опуская кончики пальцев, а потом и полностью ладшки в прохладную бурлящую воду. Доплыв почти на середину, мы опускались по течению широкой красивой реки. Впереди нас ожидали и мели, и небольшие каменные островки, беспокойные бурлящие перекаты, и мешающие боковые течения.

Я не первый раз наблюдала эту красоту, но глазам было приятно снова и снова любоваться то порой прозрачными потоками, то леденящей синевой ненаблюдаемого дна. Хотя тело пребывало периодически в небольшом напряжении из-за постоянного притяжения к мелкому скалистому островку посреди реки, атмосфера неземного спокойствия и удаленность городского шума позволяли расслабиться. Хвойные леса, как картинки в слайд-шоу сменялись цветущими лугами, каменистыми возвышениями, вокруг была вода, а над нами светило майское солнце в голубом малооблачном небе. Сказка!

И почему мне сегодня так не хотелось соглашаться на сплав по реке? – я задавала себе немые вопросы, наблюдая, как радуется Елисей этой прогулке вниз по течению.

Аленка сидела впереди и восхищенно комментировала все увиденное. Байдарки то двигались друг за другом, то иногда мы все выстраивались в одну линию, как пловцы на старте.

Речной пейзаж

*В зеленом коридоре над волной
светились брызги шумного потока,
даруя душам неземной покой
и невесомость перышка сороки,*

*что черно-белым взмахом с высоты
закрывает золото дневного солнца,
и опаленная в лучах звезды,
упала камнем в точку горизонта.*

*И всплеском, и кругами на воде
играли радужные блики в свете,
горящего над всеми вдалеке
в хрустали из лавандовых букетов.*

*Коктейлем из эмоций невзначай
река хозяйкой щедро угостила,
и, позабыв недавнюю печаль,
я в вальсе над волнами закружила.*

Светленькая Лера, как солнечный лучик не могла усидеть на месте. Она то и дело оглядывалась назад и радостно махала руками своей подружке с косичками. Ринат вырвался вперед, без усталости работая красными веслами, которые только и успевали мелькать, разбрызгивая светящиеся капельки воды. Алекс и Елизавета со стремительным рвением пытались выскочить вперед летящего судна Рината, все дальше и дальше отделяясь от трех оставшихся позади разноцветных байдарок, в которых никто никуда не спешил. Даже Евгений, ранее рвавшийся провести соревнования, не прилагивая особых усилий, плавно отталкивался от воды, беседуя со своей маленькой ученицей о зеленых ландшафтах.

Люсьен был рядом, буквально в десяти метрах от нас с Аленкой. Его серые глаза казались голубыми, отражая волнистую гладь беспокойной реки, он подмигивал мне, счастливо улыбаясь. Елисей спокойно смотрел по сторонам, и ничего не предвещало никакой угрозы.

Но внезапно лодка Люсьена перевернулась набок. И Люсьен, и мой малыш оказались в воде. Шумные брызги скрывали отчаянные попытки Люсьена посадить Елисея обратно в байдарку. Он боролся с неведомой силой, засасывающей его под воду.

— Помогите! – только и закричала я, бросаясь в воду.

Я слышала, как Аленка прыгнула за мной, Евгений испуганно оглянувшись, вручил весло семилетней Веронике и сам тоже кинулся на помощь.

На всех были спасательные жилеты, в них можно было лежать на воде и не бояться утонуть. Но, глядя на своих мужчин, мне казалось, что на них нет ничего кроме промокшей одежды.

— Валенсия, – кричал Люсьен, все еще пытаюсь спасти Елисея, который то и дело погружался под воду, словно его кто-то хватал за ноги. – Здесь опасно, – его голова снова скрылась под водой, как и голова Елисея. – Змея, – лишь край лица Люсьена появился на поверхности, и снова исчез в толще воды.

— Люсьен! Елисей! – я изо всех сил спешила к перевернутой байдарке, которая так и качалась на волнах,

как рыба, желтым брюхом вверх. – Они исчезли, – я кричала, не сдерживая слез. – Но как такое может быть? На них же были спасательные жилеты. Они не могли утонуть. Никак не могли, – я все еще отказывалась верить, что потеряла навсегда самое дорогое, что у меня было.

Евгений расстегнул оранжевый жилет и, отбросив его в сторону, нырнул под воду. Я сделала тоже самой.

Я никогда раньше не ныряла с открытыми глазами, но тогда я смотрела в оба, пытаясь разглядеть в прозрачной синеве яркие оранжевые жилеты на телах Люсьена и Елисея. Погрузившись, я отчетливо видела свои руки, и глазам не было больно смотреть под водой. Затаив дыхание, я пыталась опуститься ниже и найти тела своего пятилетнего сына и Люсьена.

Евгений умело опускался ко дну, в чернеющую бесконечность. Река в том заколдованном месте была очень глубокая, и самого дна не было видно. Я больше не могла дышать. Все еще всматриваясь в пустынное пространство, я надеялась увидеть хоть одно яркое пятнышко, и тогда бы я бросилась к нему, не смотря на нехватку воздуха. Не видно. Евгений, как человек-амфибия все еще погружался вниз, Аленка тоже нырнула, но, так же как и я, она не была опытным пловцом.

Я поднялась на поверхность, жадно вдыхая воздух. Вероника плакала и кричала от страха. Еще бы, на глазах девочки перевернулась байдарка, из которой выпали и ребенок, и взрослый мужчина, и оба скрылись под водой при загадочных обстоятельствах. Краем глаза я видела приближение Алекса и Елизаветы, Ринат с дочкой тоже поспешно подбирался к месту, где колыхались на волнах две пустые байдарки, и одна из них была опрокинута, а в третьей кроме испуганной девочки никого не было.

Набрав полные легкие воздуха, я снова погрузилась под воду. Я камнем вниз хотела бы достигнуть дна, но вода постоянно выталкивала меня к поверхности. Я сопротивлялась, стараясь все-таки найти тела, и если не вдохнуть в них жизнь, то хотя бы найти для того, чтобы... Я не хотела об этом думать, но перед глазами стояла картинка с изображением крестов на старом кладбище, поросшем высокими кустарниками, над которыми летают черные вороны.

Аленка промелькнула яркой тенью, гранатовым цветом длинных волос, а я плыла вниз отчаянно надеясь, что весь этот кошмар происходит не со мной. Возможно, если бы не страх, заставивший меня не думая сбросить спасательный и

жилет, и с открытыми глазами нырнуть под воду, я бы иначе восприняла необыкновенную подводную красоту, такую же холодную, как лед, неприветливую, как ветер, и таинственную, как загадка Атлантиды. Но тогда я не испытывала восторга погружения, сердце бешено стучало, и казалось я слышала его стук, так же отчетливо как всплески воды от прыжков с байдарок еще двух человек (наверное, это были Ринат и Алекс, а Елизавета осталась с детьми).

Все было безрезультатно. Я пять раз набирала полную грудь воздуха, пять раз по мере своих возможностей пыталась отыскать Елисея и Люсьена, но ни разу так и не доплыла до самого дна. Обессилев от неудачных попыток и потеряв всякую надежду, я поплыла к свету над головой, туда, где виднелся силуэт женского тела. Схватившись за края байдарки, я никак не могла отдышаться. Аленка тоже все еще тяжело дышала. Её губы были посиневшими, а кожа покрылась мурашками от холода.

— Это ужасно, Валенсия, — она обняла меня как подруга, хотя мы были едва знакомы. — Я сочувствую твоему горю, — она тоже всхлипывала, как и я.

— Мы сами не сможем найти и поднять их тела, — Елизавета тоже прыгнула к нам. — Нужно возвращаться и сообщить о несчастном случае в МЧС, они вызовут водолазов, и тогда, если течение не унесет тела слишком далеко... — она не закончила свою мысль (хотя итак все было понятно) потому что стали выныривать из воды поочередно Евгений, Алекс и Ринат.

— Здесь очень глубоко, — срывающимся голосом сказал Евгений, вытирая руками мокрое лицо. — Они исчезли, будто их и впрямь проглотила огромная змеюка.

— Они точно не могли просто так пойти ко дну. Я видела, как Люсьен безнадежно пытался поднять малыша из воды, но ему что-то или кто-то, несомненно, мешал. Словно их за ноги тащили вниз, — добавила Аленка.

— Люсьен перед тем, как в последний раз скрыться под водой кричал «змея». Но что же это может быть за змея такая, что одновременно утащила на дно двоих человек? — Евгений спрашивал, словно сам у себя.

— Лиза, быстро в свою лодку, — серьезным голосом приказал Ринат своей жене (и не потому, что он был зол, а потому что беспокоился). — Все по местам. Алекс ты поплывешь в байдарке Люсьена. Валенсия, мне жаль, что наша прогулка по реке так плачевно закончилась. Будь сильной, — он произнес как можно мягче.

Сказать, что я была просто в шоке – ничего не сказать. Я все еще отказывалась верить, что мой малыш больше никогда не протянет ко мне свои ручонки и не скажет «Мамичка, я тебя люблю!». Что его улыбка будет светить мне только со снимков на фотографии. Что у меня больше нет того крохотного существа, которое я 5 лет растила и лелеяла, как единственный цветок на клумбе садовника. И вместе с ним я потеряла и своего нежного принца, добрую сказку, возможность быть счастливой, любить и быть любимой. Черные мысли опутывали сознание: что же произошло с Люсьеном и Елисеем, как физически здоровый мужчина пошел ко дну, если на нем был спасательный жилет, почему это что-то перевернуло именно байдарку с желтым дном, а не какую-нибудь другую?

Я, сохраняя молчание, взобралась в байдарку. Мокрая футболка облепляла тело, подчеркивая еще тонкую талию, и тем самым напоминая, что уже скоро животик округлится и я снова стану мамой.

Жестоким роком

*И снова синяя волна
напоминает об утрате,
хлебнула горя я сполна
за все грехи свои в квадрате.*

*Жестоким роком надо мной
судьба-злодейка истерично
смеялась пенною водой,
бросая в сердце боль тактично.*

*И брызги колкие опять
гвоздями душу распинают,
не повернуть мне время вспять,
от боли сердце закипает.*

*Осталась я совсем одна,
не сберегла, не удержала,
и за предательство вина
меня потерей наказала.*

*Поблекли яркие цвета,
мир черно-белым в одночасье
стал, как художник без холста,
что рисовал людское счастье*

*той радугой после дождя,
ванилью голубого неба,
но мое счастье без тебя,
как Ной без своего ковчега.*

Я все еще оглядывалась на то злополучное место. Его чарующая красота больше не радовала глаз, наворачивались слезы, и хотелось кричать, заглушая острую боль, терзающую меня изнутри. Все молчали. Даже дети, словно понимали, что лишиться близкого человека это большое горе, и как мучительны мысли об утрате. Горькая тишина. И только всплески воды от ударов веслами напоминали мне, что я не сплю, что в один миг белую полосу моей жизни сменила черная. Голова шла кругом.

Возвращаться к причалу было сложнее. Я чувствовала усталость в плечах, но продолжала грести, не сбавляя обороты. На берегу плескались отдыхающие, и от их радостных восклицаний мне становилось еще больнее.

Смутные сомнения по поводу столь загадочной смерти не давали мне покоя. Байдарки, – думала я, – разноцветные, а перевернулась почему-то именно байдарка с желтым днищем, в то время как остальные остались нетронутыми. Если это, к примеру, была огромная анаконда, пожирающая людей, то почему она набросилась на желтый цвет? Или змеи не любят желтый, как быки – красный? Нет, – продолжала я пытаться понять, что же произошло на самом деле, – какие могут быть в наших реках анаконды, мы же не в Южной Америке живем. Тогда что же?

Снова и снова прокручивая в памяти те страшные моменты, как замедленную пленку, я все больше и больше убеждалась, что эта трагедия вовсе не была несчастным случаем. Скорее всего, это было хорошо спланированное заказное убийство. Убийство. Чувства отчаяния смешивались со злобой, боль потери – с ненавистью. Два имени пульсировали в моем подсознании – Паулин и Изольда. Сердце мне подсказывало, что это они повинны в смерти моего сына и любимого человека. Но как они могли позволить умереть Елисею? – я плакала, не сдерживая рыданий.

Аленка пыталась меня утешить, но я никак не могла успокоиться. Подозрения в причастности Паулина к недавнему драматическому инциденту заставляли меня винить во всем себя. Я изменила 42-летнему мужу с красивым молодым мужчиной, и вот он час расплаты пришел.

Паулин не захотел меня ни с кем делить и решил избавиться от своего конкурента.

Неужели он нанял убийцу? – я задала себе вопрос и сама же ответила, – он не просто решил избавиться от Люсьена, он еще и хотел все обрисовать, как несчастный случай, чтобы его никто не обвинил в убийстве. Возможно так и было. Он мог вполне нанять человека не только для слежки за нами, но и заплатить ему, как киллеру, лишь с той разницей, что со стороны все должно походить на несчастный случай на воде.

Река, – как же неприятно было об этом думать, – идеальное место для мести. Вот только готов ли был Паулин пожертвовать и жизнью своего сына только ради воздаяния и удовлетворению своего «Я»? Как по мне, так нам обоим пришлось заплатить высокую цену за свои грехи. Но я низачто не прощу Паулину этот опрометчивый шаг, – поклялась я, глядя на волны.

Байдарки приближались к причалу, а я все еще размышляла о случившемся, пытаюсь определить какую роль сыграла Изольда Бенедиктовна во всей этой истории. Сомнений у меня больше не осталось. Я была готова выдвинуть обвинения против бывшего мужа, и отстаивать свою точку зрения в суде. Но мог ли Паулин сам додуматься пасть так низко, преследуя аморальные цели отмщения? Нет, и в этом деле он явно не обошелся без советов мамочки «ледяное сердце», – рассуждала я.

В подавленном состоянии я ступила на деревянный причал. Похоже, парень, выдавший нам лодки, даже не заметил бы, что вместо 10 человек, отправившихся в сплав по реке, вернулись только 8, а двое – бесследно исчезли, если бы не Евгений, потребовавший немедленно сообщить в МЧС о несчастном случае на реке...

Вскоре к берегу подъехала черная Alfa-Romeo. Я сидела на горячем песке, поджав ноги к подбородку, и смотрела вперед на синие волны, лишившие меня радости. Со мной рядом были Аленка, Лиза и Надежда. Они обсуждали моё горе, выдвигая свои предположения и пытаюсь как-то приободрить. Надежда принесла рюмки и бутылку пятизвездочного коньяка «Жан-Жак Эйфелева башня». Я отказалась с ними пить, не смотря на их убеждения, что так мне станет легче. Девочки же осушили по рюмашке крепкого виноградного напитка. Я смотрела на их встревоженные лица, и думала о своем. Паулин тоже любил коньяк, и неприятный пряный запах снова возвращал меня к мыслям о

бывшем супруге, хотя в наших паспортах все еще не стоял штамп о расторжении брака.

С авто вышли трое мужчин и женщина в форме. Сердце подсказывало, что эта дама идет именно ко мне. Её черные туфельки, надетые на тонкие колготки телесного цвета, проваливались в песок. Сама же особа в темно-синей юбке строгого кроя и голубой рубашке с пагонами, на которых точно поблескивали звездочки, как лебедь по воде, плыла в нашу сторону.

— Здравствуйте. Кто из вас Валенсия Викторовна Перольская? – мягкий голос, к моему удивлению, назвал моё полное имя.

Я приподнялась, собираясь с мыслями. Глаза женщины были серыми с зеленцом, как у кошки, четко подрисованы черными тонкими стрелками, а взгляд пронзительный, как у Лары Крофт – расхитительницы гробниц, роль которой прекрасно сыграла Анжелина Джоли (американская актриса). Красивая женщина, и в форме, – подумала я.

— Разрешите представиться, – доброжелательная улыбка озарила её лицо. – Екатерина Степановна Иванова, следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета донецкой прокуратуры. Со мной оперуполномоченные следователи, – жестом леди в синем указала на своих спутников.

— Екатерина Степановна, а вы здесь случайно мимо проезжали или ваша Alfa-Romeo, как волшебный ковер-самолет, доставила вас за 10 минут из самого Донецка? – я недоверчиво наблюдала за последовавшей реакцией.

Леди-следователь с абсолютно спокойным лицом достала из кармана желто-голубое пластиковое удостоверение и протянула его мне со словами «нам нужно поговорить, это очень важно». Опера стояли молча, как телохранители молодой и красивой особы, которая, судя по документу, была капитаном милиции. Я еще раз обратила внимание на звезды на погонах, у Екатерины их было по 4. Значит, она, действительно, капитан.

— Возьмите, – я вернула назад удостоверения. Руку все еще дрожали, все вокруг казалось кошмаром, и мне хотелось скорее проснуться.

— Эти люди свидетели несчастного случая с французом Люсьеном Дюжесиль? – Екатерина вопросительно взглянула на стоящих у меня за спиной девушек.

— Да, мы всё видели, – Аленка сделала шаг вперед, – и наши мужья тоже были с нами. Нам не удалось найти тела, – с сожалением в голосе произнесла Аленка, опуская глаза.

— Меня там не было, – заявила Надежда, – я сейчас позову мужчин. Вы ведь хотите со всеми свидетелями поговорить?

— Да, со всеми, – коротко ответила Екатерина. – Ребята, можете приступить к процедуре. А вы Валенсия Викторовна, пройдите со мной.

Следователь грациозно развернулась на невысоких каблуках и, покачивая бедрами, направилась к машине. Сквозь затуманенный от переживаний взгляд я видела, как Надежда машет рукой Алексу, а один из оперуполномоченных щелкнул ручкой, приготовив широкий блокнот для записей.

Мысли путались. Я не могла понять, что же происходит. Как следователи из Донецка оказались в Житомирской области за столь короткое время? Они знали, что должно произойти убийство? – предположила я.

— Екатерина Степановна, вы мне так и не ответили, как вы могли так быстро преодолеть сотни километров за столь короткий промежуток времени?

Я побежала за ней следом, и догнала уже у самого автомобиля, поблескивающего в солнечных лучах идеальной чистотой. Леди-следователь открыла дверцу и жестом пригласила меня присесть, так и не ответив на мой вопрос. Я покорно повиновалась, не спуская глаз с красивой капитанши, которая присела рядом со мной на заднее сидение, обтянутое серой плотной тканью очень гладкой на ощупь.

— Валенсия Викторовна, успокойтесь, – Екатерина хлопнула дверцей, – и, пожалуйста, закройте дверку.

— Вам легко говорить «успокойтесь», не вашего же ребенка засосало под воду, не вашего любимого человека, – хотелось плакать, да только слезы словно все уже были выплаканы.

Я закрыла дверку, и мы остались в полной тишине, спрятавшись ото всех собравшихся на пляже за затемненными стеклами Alfa-Romeo. В холеных ручках следователя оказалась толстая папка с документами, которую она аккуратно достала с переднего сидения.

— Прошу прощения, Валенсия Викторовна, что нам не удалось своевременно поставить вас в известность. Ситуация вышла из-под контроля. И мы должны были помешать преступнику совершить задуманное, – говорила следователь Екатерина.

— Вы знали, что Люсьена хотят убить? Тогда почему не помешали этому? – я все еще до конца не понимала, откуда

кто-то мог знать, что Паулин решил ликвидировать своего соперника и таким образом наказать меня за измену.

— Но мы то как раз и помешали.

— Помешали? – перебила я следователя. – На моих глазах и Люсьен, и мой сын пошли ко дну. Это ведь мой муж Паулин организовал этот «несчастный случай»? Да?

— Ваш сын и Люсьен Дюжесиль не погибли, они живы! – как гром среди ясного неба звучали эти слова.

— Как? Но я сама видела... Мы ныряли... Это правда?! – я вся дрожала от переизбытка противоречивых чувств, и боль утраты и радость приобретения, все смешалось.

— Да! Это правда! Вы же не даете мне сказать. Выслушайте меня, и вам все станет ясно, – Екатерина открыла папку, доставая какие-то записи, документы и фотографии.

— Я хочу услышать их голоса! Можно? Я должна убедиться, что это правда.

— К сожалению, пока вы не можете с ними поговорить. Но уже скоро наша мини подводная лодка выплывет на далекий берег. Тогда вы и сможете увериться в моих словах. Но мне нет смысла вас обманывать. Успокойтесь, дышите ровнее. С вашим сыном и Люсьеном Дюжесиль ничего страшного не произошло.

— Так, значит, вы их поместили в подводную лодку?!

— Да, и таким образом спасли их верной смерти. Это наша работа, Валенсия Викторовна. Кто-то стихи пишет, кто-то помидоры консервирует, а мы разыскиваем преступников, а иногда даже предотвращаем само преступление, как в вашем случае. Теперь давайте спокойно поговорим о делах, – Екатерина протянула мне несколько фотографий, на которых был Паулин, еще несколько незнакомых мне мужчин, красное Жигули на фоне авто-заправки и сгоревшее ничем не приметное здание.

— Кроме мужа я больше никого не знаю, – я просмотрела снимки, но больше ничего не могла по ним сказать.

— Хорошо, тогда я введу вас в курс дела. Ваш муж, как бы это помягче сказать, очищает себе дорогу. За последние два года при загадочных обстоятельствах погибли четверо авторитетных в нашем городе людей, а после их смерти весь их бизнес, тоже при довольно туманных обстоятельствах, переходил к вашему мужу Перольскому Паулину Борисовичу. И вот уже два года мы никак не можем доказать его вину. Вы не замечали за ним никаких странностей? Может быть телефонные разговоры, факсы?

— Нет, Екатерина Степановна. Я никогда не вмешивалась в его дела, и при мне Паулин ничего необычного, что могло бы меня натолкнуть на какие-либо подозрения, не говорил. А вы уверены, что именно мой муж стоит за всеми теми преступлениями, что вы ему предписываете? Я не защищаю его. Нет. Хотя после случая на реке мне седьмое чувство подсказало, что этот несчастный случай вовсе не такой уж и несчастный. Я подозревала мужа. Да. У него есть причины, чтобы ненавидеть Люсьена, и он мог бы организовать это убийство. Но мне казалось, что идея была не столько его, сколько его матери Изольды Бенедиктовны. Просто она имеет очень большую власть над сыном, а Паулин мягкий, как пластилин, и с него можно слепить и жестокого убийцу и кого угодно, но управлять им может только его мать.

— Выходит, за шесть лет брака вы так и не поняли, кем является ваш муж? Два года назад, когда сгорел дом гражданина N, в котором погибли все члены семьи, в том числе и дети: мальчик трех лет и девочка, которой еще не было и годика, после осмотра места происшествия, был установлен факт поджога. Были опрошены свидетели. Тогда нам удалось установить и личность исполнителя, который и вывел нас на след вашего мужа. Но Паулин Борисович заплатил кругленькую сумму жене обвиняемого, и в результате поджигатель отказался от своих показаний. Он сидит в тюрьме, его жена носит ему передачи, а ваш муж на свободе и продолжает безнаказанно убивать людей.

— Вы следите за ним уже два года?

— Да, и, к сожалению, до сих пор мы не могли никак доказать его вину. Уж очень скользкий он человек, Валенсия Викторовна. Но с вашей помощью мы все-таки отправим его за решетку, туда, где место таким хладнокровным существам как гражданин Перольский.

— Вы посадите его за попытку убийства?

— Изначально, давайте сразу договоримся, что Люсьен Дюжесиль и ваш сын действительно утонули. Никто не должен знать, что мы их спасли. Ведь по сути, если бы за вашим мужем не велось наблюдение, мы бы и не знали о его встрече с профессиональным убийцей, который смею заметить, берет немалые деньги за свои услуги. Вы знаете, сколько Перольский заплатил за смерть Дюжесилья?

— Даже не догадываюсь.

— Сто тысяч гривен, и это только аванс. А остальную часть денег ваш муж собирался отдать после дела. Но вот Перольский заказывал только один труп, и он явно не обрадуется, когда ему станет известно, что и его сына ждала

та же участь что и Люсьена Дюжесиль. Возможно, он и не захочет отдать еще 100 тысяч, ведь так ему придется заплатить очень высокую цену за ликвидацию очередного барьера на своем пути. Но мы уверены, что уже завтра состоится их очередная встреча, во время которой мы, возможно, и схватим вашего мужа.

— А где сейчас убийца? – вдруг меня осенило.

— Он здесь среди отдыхающих, – спокойно ответила Екатерина Степановна.

В это время к причалу подъехала желтая машина с красной полосой и большими буквами МЧС.

— Здесь? Но кто он? – мысленно я составила свой список подозреваемых. – Евгений?

— Нет, это ваш сосед, который утром просил у Люсьена прикурить. Здесь есть и наш человек, он то и сообщил нам, что сегодня должен произойти «несчастный случай». Вот нам и пришлось действовать наспех, не предупредив вас о нашей операции. Иначе Люсьена уже точно не было бы в живых. Хорошо, что мини-субмарину доставили еще вчера.

— Какой ужас, и почему все это случилось именно со мной? – я глянула через стекло, водолазы с Евгением и Алексом отплывали от берега в большой лодке. – А водолазы знают, что не надо никого искать?

— Нет, они выполняют свою работу. Но им не удастся найти ни тела, и никаких следов. Не переживайте. Мои орлы уже видимо скоро закончат с опросом свидетелей. Со стороны все выглядит по-настоящему. Смеем предположить, что настоящий убийца, не желая терять деньги, заявит Перольскому, что работа выполнена. Нам же с вами нужно подготовить дальнейший план действий...

Екатерина Степановна достала с кармана старенькую модель Nokia, набрала номер. Секунды ожидания тянулись будто вечность. Потом мелодичный приятный голос следователя произнес фразу «Серж, дай трубочку Люсьену». Дрожащими руками я взяла протянутый телефон, уронила его, потом снова взяла.

— Люсьен?!

— Милая Валенсия! Я так рад слышать твой голос, – это был, действительно, оперный тенор моего Люсьена.

— Любимый! А я то уже думала, что потеряла вас навсегда. Я люблю тебя! И своего Елисея! Дай ему трубочку, я хочу услышать голос своего маленького принца.

— Я тоже тебя люблю, моё солнышко, – тишина, – «Мамичка»! Ты скоро к нам придешь?!

—Мой мальчик! Не знаю, но думаю, мы скоро увидимся. Тебе там не страшно? – я беспокоилась за психику ребенка, его ведь как-то затащили в ту подводную лодку.

— Сначала было страшно, когда дяди в водолазных костюмах тянули меня за ноги под воду. А потом мне надели маску, и я мог дышать под водой и видеть чистую прозрачную воду. Жилет прокололи, и мы вместе с дядями опустились в черную-черную дыру на самом дне реки. Там нас ждала большая лодка. В ней было интересно, столько всяких кнопочек, рычажков и даже руль! – пролил ребенок свет на тайное исчезновение в речных водах.

— Елисейка, как же я испугалась, что больше никогда вас не увижу. Я вас очень люблю: тебя и Люсьена.

Екатерина Степановна посмотрела на часы, давая понять, что я либо много разговариваю, либо у неё еще есть важные дела. Поэтому я попрощалась со своими мужчинами, и вернула серенькую Nokia владелице.

...Екатерина – леди в погонах, следовательно в чьем послужном списке десятки раскрытых преступлений оказалась очень хорошим человеком. И как только столь неспокойная работа не превратила её в сухую нечеловечную личность? – думала я, возвращаясь в Донецк поездом.

Должность следователя сама по себе таит немало негативных составляющих. Это и психическая нагрузка, и физическая усталость от постоянных расследований, допросов, очных ставок, кропотливого сбора информации и последующего выстраивания версий. А главное, у Екатерины Степановны такой же ненормированный день, как у бизнесмена. Разница только в том, что бизнесмен старается исключительно ради своего достатка, а следователь трудится для поддержания порядка во всем обществе. И им часто приходится целыми сутками находиться вдали от семьи, но в постоянном общении с другими людьми, и чаще всего с пострадавшими, с которыми любому человеку было бы удручающе находиться рядом. Ведь потерпевшие психически надломлены, перенесли моральный удар от потери близкого человека, например, и следователю как психологу приходится выслушивать их, что тяжело, в первую очередь, морально.

***Тому возмездием за преступление был крест,
а этому царская диадема.
Децим Юний Ювенал (ок. 60 – ок. 127)***

20 мая 2011 года

С первыми лучами солнца я проснулась. В купе все еще спали. Стоял невероятный храп одного из попутчиков – немолодого человека, который лежал напротив, как и я на верхней полке. А на нижних полках тихонько посапывали две бабули. Обе в чепчиках, из-под которых выбивались седые пряди.

За ночь я набралась сил, успокоилась после недавних переживаний и уже обдумывала, как бы удачнее сыграть отведенную мне роль в разоблачении Паулина Перольского. Я, конечно, не могла не думать о Люсьене с Елисеем. Хотелось быть рядом с ними или хотя бы услышать их голоса, но Екатерина Степановна предупредила меня, что мой номер прослушивается. Паулин оказался тем еще фруктом.

На часах было 05.13. До прибытия на станцию донецкого железнодорожного вокзала у меня еще было более двух часов свободного времени. Спать под непрекращающийся храп было невозможно. Даже мысли сбивались от столь низкочастотного дребезжащего звука.

— Они должно быть уже в Одессе, – я все же думала о сыне и любимом человеке, мысленно задавая себе вопросы. – Закончен ли ремонт в доме, где моим мужчинам предстоит дожидаться меня какое-то время?

Екатерина Степановна вчера спросила меня, нет ли у меня надежного места, где можно было бы спрятать на несколько дней Люсьена с малышом. И поразмыслив, я вспомнила о предложении Ирины Николаевны отдохнуть в ее домике, доставшемся ей в наследство. Одесса, район Мельницы, улица Ивана и Юрия Липы, дом № 9, – назвала я точный адрес. Меня немного смущало, что листок с этим адресом так и остался среди моих бумаг в доме Паулина. Но я была на 99% уверена, что искать Люсьена и Елисея будут только на дне реки, и только водолазы. Поэтому я набрала 099-99-99-099, легко запоминающийся номер подруги, и со старенькой Nokia леди-капитана позвонила Ирине. Но во время разговора я так и не коснулась темы ремонта в доме. Главное тогда был сам факт, что с её разрешения Люсьен Дюжесиль с моим мальчиком поселятся в одном из домиков прекрасного города Одессы, сблизившего нас под ночным звездным небом. И уже скоро мы вновь встретимся, вот

только осталось вывести на чистую воду Паулина и воздать ему по заслугам.

Берег каменных иллюзий

*Я тень,
нечеткое виденье
минутой смытое теченьем
на берег каменных творений
любовью брошенных сердец.*

*Я пустота,
душа в забвеньи,
но сладкий яд её суждений
извечной силой наваждений
несет фантазиям конец.*

*Я тишина,
немое объяснение
терзает душу заблуждением,
холодным пеплом заточенья
в шкатулку брошенных колец.*

*Ты не заметишь
отраженья
в моих глазах мировоззренья,
я белым флагом пораженья
бросаю под ноги венец.*

*И берег
каменных иллюзий
сердечных странностей любви
играет океаном мюзикл
души печалям вопреки.*

Бардовые лаковые туфельки стучали каблучками по тротуарной плитке. Я на секундочку остановилась, поправила строгую черную юбку, и с высоко поднятой головой пошла дальше. Теплый ветер раздувал тонную ткань моей кофточки с абстрактными изображениями красно-бардовых вишен с черными листьями, огненные волосы непослушно лезли в глаза, которые сегодня даже не были накрашены. Со стороны лицо могло показаться нездоровым любому прохожему, но я, не обращая ни на кого внимания, шла домой, туда, где по моим предположениям «графиня»

Изольда Бенедиктовна кусает себе локти из-за «несчастливого случая» с её внуком.

Лестница. Сердце с каждой ступенькой стучит все сильнее. Воспоминания. Я мысленно переносюсь во времени обратно на реку. Вода, брызги, Люсьен и Елисей идут ко дну, холодная синь глубокой реки, отчаянье и боль потери, слезы. И я готова поплакаться в жилетку жестокой свекрови. Звонок в дверь. Удручающая тишина. Ожидание. Звуки открывающихся замков, и дверь медленно открывается.

— Валюшка, – произнесла Изольда Бенедиктовна слабым голосом так, словно ожидала моего визита.

Передо мной стояла вовсе не та элегантная женщина в синем платье и белых перчатках. На ней не было дорогих украшений: ни брошки, ни ожерелья, ни сережек. Волосы без укладки. Она даже не расчесывалась, – подумала я. Её руки заметно дрожали, как и нижняя губа, а глаза стеклянным взглядом пристально смотрели на меня. И не было во взгляде присущего Изольде Бенедиктовне высокомерия, величия; скорее раскаянье или сожаление, даже боль, как мне показалось. Передо мной стояла слабая пенсионерка в халате и комнатных тапочках на босую ногу. Резкий запах валерьянки подтвердил мои предположения – свекровь тоже человек, и оказывается её ледяное сердце тоже способно переживать.

— Паулин уже уехал на работу? – спросила я, всхлипывая, так и не решаясь якобы войти.

— Да, только недавно ушел, – свекровь достала носовой платочек из кармана и вытерла нос, – ты проходи, Валюшка, проходи. Это же и твоя квартира, твой дом, – теперь всхлипывать стала Изольда Бенедиктовна.

— Вам нездоровится? – спросила я, переступая через порог, а сама при этом дала волю слезам, готовым литься ручьем от одной только мысли о тех ужасных минутах, которые мне довелось пережить от части и по вине свекрови.

— Не обращай внимания, Валюшка, у меня весенняя аллергия, – нехитрое оправдание придумала себе свекровь. – Ох уж эти деревья, кустарники и травы. Все цветет, и от этой пыльцы даже в четырех стенах не спрячешься, – развела она руки в стороны, печально смотря мне в глаза, как преданный пес.

Я закрыла за собой дверь, опустила сумку на пол, и еще раз пробежалась взглядом по болезненному лицу свекрови: красный нос, белки глаз покрыты сеткой воспаленных капилляров. Может, у неё и правда аллергия, – подумала я,

вытирая горячие слезы на своих щеках. Пришло время действовать.

— Беда, Изольда Бенедиктовна, горе. За что судьба так жестоко меня наказала, отобрав у меня все что было? Мой маленький Елисейка, моя крошка, – я тоже достала носовой платочек и стала громко сморкаться. – Его больше нет, – кричала я, рыдая, – его забрала у меня река. Холодная, бессердечная, жестокая.

Изольда Бенедиктовна резко схватила за сердце. Она стала задыхаться: глаза на выкате, рот открыт. Как рыба, свекровь хватала воздух, медленно приседая. Я испугалась. Мне вовсе не хотелось, чтобы она умерла у меня на руках.

— Скорую, – еле слышно произнесла Изольда Бенедиктовна, опираясь о стену.

— Сейчас.

Я побежала к телефону. Сделав глубокий вдох, набрала номер. Гудки. Занято. Набираю снова и снова. Лишь на четвертый раз на другом конце провода послышалось «Приемное отделение скорой помощи».

Тяжелое дыхание свекрови прекратилось, едва я положила трубку, вызвав врача на дом. Тишина. Поправив маленькую черную пуговичку на кофточке, я метнула в коридор. Похоже, свекровь потеряла сознание. Я взяла её за руку. Пульс прощупывался, но она еле дышала, казалось, смерть хочет забрать её на небеса.

— Изольда Бенедиктовна, очнитесь, – я слегка потрясла ее обмякшие плечи, но она не реагировала. – Вы меня слышите? Скажите хоть слово.

— Про-о-о-сти меня-а-а, – не открывая глаз, простонала свекровь, хватая меня за руку холодной, как лед, ладонью. – Это я во всем вина... виновата.

— В чем? – её признание на скрытую камеру должно стать одним из доказательств в деле по обвинению Паулина в организации убийства Люсьена Дюжесиль, но Изольда Бенедиктовна молчала. – В чем вы виноваты?

— «Нет человека – нет проблемы», – потом опять молчание.

— О чем вы? Я вас не понимаю, – хотя на самом деле, я все прекрасно понимала, но мне нужно было её признание.

— Я любила Елисея, – на каждом слоге она запинаясь, – он напоминал мне моего Бориса. Такие же черты лица. Даже Паулин не так похож на своего отца.

— Произошел несчастный случай, – сказала я, надеясь услышать от свекрови опровержение своих слов.

— Это был не несчастный случай, – Изольда Бенедиктовна на миг открыла покрасневшие глаза, – Паулин заплатил за смерть твоего любовника, желая любым способом вернуть тебя. Он очень любит тебя. Ты для него смысл жизни, как и Елисей, который отправился на тот свет вместе с твоим Дюжесилем. Умереть должен был только твой любовник. А вышло так, что невинное дитя заплатило своей жизнью за твою измену, Валюшка. Ты тоже виновата, как и я. Это я надоумила Паулина избавиться от соперника. Если бы я знала, что и Елисей погибнет, я бы низачто не пожелала смерти моему поэту. Прости.

Эти слова с большим трудом давались Изольде Бенедиктовне. Казалось, она вот-вот остановиться, так и не сказав самого главного. Но она, не зная, что теперь по Паулину точно плачет тюрьма, все выложила, словно предчувствуя смерть и раскаиваясь в одном из самых страшных грехов – лишении человека жизни.

Звонок в дверь раздался буквально сразу после признания. Я торопливо открыла дверь. Это был доктор городской больницы с молодой медсестрой. Я пригласила их войти, и доктор сразу же кинулся к телу Изольды Бенедиктовны, которая с виду не подавала никаких признаков жизни.

— Сердечный приступ, – поставил диагноз уже немолодой врач. – Обострение мог вызвать как стресс, так и отсутствие физической активности. Женщину нужно срочно госпитализировать. С вашего согласия медсестра сейчас сделает ей укол, и мы сразу же увезем её в больницу.

— Да, конечно, – не возражала я. – Доктор, моя свекровь поправиться?

— Все зависит от отношения человека к своему здоровью, – ответил врач, доставая из белого халата телефон. – Если ваша свекровь будет строго соблюдать мои рекомендации, возможно уже скоро она сможет вернуться к полноценной жизни, преодолев болезнь. Или же смирится со своим состоянием, превратившись в инвалида. А основной причиной, препятствующей возвращению больных к нормальной жизни, являются психологические факторы. И даже плохая новость может убить человека, перенесшего инфаркт. Вы, кстати, ничем не огорчили свою свекровь?

— Да, вы совершенно правы, у свекрови было эмоциональное потрясение, как и у меня, – добавила я.

— Ну что я вам могу сказать? Берите с собой кошелек, и в больницу, – сказал мне врач, вызывая кого-то по телефону.

– Петя, бери носилки и на пятый этаж. Давай живенько, у женщины инфаркт, – он говорил приказным тоном.

Медсестра ввела в вену свекрови ампулу прозрачного вещества, приложила ватку, и закрыв свой чемоданчик, сложила руки в боки, смотря сверху вниз на распластавшуюся на полу женщину.

– С вас 50 грн. за вызов и укол, – сухо произнес доктор, раскрывая исписанный блокнот. – И у меня к вам еще будут вопросы...

Взяв с собой денег из той суммы, что лежала дома на расходы, я закрыла на ключ квартиру и поехала в машине скорой помощи в больницу. Свекровь лежала не двигаясь, лишь посиневшие губы слегка шевелились. На моей груди все еще работала скрытая камера в виде пуговички, а позади нас ехала черная Alfa-Romeo.

Мне совсем не хотелось звонить Паулину и сообщать ему об ухудшении здоровья Изольды Бенедиктовны, по плану все должно было произойти иначе – инфаркт, случившийся со свекровью, ни я, ни Екатерина Степановна не могли предвидеть. Но в любом случае мне еще предстояло проявить свои театральные способности, и поплакаться в жилетку мужа, дабы получить неопровержимые доказательства его вины. А главное я хотела не столько для следствия, сколько для себя лично порыться в его электронных файлах, чтобы до конца поверить, что все эти годы я жила под одной крышей с убийцей. А для этого я должна была быть дома, а не в больнице со свекровью.

Паулин. Его имя я выбрала в списке контактов. Решительно нажала кнопку вызова, и вместо гудков зазвучала скрипка Паганини. Тихое и подавленное «да», не свойственное Паулину, на миг лишило меня желания говорить с ним. Но я должна была перебороть себя и продолжить играть свою роль.

– Паулин, нам нужно поговорить, – я его едва не умоляла, запинаясь на каждом слове и всхлипывая.

– Ты где? – Паулин был сдержан, казалось, он очень устал и ему не хочется даже разговаривать.

– Приезжай в городскую больницу, я буду там? – (медсестра украдкой посматривала на меня, наверно удивляясь, что я переживаю из-за инфаркта свекрови).

– В Донецке? Что-то случилось?

– Случилось, – я не стала вдаваться в подробности, – буду ждать тебя на первом этаже.

Я отключила телефон, так и не объяснив, что случилось, и почему я буду ждать его именно в больнице, так и не сказав

ни слова: ни о «несчастном случае», ни об инфаркте Изольды Бенедиктовны. Пусть помучается в догадках, – решила я, – ведь из-за него я чуть не поседела, когда и Люсьен, и Елисей пошли ко дну...

В больнице было шумно. Одурманивающий лекарственный запах стоял даже на первом этаже. Медсестра в приемной, круглолицая женщина с волосами цвета красного дерева заявила доктору «Мест в кардиологическом отделении нет». А Изольда Бенедиктовна лежала как покойник: бледно-синяя, неподвижная, еще и руки сложила на животе.

— Тогда мы положим её прямо в коридоре, иначе она умрет, так и не дождавшись помощи, – закричал врач на медсестру, которая лишь недоуменно смотрела в ответ. – Павел, Олег, помогите, – позвал доктор проходящих мимо санитаров в голубых костюмах.

Вместе мы занесли Изольду Бенедиктовну в приемный покой. Она была все такая же бледная. Часы в приемной показывали 8.20, это означало, что свекровь уже более получаса находилась в тяжелом состоянии.

— Павел, сделайте пациентке электрокардиограмму, я скоро подойду.

Доктор вместе с медсестрой и вторым санитаром вышли, оставив меня со свекровью и Павлом, который больше походил на студента-практиканта, нежели на опытного медбрата. Он неуверенно прикрепил на запястья, лодыжки и грудь Изольды Бенедиктовны электроды, подключенные к регистратору, и, поглядывая по сторонам, словно что-то потерял, стоял над кушеткой.

Доктор никак не возвращался. Павел взял в руки ленту, покрутил её и так и эдак. Мои предположения подтвердились – Павел не мог ничего сказать по зигзагообразным штрихам.

— Я здесь прохожу практику, – попытался оправдаться парень. – Сейчас потороплю врача, – И Павел тоже вышел, оставив меня одну с молчаливой свекровью, на которой как никогда не было лица.

— Валюшка, – еле слышно позвала меня свекровь.

— Изольда Бенедиктовна, вам лучше? – я мигом подскочила к ней, присев на краешек твердой кушетки.

— Уже не болит, – без выражений и эмоций, как-то сухо ответила она.

— Доктор говорит, у вас инфаркт. Успокойтесь, не думайте ни о чем плохом, – я положила свою ладонь на её по-прежнему холодные руки, которые она снова сложила на животе.

— Забери меня отсюда, я хочу тишины и покоя, а здесь так шумно, – Изольда Бенедиктовна смотрела на меня печальными глазами, и мне становилось все больше и больше жаль эту старушку.

— Я не могу, давайте подождем, что скажет доктор.

В этот момент передо мной как раз возникли, словно из ниоткуда мужчина в белом халате, все тот же седовласый врач и молодой практикант Павел с длинной кардиограммой в руках.

— Женщина, рад, что вам стало немного лучше, но это лишь благодаря обезболивающему, что вам вколола медсестра. Давление у вас капризное, а с сердцем шутить нельзя, если вы еще хотите жить и нянчить внуков.

Как только он сказал о внуках, Изольда Бенедиктовна опять изменилась в лице, снова стала задыхаться и хвататься за горло.

— Кислород, – закричал врач, обращаясь лицом к Павлу, – кислород!

— Даю, – зашевелился Павел, торопясь приложить к носу Изольды Бенедиктовны дыхательную маску.

— У пациентки явный инфаркт. Сделайте повторную электрокардиограмму, еще раз измерить давление, потом поставить капельницу и дать аспирин, – дал указания доктор Павлу. – Девушка, а вы сейчас пойдете в аптеку и купите все необходимое. Я напишу вам список.

Пока врач писал очень длинный перечень медикаментов аж на двух листках своего отрывного блокнота, свекровь снова порозовела, посвежела и перестала задыхаться.

— Павел, и не разрешай ей подниматься. И тем более ходить в таком состоянии категорически запрещено. Я пока отлучусь ненадолго, смотри, чтобы все было в порядке, – наставлял доктор своего ученика.

Мы вдвоем вышли из приемного покоя. Доктор пошел направо, а я налево – в аптечный пункт. Людей там было не так-то и много: две старушки, молодая девушка, мужчина с загипсованной рукой, и я – пятая. Стоя в очереди, я поглядывала на входную дверь, предвкушая встречу с Паулином, но он так и не появлялся. Ожидание томило. Разрядила обстановку веселая бабушка с гулькой на голове и явно вставной челюстью во рту. Пока она пересчитывала сдачу, молодая девушка наклонилась к окошку и очень тихо сказала «пачку презервативов и упаковку валерьянки». Тут то в глазах старушки прямо огонек блеснул, и она, растянув морщинистое лицо в улыбке, сказала «Зря волнуешься,

дочка, это приятно!». Мужчина хихикнул, прикрывая рот, чтобы не вводить в краску молодую особу, а я...

Я застыла на месте, как каменная жертва медузы Горгоны. На меня смотрели поникшие глаза Паулина. Он тоже остолбенел. Мы стояли и глядели друг другу в глаза, не сходя с места. Он все тот же солидный мужчина в серых брюках и белой рубашке, без галстука и без дурацкого жабо – обычный мужчина, с которым я прожила 6 лет. «Надо начинать реветь» – подумала я. И закрыв глаза рукой, я словно опять перенеслась в то ужасное время на реке: вода, брызги, перевернутая байдарка, страх и отчаянье...

– Валенсия, – Паулин неожиданно обнял меня, прижимая к себе. – Почему ты здесь? – его глаза округлились, он держал меня за плечи, и я ощущала, как сильно дрожат его руки.

– Случилась беда, – я растерялась, не знала, как и сказать: или сначала о «несчастном случае» или об инфаркте Изольды Бенедиктовны?

– Елисей? Он здесь? – в его глазах была надежда, переживание и холодный блеск скупой слезы.

– Нет, – разочаровала я его. – Елисея здесь нет. Мы были на реке, катались на байдарках, и... (я мастерски играла свою роль).

– Валенсия, не говори больше ничего, – Паулин плакал. Он по-настоящему рыдал, как мальчишка, у которого отняли любимую игрушку, которого обидели, унизили или даже побили. Он был жалок. Его не волновало, что мы находимся в общественном месте, что на него смотрят удивленные люди, для него словно никого вокруг не было – только я.

– Паулин, – я хотела вырваться из его крепких объятий, но он не отпускал меня. Он стал передо мной на колени, уткнувшись в живот, по-прежнему крепко сжимая меня сильными руками и не переставая громко плакать.

На нас уставились и старушки, и девушка с валерьянкой, и мужчина с загипсованной рукой, и две медсестры оцепенели, как две жирные утки при виде охотника, а кто за нами еще наблюдал, можно было только догадываться.

– Давай забудем всё, – умолял меня Паулин обрывающимся голосом, – прости меня, прости дурака. Я был слеп, зол. Ревность меня ослепила.

– Встань сейчас же, на нас смотрят люди, – мне было неудобно продолжать этот спектакль, но Паулин неугомонно продолжал просить у меня прощения.

– Я не должен был так поступать, – он почти кричал, – ведь я люблю тебя. Я должен был пожелать тебе счастья и

отпустить. Отпустить, не смотря на свою боль из-за твоего предательства. Но я не смог. Я слабак. Я ничтожество. Я опустил до мести, и по моей вине мы потеряли нашего сына. Если ты простишь меня, я обещаю любить твоего ребенка, которого ты носишь под сердцем, как своего. Я буду любить его, так как любил Елисея. Мы навсегда забудем эту ужасную историю с Дюжесилем, и начнем сначала. Уедем в другой город, в другую страну, где ничто не напомнит нам о нашей утрате. Только прости меня. Прости, – и он обессилено опустил руки, глядя на меня снизу вверх. – Прости.

— Прости его, – аплодировали окружающие, как в цирке. – Он тебя любит. Не будь такой жестокой.

Но они то не знали, что по вине этого человека едва не утонул мой ребенок. Им не довелось видеть, как их сын идет ко дну. А я пережила эти ужасные события. И будь Елисей мертв, я бы ни на секунду не задумалась над просьбой «прости». Я бы развернулась, и ушла, сказав «нет». Но тогда мне стало жалко Паулина, и я нерешительно смотрела по сторонам, натыкаясь на любопытные взгляды собравшихся зевак.

— Я не смогу тебе простить убийства. Ведь ты УБИЙСТВО имел в виду, когда сказал «я опустил до мести»? Ты хотел избавиться от Люсьена? – я стала жестче, «никакой жалости» – повторяла я себе.

— Прости, я виноват, – Паулин наконец-то встал. – В том несчастном случае должен был погибнуть только Дюжесиль, – он говорил негромко, чтобы посторонние не слышали его признаний. – Но болван, которому я поручил столь серьезное дело, допустил одну очень большую ошибку: он утопил и моего единственного сына.

Все необходимые доказательства о причастности Паулина Перольского к заказному убийству, обманному как несчастный случай, были получены, и мне не было больше смысла играть роль, но и успокаивать Паулина не входило в мои планы. Екатерина Степановна сама все ему расскажет, когда настанет время. И я молча отошла в сторону к окошку аптечного пункта.

— Все по списку, пожалуйста, – я протянула те два листочка с непонятными записями доктора.

Паулин снова оказался рядом. Он уже не плакал, но вид у него был по-прежнему измученный.

— Валенсия, ты что заболела? Зачем тебе столько лекарств?

— Это не мне. У твоей мамы инфаркт, – ошарашила я его еще одной плохой новостью.

— Мама? Она здесь? – в его глазах вновь мелькнул огонек, и сразу же погас. – Как она?

— Плохо. Доктор говорит, она может умереть. Изольда Бенедиктовна очень переживает, что надоумила тебя покатиться с Люсьеном.

— 634 гривны 48 копеек, – громко и отчетливо потребовала фармацевт.

— Вот возьмите, – я протянула 650 гривен.

— Ты привезла маму сюда? – Паулин вопросительно смотрел на меня.

— Нет. Её привезла машина скорой помощи, а я их вызвала, когда Изольде Бенедиктовне стало плохо.

— Ваша покупка, чек и сдача. Следующий, – недовольная женщина бросила на нас неприветливый взгляд.

— Ты была у нас дома?

— Да. Тебя это удивляет? – я взяла пакет с тяжелыми ампулами для капельницы, трубками, шприцами, таблетками и пузырьками с разным содержимым, и мы вдвоем пошли по направлению к приемному покою.

Раскаянье царицы

*Была холодною царицей,
и льдом бесчувственным глаза,
надменно перейдя границы,
испепеляли образа*

*иллюзии семейной чаши,
не сохраненного тепла...
И льётся ручеек журчащий,
роняя капли, но не зла.*

*В глазах её нет больше злости,
и синевой дрожат уста...
Мы в этом мире только гости,
и правит нами красота.*

*Слезам с айсберга вершины
горячий движется поток;
у королевы прежней силы
осталось только на глоток*

*отчаянья и сожаленья
ей порожденной нелюбви
на почве вечного сомненья
в голубизне её крови.*

*Изольда! Снежная царица
со льдом бесчувственным в глазах
сияла светом, как жар-птица,
раскаившись во всех грехах.*

Изольда Бенедиктовна тихо лежала в приемном покое и смотрела в потолок. Лишь голос сына вернул ее к реальности, и она протянула к нему руки.

— Это я во всем виновата, – причитала она, – нет мне прошенья за содеянное преступление.

Паулин обронил лишь несколько слов: «Мама, тебе нельзя волноваться», и доктор любезно попросил нас удалиться, так как мы негативно влияем на самочувствие его пациентки. Свекровь все еще тянула беспомощно руки, желая остановить сына, но мы все-таки вышли в широкий светлый коридор.

За чистыми окнами стоял ряд автомобилей, среди которых была и черная Alfa-Romeo. Паулину оставалось совсем недолго наслаждаться свободой. Он опечаленно опустил голову и, ступая по блестящим плиткам, с каждым шагом все ближе и ближе приближался к финалу этой истории. Рука об руку мы вышли в дворик, где нас уже поджидали оперуполномоченные.

Екатерина Степановна модельной походкой, словно она дефилировала по подиуму, а не готовилась задержать преступника, шла прямо на нас. Паулин поднял голову и с достоинством взглянул в восхитительные глаза женщины в погонах. Потом он перевел взгляд на меня. В его глазах застыл немой вопрос: «Это ты вызвала милицию?» Но с губ не сорвалось ни слово.

— Паулин Борисович Перольский, вы обвиняетесь в организации убийства Люсьена Дюжесиль, – и на его руках с металлическим треском захлопнулись стальные браслеты.

Паулин не сопротивлялся. Он еще раз посмотрел мне в глаза. В них было столько боли и отчаянья, как у кота в сапогах со «Шрека», любимого мультфильма Елисейки. Он больше не вызывал у меня ни злости, ни ненависти, только жалость.

— Уведите его в машину, – распорядилась Екатерина Степановна мягким голосом, словно воспитательница детского сада, а не капитан милиции.

Я аккуратно сняла камеру-пуговичку и вернула её следователю. Паулин тогда еще не догадывался, что его признание было записано. Всему свое время. Ему предстояло так же узнать и хорошую новость, что наш сын не пострадал во время «несчастливого случая» на реке.

— Валенсия Викторовна, поезжайте пока домой, отдохните, – спокойный голос леди-капитана прервал мои мысли. – И, пожалуйста, просмотрите файлы вашего мужа. Если обнаружите что-то важное, обязательно дайте мне знать.

— Хорошо, Екатерина Степановна, – ответила я, хотя мысленно я все-таки надеялась, что никаких компрометирующих Паулина документов я не найду. Мне не хотелось обвинять его во всех грехах, но я и не отказывалась верить в его причастность к тем четырём убийствам и поджоге, о которых рассказывала следователь.

— И вот еще что, – Екатерина Степановна уже хотела идти к машине, – избавьтесь от этого телефона, смените номер, а мы с вами еще непременно свяжемся. И пока не покидайте город, вы нам еще нужны. А сейчас – до свиданья, Валенсия Викторовна.

— До свиданья.

Загудел мотор, и Alfa-Romeo двинулась с места, увозя Паулина в следственный изолятор (СИЗО) дожидаться суда. Облегченно вздохнув, я оглянулась назад. Изольде Бенедиктовне всем, чем могла – помогла, да и доктор попросил оставить её в покое, поэтому я решила прогуляться по городу и за одно провести своих коллег в издательстве.

Весеннее солнышко припекало спину, шелестела молодая листва, а я не спеша, стучала каблукками по тротуарной плитке, наслаждаясь теплом и наконец-то появившимся спокойствием. Когда я уже была почти на месте, из-за поворота вышла весьма интересная фигура в синем платье явно неподходящем по размеру и синей шляпке, натянутой по брови. Люди тыкали в неё пальцами и смеялись, а та особа, растянув тонкие губы, как ни в чем не бывало, пела песенку старухи Шапокляк:

Кто людям помогает - тот тратит время зря.

Хорошими делами прославиться нельзя.

Поэтому я всем и каждому советую

Всё делать точно так,

*Как делает старуха по кличке Шапокляк.
Как делает старуха по кличке Шапокляк!
Кто людям помогает - тот тратит время зря.
Хорошими делами прославиться нельзя
Прославиться нельзя, прославиться нельзя.
(Успенский Эдуард Н. *1937)*

Это была Мария Григорьевна – крупная мощная женщина, решившая покрасоваться в синем наряде с плеча «великодушной» Изольды Бенедиктовны. На ней были и белые перчатки, хотя белоснежной чистотой они уже не сверкали, и белая сумочка в виде маленького чемоданчика, которой Мария Григорьевна размахивала, как школьница. А элегантная шапочка, которая подчеркивала знатность моей свекрови, обезумевшей женщине и вовсе не шла, наоборот, она в ней смотрелась глупо и смешно. Платье едва не трещало по швам, талия была завышена, а в плечах оно было узким. Зато элегантное и модное, – так, наверное, думала «интеллигентка» Мария Григорьевна.

Она порхала над тротуаром, радостно напевая песенку Шапокляк и никого вокруг не замечая. Когда я подошла ближе и наши взгляды все-таки пересеклись, Мария Григорьевна скривилась, будто её заставили проглотить ложку жидкого рыбьего жира, и, выпрямив спину, прошла мимо меня, гордо поднимая нос кверху.

***Когда сердца полны любви и бьются лишь от
встречи до разлуки, достаточно и легкого намека,
чтобы понять друг друга.
Рабиндранат Тагор (1861-1941)***

26 мая 2011 года

И снова Одесса встретила меня моросющим дождем. Холодные капельки как иголочки ударяли по открытым плечам, а я окрыленная предвкушением встречи со своими любимыми, неслась вперед, никого и ничего вокруг не замечая. От железнодорожного вокзала до нужной мне остановки я добралась трамваем, и уже по улице Ивана и Юрия Липы, внимательно рассматривая номерки на заборах, радовалась, что я уже близко-близко и может быть через несколько минут смогу обнять и расцеловать своих мужчин. Казалось, вместе со мной радовалось и небо. Высокая красочная радуга изогнутым коромыслом повисла над зеленеющими умытыми майским дождем садами. Радуга! А ведь это добрый знак, – подумала я. Ведь даже в Библии

есть о ней упоминание: радуга появилась после всемирного потопа, как символ прощения человечества (Быт. 9:13-15). Прощение!

Над цветущей клумбой парила удивительной красоты большая бабочка. Её крылья, словно нарисованные талантливым художником цветы, привлекали к себе внимание причудливой окраской. Неспроста в древности считали, что бабочки произошли от цветов, оторвавшихся от стеблей растений легким дуновением ветра.

Когда на сердце радость, весь мир кажется необычайно красивым. И даже лужи на асфальте, и проплывающие в них отражения облаков, и солнечный луч, пробивающийся из-за серой тучи. И делая вздох полной грудью, хочется пуститься в пляс с той же бабочкой, и летать над одурманивающими пионами, и ... наслаждаться жизнью. Жаль только, что бабочки живут недолго.

Опустившись на землю, я резко остановилась. Стоп! Дом № 9 – я уже пришла. Не нужно было специально прислушиваться, чтобы узнать смех моего маленького весельчака. Я осмотрелась. За забором густо росли виноградные лозы, укрывая от посторонних глаз небольшой дом. Современная беседка, с зеленой полупрозрачной крышей защищала чистый дворик от дождя. Кругом зеленела сочная густая трава, и лишь узкая тропинка из квадратных плит 30х30 вела сквозь старый виноградник к дому. Калитка даже не скрипнула, когда я нерешительно ступила через порожек, подумав о собаке. Но даже собачьей будки нигде не было видно.

Детский смех слышался все яснее и звонче. И не только детский! Люсьен играл с Елисеем в песочнице под навесом. Они вдвоем построили чудный замок, хотя это больше было похоже на гараж. Вокруг были разбросаны машинки без колес, одноногие и однорукие роботы, а в руках Люсьена типа «совершал посадку военный бомбардировщик с поломанным крылом».

Люсьен был в сексуальных шортах ниже колена. Они подчеркивали его стройное атлетическое тело: узкие бедра, широкая спина и плечи, накачанная грудь и кубики пресса, сильные загорелые руки... Ах! Любовалась бы и любовалась! На карманах поблескивали металлические пуговицы, вшитые для декора массивные молнии, а снизу болтались завязанные шнурки, касаясь кучерявых светлых волос на икрах. Наконец-то самолет удачно приземлился, и Елисей, все еще меня не замечая, взобрался к Люсьену на спину, и, управляя своим красным вертолетом с большими круглыми

глазами, пытался озвучить рев мотора, при этом постоянно хихикая. Со стороны приятно было за ними наблюдать: они оба веселились, как дети!

— Меня к себе примите! – я нарушила их идиллию.

— Мамичка! – моё маленькое солнышко с распростертыми объятьями кинулось мне на встречу.

— Валенсия, – Люсьен, струшивая песок, за миг тоже оказался рядом.

Я смотрела в их лица. Глаза: такие чистые озорные у Елисея, и соблазнительные у моего «сладкого греха» – Люсьена Дюжесиль. Улыбки: нежная и радостная у сына, счастливая и обворожительная у «завоевателя моего сердца». Они оба целовали меня, не соперничая, по очереди, и я отвечала им крепкими объятьями и звездопадом самых горячих поцелуев!

— Мамичка, а почему ты была не с нами тогда на речке? – спросил Елисейка, обнимая меня крепко за шею, как маленький жучок, который вцепился в листочек, чтобы не упасть вниз.

— Меня с собой не взяли дяди-водолазы, – ответила я, щелкнув по маленькому носику пальцем. – А тебе было не сильно страшно под водой?

Люсьен забрал Елисея с моих рук, но мы все равно стояли рядом: Люсьен одной рукой обнимал меня, другой держал малыша, а я обнимала их обоих.

— Сначала я испугался, но потом мне даже понравилось, – ответил ребенок, хлопая в ладоши. – Мы плавали в подводной лодке! – он четко произносил слова, что у меня было такое чувство, что мы не виделись целый год.

— А если бы вы знали, как страшно было мне, когда вы стали уходить под воду. Я очень-очень боялась, что вы на самом деле тонете. Даже больше, – я не сдержала нахлынувших слез, Люсьен нежно целовал меня в висок, поглаживая рукой по спине. – Я ныряла за вами, хотела найти, спасти, поднять на поверхность. Но вас нигде не было. Я думала, что потеряла вас навсегда.

— Все, любимая, не плач, не вспоминай о грустном. Мы же все-таки живы, – Люсьен прижал меня к себе крепче. – Теперь мы никогда не расстанемся.

— А как же папа? – неожиданно Елисей вспомнил о Паулине. Хотя, что в этом удивительного? Паулин родной отец моего сына.

— Малыш, твой папа совершил очень нехороший поступок, и даже не один, и за это государство его наказало

лишением свободы. Ты теперь увидишь папу нескоро, потому что его не выпускают на улицу – он наказан.

— Его поставили в угол? – спросил Елисей, делая удивленное лицо.

— Да, и стоять ему там придется долго, – ответила я, вытирая слезы, все еще вспоминая ту ужасную историю на реке, и электронные файлы, о которых я так и не рассказала Екатерине Степановне, сделав вид, что ничего не нашла.

— А пока папа стоит в углу, Люсьен будет вместо него? – маленькая почемучка стала задавать слишком много вопросов.

— Да, малыш. А ты не хочешь погулять в песочнице?

Люсьен опустил его вниз, и Елисей побежал собирать игрушки, разговаривая сам с собой. А я достала из сумочки ксерокопию решения суда о разводе, где черным по белому было написано:

*РЕШЕНИЕ
ИМЕНЕМ УКРАИНЫ*

... Поэтому иск о расторжении брака подлежит удовлетворению. На основании изложенного и руководствуясь ст. 110, 112 СК Украины, ст. 15, 30, 62, 202 ГПК Украины суд решил:

Брак ... расторгнуть.

Решение вступит в законную силу 25.07.2011г.

— Я уже почти свободна! Смотри, – и протянула Люсьену листок.

Он пробежал по нему глазами:

— Значит, через месяц мы сможем подать заявления в загс! Надеюсь, Валенсия Викторовна, вы еще не передумали связать свою судьбу с несчастным поэтом, потерявшим покой и сон из-за ваших колдовских глаз и огненно рыжих волос?! – его руки страстно скользили по моей спине, а горячее дыхание обжигало губы.

— Поцелуй же меня, околдованный принц, не томи ожиданием, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю.

Не успела я договорить, как упругие пухлые губы нежно коснулись приоткрытого рта. Мелкая дрожь пробежала по телу. Это так сладко – целоваться с любимым человеком! Люсьен ласково затрагивал языком мои губы. Сначала ненастойчиво, будто несмело, но с каждой секундой его поцелуи становился все ярче, как фейерверк в ночном небе. В нем закипала страсть, и я это чувствовала! Дав волю рукам, я сжимала его крепкую сильную грудь, осторожно,

стараясь не оставлять отметин острыми ногтями. Люсьен крепко прижимал меня к себе, так что я обо всем забывала.

Но, все-таки приоткрыв глаза на миг после очередного поцелуя, я резко встрепенулась, как птица, которую неожиданно что-то встревожило.

— Это что за сирена-искусительница?

За невысоким забором молодая соседка в бикини развешивала мокрое бельё, пластично нагибаясь к лежащему у ног тазику со стиркой. Я не видела её лица, но, судя по фигуре, соседка была моего возраста, и отличалась «аппетитными» параметрами.

— А! Дашка, — ответил Люсьен, мельком бросив взгляд в сторону. — Соседка твоей подруги Ирины. Именно у неё был ключ от дома. Любезная хохлушка, — ответил Люсьен, пристально глядя мне в глаза и улыбаясь, точно читал мои мысли.

— Она всегда ходит голая? Даже после дождя?

— Ха-ха, — Люсьен рассмеялся, и эта Дашка искоса посмотрела в нашу сторону, блеснув огоньками черных глаз. — Ты что ревнуешь, моя прекрасная Миледи?! Ты единственная! Самая-самая! Неповторимая! И я тебя люблю! — его руки подхватили меня, и я закружилась в воздухе, как на карусели. Я радостно смеялась, обвивая руками напряженную шею Люсьена.

Соседка, развесив белье, скрылась за зеленым садом. Я и думать о ней перестала, когда рядом со мной был желанный мужчина, по ласкам которого я ужасно соскучилась...

Елисей тихонько посапывал под моим крылышком. Дневной свет ему вовсе не мешал крепко засыпать и в садике, и дома, и в незнакомой обстановке. Мой маленький ангелочек засыпал по расписанию.

В дверном проеме появилась фигура Люсьена. Он ждал меня. Его светло-пшеничные волосы были влажными от вновь начавшегося дождя. С волнистых завитков падали холодные капельки воды, а серые глаза излучали тепло.

Осторожно встав с мягкой прогибающейся кровати, я пошла ему на встречу, слегка покачивая бедрами, скрытыми под тонким халатиком. За нами тихо захлопнулась дверь. Люсьен прижал меня в стене, покрывая шею и плечи ненасытными поцелуями. Запах его тела и все тот же аромат муската и фиалки возбуждали. Легкий халатик невесомым перышком упал к ногам, открывая обезумевшим от желания глазам Люсьена черное кружевное белье. От прикосновений его сильных и одновременно нежных рук у меня пошли мурашки по коже. Люсьен провел горячими ладонями по

плечам, предплечьям, стараясь согреть. Он страстно массировал жаждущую ласки кожу. Я ощущала его напряжение, нетерпеливое желание овладевало нашими телами. Неистовые потоки флюидов страсти увлекали нас в бурлящий водоворот чувств. Я уже была готова к любовным утехам, но Люсьен вдруг отстранился.

— Секундочку, – он, тяжело дыша, включил магнитофон, и атмосфера любви и желания тихими, но особыми музыкальными вибрациями, окунала нас еще глубже в потоки интима и сближения. Под чарующие ноты «Enigma», пропитанными чувственностью, его рука вновь легла мне на талию.

Очередной прилив любовных сил я ощутила, когда уже на разложенном диване Люсьен опытными ладонями начал поглаживать округлости груди, все еще спрятанные под просвечивающимся бюстгалтером. Я замерла, боясь пошевелиться от наваждения, а Люсьен все смелее и настойчивее ласкал мое тело. Бельё, как лишние детали, полетело в разные стороны. И мой страстный любовник сжимал меня в своих крепких объятиях, беспощадно зацеловывая податливые губы, шею и грудь.

Люсьен играл со мной, продлевая наэлектризованные желанием минуты. Его руки блуждали по всему телу под чарующую мелодию «The Rivers Of Belief». Одной рукой я трогала его густые шелковистые волосы на затылке, другой – скользила по спине. Шорты, – они явно уже должны были небрежно валяться на полу, но Люсьен все еще не расстегнул их, видимо, это придется сделать мне, – подумала я, и решительно коснулась холодной молнии на ширинке. Люсьен замер на месте, позволяя освободить ущемленного теснотой обтягивающих шорт изголодавшегося по женской ласке зверя...

***Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.
Анна Ахматова (1889-1966)***

10 июня 2011 года

И снова скорый поезд вез нас на всеукраинский фестиваль русской поэзии. На этот раз мы были втроем:

Люсьен, я и Елисей. И под убаюкивающий стук колес я могла спокойно подумать о своей жизни.

После отпуска Люсьен Дюжесиль так и не возглавил географический факультет киевского национального университета имени Т.Шевченко. Вместо руководства учебной и воспитательной работой мой нежный принц, а он же и профессор-преподаватель был вынужден внести большие корректировки в свою жизнь и заняться продажей своей однокомнатной квартиры в Киеве, чтобы купить для нашей будущей большой семьи трехкомнатную квартиру в Житомире. Именно там мы и решили окончательно обосноваться.

Люсьен познакомил меня со своей мамой. Ольга Дюжесиль оказалась довольно энергичной и милой особой, которой были свойственны и княжеские замашки, и простонародное великодушие. Ольга – великая княгиня! Первая свекровь была «герцогиня» Изольда: холодная и расчетливая, а вторая – мудрая женщина с доброжелательной улыбкой и такими же теплыми глазами, как у Люсьена.

Поезд неторопливо приближал нас к Моршину – курортному городу на Прикарпатье (Львовская область), прославившемуся далеко за пределами Украины чистой и обогащенной полезными минералами и витаминами водой, из-за лечебных свойств которой, город ежегодно посещают тысячи туристов.

Вокзал утопал в буйстве зеленых красок. Радовали взор чистые газоны, белые бордюры, стройные березки вдоль аллей. А слух приятно ласкали певучие голоса улыбчивых горожан. На большой вывеске было написано: «Бажаєте позитивних емоцій і радості життя? Моршин готовий дати Вам значно більше! Ласкаво Вас просимо!»

Но с небольшим огорчением нам все-таки пришлось столкнуться. В санаториях все номера были забронированы заранее. И в современных, возведенных по европейским стандартам, и в старых еще советских здравницах свободных мест не оказалось. Мы вынуждены были остановиться в мини-гостинице, дабы не «гулять» по городу с чемоданами. Центр курорта великодушно ожидал желающих отдохнуть, предоставляя большой выбор маленьких отелей со стандартными номерами и «полулюксом» со всеми удобствами.

Мы расположились в отеле «Confort de Mask», расположенном на втором этаже торгового центра. Это была небольшая комната со светлыми стенами и большим окном, занавешенным тонкой белой гардиной с выбитыми крупными

цветами. Никаких излишеств не было: только большая двуспальная кровать, по бокам две тумбочки, небольшой диванчик (как раз для Елисея), шкаф и холодильник.

Владелец отеля, невысокий худощавый мужчина с густыми черными усами и лысеющей макушкой любезно помог нам донести вещи, увлекательно рекламируя свой родной город:

— Вы знаете, какие здесь пейзажи!? А вы не были у нас прошлой зимой? О! Если бы вы видели нашу снежную сказку, когда снежинки танцуют в небе и время, словно замедляет бег! В Моршине все располагает к отдыху! Наша вода способна слабому дать силы, а сильному подарить еще и душевный покой...

Мы оставили вещи в номере, и пошли гулять по солнечному городу, процветающему в живописной долине в окружении старых сосновых и смешанных лесов. За тихой речкой Березницей возвышались зеленые хребты девственного леса. Веяло сонной тишиной и спокойствием. Удивительная природа, как с картинки, шептала дуновением летнего ветра «Жизнь прекрасна!» В малахитовых рощах дубы-великаны грозно возносились над безмятежностью, а рыжие белочки бесстрашно подходили к людям и брали из рук сухарики, протягивая свои маленькие лапки.

В небольшом заповеднике за плетеным забором бегали черные пушистые козочки. Люсьен взял Елисея на руки, чтобы наш малыш лучше мог рассмотреть диких животных. Олень терся большими рогами о старую сосну, мама-олениха с маленькими смешными оленятами «Бэмби» жевали сено, не обращая ни на кого внимания. И лишь когда девочка с двумя хвостиками из тоненьких волос усердно забарабанила толстой палкой о забор, приговаривая «А ну, павлин, быстро распуши свой хвост!», все олени подняли мордочки и стали смотреть по сторонам, как будто думая «И зачем так стучать?»

Красивый павлин, но, наверно, не от испуга все-таки, распустил свой роскошный хвост, напомнив мне кружевное жабо на рубашке Паулина. Не хотелось омрачать день неприятными воспоминаниями, но павлины и раньше ассоциировались у меня с бывшим мужем. Павлин, Паулин – звучит почти одинаково.

От одного ограждения мы подходили к другому, любуясь и белыми пушистыми кроликами, и колючими ехиднами, и трусливыми страусами с перепуганными гримасами и, словно от страха к своей тени, выпученными глазами.

Большую часть дня мы провели в лоне ошеломительной природы, среди высоких гор, густых лесов, зеленеющих лугов, парков и аллей, напоминающих человеку о райском саде. Мы не успели обойти весь Моршин вдоль и поперек. Но основные достопримечательности все же облюбовали: источники «Бонифаций» и «Магдалена», грязелечебница и бювет минеральных вод «грибок» (символ Моршина), санаторий «Мраморный дворец» – самый популярный среди отдыхающих, и другие. Недалеко красовался и стеклянный Дворец Культуры, в котором на 11-15 июня было запланировано проведение всеукраинского фестиваля русской поэзии.

***Вероятно, ни один человек
не может быть поэтом,
не может даже любить поэзию,
если он, хотя бы в малой степени,
не душевнобольной.
Томас Маколей (1800-1859).***

11 июня 2011 года

Во многих городах Украины нет ни театра, ни кинотеатра, но есть Дворцы Культуры, в которых хоть изредка, но проводятся различные массовые мероприятия. Моршин – один из таких городов, где все еще поддерживают высокий уровень культуры общества.

Замечательные писатели, поэты-лирики, прозаики, авторы современных песенных текстов, талантливые представители литобъединений и члены Союза писателей не в первый раз собрались под крышей моршинского Дворца Культуры на фестивале русской поэзии. Помимо творческих личностей со всех уголков нашей страны, были и гости из соседних государств: делегация поэтов из Польши, члены Союза писателей из России и Белоруссии.

Обширная программа из стихов и песен в который раз была тщательно подготовлена Мануилом Верписким – председателем комиссии донецкого горсовета по вопросам культуры и туризма.

Поэзия и музыка несли со сцены переплетенные чувства прекрасного, восхищения, упоения, но и заставляли задуматься над многими проблемами, как в жизни отдельного человека, так и в жизни всего общества. Молодые авторы, которым впервые довелось выступать с большой сцены перед

наполненным залом, заметно волновались, но публика их поддерживала бурными аплодисментами. И в итоге все были довольны и счастливы.

В восточном танце

*Мне звездный вечер покрывалом
из тени лунного кольца
набросил шаль, как перед балом
принцессе прямо у крыльца.*

*И огоньками золотились
в глазах созвездий берега,
когда созвучные мотивы
бурлили в сердце, как вода*

*в потоках сильного течения
любовью пройденных преград
в пути высокого стремленья
достигнуть цели без утрат.*

*С тобой я ни за что на свете
продолжить путь не побоюсь,
и пусть любовь всесильный ветер
вдохнет в крепчающий союз.*

*Поправлю шаль и смело в двери
без стука ветрено впорхну,
восточным танцем ощущений
твой океан я вострепелу.*

*На стройном теле только звезды
из тени лунного кольца,
веди меня, пока не поздно
черпать эмоции с лица.*

На сцену поочередно выходили не только участники фестиваля, но и чиновники из министерства образования, руководства городских округов и мер города Моршина. Писатели награждались почетными грамотами, дипломами под шквал оваций восхищенной публики.

Выступали русскоязычные поэты, лились чарующей мелодией грустные песни под гитару, зрителям были представлены свежие коллективные сборники украинских авторов, были зачитаны выборочно лучшие произведения.

Свои стихотворения читал и Люсьен Дюжесиль. Женская половина поедала его глазами. Еще бы?! – восхищалась и я своим избранником, наблюдая за ним с кресла жюри, – он у меня самый лучший!

Поэзия объединила наши души и тела. Поэзия! Кого-то, может, и музыка связала, как в песне советской группы «Мираж». А нас – поэзия, стихи и, конечно же, Интернет!

***Счастье - как здоровье:
когда его не замечаешь, значит, оно есть.
Иван Тургенев (1818-1883).***

1 сентября 2011 года

Эпилог

Самый волнующий день настал. И снова белая фата, пышная юбка, кружева и стразы! Остаток лета незаметно пролетел в подготовке к свадебному торжеству.

И вот теплый сентябрьский день ярким солнцем осветил костюмированный в античном стиле праздник. Лица сотни приглашенных гостей сияли довольными улыбками. Даже Изольда Бенедиктовна, поправившись после инфаркта, танцевала в удивительном легком платье цвета шампанского с широким поясом выше талии. Она была похожа отнюдь не на снежную королеву, скорее – на одну из греческих богинь: веселую и жизнерадостную, излучающую свет глубоких голубых глаз. Родственники, друзья и коллеги с головой окунулись в увлекательное и непредсказуемое торжество свадьбы, проводимое на берегу Азовского моря, в частном доме моих родителей.

Во время выкупа Люсьену Дюжесиль пришлось пройти настоящее рыцарское испытание. Он на белом коне, как сказочный принц неся ко мне на всех парах. Ветер играл его блестящими на солнце пшеничными волосами, белая туника, надетая поверх элегантного костюма, разлеталась по сторонам – он был неотразим! С балкона я наблюдала, как подружки остановили его, требуя доказать, что ради меня он готов сразиться даже с разъяренным львом. Был и лев,

только не настоящий, были и гладиаторские бои, и серенады под балконом, и дивные мелодии свирели в исполнении Люсьена. Гости поддерживали его аплодисментами, и сами пританцовывали под романтические мотивы.

После выкупа мы вместе с гостями поехали в ЗАГС. Нас мчала тройка белых коней, и мы словно на римской колеснице, отделанной под золото, неслись по городским улицам, на удивление проходим. Длинная вереница украшенных машин, заполонила центральную площадь, нам восторженно кричали, подбадривая громкими овациями.

Все было, как в сказке: и прогулка за городом, фотосессия, и запуск белых голубей в небо, а потом праздничный фуршет. Играл живой оркестр, вместо тамады гостей развлекали герои Эллады, сатиры, кентавры, нимфы и «спустившиеся с небес» специально по случаю нашей свадьбы – греческие боги!

Зал был украшен белыми цветами, шарами и лентами. На столах стояли глиняные амфоры с красным вином, традиционные блюда греческой кухни, салаты, нарезки различных сортов сыра, морепродукты, виноград...

Гостям, облаченным в просторные туники, с лавровыми венками в волосах, скучать не доводилось: тосты, поздравления, веселые конкурсы, а потом и наш танец под романтическую греческую музыку. Лепестками роз осыпали нас «ожившие скульптуры», когда мы кружили в волшебном танце, заранее отрепетированном до свадьбы. Гости были поражены, и стоя аплодировали. Вспышки объективов, как звезды, за нами следили, увековечивая память о том знаменательном дне.

Когда настало время бросать свадебный букет, за моей спиной собралось немало желающих его поймать: Елена Юрьевна в красном вечернем платье – шикарная дамочка невысокого роста; Ирина Николаевна в оливковом платье с открытой спиной и широкой шифоновой юбкой, нежно обтекающей стройную фигуру; Наталья в изумительном баальном платье лилового оттенка с декоративной шнуровкой по бокам, и другие не менее привлекательные девушки в античных нарядах. Ирина Сергеевна и Марина Геннадиевна, мои коллеги и подруги уже были замужем, поэтому наблюдали со стороны. И букет, составленный из лавровых веток и белых лилий, полетел... в руки к прыгающей от радости Ирине, в чьем доме мы с Люсьеном провели небольшой медовый месяц, не дожидаясь всех формальностей...

И ровно в полночь, когда часы пробили 12 раз, за нами приехала все та же украшенная белыми цветами и лентами римская колесница. Люсьен держал меня за руку, а в его глазах отражались огни взлетающего вверх фейерверка.

— Поэт и поэтесса! Вперед, вперед, вперед! – кричали нам радостно захмелевшие гости.

И мы пошли вперед... на долгие годы...

Осенний интим

*В предрассветной синеве несмело
гасли звезды, падая с небес;
в поцелуях, как в ожогах, тело
пламенело точно рыжий лес.*

*Желтая осенняя тропинка
в рощу соловьиную звала,
где блестили росами слезинки,
отражая свет, как зеркала.*

*На руках сквозь сонные деревья
ты меня пронес ветрами дней,
подаривших радость восхищенья,
утонувшей в озере страстей.*

*На ковер из желтых листьев тихо
опустил, целуя невпопад
кисло-сладким вкусом облепихи,
тающим во рту как шоколад.*

*Мой огонь с глазами лета снова
кисточку в чернила опустил,
магом в бальной маске Казановы,
разукрасив утренний массив...*

*Белым шелком кружевных узоров
нас укрыла осень от дождей,
паутинками над светофором,
запрещающим грустить о ней.*

*Возрождение
источника
преображений*

У подножья высокой горы, на вершине которой никогда не таяли белые снега, расположилось поселение «Зеленый край». Десятки маленьких домиков были спрятаны в густых непроходимых дебрях шумного леса. Здесь радостно пели птицы и журчали ручьи, люди жили в гармонии с природой. Не было больших и грязных заводов, электростанций, транспорта, работающего на бензине и газе, ни поездов, ни самолетов – все это осталось в далеком прошлом.

Слишком развитое человечество едва не погубило себя неудачным экспериментом над погодой. Волна стихийных бедствий захлестнула весь мир, беспощадные ураганы сметали города и страны, оставляя после себя лишь голую землю, усеянную фрагментами былой роскоши. Небоскребы, на строительство которых уходили миллиарды долларов, казино и рестораны, банки и административные здания, салоны красоты и развлекательные комплексы – все было уничтожено, словно и не бывало их никогда.

Ураганы сопровождались движением подземных плит, землетрясениями и извержениями вулканов. То, что не было разрушено водой, сгорало в потоках раскаленной лавы, ужас охватил землян, привыкших ко всем благам цивилизации (2892 год).

Оставшись без средств массовой информации, люди в панике бежали подальше от размытых берегов, где ранее красовались отели и гостиницы, туристические парки и аттракционы, галереи и музеи. А жители горных районов наоборот, стремились к воде, пытаясь спастись от огненных рек и горячего воздуха, наполненного едким дымом и частичками серого пепла.

Стихия бушевала безудержно. Уцелевшие от огня и воды, особняки загородных жителей исчезали в недрах земли, проваливаясь в глубокие трещины, как дырявые лодки в глубоком море, их ожидал плачевный финал. Многим казалось, что наступил конец света, ибо природа воспротивилась человеку, с разрушительной силой сломив все то, к чему стремилось человечество многие тысячелетия.

Когда утих бушующий океан, начисто смыв остатки прибрежных строений, уровень воды значительно поднялся, превратив некоторые большие материки в маленькие острова среди бескрайних вод. А вот один континент не погрузился под воду, он даже расширил свои прежние границы. Его прежнее имя стерлось давностью лет, а жители называли свою страну «Империя Лайф» (Life – жизнь). Новые берега горными массивами отважно противостояли дождям и бурям,

словно неприступная крепость, но созданная не руками человека, а самой природой.

Вулканы уснули, и лишь толстый слой пепла напоминал об ужасной катастрофе, обрушившейся неожиданно-негаданно на весь мир. Люди, уставшие от борьбы с холодом и голодом, сумевшие спастись от немилости природы в пещерах, изумленно смотрели с вершины горы на открывшуюся взорам картину – пустота и разруха, и страх в обезумевших от горя глазах соплеменников.

Холодный свистящий ветер беспрепятственно разгулялся в округе, парки и скверы, заповедники и дикие леса практически все сгорели, объятые пламенем разгневанных вулканов. Почти все лесные обитатели, не успевшие укрыться сначала от накатывающихся волн, затем от языков пламени, погибли, лишив людей возможности утолить голод жареным мясом или дичью.

Спасением от голодной смерти стали реки богатые рыбой. Но и этого было мало. Привыкшие к деликатесам, приготовленных лучшими шеф-поварами в самых дорогих ресторанах, люди оставались голодными. Многие жалели, что не погибли как большинство, а остались в живых среди полной разрухи, но с кошельками туго набитыми бесполезными бумажками и банковскими карточками, за которые уже невозможно было купить даже гамбургер в Макдоналдсе. Потому что ни одно здание не уцелело – ни одна продуктовая база, ни один склад, ни один супермаркет, ни одна лавка со съестным товаром.

Все нужно было начинать с нуля. Первым делом из сотни спасенных человек был выбран лидер – Роза Пруд. В цивилизованном мире она занимала должность заместителя премьер-министра в парламенте, знала несколько европейских языков, и в свои молодые годы уже успела стать матерью двум талантливым мальчикам – Дэну и Сэму. Её муж Томас Пруд – знаменитый художник 3-его тысячелетия погиб задолго до первых неприятных сюрпризов погоды. И Роза с двумя сыновьями осталась одна лицом к лицу с кучей свалившихся на её долю испытаний.

Из обломков зданий и глины наспех были построены первые дома. По сути это были укрытия от зачистивших дождей и холодных ветров, в домиках не было ни привычных мягких кроватей, ни столов, никакой мебели, словом ничего, что могло бы напомнить прошлую жизнь, безжалостно разрушенную ужасными природными условиями. Вокруг домиков посадили чудом сохранившиеся побеги орешника, а уже с приходом весны, пережив полуголодную снежную

зиму, земля зазеленела сочной травой, молодыми стебельками, тянущимися к пригревающему солнцу. Все вокруг ожило, и по предложению Розы Пруд поселение стали называть «Зеленый край».

На огромном камне у тропы, ведущей к реке, большими буквами было выцарапано острым предметом «Зеленый край». Местность и впрямь бушевала растительностью, но поблизости не было ни плодов на молодых деревьях, ни древесины, чтобы разжечь огонь. За сухими ветками приходилось подниматься высоко в горы, где леса остались нетронутыми пожарами. Именно оттуда и привели однажды дикую горную козу.

— Стая диких коз быстро передвигалась по вертикальным склонам, грациозно и ловко перескакивая с одного камня на другой! Но мне все же удалось схватить одну резвую козочку за рога и доставить её в целости и сохранности вниз! – радостные крики доносились с горы, где-то уже совсем близко к сидящим у прогорающего костра жителям Зеленого края.

На ужин как впрочем, на завтрак и обед у поселенцев было одно единственное блюдо – рыбная похлебка, приготовленная в больших глиняных котлах местного производства. Неумелая лепка без гончарного круга и других специальных приспособлений, навивала на многих тоску и воспоминания о дорогой фарфоровой посуде из прошлого. Другие же вспоминали уроки истории в начальных классах, когда учитель рассказывал о жизни наших потомков «гомо сапиенс». Шум, летящий с горы звонким водопадом, заставил каждого отвлечься от своих мыслей и осмыслить услышанные обрывки фраз.

— Коза! Наши носильщики сухого леса поймали горную козу! – залепетали наперебой сидящие на земле, словно йоги, обездоленные люди, вскакивая и окружая спустившихся вниз мужчин.

Это была неслыханная новость, ведь если в селении будут козы – значит, будет и мясо, и молоко, и шерсть, с которой можно сделать нитки и связать носки, шарфы и свитера на зиму, со шкур можно шить шубы и использовать их как одеяла. Роза первая подошла к испуганной горной козочке, у неё была бежево-рыжеватая шерсть с черными пятнами на спине, сильные задние ноги и звонкий жалобный голос. Раньше Роза видела подобных животных лишь в зоопарке, а теперь по воле судьбы – дикой козе придется одомашниться и приносить людям пользу.

— Фред (так звали мужчину державшего козу за рога), там действительно была стоя коз? – Роза обратилась к молодому и храброму духом носильщику дров.

Впервые после утраты горячо любимого супруга и прошедших природных катаклизмов, Роза по-другому взглянула на человека, который уже более полугода был рядом, но оставался незамеченным. «И как я раньше не обращала на него внимания», – думала Роза, скользя глазами по выразительным чертам лица. Она представила на миг, какой он, наверное, красивый был бы в черном костюме от Диора и белой рубашке с эксклюзивными запонками, в туфлях с кожи страуса... и за рулем французского легкового автомобиля класса люкс «Бугатти Вейрон». Но Фред был одет в изодранный спортивный костюм, плохо выстиранный в холодных речных водах и поношенные кроссовки, его отросшие черные волосы спадали на широкие плечи, а густая борода скрывала молодое лицо мужчины, а Розе почему-то хотелось увидеть именно его губы.

— Отара взрослых особей, а также их молодое потомство, – ответ Фреда вернул Розу к реальности. – И, похоже, что у нашей козочки тоже скоро появиться детеныш.

— Это хорошая новость, Фред! – Роза ласково улыбнулась, радуясь появившейся козе или усмехаясь над своей же разыгравшейся фантазией.

— Завтра мы пойдем на тот же склон, и если удача будет на нашей стороне, жизнь в нашем селении наладится. У нас будет еда и одежда! – гордо произнес Фред последние слова. (Что еще нужно было людям, оказавшимся в подобной ситуации?)

— Еда и одежда! – подхватили поселенцы, окружившие Фреда с козой. – Еда и одежда!

...По-новому автомобильный двигатель, конечно, не изобрели, компьютерное тысячелетие деградировало многих, да и нигде поблизости не было источника ни железной руды, ни медной руды, никакого металла, только глина и соль были доступными полезными ископаемыми для жителей Зеленого края. Даже если бы была руда – об автомобиле можно было бы только мечтать, никто из местных жителей не смог бы совершить чудо, превратив груду камней в средство передвижения на четырех колесах, работающее на бензине, которого тоже не было.

Зато, приручив стадо горных коз, люди успокоились и потихоньку смирились с утратами комфорта и роскоши прежней жизни. Роза постоянно отправляла группу разведчиков в поход к дальним землям, в результате чего

было обнаружено еще несколько таких поселений как Зеленый край: Новая жизнь, Потерянный рай, Город огня (рядом со спящим вулканом). С поселениями наладили торговлю, обменивая глину и глиняные изделия, соль, рыбу, сыр и шерсть на пшеницу и хлеб, хлопок и ткани.

С годами образовалась новая страна – государство после упадка цивилизации – «Империя Лайф». Не смотря на все трудности, жизнь продолжалась, рождались дети, появлялся новый мир.

Дэн по поручению своей матери – главы поселения Зеленый край, вел календарь, отмечая каждый прожитый день черточкой на глиняной табличке, дабы не потерять счет времени. Судя по его отметкам, в день тревожного послания со столицы империи – городка Капитал, было 16-ое октября 2907 (со дня падения земной цивилизации прошло 15 лет).

Усталый посыльный верхом на ослике, торопливо миновал большой камень вдоль грунтовой дороги с надписью «Зеленый край». На нем были имперские одежды, отличающиеся от других яркими расцветками. Лишь в Капитале ткачи использовали натуральные красители для ткани, держа в секрете рецепт их производства. Многие пытались провести эксперименты, мудря над высушенными растениями. Их мелко нарезали, толкли, вымачивали в холодной воде, кипятили под крышкой, отстаивали, чтобы не было комочков, которые бы вызвали неравномерность окраски, но такого результата, как у столичных умельцев, никто так и не достиг. Видимо какого-то ингредиента все-таки не хватало, а разглашать тайну, приносящую немалый доход, столичные умельцы не спешили.

Посыльный напрямик направился к самому большому дому в поселении, там и жила Роза Пруд с двумя взрослыми сыновьями – Дэном и Сэмми. Стены были аккуратно оштукатурены, двери и ставни на окнах (естественно без стекла, которое еще не могли производить) были изготовлены из ровных ветвей переплетенных гибкой и эластичной корой (гвоздей тоже не было).

— Уважаемая Роза, – поклонился юноша перед почтенной дамой Зеленого края, вышедшей на встречу гостю, – император Мартин прислал меня за вами.

— За мной? По какому это поводу наш многоуважаемый император хочет меня видеть? – в голове сразу мелькнула мысль, о том, как она с Мартином танцевала на столичной площади в день празднования первого юбилея молодой империи.

— Похоже мы не одни в этом мире.

— Что ты хочешь этим сказать? Нашли еще одно поселение? – Роза и думать забыла о массовом гулянии в Капитале. Настолько встревоженным выглядел посыльный.

— Нашу империю со всех сторон окружают горные хребты, с любой горной вершины можно увидеть бескрайний голубой океан, и с восточных районов пришла весть, что люди видели проходящие судна. Корабли, мадам, корабли!

— Корабли?! Неужели где-то остался неповрежденный клочок земли, сохранивший все те блага и достижения развитого мира?! – Роза снова окунулась в воспоминания: показы мод на лучших подиумах Парижа, корпоративные вечеринки, концерты популярных групп...

— Вблизи кораблей не видели, а издали об этом судить невозможно. Но император намерен провести собрание с представителями всех провинций, чтобы совместно решить, как быть с морскими путешественниками. И не принесут ли они нам разорение и завоевание наших земель, ведь мы безоружны.

— А если окажется, что у них есть гораздо больше, чем у нас? Если это люди, государства которых не пострадали во время бушевания стихии? Если они живут так, как мы 15 лет назад?

— Если бы была хоть одна держава не пострадавшая во время катастрофы, нас бы давно спасли или помогли пропитанием и теплыми вещами, когда мы голодали и замерзали, лишившись всего.

— Но произошли серьезные изменения, возможно старая политическая карта мира уже не верна, ты же видишь, какие горы теперь окружают нашу империю, а вокруг океан. Может, нас искали и ищут, но не могут найти?

— Если только все спутники вышли из строя? Люди на кораблях имеют богатые запасы леса, возможно, они не так пострадали от пожаров, но то, что они тоже пострадали – это очевидно. Иначе здесь еще тогда были бы толпы журналистов с камерами, делегации разных правительств...

— Что же собрание на такую важную тему я ни за что не пропущу, – Роза приоткрыла дверь, приглашая посыльного войти. – Проходи в мой скромный дом, ты, наверное, очень устал с дороги?

— Спасибо, вы очень любезны, – застенчиво улыбнулся юноша, проходя мимо красивой женщины, какой и оставалась Роза, не смотря на отсутствие дорогих увлажняющих кремов, декоративной косметики и парфюмерии.

Её каштановые волосы едва серебрились у висков, выдавая возраст, но лицо было свежим и румяным. Теплый взгляд карих глаз из-под густых длинных ресниц придавал этой женщине особый неповторимый шарм, а губы были манящими, как яркий цветок для медоносных пчел.

— Звать то тебя как, должна же я знать с кем мне предстоит дорога в столицу? – Роза заботливо налила чашку козьего молока, отрезала ломоть пшеничного хлеба, испеченного из муки грубого помола. Этот хлеб заметно отличался от белых багетов, которые раньше любила Роза намазывать сливочным маслом, и уплетать за обе щеки с ароматным заварным кофе. Кофе, как и многое другое, осталось лишь приятными воспоминаниями прошлой жизни.

— Вин, так назвала меня мама, – юноша перевел взгляд от глиняной чашки на Розу, которая по возрасту могла бы быть его матерью. – Моё имя обозначает «белый, чистый, справедливый».

— Вин, приятно познакомиться, – Роза оставалась вежливой и культурной женщиной, вопреки всем разочарованиям, выпавшим на её долю за последние годы.

— Взаимно, – Вин жадно пил молоко (в столице коз было мало и молоко оставалось дефицитом).

— Мы отправимся в дорогу сегодня же или завтра на рассвете? – Роза уже обдумывала, как и когда преподнести поселенцам новость о кораблях, замеченных со стороны, где всходит солнце.

— Лучше, если мы сразу же двинемся в путь, представители близлежащих к городку Капитал провинций уже, должно быть, прибыли в столицу.

— Хорошо, но мы подождем возвращения рыбаков к обеду, сейчас в поселении только женщины и дети, и мудрый монах Василий, обучающий подрастающее поколение грамоте. А я должна проститься с сыновьями и рассказать жителям о таинственных кораблях, – Роза задумалась. Снова нахлынули воспоминания о прогулках на яхте вдоль берегов тропических островов, с коктейлем в красивом бокале с цветастым зонтиком.

Обязанности поселенцев были четко оговорены, и каждый занимался уже полюбоившимся делом, зная, что теперь это его работа, не оплачиваемая, но приносящая свои плоды, не позволяющая умереть в новом мире, лишенном благ и достижений многовековой истории человечества.

Мужчины оставались добытчиками и выполняли тяжелую физическую работу: рыбаки, охотники, носильщики сухого леса с вершины горы, рабочие глиняного карьера и соляной

пещеры. А женщины готовили пищу, молотили зерно, солили рыбу, доили коз, вычесывали шерсть и вязали теплые вещи, шили одежду из тканей, выменянных на столичном рынке.

До прихода рыбаков в поселение Роза успела накормить козочек, спокойно разгуливающих по загону. За невысоким (немногим больше метра) ограждением были построены навесы, где некоторые животные прятались от срывающегося дождя. Вин с любопытством рассматривал стадо рогатых красавиц.

— Обед! – разнеслось по всей округе.

Рыбаки вернулись с богатым уловом, и занимали свои места за большими камнями, служившими поселенцам столами, так как деревянные столы были роскошью. Среди рыбаков был и младший сын Розы – Сэмми Пруд. Его то и отвела в сторону мать, поставив перед фактом необходимости её отбытия в столицу империи Лайф.

На обед местные кухарки нажарили рыбы, испекли свежий хлеб, нарезали тонкими дольками жирный козий сыр, а на десерт был несладкий компот из сухих горных ягод. Не дожидаясь пока глиняные разносы и кувшины опустеют, Роза представила Вина всем присутствующим, которые, конечно же, обратили внимание на чужака в своём краю.

— Уважаемые жители Зеленого края, перед вами стоит юноша Вин – посыльный самого императора Мартина, прибывший к нам с новостями. Я покину вас на некоторое время, так как должна соприсутствовать на важном собрании в столице империи. И пусть не будет секретом цель такого внезапного созыва представителей всех провинций, – Роза умышленно выдержала паузу, дабы люди осмыслили её слова, – в океане были замечены корабли.

— Корабли?! – эхом прокатилось по окрестности.

Переполох и оживление было ощутимо, у каждого завертелись самые обнадеживающие мысли, разгорались шумные дискуссии и даже споры относительно возможного или невозможного существования прежней цивилизации за океаном.

Попрощавшись с жителями, Роза покинула Зеленый край вместе с молодым парнем по имени Вин. На ослика взгромоздили кувшины с водой, мешочек с продуктами, теплые вещи, необходимые для длинного путешествия в городок Капитал. В дороге предстояло провести всю ночь, а осенние ночи были весьма холодными.

С молодым человеком Роза почувствовала себя молодой и юной, оживленная беседа не прекращалась даже глубокой сырой ночью. Они шли пешком, преодолевая километры,

отделяющие столицу империи от небольшого поселения Розы. Вин рассказал о своих детских переживаниях, когда на его город обрушился шквал ветра, несущий за собой огромные волны, которые с легкостью накрывали многоэтажные дома, оставляя после себя лишь разруху. В этом ужасе он потерял своих родителей, и был спасен от верной смерти чужими людьми. Но теперь они все стали словно братья и сестры, общая беда их сплотила, и даже к Розе Вин относился как к старой знакомой.

— **Капитал** – столица империи!

— В утреннем свете этот город очень красив! – Роза наблюдала, как под косыми солнечными лучами густо расположенные домики отсвечивают желтыми бликами. Над столицей поднималось красное солнце, темные тучи хмуро висели над горизонтом, а над головой небо было чистым и безоблачным. Голые поля чернели вдали, урожай уже был собран, а земля перепажана. Люди заново научились обрабатывать землю, любить её и благодарить за то, что кормит их. Земля и трудолюбивые руки – залог сытной жизни. Не счет в банке, не толстый кошелек – а земля.

— Я часто задаю себе вопрос: почему мы раньше стремились жить в мегаполисе, вместо того чтобы купить домик в деревне и возделывать там землю, выращивать овец, к примеру?

Вин молчал, он и не знал, что ответить, потому что не помнил прошлого – его жизнь здесь в империи Лайф, о больших городах с поездами и самолетами он слышал только из рассказов взрослого населения и воспринимал все как сказку о небывалом времени.

— Мне не с чем сравнить нынешнюю жизнь, я люблю нашу империю такой, какая она есть!

— Верные слова, Вин, а ты толковый парень! – Вин слегка засмущался, даже щеки слегка порозовели.

Устав от долгой дороги, Роза еле поднимала ноги, хоть они и отдыхали время от времени, но ходить на дальние расстояния было утомительно. Но когда, городок был уже рядом, у Розы словно открылось второе дыхание, она выпрямилась из последних сил, и непринужденной походкой пошла навстречу спящей столице.

Сотни домиков, выстроенных из обломков бывших небоскребов и обмазанные глиной, окружили центральную площадь Капитала. На лотках столичные торговцы уже выставляли товары, город просыпался.

Роза, облаченная в серое платье свободного покроя, ниспадающее до самих пят и расшитое по низу красными нитками в неприхотливый цветочный узор, привлекала внимание имперских мужчин. Ей уступали дорогу, отвешивая щедрые поклоны, от чего Роза кокетливо улыбалась и продолжала идти рядом с Вином, а ослик медленно плелся позади.

Император Мартин построил себе целый дворец, пусть и не такой шикарный, как отель-дворец Ля Муза, возведенный в 2727 году одной из дорогостоящих строительных компаний и являвшийся эталоном сервиса и роскоши многие века, пока стихия не разбушевалась на планете Земля. Столичный замок императора напоминал восточную сказку, стены были украшены мозаикой из морских камней, деревянные элементы декора незатейливо наполняли атмосферу легким веянием романтики и тоски по прекрасной архитектуре прошлого.

У входа во дворец никого не было, люди не боялись оставить дом не запертым, и даже император не нуждался в страже и охране. В империи все честно работали, и не было ни бедных, ни богатых, лишь император и местные управляющие стояли на ступеньку выше остальных. Но они тоже работали и приносили свой взнос в развитие общества. Столичные жители добровольно построили императорский дворец, дабы их столица хоть немного напоминала им развитый город.

Вин привязал своего ослика к молодому деревцу, растущему в парке между площадью и дворцом, и повел Розу по темному коридору императорского дворца.

Мартин был ранней пташкой. Мужчина, потерявший семью в возрасте 42-ух лет, был единственным кандидатом на пост главнокомандующего над паникующими людьми во времена стихийных бедствий. Многим не хотелось жить, горе захлестывало, руки опускались, не было веры и надежды в светлое будущее, а он не сдавался, настойчиво искал пути к спасению, и благодаря его непреклонной натуре, он поднял народ во имя спасения человечества. Были построены дома, возделаны поля, найдены другие поселения, налажена связь и торговля. И за всем этим стоял Мартин Круус – сын кораблестроителя и актрисы, ранее известный во всем мире как телеведущий молодежного шоу.

С кабинета императора доносились голоса, он был не один, когда Вин привел Розу. За широким столом сидели еще трое мужчин и шумно толковали о кораблях. Когда в дверном

проёме возникла женская фигура, мужчины умолкли, как лесные певчие птички, учуяв приближение опасности.

— Роза Пруд собственной персоны! – довольно воскликнул Мартин, на его лице мелькнула радостная улыбка, когда его губы оторвались от нежной ручки женщины, чьё лицо когда-то постоянно мелькало по телевизору. Он и подумать не мог, что однажды жизнь их сведет таким образом: он император большой по территории империи, но маленькой по численности населения, а она – глава одного из провинциальных поселений той же империи.

— Доброе утро, Мартин, – Роза прервала неловкую тишину своим мелодичным голосом, наблюдая, как седые волосы императора блестят в утренних лучах, и под глазами зрелого мужчины она заметила глубокие морщинки.

Поскольку было еще раннее утро и многие из приглашенных глав еще не прибыли в столицу, Мартин сам провел Розу в одну из специально приготовленных по случаю собрания гостевых комнат своего дворца, чтобы его гостья отдохнула после утомительной дороги.

В комнате была широкая деревянная софа, сверху лежала шкура черного барса, подушка, набитая перьями и тонкая простынь, ни матраса, ни перины не было. Но и этого было больше чем достаточно чтобы отдохнуть, особенно если целую ночь довелось идти, не жалея кожаных ботиночек без надежной подошвы. Не обсуждая никакие вопросы с императором, Роза прилегла на твердое ложе, не раздеваясь, и тот час же уснула, провалившись в глубокое забытие.

Разбудило её негромкое шуршание, доносящееся где-то поблизости. Оказалось, это была пожилая женщина в фартуке, раскладывающая на столике глиняную посуду с вкусно пахнущим содержимым. В горшочке была мясная похлебка, на тарелочке два ломтика свежего еще горячего хлеба, и несколько маленьких диких яблочек. Роза приветливо поздоровалась и с аппетитом накинулась на еду. Женщина вежливо ответила, добавив, что представители всех поселений уже прибыли и скоро начнется собрание на площади столицы, а также что Мартин просил её лично провести гостью ко всем делегатам. На что Роза лишь согласно кивнула головой, тщательно пережевывая недоваренный кусок мяса.

Подкрепившись, Роза привела себя в порядок, умылась, расчесала длинные волосы каштанового цвета, разровняла слегка примявшийся подол серого платья, и в сопровождении столичной жительницы во всей красе явилась на площадь, где уже собралось много людей.

С высокой трибуны доносилась заранее подготовленная речь императора, он повествовал о таинственных кораблях и в конце своего выступления, обращаясь к народу, произнес «Что будем делать? Ваши предложения?» И предложения последовали. Большинство хотело наладить отношения с внешним миром, построить маяк на восточном берегу, чтобы привлечь внимание кораблей. Другие предложили самим построить корабль или захудалую лодку, и отплыть в поисках далекой цивилизации. Были и такие, которые не хотели идти на контакт, боясь, что у них отнимут все то, что давалось потом и кровью. Роза тоже не была уверена, чего ждать от людей на тех таинственных кораблях. Но когда пришло время голосовать, поднимая руку, Роза поддержала идею возведения маяка на восточных землях, и создание дежурных групп дабы подать сигнал проплывающим судам. И решение было принято.

Мартин, не зря выставил этот вопрос на всеобщее голосование, он как мудрый правитель и высоко образованный человек, понимал, что если он лично примет неверное решение, народ не простит ему ошибки. Поэтому он переложил ответственность на представителей всех поселений, дав им право выбора.

Когда люди вернулись к прежним занятиям, имперское правительство еще длительное время уже во дворце рассуждало о далеких странах. Никто не мог с уверенностью заявить, стоит ли или не стоит менять привычный уклад бытия. Но желание вернуться к прежней жизни перевешивало все опасения о кораблях, которые наверняка имели оружие и могли силой захватить обширную зеленую территорию. – Рай на земле, где не было ни выхлопных газов, ни радиации, ни пыльных заводов, только природа, звери и человек, и много свободного места, где можно воссоздать прежнюю мирскую суету.

Роза была единственно главой – женщиной, остальные же были мужчинами в возрасте около 50-ти лет, и Мартину было далеко за 50, а именно 57 лет, 15 из которых он провел, создавая свою империю на руинах прежнего элитного мегаполиса.

На вечер планировалось провести массовое гуляние на площади с песнями и танцами под барабанные удары. А, отдохнув ночь в императорском дворце, главы поселений отправятся назад к своим семьям и своему народу.

Среди сотни мужчин, собравшихся на площади, Роза случайно встретила своего старого знакомого – Фреда, он несколько лет прожил в Зеленом крае, пока не нашлись его

родственники в столице империи. Его брат стал торговцем, и однажды когда приехал с товаром в Зеленый край, случайно разглядел в грязном небритом мужчине с охапкой сухих дров, своего брата, которого считал погибшим, и переманил его в Капитал, поближе к себе.

Роза сразу узнала этого мужчину в яркой одежде. Он был как всегда неотразим, высокий и широкоплечий. Черные волосы еще не тронула седина, все тот же выразительный взгляд, черные брови и бородка, как у всех мужчин империи, не имеющих возможности гладко выбриться, как раньше бритвой с острыми лезвиями. Фред тайком любовался стройным силуэтом Розы, и сам предложил ей сопроводить её в Зеленый край, обеспечив ей защиту от возможной опасности в дороге. От такого сильного защитника не отказалась бы ни одна хрупкая женщина, и Роза, конечно же, с радостью приняла предложение Фреда сопроводить её в родное поселение.

Океан бушевал, пенные волны бились о прибрежные скалы с неистовой силой, свет над водной гладью померк, укрывая от посторонних глаз некое движение в бескрайнем пространстве.

Это был небольшой трёхмачтовый корабль, судно, которое не нуждалось в горячем топливе, используя лишь парус и силу ветра для движения. На борту было написано «Бохай», но не каждый европеец смог бы прочесть это название, не зная верных иероглифов. Судно кружилось в бурлящем водовороте, его стремительно тянуло под воду. Высокие волны захлестывали, ломали длинные цилиндрические колоны из дерева и стали. А на палубе испуганные матросы отчаянно сопротивлялись нагрянувшему шторму.

Судно так затонуло, на скалистый берег империи Жизнь то и дело выбрасывало обломки кораблекрушения: мокрую древесину и стальные фрагменты мачт.

Дэн Пруд, поднявшись на склон горы к соляной пещере, услышал отдаленные звуки. Толи птица пела жалобно песню, толи ветер так завывал, но больше это было похоже на женский стон, сопровождаемый плачем и всхлипываниями. Дэн осмотрелся, но так ничего подозрительного и не обнаружил. Он прислушался вновь, пытаясь понять, откуда именно доносится звук. И когда стоны повторились, Дэн уже был точно уверен, что какая-то женщина попала в беду, и беда её настигла по ту сторону горных массивов.

Бросив у входа в пещеру пустой деревянный ящик, Дэн стал искать способ пробраться к берегу бескрайнего океана.

Осмотрительно ступая по каменным откосам, Дэн вышел на пологий склон, поросший густой желтеющей травой. С этого места ему открывался красивый морской пейзаж, утреннее солнце едва выглядывало из-за покрасневших облаков, волны спокойно набегали на скалистые основания. Утреннюю тишину нарушало только монотонное женское всхлипывание.

Дэн стал осторожно спускаться вниз. Он выявил среди груды камней мокрые куски разбитой древесины, что натолкнуло его сразу на мысли о кораблях другого народа, примеченных с восточной стороны империи. Погнутые и разбитые части какого-то прочного материала (стальные мачты) были выброшены на берег, а немного дальше лежало распластанное человеческое тело.

Длинные темные мокрые волосы и немного выступающая грудь подтвердили догадки Дэна – это была женщина. Но она была совсем не такая как местные красавицы. Дэн даже побоялся тронуть её, не убедившись, что она безопасна. На девушке были черные обтягивающие штанишки, босые ножки были удивительно маленького размера, аккуратно обстриженные ногти и на ногах, и на руках, черное платье или длинная рубашка расшитая непонятными блестящими элементами, а на шее висело украшение в виде головы рычащего волка. А вот лицо девушки было желтоватым – желто-зеленого оттенка, маленький рот, тонкие губы, глаза были закрыты, но она дышала.

Дэн нежно тронул её за плечо, реакции не последовало, тогда он сильнее затрусил её обеими руками – девушка, не открывая глаз, попыталась освободиться от потревожившего её человека. И лишь когда Дэн заговорил с ней – незнакомка открыла глаза. Они были маленькими и мутными, рассеянный взгляд блуждал. Девушка так и не могла определиться, на что же нужно было смотреть в первую очередь. Она снова закрыла глаза, произнося нечеткие звуки. Дэну оставалось только взять её на руки и нести в Зеленый край, поднимаясь по крутым склонам с тяжелой ношей. Хотя, подняв её, Дэн обнаружил, что девушка легче, нежели полный ящик соли, который он регулярно приносил в поселение.

Подниматься на бугор было трудно, но Дэн изо всех сил старался как можно скорее доставить свою находку домой, где девушке непременно окажут помощь, а еще нужно было рассказать о фрагментах судна, найденных на берегу. Дэн торопился. По дороге девушка несколько раз невнятно кого-

то звала, постанывала, словно от боли, а глаза так и не открывала.

Раннее возвращение Дэна с соляной пещеры удивило местных женщин, доивших стадо прирученных коз. А, заметив, что Дэн несет вместо ящика соли человека, они наспех побросали незаконченную работу и поспешили оказать помощь пострадавшему.

— Да это же азиатка! – подхватили женщины, рассматривая спящую желтолицую красавицу.

— Где ты её взял? Азиатка? Азиатка!

Дэн сам был удивлен, ему то в своей жизни не доводилось встречать азиатов, все кого он знал, были светлокожими европейцами.

Девушку отнесли в дом Розы Пруд, которая еще не вернулась с собрания в столице. Её ложе пустовало, и Дэн решил временно поселить азиатку у себя, с полной уверенностью, что и Сэмми не станет возражать. Маргарита, пожилая женщина из соседнего дома, вызвалась поухаживать за чужестранкой. Она сначала раздела азиатку, проверив целы ли кости, нет ли кровоточащих ран.

Дэн в это время оставался за дверью, стесняясь увидеть обнаженное тело незнакомки. Её необычный внешний вид будоражил его воображение. У юноши было к ней столько вопросов, но поймут ли они друг друга? Дэну оставалось лишь надеяться, что азиатка поведаст ему лично и всей империи ценную информацию о далёких берегах, о другой жизни за пределами высоких гор, за океаном.

— На первый взгляд она явно не здорова, – Маргарита приблизилась к Дэну вплотную, укутываясь в шерстяной платок, который сама связала при помощи деревянных прутьев, заменивших привычные металлические спицы.

— Мне тоже так показалось, она какая-то зеленая.

— Я напою её молоком, пусть поспит, отлежится, окрепнет, может быть, во всяком случае, ни каких повреждений я не обнаружила. А ты ступай по своим делам – я позабочусь о твоей находке.

— Я возьму несколько рыбаков, и мы еще раз осмотрим берег в районе соляной пещеры.

Местные женщины все еще кружили вокруг дома Розы, не спеша возвращаться к работе, и как только Дэн отошел, тут же обступили Маргариту, задавая всякие вопросы и поочередно заглядывая в дом, где под теплой шкурой лежала азиатка.

— София, вы уже закончили доить коз? Лилия, вы уже напекли хлеба? Молли, ваши девочки готовят обед? Ну-ка

разошлись, нечего бездельничать. – Маргарита была за главную в отсутствии Розы, хотя и по годам она была самой старшей из женской половины поселенцев, к её мнению прислушивались и уважали. Вот и послушно вернулись к исполнению своих обязанностей.

Маргарина же принесла свежего молока и напоила слабую азиатку. Девушка лежала неподвижно с закрытыми глазами, ровно дышала и не произнесла ни единого слова, пока пожилая женщина была в доме. Но когда Маргарита, расположившись на камне в дворике, принялась вязать очередной платок по просьбе кухарки Молли, из дома донеслись незнакомые слова, девушка звала кого-то на чужом языке.

– Очнулась! – Маргарита приветливо улыбнулась.

Азиатка смотрела своими крохотными глазенками на сморщенное бледное лицо старухи, долго пристально глядела в глаза, потом осмотрелась вокруг, подняла руки перед собой, якобы убеждаясь, что она жива и может пошевелиться. Она присела, прикрываясь жесткой шкурой, и спросила что-то. Но Маргарита ничего так и не поняла и тоже задала ей вопрос:

– Ты голодна? – ответа не последовало.

– Меня зовут Маргарита. А тебя?

– Юань, – произнесла девушка, указывая рукой на себя, также как и Маргарита, когда называла своё имя. – Юань Лан.

– Ты понимаешь меня, Юань Лан?

– Понимать? Да. Понимать, – девушка была сосредоточена, стараясь правильно произносить звуки, и улавливать произношение Маргариты.

– Ты азиатка? Откуда ты приплыла?

– Азия. Приплыла. Бохай. Монстр. Вода, – с трудом говорила Юань.

– Ты приплыла с Азии на корабле по воде? Корабль «Бохай – монстр»? – переспросила Маргарита, пытаясь понять, о каком монстре говорит девушка.

– Корабль «Бохай», монстр – вода.

– Вода погубила корабль, это очевидно. Но ты выжила, тебя спасли. Приляг, успокойся, я принесу еды. – Юань удивленно смотрела, и Маргарита еще раз повторила: «Я принесу еды».

Маргарита торопливым шагом сначала направилась к месту, где под навесом на незамысловатой печи Лилия со своими помощницами пекла хлеб, потом – к другому навесу,

где Молли с хозяйшками чистили рыбу и обжаривали на огне.

На глиняной тарелке Маргарита внесла в дом Розы ароматную свежеиспеченную рыбку с хрустящей золотой корочкой и краюшку еще теплого хлеба.

— Вот твой обед, Юань, — с этими словами пожилая женщина в сером платье и пуховом платке передала тарелку с едой в руки азиатки.

— Рыба?! — Юань, улыбаясь, втянула в себя исходящий пахучий пар. — Хлеб?!

— Ты знаешь нашу речь. Кто научил тебя?

— Мама быть европейец. Она умереть.

— Значит, мама немного обучила тебя нашему языку.

Юань с аппетитом накинулась на пищу, и Маргарита не стала больше задавать вопросы, решив дать девушке время, для начала, утолить голод. Но для себя она сделала вывод, что азиатка плохо владеет европейским языком, но это гораздо приятнее, чем, если бы они вовсе не понимали друг друга.

— Роза Пруд! Она вернулась!

Солнце уже скрылось за горизонтом, первые звезды тускло горели в темнеющем небе, Зеленый край с его домиками уже готовился ко сну. Женщины торопливо домывали посуду после совместного ужина, когда все поселенцы дружно собираются после прожитого дня и долго беседуют, греясь у костра.

В этот вечер со всеми ужинала и Юань. Каждый норовил лично пообщаться с азиаткой. Расспрашивали о родине, о кораблекрушении, даже о железной руде и электричестве, автомобилях и поездах, но девушка была не многословна. Она многое могла бы поведать, но обрывками фраз она бы не смогла точно передать все то, что знала. Поэтому из её ответов поселенцы поняли лишь то, что не только европейская империя Жизнь уцелела после глобальной катастрофы, но и азиатское царство. Что у них есть металл, но нет нефти, поэтому нет транспорта, ни самолетов, ни ракет, ни спутников.

Сэмми, услышав имя матери, подскочил и поспешил подойти первому к появившейся из-за густых желтеющих кустарников паре. Это был Фред, его все в поселении помнили. Он держал Розу за руку, мама выглядела довольной, как будто долгая дорога её не утомила.

— Добрый вечер, Зеленеющий край и его жители! – нежный и мелодичный голос Розы разлился по округе. – Я снова с вами!

Все дружелюбно поприветствовали своего лидера и её провожатого Фреда. И мужчины, и женщины столпились возле тлеющего костра.

— Мама, погляди, кто у нас есть, – Дэн выдвинул вперед себя невысокую девушку в черном одеянии. – Это азиатка Юань.

Роза подошла к девушке, стараясь рассмотреть в полумраке черты её лица. И впрямь «чужая», – сразу пришло на ум.

— И как она здесь появилась? – Фред тоже подошел ближе.

— Я плыть парус корабль. Монстр вода камень. Я Азия царство, – Юань заметно нервничала. От волнения её голос срывался, и она вся дрожала, словно от холода или от страха.

— Присядьте, вы пугаете её, – Дэн заботливо обнял чужестранку за плечи, стараясь дать ей понять, что она в безопасности.

— Она и двух слов связать не может на нашем языке, – спокойно констатировала факт Роза. – Ну что же, проведем и мы с вами короткое собрание перед сном, а с девушкой мы позже найдем общий язык.

Роза, как и все, была удивлена азиатке, но пугать девушку, засыпая сразу вопросами, не стала. Она заметила волнение и страх в её узких глазах, и решила, что будет лучше побеседовать с ней наедине завтра утром. Поэтому перешла сразу к столичным новостям, а именно к решению императора построить маяк на одном из склонов восточных гор. Жители оживленно дискуссировали, представляя корабли азиатов у своих берегов, и предполагая, что они выгадают, пойдя с теми на контакт. Роза внимательно выслушала Дэна и рыбака Марка, который красочно описал утреннюю историю последствий кораблекрушения, предоставив на обзор всем обломки металлических мачт, колон и других деталей парусного судна. Что говорило о наличии железной руды и металлургических заводов в азиатском царстве.

— Об этой находке нужно сообщить императору, – Фред увел Розу в сторону, подальше от шумной толпы. – Прежде чем строить маяк, тем самым, привлекая к себе внимание, мы можем выяснить, как живут эти азиаты. Теперь, когда у нас есть Юань, мы может определиться стоит ли идти с ними на контакт. А вдруг они захотят завладеть нашей землей? Что

если их много и они вооружены? А что если им нужна земля для строительства химических лабораторий и атомных электростанций?

— Ты и сообщишь об этом императору. Ведь ты же у нас столичный горожанин, не так ли? – Роза намерено подколола Фреда. Ей совсем не хотелось тогда его отпускать навсегда в столицу, но и привязывать его к себе она не стала. А ведь могла сказать ему лишь несколько слов, после которых он наверняка остался бы с ней. Но Роза смолчала, а Фред так и считал себя недостойным такой женщины.

— Если бы ты дала мне надежду, я бы никогда не покинул Зеленый край и тебя, – Фред нежно смотрел в её глаза, ожидая ответа, но Роза заговорила не о них.

— Я попытаюсь, как можно больше информации выведать у азиатки, ты же все доложишь Мартину, и пусть он еще раз подумает над этим вопросом. Я же и сама не уверена, как лучше поступить.

Роза вернулась к сыновьям и другим поселенцам, которые все еще обсуждали решение о строительстве маяка. Фред молча пошел следом. Роза даже обрадовалась, выяснив, что Юань разместили в её доме, так ей удобнее будет расспросить азиатку. Фреда тоже пригласили переночевать в домике Розы. И когда люди стали расходиться, Дэн, взяв Юань за руку, Фред обнимая Розу за плечи, пошли к дому Розы, а Сэмми шел одиноко последним...

Утро выдалось теплым и солнечным, щебетание птиц разбудило Юань первой. Она тихонько приподнялась на жесткой деревянной софе, стараясь никого не разбудить. Роза спала у противоположной стены, укрытая меховым одеялом, Фред ворочался на другой кровати, а вот братья Дэн и Сэмми спали на полу, свернувшись от холода в клубочки, как кошки. Так подумала Юань.

Вокруг стояла приятная тишина, лишь пение птиц звонкой волной прокатывалось по округе. Как здесь хорошо, подумала девушка, улаживаясь и прикрывая глаза. Она вспомнила, как живет её сородичам в азиатском царстве:

Большие каменные дома с множеством маленьких комнатушек, в каждой комнате 3 ряда полок по 5 в каждом, шкаф с 15-ю ящичками, окно и дверь. Ни у кого нет никакого личного имущества, хотя от рассвета и до заката, люди трудятся в суровых условиях, сложившихся после ураганов, пожаров и землетрясений. Их царство оказалось заваленным горами бетонных плит, камнями, стеклами и пылью. Земля и растительность была глубоко спрятана от людей. Чтобы расчистить землю от завалов потребовались годы

кропотливой работы. Но даже спустя 15 лет, азиатское царство не было таким зеленым, как империя Жизнь.

Дэн поднялся с пола, размялся и вышел из дома. Украдкой он глянул на безобидное личико Юань. Чем-то она ему была симпатична, даже не смотря на необычный цвет кожи. Будучи уже взрослым парнем, Дэн еще ни разу не целовался с девушкой. Как и другие, он весь день был занят, и вечером от усталости засыпал, стоило только прилечь. Поэтому ему не доводилось и задумываться о прекрасной половине человечества. Но незнакомка разбудила в нем спящего «Дон Жуана» и мысли о молодой азиатке были ему приятны.

Юань снова приподнялась, понимая, что пора вставать. Сэмми сворачивал меховое одеяло, когда Роза лениво зевая, толкала спящего Фреда.

— Как спалось, Юань? – протирая глаза и зевая, Роза присела рядом. Мужчины вышли, оставив женщин наедине.

— Спалось хорошо.

— Расскажи мне об азиатском царстве, – Роза напрямую задала интересующий её вопрос.

— Страна камень. Много жители. Мало земля растения животные. Радиация смерть болезнь. Плохо тяжело. Дефицит отсутствие полезные ископаемые, – Юань задумалась, жалея, что не может красочно и достоверно описать, что же случилось с азиатским царством.

— Радиация? Сильная страна, как камень? У вас есть оружие?

— Взрыв станция излучение люди умирать. Оружие есть, – Юань догадывалась, почему Роза интересуется оружием – они боятся азиатов, боятся, что мы захватим их земли, как и другие острова на планете. Но как объяснить, что у нас уже есть колонии: на острове, где раньше был материк Австралия – мы построили свинные фермы и возвели кукурузные поля, на крохотном островке, на месте которого раньше была Африка – мы выращиваем кофе и сахарный тростник, оттуда завозим лес. Здешние жители даже не знают насколько изменилась Земля – мировой океан унес под воду Северную и Южную Америку, не оставив ни единого островка в Западном полушарии.

— Ясное дело, оружие есть, еще бы, коль корабли с металлическими мачтами, обшивкой и болтами. А у нас оружия нет – оно нам не нужно. Мы живем в мире и согласии, никого не завоевываем, ни от кого не защищаемся, – «Пока не защищаемся», – подумала Роза.

— Мы не завоёвывать. Мы не зло. Мы хотим жизнь.

— Ох, тяжело же тебя понимать, Юань. Ты не сможешь вернуться на родину, у нас нет кораблей, ты останешься жить среди нас, выучишь язык, тогда и потолкуем по душам. А пока будешь при мне.

— Я выучить язык! – Юань улыбнулась.

— Красавицы! – Фред вошел в дом. – Мужчинам уже выдали пайки, они уходят по работам.

— Пойду, проведу сыновей. Я скоро вернусь, – Роза поспешно выскочила из дому.

— Нравится ли тебе здесь, Юань? – Фред решил лично побеседовать с азиаткой, чтобы в подробностях доложить императору.

— Нравится, – слишком много внимания и вопросов с самого утра озадачило девушку, но она хоть и не многословно, но отвечала.

— А как живется в вашем царстве?

— Много камень. Мало земля. Дома. Люди работать. Завод металл.

— Металлургические заводы. А телевиденье, радио, социальные сети, ракеты, спутники?

— Радио! Да! Телевиденье нет. Нет.

— Жаль, что ты слова связывать в предложения не можешь, – Фред почесал затылок, размышляя, как преподнести информацию Мартину.

— **Что** за великанское чудовище?

Панические крики застыли в воздухе, когда из морских глубин стали подниматься со всех сторон огромные щупальца, превышая размеры самого грузового судна. Команда матросов, среди которых не было не единого мужчины, лишь невысокого роста девушки с азиатским разрезом глаз, в ужасе сбились в кучу на палубе, наблюдая, как из воды взвивается голова океанического монстра.

Бардовая шкура, покрытая большими ороговевшими пластинами, торчащими словно шипы, светилась в отблесках лунного света. Зубастая пасть раскрывалась медленно, оголяя ряды дурно пахнущих клыков и выставляя на всеобщее обозрение свой омерзительный змеиный язык, раздвоенный на конце, как у гремучей кобры. Неземной рев оглушал. Щупальца со стекающей слизью так и норовили поглотить свою жертву, они оборвали легким движением паруса, сбросив их в океан, схватив одновременно и приподнятый широкий нос и корму судна, раскачивали корабль, наслаждаясь навеянным ими страхом и звонкими женскими криками.

Голова с раздутыми щеками, со свисающими шевелящимися отростками, наподобие плавников, грозно смотрела красными глазами, продолжая возвышаться над бурлящей поверхностью океана. Широкая шея удлинялась, с каждым разом открывая все больше и больше истинные размеры чудовища.

Опасаясь смерти в пасти злобного монстра, девушка-капитан приказала всем прыгать за борт, со словами «уж лучше утонуть, нежели быть съеденными заживо». И морячки бесстрашно бросались в воду, в надежде отплыть подальше и спрятаться от ужасной гибели.

А проворные щупальца то и дело хватали барахтающихся в океане азиаток, и, сжимая с такой силой, что трещали кости, и кровь шла из ушей, подносили к раскрытой пасти. Монстр облизывался, прежде чем проглотить свой легкий ужин (легкий потому что, судя по его размерам – он не наелся бы и десятком самых больших китов).

Оставив в покое уже не представляющий никакой ценности корабль, огромный чешуйчатый змей направился за своими жертвами, пытающимися скрыться. Но разве от такого монстра спрячешься в воде, где морское чудовище хозяин и повелитель? Его проворные щупальца одну за другой вылавливали азиаток, и с противным чавканьем, раздававшимся далеко и отчетливо, разжевывали хрустящие тела вместе с одеждой и обувью.

Не смотря на попытки азиаток врассыпную укрыться от хищного зверя, змей своими везде достигающими щупальцами изловил все, что оказалось в воде. Даже паруса, приводимые в движение образовавшимися волнами, были подхвачены, а потом откинuty еще дальше.

Когда стало совсем тихо и на поверхности воды не осталось ничего съестного, змей постепенно стал погружаться под воду. Медленно и неповоротливо скрылись из виду его щупальца, служившие ему руками, подносящими к огромной пасти добычу, потом змей положил длинную шею на воду, и вскоре над водой появилось множество воздушный пузырьков. Змей уходил на дно.

Небывалая тряска разбудила юную азиатку Мимо Ли, она уже несколько недель не выходила из каюты из-за плохого самочувствия, поэтому еще не догадывалась, что на судне кроме неё и мешков с кофейными зернами больше никого нет. Вся команда съедена голодным чудовищем, паруса сорваны, мачты поломаны, но она жива, слабая, обессиленная, но живая осталась на корабле.

Мимо Ли, едва держась на ногах, открыла дверь ведущую на палубу. Пугающая тишина наталкивала на самые страшные мысли. Вокруг никого не было. Куда же все подевались?

Неяркое утреннее солнце первыми лучами осветило испорченную палубу. Куски мачт валялись покрытые непонятной слизью у ног Мимо, паруса белели далеко за бортом, а течение похоже несло судно в неизвестном направлении.

Ослабленная болезнью девушка не знала, что и думать, а меньше всего ей хотелось что-либо делать, у неё не было сил даже закричать, чтобы позвать хоть кого-то, кто, может быть, спрятался где-то в трюмах. Мимо тяжело передвигалась. На палубе не было ни души, лишь разгромленные конструкции.

Голод привет Мимо на камбуз, где еще оставалось несколько коробок сухого порошка, приготовленного в азиатских лабораториях из синтетических материалов. Это была искусственная еда, порошкообразный заменитель клетчатки, белков, жиров, углеводов, витаминов и минералов, растворимый в воде. Большинство жителей азиатского царства привыкли питаться именно таким способом. Настоящее свиное мясо и крупы были роскошью, не доступной рядовому жителю азиатского царства. Даже рыба и другие морепродукты исчезли со столов азиатов. Что говорить, если вся морская капуста была съедена за долгие голодные годы после многочисленных катастроф.

Мимо кое-как расколотила себе завтрак, и выпила залпом чашку безвкусного коктейля. Её донимали мысли об отсутствии всех членов команды, но вскоре слабость скосила её прямо на пол.

Судно, подгоняемое сильным ветром, вызванным разницей между давлениями двух воздушных областей, продолжало плыть по быстрому океаническому течению к скалистым берегам чужой страны. Страны, название которой «Империя Лайф (жизнь)».

В восточном поселении «Тихая заводь», основанном на равнине, у берегов впадающей в океан реки, было шумно. Рыбаки, перебивая друг друга, в один голос кричали, стараясь передать своему предводителю, что очередной корабль был замечен на горизонте.

— Небольшое судно качается на волнах, у него нет паруса, нет флага, оно словно большая лодка, которой никто не управляет, – тараторили люди, напуская страх и опасения на поселенцев.

— Поскольку император поддержал идею со строительством маяка, значит, мы смело можем выйти на контакт с иноземцами, — спокойно говорил Антонио Скиапарелли — потомок итальянской династии, с достоинством занимающий пост главнокомандующего в своей тихой заводи.

— Мы разожжем огонь и будем что есть силы кричать на берегу, махая руками? — последовали вопросы рыбаков, многим из которых в своей жизни не довелось видеть воочию корабли, и даже по телевизору, и они не знали каким образом лучше привлечь внимания корабля.

— Для начала мы все пойдем на берег, а там определимся.

Антонио повел людей вдоль узкой прибрежной полосы, минуя крутые горные массивы. Полдень обжигал лица, пересушивал губы, ветер поднимал в воздух песок и бросал в глаза поселенцам, внимательно наблюдающим за хаотичным движением странного судна.

— Оно плывет по течению.

— Возможно, корабль попал в бурю, и никто из моряков не остался в живых.

— У него нет паруса, — высказывали свои предположения взволнованные люди.

— Оно самостоятельно не сможет достигнуть нашего берега, если им действительно никто не управляет. Мы вплавь доберемся до корабля, и выясним все на месте! — пожилой мужчина крепкого телосложения, каким был Антонио, всех заразил своим оптимизмом, и никто не пытался оспорить решение главы поселения.

Сняв с себя простенькие неброские одежды, мужчины бросились в воду на встречу плывущему кораблю. Судно ни на миг не исчезало с поля зрения... Но как же долго и утомительно пришлось к нему плыть.

Отсутствие людей на корабле никого не удивило, ведь Антонио так и предполагал, что команда, вероятно, погибла во время шторма. Судно было внушительных размеров. Многие прикидывали в уме, сколько древесины и металлических креплений ушло бы на строительство подобного корабля. Иероглифы отчетливо прорисовывались на борту, но прочитать название никто не смог, да и главное для прибывших людей было не название, а сам факт обнаружения и захвата иноземного судна.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул Антонио, рассматриваясь по сторонам.

— Колонны разрушены, осколки мачт валяются на палубе. А что это за слизь?

— Фу, что это? – мужчины небрежно ногами трогали зеленоватую густую жидкость с гниющим запахом тухлого мяса.

— Не нравится мне это, – покосился Антонио на зеленеющие пятна по всей палубе.

— Здесь произошло что-то ужасное, шторм не плюется такой мерзостью.

— Давайте осмотрим этот азиатский корабль. Может, найдем что-то интересное.

Сбросив якорь, дабы судно не уплыло в ненужном направлении, мужчины спустились в трюм. Мешки с обжаренными кофейными зернами обострили обоняние, забывшее запах приятного напитка. Обрадовавшись неожиданной находке, мужчины решили пройтись по каютам. Были обнаружены сугубо женские принадлежности: кружевные трусики-бикини, навевшие взрослым мужчинам годы их молодости, когда им доводилось раздевать сексуальных девиц в эротическом нижнем белье, маячки, кофточки чуть ли не детских размеров.

— Будет сюрприз нашим красавицам! – улыбнулся Антонио, вертя на пальце тоненькие трусики.

— Неужели здесь совсем не было мужчин? Повсюду только женские вещи.

— Возможно. А если в азиатском царстве мужчины на вес золота?

— Ох, если доберутся до нас одичавшие азиатки! – мужчины рассмеялись.

— Еще передерутся из-за таких красавцев, как мы!

Оставив в покое найденные вещи, Антонио продолжил обход. Они громко беседовали, планируя доставить на корабль дерево для реконструкции мачт, пошить новые паруса, и возможно самим на корабле отплыть на поиски другой жизни. Внезапно прокатилось громкое эхо, звонкие крики долетали с камбуза, где измученная Мимо, издала последний предсмертный крик, напугав веселых мужчин.

Фред не спешил возвращаться в столицу, наслаждаясь временем, проводимым в компании очаровательной Розы Пруд. К ней он испытывал самые нежные теплые чувства, но Роза почему-то старалась этого не замечать. По началу Фред надеялся, что из-за разрухи и голода, Роза так холодна к нему, но оказалось, что и спустя годы, Роза по-прежнему не ответила ему взаимностью. Они были хорошими друзьями и не более того.

Смирившись, Фред уже не пытался ничего изменить в их отношениях, но порой он винил себе за нерешительность, сожалея, что столькие годы потратил впустую, так и не сдвинувшись с мертвой точки в отношениях с Розой.

Вот и теперь, сидя у костра в кругу поселенцев «Зеленого края», Фред был угрюм и молчалив. Еще и эта Юань Лан, с неба свалившаяся на их головы, напрягала извилины многим жителям своими непонятными до конца рассказами о своей стране. Единственное, что успокаивало, так это её убеждения о добрых намерениях азиатского царства.

Большую часть дня Фред провел с женщинами, помогая ухаживать за козами, первую из которых он лично схватил за рога на одном из крутых склонов, положив начало развития животноводства в новой империи. Со всеми принимала участие в поддержании домашнего хозяйства и чужестранка. Она восхищалась многообразием растительности и чистотой земли, не загроможденной грудami рухнувших зданий, пытаясь описать разруху, воцарившуюся в её стране – далеком азиатском царстве.

И Фред, и Роза догадывались, что, скорее всего на родине Юань земля не расходилась широкими трещинами, в которые не обрушивались небоскребы, в которые высокие волны не сметали обломки зданий, а все руины так и остались лежать на поверхности, лишив людей доступа к плодородию земли.

А был ли там вообще этот доступ к земле? Если многомиллионные города азиатского царства не могли обеспечить своих жителей жильем? Если еще до катастроф, там яблоку было негде упасть – дома, отели, офисы, казино и рестораны, супермаркеты. От живой природы оставались лишь крохотные участки городских парков, и загородные сельскохозяйственные поля.

Вот природа и взбунтовалась, показав свою мощь и силу над плодами человеческих стараний. Грустно было вспоминать об этом, и после обеда Роза предложила Фреду и Юань сходить вместе с рыбаками на реку, чтобы отвлечься и помочь носить и чистить рыбу для поселения.

Роза часто ходила на реку с сыновьями, совмещая полезное дело с приятным. Самые жаркие летние месяцы уже позади, прохладный октябрь уже не время для купаний, но все же окруженная горами империя была теплой страной, и можно было не бояться промочить ноги.

Рыбаки ставили сети, заплывая на глубину. Фред тоже решил сделать заплыв, за одно смыть с себя пот. Роза, не стеснясь, рассматривала его мускулистое тело, его широкие загорелые плечи, накачанную грудь и кубики пресса на

животе. Он был высоким видным мужчиной. И какого было удивление Розы, когда она заметила, как Юань поедает его глазами – его, мужчину, с которым Роза хотела бы, но боялась строить отношения.

Юань же смотрела из-под лба, опустив голову набок якобы Фред ей вовсе не интересен. Но Роза прочитала по её взгляду о восхищении его сильным телом, и искорка ревности мелькнула в карих глазах Розы, когда она с укором уставилась на азиатку.

— Красавчик, правда? – Роза не удержалась и заговорила с Юань о Фреде.

— Красавчик! Правда! – хихикнула Юань.

— Ты только и умеешь, что повторять. А сама, что ты думаешь о Фреде?

— О Фреде? Красавчик. Я думаю, – ответила та. Теперь хихикнула Роза, но когда Фред мокрый выходил из воды, обе женщины, словно потеряв дар речи, наблюдали, как струйками стекает вода по рельефному телу загорелого мужчины.

— Почему ты нет Фред? Он нравится ты, – Юань положила руку на плечо Розы и сразу убрала.

— Ты хотела сказать – почему ты не с Фредом, он нравится тебе?

Юань повторила за Розой. Приближающийся Фред мог услышать их разговор, поэтому Роза намеренно заговорила о речной рыбе. Юань заметно стала нервничать, что-то её напугало, и Роза не могла понять что именно.

— У вас в азиатском царстве есть рыба? – влился в разговор Фред.

— Нет. Рыба умереть радиация. Есть монстр. Много монстр вода океан, – Юань заплакала, возвращаясь к событиям ночи кораблекрушения, когда из воды вылезло морское чудовище и едва не схватило её своими длинными лапами.

— Какой еще монстр? В водах океана?

— Да. Монстр в водах океана, – Юань училась говорить предложениями.

— Только не плач. Что тебя так сильно напугало? – Фред приподнял опущенный подбородок Юань и добрым взглядом посмотрел в полные слез узкие глазки девушки.

Розе оставалось наблюдать, как Фред утешает азиатку, и как её сын Сэмми с двумя мужчинами расположившись на небольшом неустойчивом мокром плоту, устанавливает ловушки далеко от берега. Другие мужчины тем временем восстанавливали порванные сети. В ход шло всё из

имеющихся материалов: стебли растений, шерстяная нить, деревянные пруты.

— Монстр, – завопила Юань, так громко, что рыбаки переглянулись, удивляясь.

Юань пыталась поведать жуткую историю, произошедшую лично с ней и с её командой, а не те истории, которыми пугали детей в азиатском царстве. Девушка убедилась, что гигантский морской змей – это не выдумка, а чистой воды правда.

— Тише, ты распугаешь всю рыбу! – Роза не была так любезна, как Фред, но все же пригласила жестом Юань присесть на теплые камни и продолжить свой рассказ.

— Чудовище набросится судно. Все погибнуть. Вода опасность.

— В наших водах водятся только рыба. Здесь нет никаких чудовищ.

— Монстр, – закричала Юань, глядя на плот, на котором только минуту назад был Сэмми.

— Сэмми!

Голубые змеи кружили вокруг барахтающихся в воде рыбаков. Они были похожи на мутантов дождевых червей, такие же скользкие. Тело поделено на ярко выраженные сегменты, спинная сторона сине-голубая, фиолетовый пояс и темный заостренный головной конец. Хвоста не было видно, но и возвышающейся над водой части было достаточно, чтобы распугать собравшихся на берегу поселенцев Зеленого края.

— Там мой сын, – Роза была в отчаянье, что ничем не может помочь сыну.

Плот разлетелся отдельными бревнышками и веточками в разные стороны. Черви, которых было не меньше десятка, то и дело пытались засосать своим мерзким ртом старательно стремившихся к берегу рыбаков. Испуганные наблюдатели атаки голубых червей, стояли раскрыв рты.

— Если бы у нас было оружие. Если бы у нас был металл. А так мы беззащитны, – Фред охотник, ранее бесстрашно сражавшийся с любым зверем, почувствовал себя бесполезным, не способным спасти сына дорогого ему человека. Подхватив нож, острый обтесанный камень, прочно привязанный к деревянной ручке, Фред бросился в воду. Стоять и безучастно наблюдать было не в его стиле.

— Фред, – Роза бросилась за ним в воду, а следом и другие рыбаки, вооружившись ножами (а у каждого их было минимум два), последовав храброму поступку, шли спасать своих друзей.

Черви приближались к берегу, путаясь в сетях, нагоняли желанную добычу. Сэм плыл не оглядываясь, ощущая за спиной ледяной холод, идущий от голубых тварей. Его попутчики, взрослые мужчины, помнившие Землю еще до катастрофы, были не на шутку встревожены – такого в их жизни не доводилось еще видеть, а тем более спастись от червей-мутантов голубого цвета, преследующих их.

Юань стояла на берегу, наблюдая, как при свете дня ужасное животное засасывало пойманного рыбака. Это был не Сэм. Седовласый мужчина стал первой жертвой голубого червя, который медленно втягивал в себя человеческое тело, начиная с головы. Когда торчащие с его пасти ноги перестали двигаться, мутант проглотил свой обед, и стал погружаться под воду. А остальные черви продолжали охоту за рыбаками.

Роза была в ужасе, стоя по пояс в воде, она ждала возвращения своего сына. Фред повел мужчин в бой с незваными гостями. Острые ножи лишь ранили червей, а разрубить их на части не было возможности. Разъяренные мутанты набрасывались на мужчин, стараясь проглотить их, так же, как одному из них уже посчастливилось.

— Сэмми, сыночек, скорее выбирайся на берег, – Роза взяла его за руку и тащила из воды, стараясь загородить его от опасности.

— Со мной все в порядке, – тяжело дыша, говорил Сэм, оглядываясь на оставшихся позади монстров.

Мужчины отступали, понимая, что своими ножичками они не смогут уничтожить гигантских червей. На берег водные голубые мутанты не выползали, лишившись без добычи, они медленно отступали, опускаясь на дно.

— Что это было? Юань, до твоего появления в наших водах не было этих мерзких тварей. Это ты их с собой привела? – Роза кричала. Две глубокие морщинки сразу образовались на её переносице, в глазах были одновременно и гнев, и страх.

— Она не виновата, – Сэм встал на сторону азиатки. – Но нам предстоит ликвидировать помеху рыболовства. Теперь мы должны уничтожить голубых червей.

— Столица.

Фред, проводив Розу в её селение, возвращался с известиями в городок Капитал, где император Мартин уже был осведомлен находками Антонио Скиапарелли с «Восточной заводи». В столицу на ослике был доставлен мешок кофе в качестве доказательств о захвате азиатского

судна. И когда Фред вошел во дворец, тут же учуял запах свежего сваренного кофе.

Император, сидя в кресле, в гордом одиночестве распивал ароматный напиток, вкус которого многие жители империи даже не знали. Фред вежливо постучал в открытые двери, прежде чем войти.

— А, это ты Фред? Долго же ты провожал Розу Пруд. Никак в дороге на вас напал дикий зверь? – Мартин, допив одним глотком содержимое своей чашки, подошел к посетителю, протянув руку.

— Добрый день, император, – Фред пожал протянутую вперед руку.

— Добрый день! А день сегодня и впрямь богат на хорошие вести! Проходи, присаживайся! – Мартин тархтел без остановки, и Фреду пришлось ждать, пока он выговорится.

— Наши восточные жители захватили корабль чужаков! Большой корабль, поломанный, правда, но они его отремонтируют, и, собрав желающих, отправятся на поиски далеких стран! Стран, где растет кофе, а женщины носят кружевное бельё! На борту корабля, кстати, была найдена одна азиатка. Это не очень приятная история, девушка умерла от неведомой болезни, цвет её лица был зеленым, и она единственная была на судне. Но главное не это, а полные трюмы мешков с кофе!

Мартин был явно доволен и увлечен рассказом, что даже не предложил Фреду чашечку горячего кофе, и все расхаживал по комнате, активно жестикулируя.

— Страны, где растет кофе, а женщины носят кружевное бельё! – Фред рассмеялся, как только Мартин умолк, казалось на мгновение, перед очередными бурными повествованиями.

— В империи Жизнь будет кофе! Разве это плохо?

— А кружевное бельё еще лучше! – Фреда развеселил старый император, которому, наверное, по ночам снятся сны о девушках, щеголяющих по пляжу в соблазнительных купальниках.

— Азиатки носят кружевное черное бельё, по крайней мере, в каютах нашли кое-что из их одежды. Фред, будешь кофе? – Мартин все-таки налил две чашки ароматного кофе: себе и Фреду.

— А оружия, случайно, не было на корабле? Карты, может быть? – отпив глоток кофе, Фред насладился забытым горьким вкусом.

— По словам Антонио, никаких карт и, тем более, оружия – не было. Но на корабле были элементы металлической

отделки, значит, теоретически – в их стране должно быть и оружие.

— А известно ли тебе, уважаемый император, что за страна, кроме нашей, уцелела после катастрофы?

— Ты так уверенно говоришь, будто знаешь больше меня, – удивился Мартин.

— Азиатское царство. Преобладающая часть населения женщины. Уцелели рудные шахты, металлургический завод, под завалами остались огромные склады одежды, и предметов домашнего обихода, чем они и продолжают пользоваться. Много мужчин погибло, разгребая завалы после взрывов атомных электростанций. Рыба в прибрежных водах всплыла кверху животом из-за радиации.

— Откуда столь подробная информация, Фред, ты меня удивляешь?

Мартин изменился в лице, прежняя довольная улыбка сменилась серьезным, оценивающим ситуацию, взглядом, чашка недопитого кофе была отодвинута.

— На берег Зеленого края была выброшена юная особа азиатского происхождения вместе с фрагментами её корабля, попавшего в бурю, она немного знает наш язык – вот и поведала нам много нового об азиатском царстве.

— Почему ты не привез её в столицу? Я хочу лично с ней побеседовать.

— Будет лучше, если она сначала научится объединять слова в предложения, иначе её очень тяжело понимать, она говорит обрывками фраз, отдельными несвязными словами.

— Азиатское царство. Хм. В любом случае, я поручаю тебе доставить в столицу азиатку...

— Но и это еще не все, Мартин. В Зеленом крае серьезная проблема, – Фред не дал договорить императору. – Жизни поселенцев угрожают мутанты голубых червей, поселившиеся в речных водах, где местные мужчины любили рыбачить.

— Голубые черви? Мутанты? И каких они размеров?

— Таких, что запросто могут засосать человека. Мы не видели их во всю длину, ибо хвост оставался под водой, а на поверхности виднелись 4-ёх метровые кольцевидные монстры.

— Что-то мне уже и кофе расхотелось. А что азиатка о червях думает?

— Возможно, они приплыли с вод, омывающих азиатское царство. А там появились в результате мутации, приспособившись к новым условиям жизни после катастрофы.

— Не было кораблей, и монстров никаких не было. — Мартин замолчал.

— Нам нужно оружие, иначе эти твари расплодятся, и не будет спокойной жизни никому в нашей империи.

— Оружие. Где только его взять? Если только у этих же азиатов? Корабль есть, ваша азиатка станет переводчиком, и поплывет обратно на родину с нашими послами, и привезет нам оружие. И привезет нам оружие! — Мартин вновь отпил кофе, и ждал ответа Фреда на свое предложение.

— А с чего бы им давать нам оружие? Они потребуют что-то взамен. А что мы можем им предложить?

— Проведем очередные сборы, ты доставишь сюда азиатку, и все решим на общем собрании. Мы должны выйти на контакт с азиатами, наладить отношения, обсудить вопросы торговли. Я думаю, мы договоримся и о поставке оружия или хотя бы сырья для самостоятельного производства.

— Это займет много времени, Мартин, а голубые черви так и кишат в речных водах Зеленого края. Они съедят там всё живое, размножаться, и лишат всю империю рыбы. А если рыба закончится — и они выползут на берег, поедая и без того невеликое население наших поселений?

— Интересно, а у тех мутантов есть сердце, вонзив в которое острый предмет, червь бы умирал?

— По идее, у червей не одно сердце, а несколько. Например, у дождевого червя 5 сердец. Но не нужно забывать и об эволюции, и о мутации. Чем более активный образ жизни ведет существо, тем более разнообразными и усовершенствованными становятся его органы.

— Фред, может для начала попробовать убить их с помощью острого кола? Приманить их как-то и наброситься целым поселением? Возьмем добровольцев и отправимся в Зеленый край, я лично поеду с тобой, за одно и переговорю с азиаткой. Корабль все равно еще не готов к дальнему плаванию.

— Не имея огнестрельного оружия, придется идти на монстров с деревянной палкой в руках. Я пробовал ножичком справиться с одним червем (Фред в подробностях поведал о своем героическом поступке, когда он старался спасти сына Розы, барахтающегося в реке вместе с голубыми червями, засасывающими целиком свою жертву)...

Вечером в Капитале собрались все жителей на площади. Мужчины и женщины, старики и дети столпились, дабы узнать последние имперские новости. Они были в одеждах одинакового фасона, лишь разных цветовых оттенков —

равные друг перед другом. Каждый пришел на вечернее собрание со своей чашкой, дабы вновь почувствовать обжигающий вкус кофе, которое варилось в больших котлах под открытым небом. Пленяющий аромат летал повсюду.

С трибуны доносились речи Мартина, который поведал жителям и об азиатском царстве, и о девушке-азиатке, живущей в Зеленом крае, и о голубых червях-мутантах, с которыми и нужно было разобраться, уничтожив их раз и навсегда (желательно!).

Смельчаков, готовых пожертвовать своим здоровьем, а возможно и жизнью оказалось мало. Но когда Мартин предложил щедрое вознаграждение в виде кофе, которым Антонио обещал поделиться со всеми провинциями, желающих стало больше (11 столичных жителей и сам император с Фредом).

Следующий день смельчаки вытесывали для себя острые деревянные колья. Местные охотники итак имели свой арсенал разнообразных копий – длинных и коротких, с наконечниками и без. Но для червей-мутантов нужно было более мощное оружие. Работа заняла много времени, так как без металлических ножей стружить дерево было тяжело. Концы деревянных длинных преимущественно ровных веток опаливались, чтобы придать им твердости. К другой стороне кола привязывалась, сплетенная из коры молодых деревьев, веревка, чтобы, бросив в водяное чудище кол с дальнего расстояния, можно было вернуть себе оружие и продолжить наносить ранения.

Еще до рассвета смелые столичные воины, готовые убить голубых червей, отправились в дорогу. Мартин погрузил на ослика небольшой мешочек с кофейными зернами, а также запасы пищи и воды, и вместе со всеми шел пешком. Принимать участие в битве с червями ему не хотелось, но как мудрый правитель, он подавал пример храбрости и бесстрашия остальным.

Фред был молчалив. Оставив Розу с вероятной опасностью, он переживал, не выбрали ли черви на сушу, не проглотили ли всех поселенцев спящими. Он не простил бы себе этого и уже жалел, что не остался в Зеленом крае оберегать покой и сон любимой женщины.

Дорога пролегла через пустынные просторы империи Жизнь. Кругом бушевала молодая растительность, лишь местами виднелись руины, поросшие желтеющей травой. Поселений в империи было мало, и они были не многочисленными, ранее в одном захолустном городе было больше жителей, чем теперь во всей империи.

Храбрецы шагали с песней, сами себя развлекали, поднимая настроение перед схваткой с неизвестными монстрами Зеленого края.

— Эта упрямая девчонка опять уплыла.

Хан Жасурбек недовольно расхаживал по комнате с окнами на потолок, дверной проём же был на полу, снизу торчала металлическая лестница, по которой и поднимался другой мужчина азиатского происхождения.

— К вашим услугам, хан Жасурбек. Чем могу быть вам полезен? – раздался едва слышный голос поднявшегося по лестнице человека.

Мужчина преклонных лет с белыми волосами, заплетенными на макушке в тугой узел, тяжело дышал. Его морщинистое лицо излучало нездоровый вид, цвет кожи был желто-зеленый, что очень бросалось в глаза на фоне белого халата посетителя.

— Проходи, Хизока. Моя дочь еще не причалила к родным берегам? – хан Жасурбек с привычным для него повелевающим тоном начал допрос профессора лаборатории, где над морскими существами проводились различные опыты с целью создать нечто вроде большого мясистого покладистого существа, способного прокормить всех жителей азиатского царства.

— Нет, повелитель. Ни один из отпльвших три месяца назад кораблей, до сих пор не вернулся к родным берегам, – при этом голос Хизоки дрожал, как и его руки спрятанные в карманы.

— Тебе не кажется, что нашим морячкам уже давно следовало быть бы здесь? – хан был зол и от негодования расхаживал из угла в угол, сложив руки за спину.

— Возможно, что-то их задержало в дороге, господин, – Хизока мялся с ноги на ногу, наблюдая как хан Жасурбек не находит себе места от переживаний за свою дочь.

— Юань никогда не задерживалась в наших колониях, всегда своевременно доставляла груз в наши портовые хранилища. А где остальные корабли? Нет ни кофе, ни свиней, ни наших кораблей, ни дочери моей, – последние слова хан настолько громко выкрикнул, что Хизока вздрогнул от страха, не обратив внимания на рифмы.

А бояться ему было чего. Проводя всевозможные эксперименты над осьминогами и змеями в своей лаборатории, Хизока сам того не ведая, создал кровожадное чудовище. Которое явно не отличалось дружелюбием и не стало бы источником необходимых ингредиентов для

порошкового питания азиатской нации. А скорее наоборот, пищей для этого монстра стали бы невинные жители. И Хизока никак не решался поставить в известность хана об итогах своих неудачных опытов.

— Будем надеяться, что корабли скоро придут в наши порты, наполнив их продовольствием и древесиной, с которой мы построим еще одно большое грузовое судно, – Хизока даже боялся взглянуть хану в глаза, дабы не выдать свой страх и волнение.

— Конечно, Хизока, – хан все также маячил по комнате, не находя себе места. – Конечно, тебе легко говорить, ведь это не твоя единственная дочь не вернулась из-за океана.

— Вы же знаете, что я потерял семью во время ураганов 15 лет назад. Мне не хочется об этом говорить, но у меня тоже были дочери, 9 красавиц всегда будут жить в моих воспоминаниях.

— Ты не единственный оказался в таком положении, все царство пострадало, – хан Жасурбек с презрением глянул на жалкого старика. – А моя дочь не погибла тогда, как другие мои дети, она стала смыслом моей жизни, только ради неё я живу и борюсь со всеми невзгодами, выпавшими на долю азиатского царства.

Хизока молчал, спорить с ханом было бессмысленно, уж очень он был вспыльчивым и грубым человеком, жестким и целеустремленным, но благодаря его непоколебимой воле азиатское царство не исчезло с лица Земли.

От прежних земель, обширных территорий азиатского царства площадью в 44 000 000 кв. км осталась примерно 13-ая часть – 3 400 000 кв. км, остальное кануло под воду, как и не было никогда. Но и оставшиеся земли представляли собой руины ранее высоко цивилизованного общества. Чтобы наладить жизнь ушли годы, но возобновить прежнюю страну было не возможно по разным причинам.

— Что за упрямая девчонка? Дочь самого хана Жасурбека! И вместо того чтобы радовать отца своим присутствием, она подвергает себя опасности, заставляя меня тем самым волноваться, вместо того чтобы уделять больше внимания развитию государства, – хан бросил беглый взгляд в сторону Хизоки. – Как там твои опыты? Сдвинулись с мертвой точки?

— Опыты? Ах, опыты. Да в лаборатории зреют мясистые ядовитые осьминоги, они безобидны и находятся в полусонном состоянии. Из них получится большое количество питательного порошка, богатого белками, жирами и полезными морскими элементами. Состав обогатим синтетическими витаминами, переработанными из кожи

океанических голубых червей. И в результате населению голодная смерть будет не страшна еще длительное время, – Хизока, естественно, рассказал не все.

— Можешь идти, я узнал все, что хотел.

Хан Жасурбек сел в кожаное кресло, уцелевшее после катастрофы. Да и пятиэтажное здание правительства не было уничтожено полностью. Оно рухнуло на бок, и лежало как перевернутая коробка, разбитыми окнами к небу.

Хизока поспешил скрыться в дверном проеме, и пошел в свою лабораторию, где среди неестественных форм и размеров морских обитателей, чувствовал себя хорошо и уютно. Главное было оставаться начеку, не допуская излишней активности своих подопытных монстров. Хизока боялся правителя, но рано или поздно тот все равно узнает правду. Хизока выжидал время, которое требовалось ему для приготовления сыворотки – сложной молекулярной формулы, способной превратить любого монстра в исходный материал, будь то кальмар или дождевой червяк, перевоплощенный в нечто устрашающее и грозное, несущее опасность всему живому.

Вскоре пришли известия с порта, где два грузовых судна, прибывшие с южной колонии, доставили в азиатское царство очередную партию свиней, страусов и кукурузных початков.

Лишь малая часть продуктов питания предоставлялась жителям царства в естественном виде, в основном же они питались разведенными в воде порошками, способными насытить организм всеми необходимыми микроэлементами и веществами. Большая часть шла на переработку в лаборатории, где производилось питание для семей хана и управляющих других районов азиатского царства, а низшие классы поглощали порошки из морских мутантов (Хизока надеялся, что вреда от этого не будет).

В порту кипела работа, сопровождаемая шумом и спорами, удивленными возгласами азиаток, разгружающих судно. Хан Жасурбек тоже присутствовал при выгрузке, надеясь, что его дочь наконец-то вернулась домой. Но корабль Юань так и не причалил к родным берегам. Зато другие команды наперебой рассказывали об ужасном гигантском змее со щупальцами как у осьминога. Эта история не оставила равнодушными никого из собравшихся на берегу рабочих и управляющих, и профессор Хизока тоже слушал будоражащий кровь рассказ об океаническом чудовище:

«Гигантский бурый змей со страшной головой и мощной шеей, покрытой прилегающей чешуей и торчащими в разные

стороны ороговевшими пластинами. Пасть, полная выступающих клыков, красные, светящиеся в темноте глаза. Щупальца, как змеи, извиваются, поднимаясь над волнами, а из ноздрей струится пар. Этот монстр несколько раз появлялся среди бескрайнего океана, он издавал громкие рычащие звуки, вертелся по сторонам, поднимая высокие пенные волны, и исчезал так же неожиданно, как и появлялся».

Хизока не дожидаясь продолжения истории, попытался скрыться незамеченным, но хан Жасурбек уловил его бегство и заподозрил профессора в причастии к появлению океанического огромного зверя, напугавшего морячек, и поторопился догнать его.

— Ты чего это, Хизока, так быстро покидаешь причал? – хан задержал напуганного старика за руку. – Что это за история с морским чудовищем? Уж не ты ли выпустил на волю своего подопытного кальмара? – гневный взгляд хана еще больше напугал старика.

— Я ни в чем не виноват, господин, – Хизока упал на колени, корчась от боли и хватаясь за сердце. – Я не хотел выпускать его на волю.

— Я так и знал, что это твоих рук дело, – хан Жасурбек присел рядом с задыхающимся стариком. Вокруг стали собираться люди, обступив умирающего профессора и хана азиатского царства.

— Он опасен, – кашляя, говорил Хизока. – Это кровожадный монстр, неудачный эксперимент, и самое страшное в том, что он будет продолжать расти, если его не убить, вколов ему сыворотку обратного действия.

— Какую еще сыворотку? Почему ты выпустил монстра в океан? – хан изо всех сил тряс профессора.

— Мой ученик Лео, он сможет создать сыворотку, – Хизока закрыл глаза, умирая. – Голубые черви тоже ускользнули, они умные...

— Этого еще не хватало? Голубые черви...

— Лео, – последнее слово сорвалось с губ старика.

— Профессор, – хан Жасурбек понял, что Хизока мертв.

Но он все еще не мог понять, как так получилось, что «ядовитые мясистые осьминоги» оказались выпущенными в океан, или только один мутант-переросток? Нет. Еще и голубые черви-мутанты. «Профессор заварил кашу и преспокойно отправился на тот свет, а мне расхлебывай. Еще и Юань неизвестно где пропала, и не проглотил ли её тот гигантский бурый змей, о котором рассказывали вернувшиеся с плаванья морячки? Может это и есть тот

подопытный осьминог?» – Хан Жасурбек не любил, когда что-то происходило противоречащее его планам и желаниям.

— **Император Мартин!**

Роза Пруд, обеспокоенная сложившейся ситуацией с дюжиной голубых змей, никак не ожидала, что сам император придет на помощь Зеленому краю в борьбе с крупными червями. Именно сам придет, пешком, преодолевая километры пути, а, не послав кого-то для решения этой проблемы.

— Собственной персоны! Не мог же я упустить возможность лично пообщаться со спасенной вами азиаткой. Я и позабыл, как они выглядят. А тут еще Фред прожужжал все уши «угрозой благополучия имперских жителей», – Мартин держался молодцом, не выдавая истинной усталости и страха.

— Неужели вы хотите идти на монстров, вооружившись этими деревянными кольями? Фред разве не рассказывал, насколько велики те чудовища? – Сэм тяжело вздохнул. – Так мы их не уничтожим.

Местные мужчины стали избегать прибрежных берегов, рыбная ловля была временно под запретом, оставалось лишь подниматься высоко в горы, расставлять ловушки на диких коз и разорять гнезда птиц, чтобы компенсировать потерю рыбы, долгие годы составляющей основной рацион поселенцев. Собираясь за ужином в кругу всех жителей Зеленого края, мужчины только и обсуждали всевозможные способы борьбы с червями, но идти, вооружившись острым колом, никто не осмеливался.

— Даже у червя есть сердце или даже 5 сердец, вот и будем стремиться угодить прямо в сердце, – влился в разговор юный столичный охотник с острым 2-ух метровым колом в руке.

— И как ты определишь, где у червя сердце и куда нужно целиться? И попадешь ли ты в цель, если 4 метра ужаса будут смотреть на тебя сверху, стараясь проглотить? – Роза в глубине души боялась, что эта затея провалится, а люди напрасно погибнут.

— Роза, ты же понимаешь, что нельзя оставлять все как есть? – Фред подошел ближе, не сводя с Розы глаз. – Этих тварей нужно убить, пока у них не появилось потомство в наших водах.

— Возможно, мы уже опоздали, но мы пришли в Зеленый край не для того чтобы говорить о червях, а чтобы их

уничтожить. Вот и ведите нас на берег, где прячутся эти гады. Посмотрим, настолько ли они страшны, как вы о них рассказываете, – все тот же столичный смельчак торопил поселенцев.

— Может, вы бы отдохнули с дороги? Или вам так не терпится сразиться со змеями? У нас еще остался хлеб, сыр, немного засоленной рыбы. Или вы не голодны? – спросила Роза.

— Роза! Я и совсем забыл! Память уже не та, старость видно уже, – отозвался Мартин. – Я то привез кое-что вкусное и забытое! Обжаренные кофейные зерна!

Вспомнить вкус кофе оказалось важнее охоты на червей. Натаскав с ручья водицы, женщины сварили ароматный кофе. Тут и сырок, и хлеб пошли в ход. Юань тоже пила кофе, весьма знакомый ей напиток. Именно такой кофе перевозился на судне «Бохай», которым и управляла азиатка.

Мартин присматривался к чужестранке, неоднократно пытался заговорить с ней, чтобы пролить свет на историю её государства. Но, как и предупреждал Фред, Юань либо повторяла произносимые слова, либо же говорила что-то несвязное.

— Девуцу нужно обучить языку, – император обратился к Розе, сидевшей рядом на камне. – Она нам еще ох как пригодиться. И кому-то из наших жителей не помешало бы выучить азиатские наречия (Мартин поведал о планах поиска азиатского царства на их же корабле, с переводчицей на борту).

Юань внимательно слушала императора, и хотя не все понимала, но факт наличия азиатского судна навел её на разные мысли. В том числе она подумала и о возвращении на родину, и о том, что было бы неплохо переселить сюда азиатские семьи. Ведь в империи Жизнь, на её взгляд, было гораздо лучше, чем в азиатском царстве. Юань сидела тихо, погрузившись в свои воспоминания о руинах азиатского царства.

— Юань! Юань! – Роза тронула рукой задумчивую азиатку. Слушай меня внимательно. Ты бы нашла дорогу на родину – в азиатское царство?

— Ночь звезды небо указать мой путь. Я нашла бы дорогу на родину, в азиатское царство, – последнее предложение девушка повторила за Розой, лишь сменив «ты» на «я».

— Она может определить направление по звездам, – подытожила Роза, и Юань согласно кивнула.

— Это радует, – Мартин допил одним глотком оставшийся в чашке кофе, и встал. Остальные поспешили последовать за императором. – Идем, бойцы, пора взглянуть на речных червячков!

Знал бы Мартин, каковы истинные размеры червей, он бы так не шутил. Ибо пришедшие со столицы смельчаки были весьма шокированы увиденным зрелищем. Они представляли себе их немного иначе: поменьше, тоньше, приятнее. А с воды то и дело показывались толстые голубые кольца, шириной со ствол старого дерева.

— И как вы собрались определить, где у них сердце? – Сэм вновь ощутил уже испытанный страх при первой встрече с гигантскими червями.

— Никто не хочет искупаться? Нам нужна приманка, – раздался решительный голос Мартина.

— Черви хотят есть, – вмешалась Юань.

— Нужно сплести плот и положить на него, например, козью голову. Возможно, запах крови заставит их показать себя во всей красе? – предложил Фред. – А женщины с козочки сварят вкусную похлебку на ужин, голову же предложим монстрам? (идея Фреда была всеобще одобрена).

— Готовьте плот, мы с Юань принесем вам козью голову, – Роза с азиаткой направились к загону...

Наспех связанный плот с помещенной по центру козьей головой пустили на воду. Свежая кровь стекала по веткам, капли растворялись в реке, заметно провоцируя активное движение червей.

— Вот он уродец, посмотрите на него.

— Омерзительное зрелище, – делились впечатлениями мужчины на берегу.

— Проклятые хищники, вот как им крови захотелось.

Фред снова кинулся в воду, за ним и другие смельчаки. Столичные охотники с длинными кольями на веревках и местные, вооружившись своими копьями с каменными острыми наконечниками. Роза с Юань остались на берегу наблюдать, как зашедшие по пояс в реку мужчины бросают колья и копья в возвышающихся над водой монстров.

Мартин тоже был по пояс в воде. Первый раз его острый кол пролетел мимо цели. Император, как и остальные, старался вонзить кол ниже головного круглового конца, рассчитывая, что где-то там находится сердце червя. Второй раз кол все-таки достиг цели, глубоко проткнув гиганта. Фред, как и Мартин с трудом тянул за край веревки, на другом конце которой острый кол торчал с извивающегося раненного монстра.

— Двенадцать змей. 1, 2, 3, 4. И четверо ранены! – Роза внимательно следила за происходящим в воде, где и её сын Сэмми, и Фред, много значивший в её жизни, и даже молодой паренек Вин с самим императором отчаянно боролись с ужасными тварями.

— Целимся по раненым! Если у них по 5 сердец, мы должны по 5 раз ранить каждого червя! (Если не больше.) – кричал Фред, продолжая метать заостренный кол и тянуть его обратно.

— Смотрите! Змей бессильно падает в воду, насквозь проткнутый острым колом! На нем больше 5-ти отметин, – громко кричал Сэм и медленно тащил за веревку. Змей волочился по воде.

Сэм потихоньку выбирался на берег, вытягивая свою жуткую добычу, конца длинной широкой ленте не было видно. Роза с Юань пришли помогать тянуть мертвого змея, обхватывая его обеими руками так крепко, что пальцы погружались в мягкую кожу, напомнившую Розе желе. Червь оказался очень длинным, его тело было метров 10, если не больше. Он неподвижно лежал на берегу, и Сэм не знал, что делать с ним дальше. Втроем они удивленно рассматривали его отвратительную сущность.

Фред тоже вытащил на берег очередного червя, а потом один из раненных червей набросился на Вина. Тот и пикнуть не успел, как червь на глазах у всех неторопливо заглатывал человека. Фред бросил в него кол, и все, у кого в руках было оружие, метнули его в неподвижного червя. Они тащили его к берегу медленно, чтобы колья не выскочили. А когда червь, проглотивший одного из столичных смельчаков, был на берегу, Фред распорол ему брюхо, освободив бездыханное тело Вина.

— Он мертв? – Роза наклонилась над Вином, хлопая его по щекам. – Очнись!

— Роза, это бесполезно, парень задохнулся в беззубой пасти монстра, – Фред убрал с лица юноши мерзкую прозрачную слизь, и коснулся двумя пальцами зеленеющей вены на шее. – Она пульсирует!

— Значит, он все еще жив! – Роза стала трясти Вина что было силы, пока от не открыл глаза.

— Я был в пасти червя...

— Парень, да ты родился в рубашке! – Мартин подхватил свой кол и поспешил вернуться в воду, где все еще вздымались над водой 9 голубых гигантов.

— Вин, с тебя на сегодня хватит, оставайся на берегу, – остановил Фред юношу, намеривающегося снова столкнуться со смертельной опасностью.

— Нет, Фред, я мужчина и буду сражаться с морскими тварями до последнего. Вот только сначала отыщу свой кол! – Вин решительно бросился в воду.

— Отважный парнишка, – улыбнулась Роза. – А я уже приготовилась оплакивать его смерть, а он жив и здоров. Еще и бесстрашно рвется в бой с гигантскими червями!

С таким рвением смельчаки один за другим вытаскивали на берег гигантских червей. И когда все 12 мутантов лежали на берегу, громкие крики радости эхом пронесли по всей округе Зеленого края.

— Мы их уничтожили, Роза! А ты сомневалась, – Мартин присел на камень, вытирая выступивший пот и наслаждаясь тихими речными волнами.

— Да, вы герои! Что уж тут сказать. Молодцы! – Роза тоже облегченно вздохнула.

— Будем надеяться, что их было только 12, – Вин с отвращением оглядел трупы червей на берегу.

— **Комета?!**

Юань печально смотрела на синее звездное небо, вспоминая об азиатском царстве. Неожиданно около созвездия Девы, лежащего на небесном экваторе, расположенного рядом с созвездием египетского сфинкса, внимание девушки привлекло зрелищное свечение пылевого хвоста кометы, хорошо подсвечиваемого Солнцем. Сверхъестественный блеск кометы в темном ночном небе был отчетливо выразительным даже без телескопа и других оптических приборов. В эту безлунную ночь Юань еще долго любовалась небом.

— Звезды! Может быть, и отец сейчас любитесь небом? – Юань говорила сама с собой.

— Не спится? – Дэн, укрывшись меховым одеялом, присел рядом с азиаткой.

В Зеленом крае было темно и тихо, хотя жители долго не расходились по своим домикам, распивая кофе и обсуждая дневной поединок со змеями. Но уже давно (по мнению азиатки) все спали, и от неожиданного появления Дэна, Юань испуганно вскочила, чуть не закричав.

— Дэн? Напугать меня.

— Я не хотел напугать тебя, Юань, я не хотел. Почему ты не спишь?

— А почему ты не спишь?

— Юань, вопросом на вопрос отвечать не красиво, – Дэн взял в руки маленькие холодные ладошки девушки. – Ты замерзла?

— Я замерзла.

— Так чего ты сидишь здесь? Идем спать. (Хотя Дэну вовсе не хотелось спать почему-то, наоборот, застав Юань одну в ночной тиши, ему вдруг захотелось побыть наедине с девушкой).

— Комета! Видеть? – девушка указала пальцем на звезды.

— Вижу! Она ярко светится зеленоватыми красками.

Дэн заморожено рассматривал довольно частое космическое явление. Еще в детстве ему довелось впервые увидеть, как немалых размеров комета, состоящая из грязного льда, упала недалеко от их поселения. Как только на землю спускалась ночь, на небе (с каждой ночью все ярче) блестела хвостатая комета, сближаясь с планетой. Жители Зеленого края тогда, ожидали чего угодно от холодной гостии, вошедшей внутрь орбиты Земли. Но когда комета, ледяной глыбой, рухнула на безлюдное пространство и вскоре растаяла – люди успокоились. Комета никому не причинила никакого вреда.

— Красиво, правда? – Юань блеснула белыми зубами, улыбаясь.

— Да, ночное небо и без комет тоже очень красивое! А ты делаешь успехи, Юань, скоро будешь тут, как рыба в воде, выучив язык, – Дэн сжал её ладошки, и не удержался, нежно поцеловав её маленькую холодную ручку горячими губами.

Юань и о звездах забыла, и о комете, от которой взгляд не могла оторвать. Она и думать ни о чем не могла, неведомое чувство захлестнуло её с головой. На её родине девушки и мечтать не смели, чтобы кто-то кроме матери целовал их. Когда приходило время становиться женщиной и пополнить население азиатского царства, основную мужскую функцию (как говорили женщины) выполнял доктор Сок Хо (Каменный Тигр), искусственно оплодотворяющий молодых азиаток. О полноценных семьях, где во главе стола сидел отец семейства, было забыто. Нередко встречались семьи, состоящие только из матери, десятка дочерей и внуков, и не одного мальчика.

— У тебя на родине есть друг? – Дэну вдруг стало неловко.

— Нет, друг, есть подруга, много подруга, – Юань попыталась высвободить свои ладони, но юноша лишь крепче сжал их.

Они сидели вдвоем на большом камне под открытым небом, и никто и ничто не мешало их зарождающемуся

светлому чувству. Их губы были близко, но поцеловать девушку Дэн не осмеливался. Теплое меховое одеяло юноши укрыло и дрожащую всем телом азиатку, и, обнявшись, они просидели до утренней зорьки. Уже и звезды гасли, и комета поблекла в утреннем свете, а Юань все рассказывала о нелегкой девичьей судьбе в азиатском царстве (поскольку Дэн плохо её понимал, разговор затянулся).

— Мне пора одеваться, и приступать к работе. Хочешь, пошли со мной в пещеру? Посмотришь, чем я занимаюсь? Наши рыбаки сегодня возобновят рыбную ловлю, понадобится больше соли.

— Роза разрешить? – девушка явно побаивалась главную здесь Розу Пруд.

— Я замолвлю за тебя словечко! Пойдем?

— Да. Пойдем, – Юань было интересно узнать как можно больше о жизни в империи, и она была довольна, что Дэн пригласил её в горы. С высоты ей откроются масштабы чужого государства.

С первыми лучами солнца Дэн, предупредив еще сонную мать, вместе с Юань стали подниматься по узкой протоптанной дорожке ведущей высоко в горы.

Богатый теплыми красками рассвет пробуждал ото сна поселение «Зеленый край». Широкая чистая равнина (груд развалин не было видно) с небольшими холмами, поросшими кустарником открылась изумленному взгляду Юань. «Здесь столько свободного места, столько земли, и так мало людей! А может в других поселениях численность жителей больше? Есть ли в империи крупные города?» – Юань уже думала, как бы выразиться, чтобы Дэн понял её.

— Большой город много людей империя? – девушка не спускала своих маленьких глаз с юноши.

— В нашей империи нет больших городов. Самый большой город – это столица Капитал. Но и он не идет в сравнение, ни с каким, даже с захудалым городком прошлого, по сути это небольшая деревушка с населением, если я не ошибаюсь, в 8600 человек. Разве это город? Плюс еще 24 провинциальных районов, типа нашего Зеленого края. Катастрофа забрала жизни миллиардов людей.

Увлеченный рассказом, Дэн не сразу заметил, как на тропе, злобно оскалив клыки, тихой, кошачьей поступью подкралась рысь – крупный хищник, обитавший в горах, где росли уцелевшие от пожаров хвойно-лиственные деревья (их осталось мало, а вырубить последние, Роза категорически запретила).

Юань резко выскочила вперед, закрыв собой Дэна от прыжка палевой пятнистой кошки со стоячими ушами-кисточками, длинными усами и бакенбардами. За короткий миг Юань детально рассмотрела круглую кошачью морду, и, не дожидаясь, когда та перегрызет ей шейные артерии, сложив свои маленькие ладошки в кулаки, нанесла прямо в розовый нос рыси несколько точных ударов. Скорости реакции азиатки можно было позавидовать. Рысь, не успев даже заскулить от боли, свалилась к ногам Юань, растирающей свои кисти круговыми движениями.

— Ну, ты даешь? – удивлению Дэна не было предела. – Я даже не услышал приближения опасности, а ты за секунду отправила 30-ти килограммовую кошку в нокаут!

Рысь дышала. Это была самка с округлившимся животом, и Дэн не стал её убивать, лишь потрогал и оставил лежать на тропе, в надежде, что она скоро очнется и вернется в горы.

— Обычно рыси не спускаются так низко, и не нападают на людей, – рассказывал Дэн, продолжая путь к соляной пещере. – Однажды мне довелось наблюдать, как такая красавица-кошка, выпрыгнув из засады, двумя точными прыжками настигла со спины горную козочку и на месте стала потрошить её, вонзая в неё острые когти и зубы. А эта, судя по всему...

— Она не хочет нападать, Дэн. Она опасаться своё потомство.

— Да, наверное, мы не вовремя оказались на её пути, или она у нас на пути. Кто научил тебя рукопашному бою? Ты так ловко справилась с рысью!

— Азиатское царство быть кошки, мы их съесть (уже не осталось) и уметь охотится без оружие.

— Не женское это дело ходить на охоту. Но, если у вас мужчины редкость, тогда понятно, почему ты владеешь навыками боевых искусств.

— Боевые искусства! Да! Восточное царство есть школы, где обучать приёмы. (Первая школа восточных боевых искусств появилась еще до нашей эры).

— Твоя ловкость спасла нам жизни. Встреча с хищником на узкой тропке могла бы трагически закончиться, – Дэн был благодарен Юань, но на самом деле, он считал, что не она – хрупкая девушка, а он должен был защитить её. Но Юань оказалась внимательнее, быстрее, а главное она ни чуть не испугалась крупного хищного зверя.

Юань держала Дэна за руку, когда они подошли к темному входу в соляную пещеру. В лабиринте ходов стоял чистый воздух и приятный запах моря, а вдали виднелся

белый-белый свет, сверху озаряющий все вокруг. Юань с любопытством рассматривала соляные пласты, крепкие и твердые, как камень. В глубине пещеры всё ослепительно сияло россыпью белых кристаллов соли.

Именно там Дэн добывал соль, большим каменным молотком на деревянной ручке. Юань тоже попробовала долбить каменную соль, которая не зря называлась каменной, ибо занятие это было не из легких. Вернув Дэну молоток, Юань насыпала мелкую соль в ящик...

Ящик соли был полон, и пора было возвращаться в поселение, но молодые не спешили, наслаждаясь возможностью побыть наедине. Прежнюю робость Дэна, как рукой сняло, когда Юань сама прильнула к его сильные объятья, положив свои нежные ладони на его мускулистую грудь. Юноша крепко сжал азиатку, ощущая учащенное дыхание девушки своей кожей. Она несмело смотрела на его чувственные губы, легкий пушок на щеках, в его большие голубые глаза. Дэн тоже, казалось, изучал каждую клеточку смуглого лица азиатки, а ведь при их первой встрече, она показалась ему откровенно не красивой. Сейчас же перед ним стояла восточная царица, в черных соблазнительных одеждах и с черными, как оперенье ворона, распущенными волосами. Дэн страстно поцеловал её, задыхаясь от нахлынувшего желания, бушевавшего в его теле.

— Паруса шить!

По поручению Антонио Скиапарелли, главнокомандующего в поселении «Тихая заводь», совместными усилиями и мужчин, и женщин паруса были изготовлены. Ткач Марио радостно сообщил эту новость на небольшой площади, служившей местом сбора жителей для решения всех вопросов.

Спустя некоторое время после катастрофы Марио удачно воссоздал ткацкий станок с вертикальным расположением основы, которая подвязывалась к горизонтальным деревянным палкам. Переплетая между собой продольные (основные) нити и поперечные (уточные), можно было получить ткани различного внешнего вида: тонкие и более крепкие.

Пошив трех парусов оказался трудоемкой и не самой простой задачей при отсутствии острых металлических игл и швейных машин. Хлопковую ткань серого цвета старательно выстирали в пресной речной воде, добавив немного пшеничного крахмала для жесткости материала (в пшенице, как и во многих других растениях, часть глюкозы при

фотосинтезе превращается в крахмал $6\text{CO}_2 + 6\text{H}_2\text{O} \rightarrow \text{C}_6\text{H}_{12}\text{O}_6 + 6\text{O}_2$). Потом ткань сшивали хлопковыми нитями рыбной костью, служившей иголкой, получая паруса.

— Отлично, Марио, славная работа! – Антонио Скиапарелли был доволен. – Закончив реставрацию мачт, натянем паруса и... И будем ждать дальнейших указаний императора! – улыбка озарила лицо главы Тихой заводи.

Особого восторга идея дальнего плавания в неизвестном направлении у жителей почему-то не вызывала. Их лица не сияли беззаботными улыбками, наоборот, каждый был погружен в свои мысли. И это не смотря на то, что трюмы стоящего у берегов корабля были забиты мешками кофе, а местные девушки соблазняли своих мужчин нескромным черным кружевным бельем.

Было и еще кое-что, что было найдено на корабле – книга с незнакомыми иероглифами и ужасными иллюстрациями, пугающими людей. Края книги были пожелтевшими и волнистыми от влаги, но текст можно было бы вполне прочесть, если бы кто-то знал чужой язык. Но, даже рассматривая черно-белые рисунки, можно было понять, что речь идет о стихийных бедствиях, причиняющих смерть и страдания, и о чудовищном морском демоне, пожирающем корабли.

Эта мрачная картинка и стояла перед глазами Джона, который ранее вызывался одним из первых принять участие в поисковой экспедиции дальних стран. Но теперь рассудительно взвешивал все «за» и «против», и он уже не был так твердо уверен ни в чем.

— А что если мы не найдем дороги назад, если так и не отыщем среди океана уцелевшие после катастрофы государства, если демон с книжной страницы существует? Нужно ли нам кофе и сексуальное женское белье? – многие одобрительно кивали, поддерживая Джона.

— И где твое бывшее бесстрашие и оптимизм? Неужели эта книга, скорее всего ненаучного содержания, повлияла на твое прежнее решение? – ткач Марио, сложив руки в боки, сделал шаг вперед и обратился к окружившим его и Антонио жителям. – Нам нужно железо или любой другой металл – и мы отыщем землю, богатую рудой, будь то железной, медной или еще какой! А разве нашим женщинам не по нраву щеголять в красивом белье? (женщины улыбнулись) А забытый вкус кофе? А помните ли вы что такое изобилие овощей и фруктов? Я этого всего еще не забыл! И если у нас есть возможность попытаться вернуть хотя бы незначительную частичку бывшего комфорта, те же острые

металлические лезвия для ножей, ножницы, а бритвы? – Так почему не воспользоваться этим шансом? У нас есть корабль, и мы поплывем на нем далеко за горизонт, где обязательно отыщем ту страну, где этот корабль опустили на воду! – восторженные слушатели поддержали Марио овациями.

Поселенцы разошлись во взглядах. Хотя единого мнения относительно дальних стран и не было во всей империи Жизнь. Но как гласило очень древнее выражение «Под лежащий камень вода не течет», идею разведать обстановку на планете Земля большинство одобряло.

— Лучше знать всё, чем жить в неведении. И я первый вступлю на борт корабля, когда придет время отплывать от родных берегов. И я думаю, что во всей империи найдутся желающие составить мне компанию?! – Антонио Скиапарелли был уверен в сказанном...

Император Мартин, вернувшись в столицу после победы над огромными червями, принял решение лично навестить «Тихую заводь», осмотреть судно, проследить за восстановительными работами. А главное сообщить новость, что в империи есть азиатка, которая и послужит связным звеном между ними и представителями азиатского царства (нужно было лишь дать ей время глубже изучить их язык)...

— Она сможет найти дорогу по звездам. Нет причины бояться потеряться в бескрайнем океане, – император беседовал один на один с Антонио Скиапарелли в его доме.

Дом предводителя поселенцев «Тихая заводь» был так же прост, как и домики остальных. Каменные стены, обмазанные глиной, крыша покрыта толстым слоем сухой травы, придавленной ветками деревьев. Внутри было ложе, накрытое шкурой, и место для разведения огня, обложенное камнями, в потолке была расщелина для выхода дыма, но костер внутри помещений разжигали только в прохладные зимние вечера, когда температура воздуха составляла не больше + 10 °C (по памяти и ощущениям – термометров, показывающих истинную температуру, не было).

— Азиаты смогли сохранить все блага? – Антонио, человеку, которому приходилось спать чуть ли не под открытым небом, не имея никакого отлчительно имущества, порой хотелось вернуть время вспять, чтобы жить и наслаждаться жизнью, а не выживать, ведя жалкое существование.

— Судя из рассказов Юань – у них есть электричество, металлзаводы, богатые запасы продовольствия, склады и хранилища прошлых времен. Но за 15 лет, они так и не очистили от завалов свою территорию. Думаю, лучше один

раз увидеть, чем сто раз услышать. Тем более азиатка еще плохо владеет нашим диалектом, – Мартин покачал головой. – Её иногда очень трудно понять.

— Кстати, о языке, – Антонио достал из-под шкуры затертую книгу, явно очень старую. – Вот полюбуйся, это было найдено в одной из кают корабля. Возможно, азиатка переведет нам, о чем здесь идет речь. Потому что иллюстрации чуть не распугали моих отважных мужчин, на которых я возлагал надежды на совместное путешествие к далеким берегам.

Мартин осторожно взял в руки книгу в коричневой обложке, с пожелтевшими страницами и местами расплывшимися символами. Пролистнув первые странички, он обратил внимание на цифры 2,8,9,2 и незнакомые ему иероглифы.

— Возможно это год – 2892. Точно. В 2892 году (15 лет назад) начались ураганы, цунами, землетрясения, пожары, вызванные извержениями вулканов. Я возьму эту книгу и покажу Юань, когда она прибудет в столицу для дальнейшей отправки в морское путешествие.

— Хорошо-хорошо, я не возражаю. Что толку от книги, если ты не можешь её прочитать? – Антонио без малейшего сожаления расстался с фолиантом (старинная толстая книга большого формата).

— Да, а иллюстрации тут и вправду жутковатые. Чтобы это все значило? – Мартин перелистывал страницы, наталкивающие на мысли о непокорной силе природы, способной в одночасье пойти наперекор человеку, не имеющему возможности повлиять и обуздать разбушевавшуюся мать-природу.

— Словно эпизоды из прошлого, – с нотками сожаления в голосе произнес Антонио. – А ведь наши далекие предки предупреждали нас о «конце света», завещали жить в гармонии с природой, а мы...

— Человечество уже поплатилось за свои ошибки миллиардами смертей. Но жизнь продолжается. И только от нас зависит, какой она будет, и что ждет в будущем наших детей, – Мартин захлопнул книгу на странице, где пламя охватило весь город.

— Я думаю, мы справимся. Так, когда отчалим от родных берегов? Мне уже не терпится повидать другой мир, – Антонио Скиапарелли был полон решимости.

— Не торопись, нужно провести еще одно собрание, поставить всех в известность о наших планах, Юань как раз усовершенствует свои знания, да и с командой моряков еще

не определились. Я думаю внести предложение, чтобы каждая провинция выдвинула по 2-3 добровольца и сделала взнос в виде продуктов питания для длительного путешествия к далекой стране.

— А если желающих с других поселений будет мало, тогда я наберу команду из своих смельчаков!

— Ты и меня со счетов не сбрасывай! Я тоже поплыву в азиатское царство, и буду говорить от имени всего народа империи Жизнь...

Дни летели в подготовке к путешествию. Сырая ноябрьская погода 2907 года не баловала жителей империи солнечным теплом и светом, умеренно прохладный климат с зачистившими дождями заставлял людей одеваться потеплее: в шерстяные свитера и меховые телогрейки.

В бухте «Тихой заводи», небольшой части моря, обособленной от открытых вод скалистыми берегами, защищённой ими от волн и ветра, был построен порт и пристань для стоянки пока единственного азиатского грузового судна. По причалу как муравьи сустились мужчины, погружающие на корабль бочки питьевой воды (те которые и были на азиатском судне), глиняные котелки с засоленной рыбой, мясом, хлебом и мешками пшеницы (для дальнейшего использования на корабле), мешки с солью. На берегу возвышалась четырехгранная башня, служившая маяком, необходимым для обнаружения восточных границ империи Жизнь в любую погоду и в любое время суток, и для безопасного прибытия судна к скалистому побережью. Вверху предполагалось жечь костры, и бронзовой пластиной, также найденной в одном из трюмов корабля, как и деревянные бочки, отсвечивать яркое пламя в сторону океана. Подготовительные работы к отплытию были завершены.

— Почему эта чертова сыворотка еще не готова?

Хан Жасурбек недовольно кричал на молодого неопытного ученика профессора Хизоки – Лео, который (молча) дрожащими от волнения руками смешивал в колбочках различные жидкости.

— Ты меня слышишь, Лео? У меня такое чувство, что я сам с собой веду беседу? – хан Жасурбек гневно стукнул кулаком по столу, от чего пробирки и колбочки звонко зазвенели.

— Простите, хан, я делаю все возможное и невозможное, – голос юноши срывался от напряжения.

— Да что ты делаешь? Уже 3 недели возишься в этой лаборатории и все безрезультатно. Вы с профессором Хизоки

со своими экспериментами нарушили все мои планы. Моя дочь так и вернулась. И только богу известно, жива ли она. Другие команды бояться выходить в море, потому что их напугало чудовище, выпущенное вами на волю.

— Я к чудовищу ни коим образом не причастен, господин, – Лео надоело выслушивать обвинения в свой адрес. – И перестаньте на меня кричать, – разбив колбу с испаряющейся жидкостью об стол, Лео впервые повысил голос на самого хана Жасурбека.

— Да как ты смеешь, гадкий мальчишка, так разговаривать со мной? Или ты забыл, с кем имеешь дело? Да я скормлю тебя этому мясистому огромному осьминогу.

— Простите, хан, я не знаю, что на меня нашло, – Лео осторожно прибрал осколки стекла, но когда уже собирался бросить их в урну, нечаянно порезался, и кровь тонкой струйкой побежала по его руке.

— Смотри мне, Лео, враг в моем лице любого заставит понять, что такое ад на земле. Не шути с огнем, мальчик, – прошипел сквозь зубы вечно недовольный хан.

Огромных размеров осьминоги и голубые черви, до этого находившиеся в полусонном состоянии, засыпая в своих стеклянных аквариумах, вдруг заметно оживились, и стали энергично биться об толстые стены, стараясь выбраться из своих тюремных камер.

— Что стоишь и смотришь? Успокой своих подопытных, пока они не проломили стены, – от хана исходило столько негатива, что находиться рядом с ним было невыносимо. Лео гораздо приятнее чувствовал себя с гигантскими монстрами, нежели рядом со злым и грубым ханом Жасурбеком.

— Отойдите в сторону, уважаемый хан, вы мне мешаете, – Лео намеренно сделал ударение на слове «уважаемый», тем самым опять же давая понять хану, как он относится к нему.

Схватив юношу за воротник белого халата, хан плюнул ему в лицо, и хотел уже покинуть лабораторию, как внезапно хлынувшая из разбитого аквариума вода сбила его с ног. Гигантский осьминог-переросток огромной горой приближался к центру комнаты, где упавший хан Жасурбек никак не мог подняться со скользкого пола.

Пятиметровый бурый осьминог с огромной головой и многочисленными щупальцами, снабженными присосками, источающими смертельный для человека яд, целенаправленно приближался к испуганному хану, мгновенно утратившему прежнюю злость и агрессию. На смену этим чувствам пришли дикий страх и тревога.

— Сделай же что-нибудь, Лео, – хан Жасурбек стоя на коленях, умолял Лео о помощи, когда одна из щупалец преградила ему выход из помещения. – Пошевеливайся!

Лео дрожащими руками снова принялся смешивать содержимое разных колбочек. Размешивая окровавленной рукой мутное зеленое вещество, юноша добавил в колбочку какого-то белого порошка, и комната наполнилась едким одурманивающим дымом. Прикрывая нос воротником, Лео старался не дышать, пока газ, вызывающий успокаивающий и слегка снотворный эффект не начнет действовать на мутанта-осьминога.

Хан Жасурбек ощутил упадок сил, все поплыло перед глазами, словно в густом сером тумане. Он упал на мокрый пол, погружаясь в незапланированный сон. Лео подхватил неподвижное тело хана и оттащил его в сторону к двери, защищая от падения на пол туши морского монстра (маленького морского монстра, ибо он не был таким ужасным, как выпущенный на волю растущий гигант профессора Хизоки)... Осьминог засыпал, распластавшись на полу.

— Раз ты у нас такой шустрый, первым пойдешь на порошок, – Лео, прижав кровоточащую ранку, поспешил разлить оставшееся успокоительное по аквариумам, где другие осьминоги и черви продолжали биться о стенки, стараясь выбраться за пределы стеклянных клеток.

Нажимая рычаги и кнопки одна за другой, Лео сначала разрезал огромного осьминога на куски, залив стены лаборатории голубой кровью (кровь осьминога вместо гемоглобина, придающего красный цвет, содержит вещество гемоцианин, в котором в качестве металла выступает медь, что и делает цвет крови таким необычным). Затем куски мяса прокрутил через огромную мясорубку, наполнив все имеющиеся в наличии контейнеры густой массой, требующей дальнейшей обработки.

Хан Жасурбек очнулся от холода, мокрая одежда не дала ему досмотреть кошмарный сон, в котором гигантский бурый осьминог с синими кольцами на теле медленно натирал его на терке острых зубов. В холодном поту хан подскочил, обнаруживая забрызганные голубой жидкостью стены и пол лаборатории.

— Да что здесь происходит? – хан Жасурбек осмотрел себя, якобы убеждаясь в целости, и поспешил найти Лео в дальних кабинетах.

Ученик профессора умело обращался со всеми механизмами в лаборатории, в точности мог повторить ранее

проделанные с Хизоки процедуры длительного перевоплощения морского животного в источник богатейшего состава жизненно необходимых человеку элементов, насыщенных витаминами, калием, фосфором, селеном и другими минералами.

Но создать сыворотку, которая бы отличалась обратным действием на мутантов, у Лео пока не получалось. Он сутками не выходил со своего кабинета в лаборатории, спал лишь по несколько часов, вместо привычных 6-7-ми. Но превратить подопытных гигантов, в животных прежнего размера оставалось главной его целью.

— Лео? Ты здесь? Ты расправился с осьминогом? – хан все еще был напуган.

— Да, Хан Жасурбек, я сотру его в порошок! А вы бы искупались, от вас специфически пахнет, – Лео смело посмотрел прямо в глаза хана, без прежнего волнения, и с неким безразличием. Теперь Лео узнал хана Жасурбека с другой стороны. Перед ним стоял не грозный и злой повелитель, а напуганный мужчина в возрасте лет с бегаящими по комнате глазами.

— Я только хотел убедиться, что это ты разобрался с осьминогом, а не наоборот, – хан мялся с ноги на ногу, словно хотел что-то еще сказать, но все же смолчал.

— Не беспокойтесь, эти твари у меня под контролем. И я работаю над сывороткой. Работаю.

— Не буду тебе мешать, Лео. Надеюсь, у тебя получится, – хан, легко прикрыв дверь, ушел из лаборатории в «перевернутый» дом.

Взглянув в глаза смерти, хан Жасурбек понял, насколько дорога ему жизнь, и что он не готов еще с ней проститься, и что у него есть еще незаконченные дела в этом мире.

В первую очередь, он должен дожидаться возвращения дочери хатун (женский титул, аналогичный мужскому титулу «хан») Юань, или же самому отправиться на её поиски, взяв с собой Лео с его колбочками, оберегаясь ужасного монстра, выпущенного профессором Хизоки.

А когда ханская дочь вернется в азиатское царство, Жасурбек хотел отдать её в жены за одного из областных управляющих – 48-ти летнего вдовца Аль Джи.

Джи родился в 2859 году в городе Лэнду, побившем все рекорды народонаселения, число жителей превышало еще в 2892 году 50 миллионов человек, и это только один из сотен городов-миллионеров. Джи Аль получил высшее образование по специальности «технолог общественного питания», стажировался в дорогих ресторанах, работал шеф-поваром и

преподавал курсы современной восточной кулинарии. Во время катастрофы он как раз возвращался домой, и сама судьба познакомила, свела и сдружила двух азиатов в водовороте ужасных событий, как говорили тогда многие, «конца света».

Женившись на дочери хана, Аль Джи стал бы претендентом на пост царя-хана после смерти самого хана Жасурбека, и вместе с Юань они правили бы азиатским царством. Именно такое будущее задумал хан Жасурбек для своей единственной дочери – выдать её замуж за незнакомого ей человека, лишь на 9 лет младшего его самого и вполне годившегося молодой и стройной девушке в отцы (с Джи Аль уже были оговорены условия брака)...

Хан, позабыв инцидент с осьминогом, поднялся по лестнице на крышу дома (которая по проекту была фасадной стеной здания с большими окнами) и свысока хозяйским взглядом оценивал обстановку. Рухнувшие дома, завалы, в которых, не смотря ни на что – продолжается жизнь.

Грустные мысли, навеянные давними воспоминаниями и переживаниями о пропаже дочери, которой он неоднократно запрещал покидать царство, а она самовольно уплывала – не оставляли хана в покое.

Шум внизу отвлек хана Жасурбека, и он поспешил вернуться в свой кабинет, где его уже дожидался Лео с весьма довольным видом.

— Спешу сообщить вам новость! – Лео дождался, пока хан преодолеет последнюю лестничную перекладину. – Сыворотка наконец-то готова.

— О! Очень хорошо, Лео, не зря Хизока возлагал на тебя надежды, – хан был сдержан.

— Я проверил сыворотку на голубом черве, у которого, как и предполагалось, развилось тяжелое патологическое состояние. Он не реагирует на внешние раздражители, теперь остается только ждать и наблюдать, как быстро он начнет терять в весе и уменьшаться до своих прежних размеров.

— Юань, я не оставляю тебя одну.

Дэн обнял миниатюрную хрупкую девушку, уже не прячась от жителей Зеленого края, как раньше, когда боялся косых взглядов, а возможно и осуждений, что он не выбрал себе одну из светлицыных поселенок, а увлекся азиатской – редкостной смуглянкой с узкими глазками.

— Ты поплывешь со мной в азиатское царство? – Юань уже неплохо овладела местным диалектом благодаря

постоянному общению с Дэном, Розой и другими дружными жителями маленького населенного пункта с правдивым названием «Зеленый край».

А больше всего Юань нравилось быть с Дэном, слушать его, учиться у него, говорить с ним. От него она слышала столько добрых слов в свой адрес, и никто никогда не был с ней так ласков и нежен.

— И я тоже поплыву с вами, – подала голос Роза Пруд, наблюдающая за своим сыном.

Она не препятствовала их отношениям и не винила Дэна в его выборе. Ведь Юань была далеко не глупа, и по-своему очень даже красива. Стройная девушка с восточным разрезом глаз, длинными черными прямыми волосами, тонкими изящными бровями и маленьким ртом. Была и в азиатке некая изюминка, и Роза вполне понимала и даже одобряла выбор сына.

— А Сэмми с нами? – Дэн ждал ответа от задумчивого брата, продолжающего отрешенно сидеть на камне, погружившись куда-то глубоко в свои мысли.

— Я? – Сэм повернулся лицом к маме и брату.

Обеденный перерыв подходил к концу, Молли и Лилия собирали грязную посуду, в то время как остальные допивали травяной чай, разговаривая на разные темы, в том числе и об азиатах тоже.

— Мы оставим Сэмми за главного, пока нас не будет. Ты ведь не хочешь, как я погляжу, покидать родные берега? – Роза подошла ближе к сыну и стала массировать его напряженные плечи и шею.

— Мне и здесь хорошо. Ну, посмотрите вы, как живут азиаты, и что? – с мнением Сэма многие были согласны – ведь прежний образ жизни не ведут и в азиатском царстве.

— Мы привезем вам железо, проведем электричество! У нас под завалами столько складов, набитых разными товарами, начиная от иголок и заканчивая оружием, – Юань хотела помочь империи Жизнь, и возможно одновременно и жителям азиатского царства.

— Я остаюсь. Удачного путешествия, – Сэм резко встал и направился в сторону берега.

— Что это с ним, он последнее время какой-то странный? – Роза переглянулась с Дэном, который лишь пожал плечами.

— Я не думаю, что Сэм испугался возможных опасностей, просто он не хочет ничего менять в своей жизни, он из тех кто, не сопротивляясь, плывут по течению, – высказала Юань свое мнение.

Юань же была не усидчивой девушкой, могла, уперто настаивать на своем, искать пути и выходы из различных ситуаций, но никогда не плыла по течению. Если не считать того случая, когда после кораблекрушения её тело было выброшено на берег.

— Пусть остается. Как бы там ни было – завтра на рассвете мы направляемся в Капитал столицу империи Жизнь: Дэн, Юань и я. А потом в Тихую заводь, и в путешествие по океану к берегам азиатского царства! – решительно сказала Роза Пруд.

— К берегам азиатского царства! – повторила Юань.

— В путешествие по океану! – добавил Дэн.

Роза принялась помогать женщинам, убирать каменную столовую поселения, оставив влюбленную парочку поворковать наедине.

— Дэн, у тебя бесстрашная мама! И ты тоже. А ведь морское путешествие может оказаться совсем не безопасным. Огромный монстр затаился в глубинах океана, и если нам не повезет быть незамеченными им, то... я не хочу даже об этом думать.

— Главное, что мы будем вместе, – Дэн снова нежно обнял девушку, поцеловав её в лобик...

Столица империи была, конечно, больше похожа на город, но она явно не шла в сравнение с азиатскими городами. Юань обратила внимание на дворец императора, единственное здание, которое хоть немного напоминало эдакий шедевр древней архитектуры. Остальные домики были маленькими обычными постройками. Зато буйная растительность очень порадовала девушку. Если бы и в азиатском царстве груды рухнувших небоскребов канули в пропасть, оголив живую землю...

— А мы вас уже заждались, – Фред встретил Розу с сыном и азиаткой на площади.

Фред первым делом внимательно рассмотрел Розу, неувядающая красота которой не давала ему засыпать по ночам. Все те же полные жизненного блеска глаза, лукавая и одновременно нежная улыбка, густые каштановые волосы и свежая молодая кожа. Серое платье скрывало её фигуристое тело, но красота этой женщины бросалась в глаза едва она проходила рядом своей чарующей походкой.

— Здравствуй, Фред! – Роза поздоровалась, не скрывая радости, что снова видит этого мужчину.

— Роза! Дэн, Юань! Здравствуйте. Как добрались? – Фред не спускал глаз с женщины, покорившей его чувственное

сердце и долгие годы не подпускающей к себе ближе дозволенного...

Император уже наизусть выучил последовательность жутких иллюстраций в найденной Антонио Скиапарелли книге. Просмотрел все цифры, единственное, что было ему понятно, и ждал, когда же юная азиатка прибудет в империю, чтобы пролить свет на историю, описанную в старом фолианте.

— Этот фолиант был найден на азиатском судне, не так ли? – Юань была в этом почти уверена.

— Ну а где же еще? У нас библиотеки не уцелели после пожаров и наводнений, землетрясений и других стихийных бедствий, – Мартин был не очень любезен. – Ты не могла бы потрудиться и перевести, о чем здесь идет речь?

Юань взяла в руки тяжелую книгу, припоминая, что однажды уже читала её. Эти пожелтевшие листы, исписанные древними иероглифами, гласили о конце света.

— Ты ведь уже достаточно хорошо понимаешь наш язык? – продолжал правитель.

— Это эсхатология, император Мартин. Ничего нового из этой книги вы не узнаете, – Юань быстро пролистала страницы знакомого ей содержания.

— Религиозное учение о «конце света»? Я так и предполагал...

— Этот фолиант основан на всемирной эсхатологии (от греч. *ἔσχατος*, последний) – учение Священного Писания о последних судьбах мира и человека.

— И что там пишут? – Розе тоже стало интересно.

— Священное Писание, последние времена, последний день... наступит великий «День Господень» – второе пришествие Христа, когда Бог совершит суд над всем миром, отступившим от него, – Юань долго не останавливалась ни на одной странице, лишь вкратце рассказывала, о чем написано.

— И это всё? – Мартин ожидал более подробного и красочного повествования.

— *Христос придет, чтобы судить дела верующих и чтобы установить для них награды. Верующий не будет судим за свои грехи (Ин. 5,24), так как он уже осужден за них в лице Христа на кресте (Ис. 53,5 и далее; 2 Кор. 5.21), а потому он уже не будет более привлекаться к ответственности за них в пришествие Христа. Однако, в этой жизни он подвергается наказанию за совершенные грехи, чтобы быть осужденным с миром (1 Кор. 5,5; 11,32; Евр. 12,7; см 2 Цар. 7, 14 и далее, 12,13).*

Юань зачитывала лишь отрывки, наталкивающие собравшихся во дворце на вопрос «что же и кто наказал Мир катаклизмами – природа-мать или Бог-отец?»

— Будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба (Луки 21:11). Ибо так говорит Господь Саваоф: еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом его славою, говорит Господь Саваоф (Аггея 2: 6-7).

Великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь, и **звезды и небо пали на землю**, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои, и небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих (Откровение 6: 12-14)

— Хорошо, что солнце светит, и небо не свилось, как свиток! – Мартин улыбнулся и задумался, когда Роза, Фред и Дэн с серьезными лицами переглянулись, а Юань продолжила читать.

— И цари земные, и вельможи, и тысяченачальники, и сильный, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор. И говорили горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца. Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять? (Откровение 6: 15-17). (Агнец божий - Иисус Христос)

— И кто может устоять? – Дэн смотрел на Юань вопросительным взглядом.

— А устоит ли кто-то? – Фред тоже не спускал с азиатки глаз.

— Но ведь мы живы, – Мартин поднял руки вверх и развел их в стороны.

— И это еще не конец света, – высказала свое мнение Роза.

Юань закрыла книгу и, тяжело вздыхая, передала её императору. Библейские взгляды о конце света были ей знакомы.

— Я же говорю, это библейские пророчества, описанные в Библии почти 3000 лет назад. И дело каждого верить в них или нет, – Юань вовсе не хотелось вновь перечитывать толстый фолиант от начала и до конца (это заняло бы много времени).

— А как же цифры 2,8,9,2? Разве это не год бушевания стихии? На первой страничке...

— На этот год – **2892**, предсказывал конец света монах Амель (1757-1841гг). Мы живы и если будем жить в гармонии

с природой и Богом, то возможно и конца света не будет вовсе.

— Широкий бескрайний океан!

Роза Пруд любовалась пейзажем, стоя на палубе трехмачтового судна. Горы империи медленно скрывались из виду, чернея на горизонте небольшим пятнышком. Переменный ветер играл её волосами, то, развевая их в разные стороны, спутывал, то бросал длинные каштановые локоны прямо в лицо.

Волны бились о борт корабля, вода ритмично поднималась и опускалась, а ветер неустанно раздувал паруса, и судно, словно невесомый бумажный кораблик, все дальше и дальше отдалялось от берегов. Волны становились все выше и выше. Роза не успела отойти, как холодная соленая вода окатила её с головы и до самых пят, и на губах остался ярко выраженный соленый привкус.

— Она такая соленая! – Роза рукой вытерла губы и принялась выкручивать на себе мокрое платье.

— Конечно, соленая, – Фред крутился всегда поблизости. – Роза, тебе нужно бы переодеться, если ты не хочешь простудиться. – А сам глаз не мог оторвать от аппетитных выпуклостей под облепившим тело мокрым платьем.

— Ну что ты так уставился меня?! – словно дразнясь, сказала Роза, хотя прекрасно понимала, на что именно смотрит Фред, и его внимание ей нравилось.

Фред, улыбаясь, сделал вид, что прикрывает глаза рукой, а сам же тайком продолжал восхищаться её телом до тех пор, пока Роза не закрыла за собой дверь, лишив Фреда удовольствия.

Под руководством азиатки Юань, назначенной императором Мартином капитаном корабля, неопытные моряки обучались управлять парусным судном. Дневная команда, состоящая из 14-ти добровольцев то и дело меняла расположение парусов из-за переменного направления ветра. Мартин, сложив руки за спину, размеренным шагом прогуливался по палубе.

— Вот и скрылись земли нашей империи из виду, – с нотками легкого сожаления в голосе, сказал Вин не громко, но Фред его расслышал и понял.

Провести несколько месяцев на борту судна среди глубоких вод было своего рода испытанием, не хватало твердой опоры под ногами, и хотя корабль лишь недавно покинул берег, моряки украдкой печально смотрели назад, где еще недавно виднелись горы империи.

— Зато впереди нас что-то ожидает, – Фред указал рукой в сторону, где далеко на горизонте (как ему показалось) была земля. – Там точно что-то зеленеет. Может остров?

Члены команды удивленно вглядывались в даль, так и не понимая, о каком острове идет речь. Вин, прикрыв глаза ладонью от солнечных лучей, согласился с Фредом – там что-то есть.

— Ты прав, Фред, на горизонте действительно что-то зеленеет. И если там есть растительность... – Юань не продолжила мысль вслух. Но ей уже захотелось узнать, что же это за остров, ведь как она считала раньше, на всей планете осталось лишь 2 острова, а оказывается кроме 2-ух колоний азиатского царства, есть еще большая территория империи Жизнь, и возможно еще один остров, который можно будет использовать во благо. Но во благо чего или кого: азиатского царства или империи Жизнь?

— Может, подплывем ближе и глянем, что это за остров? Возможно, там тоже есть люди, – предложил Дэн, который, как и все члены команды, всматривался в даль.

— Мы не должны слишком отклоняться от курса, – Мартин был в раздумьях. – Мы итак зависим от ветра, и не известно, сколько месяцев будет длиться наше путешествие. А главное хватит ли у нас запасов продовольствия?

— Что тут происходит? – Роза присоединилась ко всем, сменив мокрое платье.

— Земля! – радостно закричал ткач Марио с Тихой заводи.

— Предлагаю провести голосование, – заговорил Антонио Скиапарелли. – И если большинство изъявит желание изведать остров, так и сделаем. Кто «за»?

Вся команда собралась на палубе, даже рабочие камбуза, щурясь от яркого света, старались что-то разглядеть едва заметное у линии горизонта. Любопытно стало всем. И большинство, даже не раздумывая, согласно поднимали руки вверх, тем самым, выражая своё «за». Последним поднял руку император Мартин, соглашаясь с решением команды сменить курс на обнаруженный остров.

Дневная смена после 8-ми часового рабочего дня разошлась по каютам, и вечерние моряки приняли пост. Голубая вода становилась темнее, все чаще по поверхности плавали черные нерастворимые комки мазута, свидетельства многочисленных катастроф, а также пластиковые бутылки – один из результатов бурной деятельности человека, губительно отражающийся на природе. Остров все еще был далеко.

Роза и Юань – две единственные женщины стояли на носу корабля. Роза милая европейка в сером платье и Юань – азиатка в черных облегающих штанишках и красивой длинной кофточке расшитой бисером.

— Этот остров хоть и зеленый, но какой-то странный. Тебе не кажется, Юань?

— Он словно тоже плывет по течению, мы никак не можем его догнать.

— А разве такое бывает? – удивилась Роза.

— Бывает. Но тогда это вовсе не остров. А зеленый плот...

— Таких размеров?

Роза снова внимательно пригляделась. Огромный зеленый остров, покрытый сплошной растительностью, ни единого выступа, ни горы, ни деревьев, ни построек не было видно.

— Седьмое чувство мне подсказывает, что зря мы сменили курс. Только время зря потеряем с этим мнимым островом, – тяжело вздохнув, сказала Юань. – Я не первый раз путешествую по океану, и мне такое приходилось видеть: плавающие мусорные свалки, да таких размеров, что когда судно попадает в такую загрязненную зону, края не видно нечистотам. И самое страшное в том, Роза, что весь мировой океан превратился в одну большую помойную яму. И это ужасно.

— У берегов империи Жизнь чистая прозрачная вода, реки полные рыбы. Так что если где-то и грязно, то не у нас, – оспорила Роза.

— А вокруг азиатского царства нет ни рыбы, ни морской капусты, ни водорослей, и вода полна ядовитых примесей, погубивших все живое и у берегов, и в поверхностных водах. Зато на глубине водятся огромные мутанты, приспособившиеся в такой жизни. И одного из них мне довелось лично увидеть в ту ночь, когда мой корабль разбился о скалы, и я одна чудом спаслась.

— В опасное дело мы ввязались. Океан уже не тот, что прежде. Но мы ведь не станем унывать?! Так ведь?! Будем надеяться, что никаких монстров на своем пути мы не повстречаем, а впереди уже скоро обнаружим большой зеленый остров богатый хотя бы ягодами, если не банановыми пальмами.

— Ах, если бы...

Солнце скрылось за горизонтом, оставив лишь краснеющую полоску между небом и океаном. Полная луна заняла своё место на звездном небе, а попутный ветер подгонял судно вперед. Когда совсем стемнело, Марио, ткач с Тихой заводи зажег первый факел на судне – связку

соломы с берестой (корой березы), быстро воспламеняющейся и долго горящей.

— Земля! – снова раздался крик Марио. – Вин, поддержи факел!

Вручив юноше горящий факел, Марио прыгнул в воду и поплыл к острову, зеленая трава которого колыбалась на ветру освещенная серым ночным светом.

— Мы нашли огромный зеленый остров, и он не так далеко от имперских земель! – радостные крики доносились с судна. – Земля! Остров!

Юань видела довольные лица. Люди были рады факту находки, но остров им был вовсе не нужен, ведь в империи итак достаточно земли, причем свободной, а не загроможденной горами руин. А вот азиатскому царству этот островок очень бы даже пригодился. Юань молчаливо наблюдала с корабля, как Марио приближается к зеленому берегу неизвестного острова.

— Ты не рада? – Дэн подошел к своей любимой девушке и, убрав с лица непослушную прядь волос, приподнял её подбородок, прямо глядя в карие глаза.

— Ну почему же «не рада»?

Не успев больше ничего добавить, Юань поняла, что и радоваться то не чему. Марио, доплыв до самого предполагаемого берега, так и не доставал до дна, а когда попытался взобраться на зеленую поверхность, она стала проваливаться, засасывая его вглубь так, словно он провалился в болото. Марио откинулся на спину, освобождаясь от мягкого вещества, поросшего травами.

— Это не остров. Здесь нет земли, – огорчился Марио, продолжая смотреть на колышущиеся травы.

— Я так и знал, что не следовало плыть к этому острову, – император Мартин заглушил негромкие возмущения моряков. – Больше никаких отклонений от курса, какие бы не появлялись мнимые зеленые острова, наша цель – азиатское царство.

— Дэн, а я то уже понадеялась, что на этом огромном острове, мы сможет выращивать хотя бы кукурузу, – Юань призналась в своих мыслях, которым не суждено было воплотиться в реальность. – А это даже не остров, а большое скопление мусора, смешанного с водорослями и поросшее весьма впечатляющей растительностью.

— Столько мусора. Какими же свиньями были люди, если превратили океан в помойную яму, – Роза то и дело видела за бортом проплывающие пакеты и пластиковые бутылки, веками путешествующие в мировом океане. – Человечество

само себя погубит, не дожидаясь Судного дня, – добавила Роза.

— Это жестокая реальность. И чтобы исправить ошибки прошлого нужно приложить немало усилий. Если бы можно было собрать в одну большую кучу весь мусор на земле, все нечистоты с океана, и зарыть где-то глубоко-глубоко. Зарыть и забыть, и впредь так больше не делать, – Юань рассуждала одновременно и как маленькая девочка, и как взрослый серьезный человек.

— **Новый 2908 год настал...**

В воскресное утро 1 января на северные земли азиатского царства медленно ложились белые снежинки, укрывая пуховым одеялом стонущую под тяжестью развалин землю. В центральных и южных районах была плюсовая температура, дул холодный морской ветер и густые черные тучи нависли над городами. Хан Жасурбек расхаживал по своему кабинету, ожидая 48-ти летнего вдовца Аль Джи, за которым послал одну из своих посыльных – Бат Цэцэг (её имя значило крепкий цветок).

— Где же моя девочка Юань? Она уже давно должна была быть дома...

Хан, считая большинство окружающих его людей недостойными, чтобы он с ними даже разговаривал, напряженно ходил из угла в угол, говоря сам с собой.

— Не могла же погибнуть, оставив меня совершенно одного...

Хан Жасурбек отказывался в это верить, поэтому обдумывал организацию поиска своей единственной дочери. А для этого нужно было убедить народ в том, что морское чудовище не причинит никому вреда, и можно смело наконец-то приступать к работам по доставке продовольствия из колоний, где небольшие азиатские поселения трудились на полях и растили свиней.

Снизу слышались приближающиеся шаги, и вскоре по лестнице поднялся в кабинет хана Джи Аль в сопровождении посыльной Бат. Его белеющие виски сразу натолкнули хана на мысли, а не староват ли Аль для хатун. Но именно этому человеку он хотел доверить свою дочь и управление государством после себя.

— Аль Джи, рад тебя видеть. Проходи. – Дальше последовало крепкое рукопожатие и небрежный жест в сторону посыльной Бат, мол, оставь нас одних, после чего девушка бесшумно исчезла.

— Добрый день, Жасурбек. Что за срочность? Юань уже вернулась домой? – Аль не мог дожидаться, когда же станет зятем хана, и вскоре будет править всем азиатским царством.

— К сожалению, моя дочь так и не вернулась. Именно об этом я и хочу с тобой поговорить.

— Я внимательно слушаю, – Аль Джи расселся в удобном кресле, перекинув ногу через ногу.

— Мне придется покинуть царство на неопределенное время. Я не могу сидеть здесь, сложа руки, когда моя дочь, возможно, застряла на острове или...

— Или погибла в пасти чудовищного морского монстра? – в таком случае Аль Джи не на что было бы надеяться, но он лишь высказал вслух своё предположение.

— Нет, она не погибла. Я найду её, я чувствую, что она жива. Вот и год желтой крысы пришел – спутницы бога счастья, и что-то подсказывает мне, что грядут большие перемены.

— Все возможно, – согласился Аль Джи.

И мысленно уже представлял эти перемены: он – Аль Джи займет место хана. При чем в любом случае. Если до отплытия Жасурбека объявится Юань, то, женившись на ней, а если не объявится – то в отсутствие хана он все равно приберет к рукам власть.

— Мне не кого оставить после себя, Аль, поэтому я возлагаю на тебя большие надежды, как на достойного правителя царством. Ты умен, рассудителен, ты сможешь строго руководить и поднять общество из бедственного положения, в котором уже 16-ый год пребывает наша страна.

— Я? – Аль Джи сделал вид, что удивлен решением хана, а сам только этого и ждал.

Уж я то наведу порядок! Сначала восстановлю свой особняк, потом улицы своего города. Рабочая масса азиаток будут по 24 часа в сутки разгребать завалы и вывозить камни к берегам, омывающим царство. При моей настойчивости мы бы за 15 лет уже давно порядок в стране навели, не то, что хан Жасурбек, – уже наметил Аль Джи мысленно план первоначальных действий.

— Ну конечно, ты! Кто же еще? – хан действительно никого другого на своем месте и не представлял. Аль Джи всегда казался ему достойным главного поста в азиатском царстве.

— Благодарен за доверие, уважаемый хан Жасурбек. Я буду продолжать выводить страну из сложившегося

положения, – Аль Джи в очередной раз пожал руку хана, встав с кресла.

— Я и не сомневаюсь, Аль. Надеюсь, настанет тот день, когда наши города не будут выглядеть как нежилые руины, когда мы очистим больше земли под поля, когда число мальчиков в царстве возрастет.

— Я думаю, это лишь вопрос времени, хан. Над завалами непрерывно работают, у нас есть колонии, будут и свои большие поля. Будут и мальчишки когда-то в необходимом количестве, – Аль Джи ведь тоже в глубине души хотелось жить, как и раньше.

— Завтра я начинаю подготовку, и уже через неделю мой корабль с моими морячками покинет наши берега, так что, Аль Джи, готовься принять дела!

— Я готов, хан Жасурбек, приступить к своим обязанностям хоть сегодня. Лишь введите меня в курс дел в столице...

Хан Жасурбек поведал все, что ему нужно было знать, и в понедельник 9-го января 2908 года вышел в открытое море на поиски дочери. Одновременно 2 судна отплыли от берегов в разных направлениях. Одно к южной колонии, и другое, на борту которого был и сам хан, и ученик профессора Лео – к юго-западной. На обоих кораблях были запечатанные пробирки сыворотки, на случай если гигантский монстр появится у них на пути. Опыты Лео прошли удачно, и теперь можно было не бояться океана.

Если утром небо было ясным и почти безоблачным, то днем с запада стали завлакивать небосвод множества мелких облаков напоминающих белые пушистые перья, но они необычно быстро двигались. Небо покрылось полупрозрачным слоем перисто-слоистых облаков.

— Погода портится, хан Жасурбек, – сообщила капитан корабля азиатка Дай (Дай – старое японское имя, значение которого – самая любимая).

— И что ты предлагаешь? Вернутся назад? – хан и сам видел, каким белым становится небо, но оно ведь белое, а не черное, значит, по его мнению, урагана не будет, а стоять на месте и ожидать когда облака развеются, было не в его интересах.

— Это плохой знак, хан...

— Дай, а как же старая примета, что если женщина на корабле – быть беде? – хан грубо прервал девушку-капитана, не дав ей и слова больше вставить. – Огонь, женщины и море все доставляют одно горе (пословица), а у нас целая команда женщин и только 2-ое мужчин. Так что? А

еще мы в понедельник вышли из порта в открытое море. Это тоже плохой знак? Не морочьте мне голову, капитан Дай, идите занимайтесь делом, нечего попусту облака рассматривать.

— Я только...

— Я же сказал, оставь меня в покое, – и азиатка, опустив голову, молча пошла прочь.

Хан Жасурбек неподвижно стоял на палубе, облокотившись о перила, и смотрел в даль пустым и безразличным взглядом. Он уже не обращал никакого внимания на грязную зеленеющую воду с радужными пятнами на поверхности, то и дело проплывающие пластиковые бутылки, пакеты, одноразовую посуду, что тысячу лет странствуют по мировому океану. Он думал о дочери.

Отцовское сердце теплилось надеждой, что Юань ждет, не дождется его на берегах юго-западной колонии. Он вспоминал её детское личико, когда ей было три годика, и как она плакала, когда отец уходил на работу, оставляя её с мамой – европейкой Офелией. Ему казалось, что и сейчас его девочка где-то тоскует о нем.

Тем временем погодные условия менялись. Белые облака растаяли в небе, как тростниковый сахар в чашечке горячего кофе. Ветер затихал, а судно продолжало плыть с небольшой скоростью. Даже хан ощутил перемены температуры, стало душно и жарко. А вот на горизонте, при чем с какой стороны бы не взглянуть – потемнело. Корабельная команда со страхом наблюдала, как вокруг назревал ураган.

— Убрать паруса! – раздался громкий голос капитанши Дай, когда она заметила несколько отчетливо виднеющихся на горизонте спиралей, закручивающихся ветром с большой скоростью.

— Ураган, – разносились крики по судну.

Хан Жасурбек удивлялся, как такое может быть – над ними было спокойно: ясное небо, слабый ветер, а вокруг среди черных туч разбушевалась стихия.

Женские сильные руки с грубой мозолистой кожей на внутренней стороне ладоней, тянули канаты, сворачивая паруса. В таком состоянии они не создают большой силы под влиянием быстрого ветра, и судно медленно будет качаться на волнах.

— Мы попали в эпицентр урагана, нам нельзя пока плыть вперед. Посмотрим, в какую сторону следует ураган, и тогда станем уходить в другом направлении, – хрупкая азиатка Дай приблизилась к хану и говорила уверенным

тоном, давая понять, что на корабле решает она, а не хан Жасурбек.

— Что же, придется полностью на тебя положиться, – хан убедился, что юная девица, похоже, знает о тропических циклонах и ураганах больше его самого. Он же не заметил в облаках похожих на перья «плохого знака», а она сразу сказала, что погода испортится.

— Вот и хорошо, и знайте, я «попусту облака не рассматриваю».

— Ты права, Дай, ты права, – согласился хан, и, отвернувшись, наблюдал за ураганом.

Донеслись раскаты грома, черная стена из грозowych туч приближалась, и огромные вихри-спирали неустанно танцевали вокруг, кружась в венском вальсе (аналогичен медленному вальсу, отличается количеством тактов в минуту, то есть темпом исполнения).

Кораблю и его команде повезло, если бы они вышли из порта раньше или позже, их корабль бы с легкостью сейчас был втянут в один из несколько сот метровых вихрей, и этот бурлящий венский вальс стал бы последним событием в их жизни.

— **Роза**, ты как всегда очаровательна!

С нижней палубы, разделяющей корпус судна на отсеки, донеслись громкие комплименты Фреда, уже бегущего к прогулочной верхней палубе, занимающей площадь между кормой и носом судна.

Роза стояла, маняще улыбаясь и подтягиваясь после долгой и очень спокойной ночи. На щеках розовел здоровый румянец, а глаза как всегда горели яркими озорными огоньками.

— Я только проснулась, – сказала Роза, когда Фред приблизился.

— Ну, ты и соня, солнце давно светит, а ты так сладко спала, что Юань пожалела тебя и не стала будить, – Фред взял её за руку и провел ладонью по шелковистой нежной коже Розы.

— Да, ох уж эти укачивающие волны! – Роза блеснула белыми ровными зубками.

Солнце на самом деле уже высоко поднялось, безоблачное небо не сулило сюрпризов погоды, а ветер раздувал паруса, подгоняя корабль по взметающимся волнам.

— А мне вот совсем не спалось этой ночью, – Фред привлек Розу ближе к себе, заключая её в крепкие объятия. – Я думал о тебе.

— Отпусти, кругом же люди, – Роза попыталась выбраться, но набравшийся храбрости, Фред с необузданной страстью впился в её губы долгим жадным поцелуем. – Вот это да!

— Я не могу больше скрывать свои чувства, Роза. Ты самая прекрасная женщина на планете. Я люблю тебя, и хочу, чтобы ты стала моей женой, – опустившись на одно колено, Фред никак не выпускал из своих сильных рук мягкие ладони Розы.

— Фред! – Роза от неожиданности чуть не потеряла дар речи.

— Так каков будет ваш положительный ответ, мадам?

Дэн и Юань, Мартин и остальные члены команды, собравшиеся внизу, громко закричали в один голос: «Конечно, да!». И буря аплодисментов, свист и крики нарушили тишину, когда Роза сказала своё слово – «да!».

— И в горе, и в радости, в богатстве и в бедности, Фред, я буду с тобой, как законная жена, – от таких слов любимой женщины Фред был на 7-ом небе от счастья.

— А я как законный муж буду любить, и заботится о тебе, пока смерть не разлучит нас, – эти слова были сказаны при свидетелях и обретали силу (так словно в их отсутствующие паспорта поставили бы штамп о регистрации законного брака).

— Горько! – закричали моряки. – Горько! Горько!

Очередной поцелуй соединил два любящих сердца. А потом Фред на руках снес Розу на нижнюю палубу, где на них посыпались самые щедрые пожелания.

Такой поворот событий натолкнул и Дэна на подобные мысли, но повторять за Фредом он не стал, боясь, что Юань не правильно его поймет. Но ведь она никуда не денется от него, и они еще успеют объявить всем, что любят друг друга (хотя ни для кого на судне их чувства уже не были секретом) – так подумал Дэн и нежно обнял девушку за талию.

Юань тоже в это время думала ни о чем другом, как о любви:

*Я в твои безумные глаза
окунаюсь, и без разрешения
вспоминаю время то, когда
сказка стала воплощением*

*недосказанных фантазий
и наивных помыслов моих...*

Ветер усиливался и менял направление, и когда Фред с Розой уединились в каюте, Юань поспешила к штурвалу подкорректировать курс, а команда моряков поворачивала паруса по ветру, дабы скорость движения корабля не снизилась.

— Юань, – Дэн следовал за ней.

— Что? – девушка со спокойным невозмутимым лицом выглядела немного опечаленной.

— Мне показалось или ты грустишь? Хочешь, и я назову при всех тебя своей женой? Ты же знаешь, что я люблю тебя, – Дэн обнял её за плечи и легонько поцеловал в губы.

— Я знаю, Дэн, и ты знаешь, что и я люблю тебя, но мне почему-то грустно, – Юань опустила глаза и так тихо говорила, будто у неё не было сил управлять языком.

— А я то предположил, что ты расстроилась из-за меня, – Дэн видел её невеселые глаза, и ему вовсе не хотелось, чтобы Юань грустила. – Я не хочу, чтобы ты полагала, что я бы сам не додумался предложить тебе стать моей женой. Просто я не хочу повторять за Фредом, но как только мы вернемся в империю, мы всем объявим о своей любви. Ты ведь согласна стать моей женой?

— Стать твоей женой? Я об этом и не мечтала. Я даже не знаю, как это быть женой.

— Мы будем всегда вместе, у нас будет свой дом, семья, я буду любить тебя и заботится о тебе.

Юань расплакалась. Ей никогда не приходилось слышать ничего подобного. В азиатском царстве не было места нежности и романтике, как и не было достаточного количества мужчин. А те мужчины, которые были, не ценили ни женской красоты, ни умственных способностей, не баловали жен нежными словами и признаниями в любви. Девочек с детства готовили к суровой реальности.

— Дэн! Я хочу быть твоей женой. Но...

— Но что? – Дэн удивленно ждал ответа.

— В азиатском царстве не принято выходить замуж по любви. У нас и замуж выходят единицы, а остальные девушки выполняют тяжелую физическую работу, очищая города от завалов вместо мужчин, погибших во время взрывов на атомных станциях, или же работают на кораблях, доставляя грузы с колоний. Отец будет против, – Юань вытерла глаза и облокотилась о стену, наблюдая за реакцией Дэна.

— Почему? Разве он не желает счастья собственной дочери? Наоборот он радоваться должен, что его дочь не будет одинока. Разве не так? – Юань молчала. – Или ты даже не думаешь со мной возвращаться в империю? – Дэн на мгновение почувствовал себя игрушкой в руках азиатки, которой как ему показалось, не ведомы глубокие чувства, а мужчины, похоже, в их царстве служат лишь для продолжения рода.

— Отец точно не обрадуется, если я скажу ему, что люблю чужака, и буду жить за океаном, бросив его вместе со всем царством. Он сделает все, чтобы помешать мне, я уверена, что он не отпустит меня с тобой обратно в ваш «Зеленый край». Но это не значит, что я так просто сдамся, и буду тихонько сидеть, сложа руки, Дэн, я все для себя решила – я хочу быть с тобой! – Юань нежно улыбнулась, но глаза по-прежнему были грустными.

— Ты меня напугала, Юань. Я уже подумал, что ты не хочешь возвращаться в империю.

— Мне у вас очень понравилось, вот увидишь, как живут у меня на родине, и сразу все поймешь. А отцу пока не нужно знать о нас. Пусть считает, что я занимаюсь делами исключительно государственной важности, налаживая отношения с европейцами. Так будет спокойнее, Дэн.

— Но по прибытию в империю Жизнь, я объявлю тебя своей женой. Ты согласна?

— Да, любимый, я согласна.

Только этих слов и ждал Дэн. Он подхватил девушку на руки и прокружил её в воздухе, как на карусели, а, поставив на ноги, страстно поцеловал в губы. Теперь он доволен и спокоен. А вот Юань выглядела неважно как-то, она была бледная чуть ли не желто-зеленая, глазки не светились как прежде, и улыбка казалась не искренней.

— Ты не заболела? – встревожился Дэн.

— У меня ничего не болит, но такое ужасное настроение, мне почему-то хочется то плакать, то кричать, или и плакать и кричать одновременно. Не знаю, что это со мной. Мне и море уже опостыло, не могу больше смотреть на грязные зеленые волны, от их мерзкого запаха меня уже второй день подташнивает, – Юань уткнулась лицом в сильную грудь Дэна, всхлиывая от навязчивых слез.

— Моя девочка! – нежно погладив по волосам, Дэн поднял вверх её подбородок и смотрел в её печальные глаза. – У мамы есть с собой какие-то травы лечебные, думаю, она сможет тебе помочь. Но только не сейчас, пусть еще немного поворкует с Фредом.

— Скорее всего, никакие травки мне сейчас не помогут. – Юань интригующе улыбнулась.

— Неужели у тебя морская болезнь? Эти укачивающие волны...

Юань прижалась всем телом к Дэну, обвивая его шею руками, и поцеловала его долгим поцелуем. А, оторвавшись нехотя от его губ, сообщила ему о своих предположениях:

— Я не уверена, но, наверно, у нас будет ребеночек!

— **Аль Джи**, беда. Камни посыпались с неба.

В азиатском царстве за последние 15 лет уже трижды прошли метеоритные дожди, не принеся с собой новых разрушений и смертей невинных жителей. Небо лишь светилось искрами и короткими вспышками горящих метеоров, которые так и не долетали земли, полностью сгорая высоко в воздухе.

Но на этот раз в темную безлунную ночь небо зажглось новыми яркими красками, большие красные точки летели к Земле, оставляя за собой полосы золотистого цвета. Небо запылало, словно объятые пламенем. Это не были мелкие камушки, не частицы хвоста некой маленькой кометы, которые сгорели бы еще в атмосфере – крупные обломки огромного небесного тела стремительно приближались к земле.

Небесный шторм из множества отчетливо видимых горящих камней вогнал азиатов в панику. Первый камень размером в корабль с глухим грохотом ударился о землю, оставив глубокий дымящийся след.

— Аль Джи, да проснитесь вы, – Бат Цэцэг не решалась тормошить заместителя хана руками, и уже в который раз громко произносила его имя.

Город содрогнулся от громкого оглушающего взрыва, задрожали стены, штукатурка стала осыпаться, а когда Аль Джи поднял глаза вверх – в квадратном проёме окна на потолке было видно огненное небо.

— Это конец, Аль Джи, мы все умрем, – кричала Бат писклявым голоском.

Ядро гигантской кометы достигло поверхности Земли и взорвалось, разлетевшись сотнями более мелких и губительных метеоритов. Частично уцелевшие после 15-ти летней катастрофы здания рушились, как замки из песка под натиском прибрежных волн. И каменные развалины, подскочив в воздухе, так и оседали на землю горами безжизненных камней.

Аль Джи в черно-коричневом полосатом халате, сшитом на одной из лучших фабрик прежних времен, выбежал на улицу, где испуганные азиатки сломя голову мчались в порт. Паника охватила всех. Аль Джи вместе со всеми направился к воде, стараясь скрыться от догоняющих языков пламени, охвативших весь и без того пострадавший город.

Со всех сторон доносились сильные оглушающие взрывы, в смятении люди топтали таких же, как и они. Стон и крики слышались из-под ног, а люди, стадом баранов, не обращая ни на что внимания, все бежали к берегу.

Спасаясь, и Аль Джи не отставал. Спотыкаясь от резких покачиваний, уклоняясь от горячих порывов ветра, истекая потом, он бежал к океану, над которым стоял толи дым, толи туман, толи пар.

— Неужели и океан закипел от многочисленных горящих метеоритов? – все тот же писклявый голос Бат Цэцэг слышался впереди.

— И звезды спадут с неба (слова из Библии) – это конец света.

— Конец всему живому на земле?

До слуха Аль Джи долетали лишь обрывки фраз, но отовсюду слышалось и повторялось одно и тоже слово «конец». Все было в огне: и земля и небо. Дым застилал глаза, жар ощущался кожей, а горящие камни огромных размеров беспрерывно летели с раскаленных докрасна небес. «Конец света».

— Вода! – с криками азиатки бросались в воду, ища спасения в океане.

Как крысы покидают тонущий корабль, так люди покидали горящее царство, надеясь спрятаться от огня и дыма, не позволяющего дышать полной грудью.

— Стойте. Стойте! – кричал во все горло Аль Джи. – Послушайте! И звезды падут с неба – это библейское знамение. *Когда же начнет это сбываться, тогда поклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше* (Луки 21:28).

— Поднимите головы и восклонитесь! – Бат кричала не своим голосом от охватившего её ужаса. – Избавь нас Боже от пожаров, от метеоритных атак, – она упала на колени и крестилась, зажав глаза.

Весь берег был полон людьми, упавшими на колени. Они молили о пощаде, мокрые и грязные, пропахшие дымом и смертельно напуганные.

— *Кто будет верить и креститься, спасен будет; а кто не будет верить, осужден будет* (Марка 16-16). – Вспоминал Аль Джи забытые строки из Библии.

И свершилось чудо. Миллионы ярких огней померкли, раскаты грома наполнили сердца испуганных азиаток надеждой. Аль Джи тоже стоял на коленях, замаливая грехи, которых у него было немало. Внезапно пошел дождь – ливень невиданной ранее силы. Шквальный ветер поднимал прибрежные воды и бросал их на дымящиеся превратившиеся в пепел и пыль здания.

Люди, сбитые волнами, барахтались в воде, когда небо наконец-то посветлело и первые лучи солнца осветили землю после ночных разрушительных переворотов. Ветер стих, волны успокоились, и не было больше пожаров, как и не было больше прибрежного города азиатского царства.

Ханский правительственный дом, дома жителей, склады продовольствия и лаборатории – все обратилось в золу. Серая пустота открылась взорам тысячи обездоленных человек.

— Серая пустыня, и ничего не осталось, – как было неприятно это осознавать Аль Джи, но реальность была такова. – Остается только надеяться, что не все города так пострадали.

Плач и крики отчаянья заглушали прибой. А волны набегали на берег, слизывая и унося с собой пепел. Опустевший город больше не представлял никакой ценности.

— Идемте в глубь царства, – Бат Цэцэг вытерла покрасневшие от слез глаза и обратилась к собравшимся на пустынном берегу людям. – Оставаться здесь более нет смысла.

— Нет ни крыши над головой, ни еды, и одеты мы как попадая...

Опустив печально головы, женщины и единственный мужчина среди тысячи азиаток Аль Джи, быстрыми шагами, в меру своих сил, удалялись от берега.

В сером пепле на пути то и дело встречались глубокие воронки, котлованы диаметром в десятки метров, на дне которых лежали огромные бурые куски камней. Но это были не просто камни, а железокаменные осколки небесных тел, состоящих из никелистого железа.

— Вот это кратер, – Аль Джи стоял, словно на краю пропасти, а у его ног лежал гигантский земляной ковш глубиной в 20-ти этажное здание, и простирался далеко на сотни метров, и где-то на самом дне лежал небольшой булыжник черного цвета (как казалось сверху).

Ясное небо плыло над головами, и яркие солнечные лучи освещали серую пыльную землю. Хотелось пить, но нигде не было ни ручейка, ни травинки с каплями росы. Жажда донимала. С самого рассвета они шли, еле волоча ноги от усталости, проходя лишние километры пути, обходя множество больших воронок.

На пути им встречались тела тех, кому не удалось спастись. Аль Джи собственноручно бросал их в ямы, а азиатки забрасывали погибших камнями и пеплом. Множество жизней забрала в очередной раз разбушевавшаяся стихия. А сколько же пострадавших и погибших во всем азиатском царстве? Есть ли хоть один уцелевший город? Эти вопросы не давали покоя 48-ти летнему вдовцу Аль Джи.

— Вовремя же хан Жасурбек отправился на поиски дочери. Он как чувствовал неладное. Будь он проклят! – выругался Аль Джи. – Забрал корабли, запасы продовольствия, и бросил нас на произвол судьбы. А сам сейчас, наверное, жив, здоров, сыт и его не мучает жажда?!

— Он не мог предвидеть такого поворота событий, Аль Джи, – Бат Цэцэг встала на сторону правителя. – Возможно, через несколько месяцев, наши корабли вернуться к разрушенным портам с полными трюмами свинины и страусинового мяса, кофе и сахара, а хан Жасурбек найдет свою дочь.

— И ты в это веришь? – огрызнулся Аль Джи.

— А что нам остается делать? Только верить и ждать.

— Да без чистой воды мы и несколько дней не проживем. Нам остается только верить и ждать чуда, – голос Аль Джи был резким и грубым.

Пустынные земли, усыпанные камнями, не предвещали ничего хорошего. Ближайшие города тоже были уничтожены, лишь мертвые тела устилали серую поверхность земли.

— Белковый порошок! – слышались крики.

Среди груды обломков были найдены бочки питательного вещества, производимые ранее в лабораториях из глубоководных морских животных, специально разводимых для подобных целей. Его нужно было растворить в воде и выпить как коктейль, богатый всеми необходимыми веществами, витаминами и минералами.

Вокруг бочек началась, чуть ли не драка. Каждая обессиленная азиатка хотела утолить голод сухим и безвкусным порошком, который было тяжело глотать без воды. Женщины кашляли и чихали, но продолжали запихивать его в рот горстями.

— Порошка хватит на всех, – кричал Аль Джи. – Кто принял порцию, отходите в сторону, дайте доступ к бочкам другим.

Азиатки быстро почувствовали сытость, так как порошок в желудке разбухал, устраняя чувство голода. Устроив привал среди серой пустыни, они строили дальнейшие планы.

— В нескольких километрах должна быть река, пусть в ней не течет чистая вода, но это лучше чем ничего. Берем оставшиеся бочки с порошком, этого нам хватит не только на завтрашний день, и продолжаем свой путь, – Аль Джи встал, указывая в какую сторону нужно идти.

— Ведите нас Аль Джи, мы пойдем за вами, – Бат не отходила от него ни на шаг.

Снова их ждали пыль и пепел, большие и маленькие кратеры, руины уничтоженных городов, а также на пути им встретился металлургический завод, разрушенный до основания.

— **Мама**, ты станешь бабушкой!

Эта фраза могла бы заставить Розу почувствовать себя старушкой, но, обретя женское счастье быть любимой, она вновь окунулась в забытый мир цветных снов и приподнятого настроения.

— Очень хорошо! Я за вас рада, дети мои! – ответила Роза, приветливо улыбаясь девушке, которую теперь ни на шаг не отпускал от себя её сын Дэн.

Уже спускалась темная ночь, Антонио Скиапарелли и Джон с Тихой заводи следили за ветром, в то время как остальные члены ночной команды поднимали на борт корабля ловушки на половину наполненные рыбой. Роза с Фредом и Дэн с Юань наблюдали с верхней палубы, как ночники справляются со своей работой.

— Юань, такая маленькая и худенькая. Дэн, ты теперь за ней присматривай, чтобы она кушала за двоих! – Фред тоже сиял от счастья, будто это он скоро станет отцом.

— Посмотрите! – неожиданно закричала Юань, показывая рукой на восток. – Метеоритный дождь начинается. Над азиатским царством сейчас вероятно падают «звезды».

— Как красиво! Они летят, оставляя после себя длинные золотые полосы, и исчезают! – Роза подняла голову к небу, как и все, кто был на палубе.

— Это необыкновенно! – слышались восхищенные возгласы с нижней палубы.

Юань внимательно оглядела темное небо во всех направлениях. И повсюду падали «звезды», яркие желтые

огоньки появлялись все чаще и чаще. Уже через несколько минут раздался грохот взрыва, потом еще и еще. Дэн обнял Юань, боясь нежелательных последствий происходящего.

— Это не просто дождь, это огромные метеориты летят к Земле, взрываясь в воздухе, и осколки падают в воду. Смотрите, как вздымается океан, – Юань сильнее прижалась к Дэну, хотя понимала, что он не сможет её защитить от падающих с космической скоростью метеоритов.

— Это дело принимает совсем другой оборот, – Фред помрачнел.

— Очередная катастрофа. Этого только нам не хватало для полного счастья, – Антонио мокрый с головы до ног из-за неожиданной высокой волны, образовавшейся после падения большого камня в воду, отскочил как ошпаренный от края борта.

— Это действительно очень похоже на дождь, только камни летят вместо капель воды. Нужно свернуть паруса. Джон! Паруса! – крикнула Юань молодому моряку и сама побежала вниз.

— Юань! Стой! Спрячься в каюте! – Дэн побежал следом.

Роза и Фред тоже поспешили спуститься вниз. С восточной стороны небо сменило цвет на желто-красный, оно полыхало огнем.

— Я такого еще не видела, Фред. Мне впервые стало по-настоящему страшно, – Роза замерла на месте, боясь, что вот-вот один из расплавленных камней упадет прямо в их корабль.

— А разве тебе не было страшно, когда извергались вулканы, все горело в потоках лавы, когда земля растрескивалась, и целые города проваливались под землю, когда волны сметали все на своем пути? – Фред, не разжимая объятий, говорил с Розой. – Нам и не такое довелось пережить. (Фред казался уверенным, на самом же деле ему тоже было страшно).

— Я не хочу умирать в море, тем более не теперь, когда у меня есть ты.

Фред еще крепче обнял Розу, и они так и стояли, словно боялись, что смерть сможет их разлучить.

Судно качалось на волнах. Со всех сторон падали метеориты, и встревоженная команда наблюдала за происходящим с нижней палубы. В такую шумную ночь не спали и дневная, и вечерняя команда – все собрались на борту. И сам император Мартин со страхом следил за каждой яркой вспышкой, за каждым грохотом, взрывающегося в ночном небе метеорита.

— Кому-то, наверное, сейчас ох как жарко, – неудачная шутка ткача Марио еще больше расстроила Юань.

— Я даже знаю кому, Марио. Там мой отец. Там люди, такие же люди, как и мы. А вам весело? – Юань Лан разозлилась, и Марио уже пожалел о сказанном, как только увидел гневный взгляд маленьких азиатских глаз.

— Прости, я не хотел.

Снова очередной метеорит упал совсем близко от судна, заставив всех замолчать.

— Да когда же это закончится?! – не выдержала Роза и закричала что было силы.

— И закончится ли вообще? – юноша Вин вздрагивал от каждого взрыва.

— Жаль спать в таком шуме мы не сможем, остается только надеяться, что скоро это прекратиться, – император Мартин вместе со всеми ужасался огненной стихии.

— В любом случае рано или поздно это закончится, не хотелось бы конечно, чтобы тем самым и наши жизни закончились...

— Марио, вы как всегда в своем репертуаре. Все будет хорошо, – твердо сказал Дэн.

— Все, все, я молчу, – Марио замолчал, стараясь держать свои мысли при себе.

— Юань, что с тобой? – Дэн подхватил девушку едва не потерявшую сознание.

Все поплыло перед её глазами, померкло, члены команды стояли, словно в густом зеленоватом тумане, палуба качалась, а небо блестело от ярких вспышек. И Юань упала бы, если бы не Дэн, вовремя среагировавший и подхвативший на руки свою любимую девушку.

— Сынок, отнеси её в каюту, ей нужен покой. И не оставляй Юань одну, – заботливо Роза поправила черную кофточку девушки. – Ступай! И оставайся с Юань в каюте, пока я не приду.

— Со мной уже все в порядке, – Юань попыталась выбраться из сильных рук Дэна.

— Ты чуть не упала на палубу. Разве это «в порядке» потвоему? – голос Дэна показался Юань непривычно чужим, а речь медленной и плавной, как волны в безветренный день. Юань находилась в полубморочном состоянии (что часто бывало с девушками в положении).

— Я с вами, – Роза тоже поспешила за сыном, дабы убедиться, что здоровью девушки ничего не угрожает, кроме возможности умереть вместе со всеми членами команды от попадания огненного камня в их деревянное судно.

— Фред, проводив Розу любящим взглядом, остался на палубе среди мужчин, наблюдающих за очередным капризом природы, приносящим разрушения, страх и смерть. Все оставались на своих местах, понимая, что их ничто не спасет, если метеорит упадет на большой скорости прямо в корабль.

Дэн поспешил в каюту. Он беспокоился о жизни и здоровье своей хатун и своего сына, который мог бы стать даже наследником великого хана Жасурбека Лан. Но об этом Дэн думал меньше всего, главное – чтобы метеоритный дождь прекратился, а его любимая девушка Юань, как и прежде, радовала его своей очаровательной нежной улыбкой.

До рассвета светилось небо огненными вспышками не только в азиатском царстве, не только во всех уголках мирового океана и островах-колониях, но и в империи Жизнь.

В Зеленом краю тоже небо загоралось миллионами светящихся точек, слышались отдаленные звуки взрывов, где-то совсем недалеко от селения упал большой метеорит. Все загудело, от чего жители не могли спать спокойно и вышли со своих домов, подняв головы к небу, наблюдали за страшным звездным дождем. Дрожала земля и огненные камни падали с неба.

Маргарите вместе с другими женщинами пришлось полночи гоняться за сбежавшими козами, напуганными громким гулом летящих метеоритов и непривычным свечением в небе. Не нужно было зажигать факел, итак было очень светло, и непривычно жарко для января месяца. Целую ночь никто не сомкнул глаз, наблюдая невиданное ранее космическое вторжения раскаленных камней.

На рассвете все закончилось, будто и не было ничего особенного в этой ночи без сна. Как только ночной звездопад прекратился, и первые лучи солнца блеснули из-за горизонта, местные мужчины решили обойти округу и нашли большой кусок метеорита, упавший около поселения и образовавший глубокий кратер. К приятному удивлению поселенцев – это был самый настоящий, прочный и крепкий металл. Сама природа словно сжалась и подарила европейцам шанс своими руками изготовить ножи и ножницы (для начала).

Сэм взял четверых добровольцев для транспортировки большого осколка метеорита в поселение. Это был большой и тяжелый камень черно-бурого цвета необъятного размера. Скольких усилий бы не потребовалось, но это стоило того. Теперь в Зеленом крае будет металл!

И не только в Зеленом крае, и в других провинциях империи Жизнь тоже были найдены и доставлены в поселения металлосодержащие осколки метеоритов. Маленькие от 1-го килограмма и большие, массой более тонны.

Серьезного вреда звездная атака с космоса жителям империи не принесла. Империя не была густо населенной страной, и вероятность метеоритов разрушать поселения, была невелика. В основном кратеры образовались за пределами скопления людей, в пустынных и нежилых местностях.

Одна ужасная трагедия постигла целый мир. С любой точки земли можно было наблюдать небо, усеянное вспышками горящих камней. Но последствия катастрофы не были одинаковыми для всех. Европейцам разъяренная природа даровала долгожданный металл, а вот азиатов наказала разрушениями, пожарами и смертями.

Хан Жасурбек, наблюдающий звездный дождь, как и его дочь, в открытом океане, также волновался и переживал об азиатском царстве. Ибо именно там небо больше всего горело огнем, оттуда долетали глухие отдаленные раскаты.

Около корабля хана за всю ночь так и не упал не один метеорит, а небо яркими золотыми красками светилось до самого утра.

— **Рассвет!** 23 января 2908 года!

Корабль хана Жасурбека уже две недели находился в плавании. За это время команде довелось столкнуться лицом к лицу с ураганом, поднимающим вихри-спирали высоко в небо, наблюдать звездный дождь, попасть в бурю и пережить нудный затянувшийся штиль.

Ветер все же нарушил морскую тишину, поднимая высокие волны и раздувая натянутые паруса. Девушка-капитан была откровенно рада ветреной погоде, не смотря на то, что в небе пахло дождем.

— Команда, закрепите туже канаты! Мы продолжаем сегодня свой путь, – стоило только Дай заговорить, как азиатки послушно принялись выполнять поручения капитанши.

Хан Жасурбек и лаборант Лео вдвоем стояли на палубе, наслаждаясь прохладными потоками воздуха и любуясь утренним солнцем, поднимающимся над необъятными просторами океана. В зеленой мутной воде отражалось голубое небо и белые ватные облака. Совместное плавание немного стерло прежние разногласия двух мужчин, и они

даже не вспоминали об инциденте с гигантским осьминогом. Хан стал вести себя более человечно по отношению к ученику профессора. Вот и теперь они обсуждали рассвет и многообразие красок утренней зари.

— Скала! – азиатка Дай своим криком заставила хана вздрогнуть от неожиданности.

Дай поспешила сменить незначительно курс судна, боясь возможного столкновения с возникшей на пути преградой. А хан Жасурбек перешел в нос корабля и продолжал любоваться морским пейзажем.

Впереди действительно появилась высокая скала, и чем ближе судно приближалось, тем отчетливее было видно, что это не одиночная каменная возвышенность, а каменный остров. Над кораблем закружили птицы, свившие свои гнезда на вершинах скал.

Судно проходило мимо каменного острова на расстоянии, с которого можно было разглядеть одну из пещер в скале, сделанной самой природой. Черная дыра привлекла внимание не только хана и капитанши, но и другие азиатки, раскрыв рты, смотрели в сторону глубокой большой прорехи, откуда будто доносилось чье-то тяжелое прерывистое дыхание.

Могучий ветер летел со свистом, растрепывая волосы, застилая глаза. Крики птиц внезапно умолкли, и в ветер принес грозный рык, доносящийся не иначе, как из самой пещеры.

— Кто это? – Лео приковал взгляд к черной дыре, откуда раздавались звуки рычащего зверя.

— Кто может жить здесь среди камней? – удивился хан Жасурбек.

— Если есть птицы, то почему в скалах не может жить кто-то еще? – голос Дай был немного встревоженным, но она была уверена в том, что кем бы ни был обладатель пугающего рева, он не представляет морякам никакой угрозы, ведь они не собираются причаливать к берегу и входить в черную пещеру – дом неизвестного зверя.

— А-а-а! Глаза! В пещере святятся огромные красные глаза! – закричала одна азиатка, и её крики подхватили другие, не менее испуганные девушки.

С глубины пещеры по-прежнему доносились звуки встревоженного рева, и два ярких огня все ближе и ближе приближались к дневному свету. Пар, стремительно вылетающий из пещеры, прозрачным облачком рассеялся в воздухе, когда ужасная черная голова со злыми красными глазами и раскрытой зубастой пастью высунулась наружу.

Голова была в форме шара в два раза превышающего рост человека, в её рот с редкими острыми зубами запросто въехал бы автомобиль, настолько широко монстр раскрывал свою пасть. Глаза были широко расставлены, и казалось «оно» смотрит со всех сторон. Вместо носа у пещерного существа был небольшой тонкий отросток, торчащий вверх, как по команде «смирно», а от него в разные стороны расходились желтые светящиеся полосы, которые как ленточки развивались на ветру. Оно медленно выползало с пещеры, и толстая мощная шея, покрытая чешуей, уже показалась на глаза морякам.

— Это и есть злобный кровожадный монстр, Лео? Беги за пробирками, на случай если оно захочет приблизиться к нам вплотную и попытаться утолить нами голод, – командующий голос хана вывел юношу из состояния оцепенения, в котором он пребывал, изучая пещерное чудовище.

— Это не то существо, на которое подействует моя сыворотка, уважаемый хан Жасурбек. Я не уверен, конечно, но, по-моему, этот монстр не что иное, как недоделанное «чудо природы», – Лео лишь пожал плечами, переводя взгляд с монстра на хана и наоборот.

— Может оно хотя бы уснет, если швырнуть ему в пасть пару колбочек, а мы тем временем продолжим свой путь, и когда оно проснется, от нашего судна и след постынет, – мыслил хан.

Лео умчался в свою каюту за сывороткой, а хану с командой азиаток не оставалось ничего делать, кроме как продолжать наблюдать за ужасным монстром, медленно выползающим из своего укрытия. Вслед за огромной головой и шеей показались коротенькие, словно атрофированные лапки.

— Толстая сороконожка с ужасной головой и маленькими ножками! – Дай закричала во все горло. – Она ползет на берег, – и все наблюдали за неповоротливым монстром.

Мясистое черное чешуйчатое, как у рыбы, тело едва передвигалось по скалистому берегу. Пасть была открыта, и грозное рычание не прекращалось ни на миг. Красные глаза злобно сузились, а потом, словно налившись кровью, стали круглыми и выпуклыми.

Существо ужасающего внешнего вида стало погружаться в воду. Похоже, в воде оно чувствовало себя гораздо смелее, сильнее и проворнее. Оно тихо, но быстро подплыло к кораблю и резким броском набросилось на судно. Огромная пасть крошила корабль своими зубами так легко, словно голодный пес разгрызал аппетитную кость.

Судно стало крениться набок под тяжестью огромного чешуйчатого существа, и азиаток как ветром стало сносить в воду. Лео по наклонной палубе, качающейся из-за крушащего борт монстра, держа в руке несколько запечатанных пробирок с сывороткой, осторожно приближался к носу судна.

Хан Жасурбек удерживался одной рукой за перила, а вторая рука тянулась к колбочке со снотворной жидкостью, протянутой Лео. Монстр неугомонно разжевывал корабль, не обращая внимания на кричащих азиаток за бортом, плывущих к скалистому берегу.

— Я не могу дотянуться, — хан тяжело дышал, ощущая близкое противное чавканье уродливого зверя.

— Я попробую бросить отсюда.

Первая же пробирка четко ударила монстра в область между глаз, испаряющаяся жидкость полилась по его черной коже, а существо продолжало разрушать корабль.

— Кидай снова, пока оно не проглотило меня вместе с кусками судна, — хан едва удерживался, чтобы не упасть.

Монстр под тяжестью своего тела медленно оседал под воду. Время замерло, сердце хана учащенно билось, а в трюмах бешено журчала набирающаяся вода. Очередной резкий бросок монстра, и хан, не удержавшись, оказался в холодной зеленой воде, рядом со скользким гигантом.

От второго удара стеклянной колбой в лоб, монстр океанского острова словно взбесился. Ему вовсе не хотелось спать, как предполагал Лео. Наоборот, он стал еще более агрессивным. Оставив потопаящий корабль в покое, гигант переключил свое внимание на людей, выбирающихся на его берег.

Он быстро и ловко обогнул корабль с другой стороны и все теми же четкими движениями накинулся на скопившихся в прибрежных водах азиаток. Огромные и острые, как бензопилы, зубы впивались в тела испуганных девушек. Кровь окрасила воду в красный цвет, крики и стоны заглушали чавканье омерзительного существа, а корабль медленно и уверенно шел ко дну.

Лео, оставшись на потопаящем корабле, выбрасывал за борт ящики с биологически активным порошком, бочки с питьевой водой, до тех пор, пока судно полностью не оказалось под водой. У него в кармане еще остались две колбочки с сывороткой обратного действия для лабораторного подопытного, каким не являлось существо скалистого острова.

Хан быстрым бегом бежал по берегу вслед за капитаншей Дай и еще двумя азиатками, пытающимися вскарабкаться на скалистую возвышенность и тем самым спастись от смерти в пасти монстра, который уже превратил в кровавый фарш большую часть корабельной команды.

Оставшиеся в живых со всех ног бросились прочь от берега, минуя черную пещеру, они, преодолевая крутые препятствия, ломая ногти и оцарапывая руки об острые камни, поднимались на вершину скалы, где кроме птичьих гнезд ничего и никого не было.

Быстрый и резвый в воде, на суше монстр был неповоротливым и медлительным, поэтому у спасшихся моряков появился шанс укрыться от смертельной опасности высоко над черной пещерой, до которой прожорливое существо так и не добралось, обессилено рухнув на камни.

Лео поднимался последним. Когда он услышал глухой звук падения и оглянулся через плечо, пещерный монстр с закрытой пастью лежал неподвижно на берегу. В эту минуту все взгляды были прикованы к гигантской рыбе-сороконожке.

— Спускайтесь! Мы должны убить его, пока он не очнулся, — Лео призывал всех, и тех, кто наполовину достиг цели, и тех, кто уже почти поднялся на самый верх. — Вы же не будете там жить? Без еды и воды? Спускайтесь! Хан Жасурбек, Дай...

На волнах качались деревянные бочки с водой и ящики с порошками, скинутые Лео с затонувшего корабля. Рано или поздно океан все равно выбросит их на сушу или Лео сам доставит их на берег. Но только после того, как монстр больше не будет угрожать их жизням.

Вооружившись камнями, азиаты приступили к убийству пещерного монстра. Лео с легкостью определил, где бьется огромное сердце, и совместными усилиями они разрезали грубую кожу, покрытую большими чешуйками, и убили монстра, вогнав в его сердце десяток острых камней.

— Там есть люди!

Дикий крик азиатки Бат Цэцэг прокатился эхом по всей округе. Усталая, в изодранной пижаме, грязная и потная, Бат босиком бежала по острым осколкам железобетонных плит. Камни вонзались в её маленькие ножки, алой кровью ложились отпечатки глубоких ран, а девушка, будто не чувствуя боли, продолжала спешить вперед, туда, откуда доносились стоны и мольбы о помощи.

— Дети! За что, Боже, ты наказываешь невинных детей? – девушка, еще не познавшая материнства, но уже несколько раз побывавшая на приеме у доктора по искусственному оплодотворению и лишь мечтающая стать мамой, не могла спокойно воспринимать детский плач, летящий из-под завалов.

Перед глазами стояло пятиэтажное серое здание, от которого уцелевшими остались лишь две стены, потрескавшиеся и без окон. Не было ни крыши, ни межэтажных плит. Фасадная стена наклонилась под углом 45 градусов и, казалось, вот-вот упадет. Еще выше десятка подобных развалин одиноко возвышались над серыми грудями бетона.

— Это был жилой дом с множеством маленьких комнат, в которых ютились по 15 человек на 5 кв.м., – Аль Джи и самому приходилось пожить в таких условиях. Он спал на 5 полке в правом ряду, и догадывался, сколько людей, должно быть, погибли под этими руинами в результате метеоритного дождя.

— Там плачут дети. Они, наверное, ранены и истекают кровью, их мучает жажда, и они хотят кушать, – Бат сама вытирала незваные слезы, которые неудержимо лились по её щекам.

— Нам самим скоро нечего будет есть, – Аль Джи был очень серьезен. – В первую очередь, мы должны очистить завал в лаборатории. Вон то небольшое здание, – Аль Джи указал на другую серую развалину, в ста метрах от дома с плачущими под завалом детьми. – Я бывал раньше в этом городе, и уверен, что там под грудями железобетонных конструкций, мы найдем пропитание.

— Какой же вы бессердечный, Аль Джи. Они ведь умрут, если мы им не поможем выбраться, – Бат закричала громко, призывая азиаток не дать погибнуть невинным детям. – Мы ведь девушки, женщины, среди нас есть потерявшие родных детей.

— Мы должны их спасти. Аль Джи, ты бессердечный камень, а если бы твои дети сейчас молили о помощи, ты бы тоже думал только о себе? – чей-то гневный крик донесся до ушей Аля.

— Я думаю не только о себе, но и о вас, многочисленные женщины, – попытался оправдаться Аль Джи. – Мы не должны погибнуть в этом жестоком мире. Возможно, мы и есть последние люди на планете. И что станет, если мы все погибнем от голода? Задумайтесь. Кто будет населять в будущем Землю?

— Я не могу пройти мимо, не попытавшись помочь пострадавшим детям, – Бат принялась откидывать камни, приступив к очищению завала.

— Нам все равно кто будет населять Землю после нашей смерти, но детей мы в беде не оставим, – женщины взялись за работу, передавая друг другу тяжелые камни, и вместе поднимая тяжелые плиты.

— Может, тогда хотя бы разделимся на 2 бригады? Одна займется освобождением детей, а вторая пойдет со мной добывать пищу под такими же железобетонными грудями, – Аль Джи понимал, что женщины не оставят в беде детей, слишком уж они мягкотелые и сентиментальные, не такие предусмотрительные, как он.

— Да, это хорошая мысль, Аль Джи, – поддержала его Бат Цэцэг, первая приступившая к освобождению детей, жалобно кричащих где-то глубоко под камнями. – Нас ведь 1017 человек, и мы за короткий срок сможем расчистить оба рухнувших здания: и жилой дом, и лабораторию. Так что часть девушек, можете следовать за Аль Джи, – словно давая разрешение, говорила Бат.

— Так то лучше, – Аль Джи пошел в сторону рухнувшей лаборатории, и за ним последовала часть азиаток, слушаясь мудрых речей Бат Цэцэг.

От лаборатории остались лишь груды камней и пыли. Азиаткам приходилось камень за камнем очищать завал. Аль Джи работал наравне с женщинами и юными девушками. Он поднимал тяжелые камни и передавал их по цепочке, выстроившимся в ряд азиаткам. В разные стороны от бывшей лаборатории тянулись, словно лучики от солнца, десятки длинных линий, по которым бетонные осколки перемещались и образовывали высокие кучи камней.

Ох, уж эта Бат Цэцэг! Аль Джи почему-то в эти трудные моменты думал не о жизни и смерти, а о девушке, посыльной хана Жасурбека, посвященной во все государственные дела. Пусть и не лично самим ханом, он ведь не считал обязательным что-то кому-то объяснять. Но она была в курсе всех событий азиатского царства, и её уважали другие, такие же азиатки как она. И в эти ненастные времена прислушивались к её мнению больше, чем к словам и предложениям Аль Джи, хотя он был единственным мужчиной среди тысячи женщин. И именно его оставил хан управлять азиатским царством в его отсутствие. Его, и никого другого.

Бат Цэцэг! Невысокого роста и хрупкого телосложения, длинные черные волосы, завязанные в конский хвост,

черные тонкие брови и выразительные серые глаза, прямой нос и губы. Губы! Её губы нельзя было не заметить, не задержать взгляд хотя бы на долю секунды. Чувственные пухлые. И такие манящие! Аль Джи поймал себя на мысли, что эта азиатка вскружила ему голову. И это в его то годы.

— Вот они! – довольный мужской возглас разлетелся над разрушенным городом.

— Этих запасов нам хватит на несколько месяцев! – и даже такая перспектива обрадовала азиаток.

Под грудями камней были обнаружены желаемые ящики с сухим порошкообразным кормом. Сотни ящиков нужно было извлечь, пересчитать и сложить аккуратно в надежном месте...

Из-под завалов жилого дома достали первого мальчика, он был в синяках и ссадинах. Тоненькие ручки дрожали от волнения, когда он рассказывал, как звезды посыпались с неба, и они спрятались в доме, надеясь укрыться от раскаленных докрасна летящих камней.

— Там мои сестры и мама, и еще много людей, – едва произносил ребенок, постоянно всхлипывая. – Спасите их, пожалуйста! Моя мама истекает кровью, у неё рана на голове, она умирает.

Бат обняла мальчика, ощупала его косточки (они были целы), погладила по волосам, и, сама чуть не заплакав, взяла его на руки и понесла на ровную площадку за несколько сот метров, оставляя по пути кровавые следы порезанных ног.

— Девушки, нужно принести воды из реки. Кто-нибудь! – Бат остановилась с мальчиком на руках. – Часть людей оставайтесь доставать пострадавших, а остальные займитесь доставкой воды. Здесь валяются железные бочки, они нам пригодятся. Всех нужно накормить, – и женщины безоговорочно подчинялись Бат. Никто не спорил. Все занимались делом.

Вслед за мальчиком доставали из-под рухнувшего дома очередных детей и женщин, чудом оставшихся в живых. Были спасены сотни маленьких азиатов, среди которых и мальчиков, и девочек было почти поровну.

— Вот кто будет населять планету Земля! Эти дети и есть наше будущее! – громкие четкие слова Бат доносились не только ушей Аль Джи, их слышали все. – Дети наше будущее!

Под завалами оставались лежать еще тысячи мертвых тел. Это были в основном женщины, девушки, а также дети, и

мальчики, и девочки, и (как оказалось) ни одного взрослого мужчины.

Когда Аль Джи подошел к Бат, он невольно заметил её печальный взгляд из-под упущенных черных ресниц. Она нашла где-то половинку разбитой чаши и размешивала прямо в бочке с водой порошковый коктейль. Девушка беспокоилась о ком угодно, но не о себе. Вокруг неё столпились маленькие азиаты, и она то и дело вливала им во рты жидкую пищу, богатую всеми необходимыми для человека веществами. Довольные дети, со слезами на глазах, неустанно благодарили её.

— Ты словно католичка мать Тереза, которая тысячу лет назад пеклась о бедных и больных (1910-1997) и была причислена к лику блаженных! – похвалил Аль Джи девушку. – Твоё имя тоже навеки останется в памяти этих несчастных, чьи жизни ты спасла.

— Я это делаю не для того, что бы моё имя вошло в историю, Аль Джи. Я человек, и у меня есть сердце, и я не могу, как вы, оставаться равнодушной к чужим страданиям, – её серые глаза были полны решимости и словно бросали вызов ему, единственному мужчине из всех присутствующих.

— Не думай, что я бессердечен, Бат Цэцэг. Это не правда, – Аль Джи задумался. А есть ли у него сердце? Есть, конечно. Но милосердию там мало места среди стремления жить, и жить лучше, чем приходится, стремления властвовать, управлять чужими судьбами, командовать, быть выше всех.

— А я и не думаю о вас, Аль. Все мои мысли сейчас об этих несчастных детях. О том, что их нужно накормить для начала. Я думаю о разрухе и о том, что у нас ничего нет. Как мы будем жить дальше? Вот что меня беспокоит, и о чем я думаю. А ваша бессердечность это уже неоспоримый факт, к сожалению, – слова девушки зацепили Аль Джи за живое, и все замолчали, не смея нарушить тишину.

— Я докажу тебе обратное, Бат. Мы не сдадимся, и эти дети (Аль Джи огляделся вокруг) будут жить в нормальных условиях. Меня тоже беспокоит наше будущее. Я тоже задаю себе вопрос «что дальше?» – значит я не бессердечное бревно, я тоже человек. И мы будем бороться за жизнь! – последнюю фразу подхватили женщины и дети. «Мы будем бороться за жизнь» разлетелось по серой округе разрушенного города.

— Конечно, Аль Джи, будем бороться. Но это будет очень тяжело, начинать все сначала.

С серых глаз Бат брызнули слезы. Аль Джи видел её уставшую, измазанную, в разорванной пижаме с окровавленными ногами, но он также чувствовал непередаваемую волну силы, энергии и притяжения, исходящую от хрупкого тела этой девушки. Она была смелая и отважная, не такая как все остальные.

— Позволь поухаживать за тобой, Бат, – Аль Джи присел у ног и коснулся рукой нежной кожи на её лодыжке. Девушка не сопротивлялась, позволив Алю вымыть свои окровавленные ступни речной водой.

— Земля!

Сколько радости вложила в это слово юная азиатская красавица Юань Лан, когда на горизонте зазеленел африканский берег. Его причудливые горные массивы желтели над густыми деревьями «мопани» – растение, семена которого остро пахнут скипидаром.

— Это и есть ваша колония? – император Мартин поднял руку ко лбу, закрывая глаза от палящего солнца. – Это столько кофе и тростника зеленеет на берегу?

— Да ну, что вы, Мартин! Нет, конечно, – лицо Юань озарила прежняя беззаботная улыбка. – Не беспокойтесь: там несчитанное количество диких кофейных рощ, с которых даже не собирают урожай, а тростниковые заросли чередуются с лесами из деревьев мопани.

— А ваши азиатки, которых вы оставили работать на плантациях, случайно не обнаружили остатки местных поселений? Может там остались африканцы? – Антонио Скиапарелли спрашивал, задумчиво смотря вдаль на зеленую полосу линии горизонта.

Вся дневная команда собралась на палубе, обсуждая скорое прибытие к берегам колонии азиатского царства. Каждому хотелось как можно скорее ступить на твердый, пусть и чужой, берег.

— Наши девочки и женщины, родившие по несколько детей, обосновались на северо-восточном побережье. Они, наверное, и не изучили весь остров, он все-таки велик, как для острова, а в зоне нескольких километров вокруг их хижин нет никаких намеков на существование еще одного народа. Лишь леса и обширные территории, покрытые травяной растительностью.

— А остров то зеленый! – Фред удивительно посмотрел на Юань. – Если азиатское царство погрязло в руинах, не оставив плодородных почв, почему вы все не перебрались жить на остров?

— Да, Юань, какой-никакой, а остров зеленый, там можно выращивать не только кофе и тростник, – император Мартин уже и задумался, что же еще можно выращивать почти на экваторе.

— Здесь климат непривычный для азиатов. То засуха, то дождливые сезоны, а главное это обилие ужасных насекомых, которые переносят смертельные заболевания, от которых нет способа вылечиться в нынешних условиях, – Юань своими словами немного напугала команду, это было видно по их задумчивым лицам.

— А как же ваши азиатки? – Дэну стало любопытно.

— Мы оставили в колонии 48 женщин и двух мужчин для продолжения рода. Когда я последний раз была на острове – все были живы и здоровы, и даже бегали голопузые малыши, родившиеся не в результате искусственного оплодотворения, – Юань улыбнулась. – Они не ходят далеко в дебри, где полно тропических насекомых. Выращивают тростник, сами делают из него сахар, собирают зерна кофе, обжаривают, а мы два раза в год привозим им ящики сухого порошка, нашей привычной еды, одежду со старых запасов, и вывозим кофе и сахар в наше царство.

— Привычная еда это тот безвкусный белый порошок? – Антонио Скиапарелли вспомнил, что на этом судне тоже были такие ящики, содержимое которых он выбросил в море за ненадобностью.

— Да, именно. В лабораториях царства производят богатый всеми витаминами и минералами коктейль, его разводят в воде и пьют...

— И с чего же они его производят? – ткач Марио перебил девушку.

— Для особых чиновников, из кукурузы, свиных хрящей и страусинного белка, того, что завозится с южной австралийской колонии. Все обогащается синтетическими витаминами, и для рабочего класса, и для управляющих. А вот для рабочих делают состав из подопытных морских осьминогов, которых специально выращивают до гигантских размеров в лабораториях, – Юань не скрывала истинного образа жизни в азиатском царстве.

— Мужчин на острове нужно было оставить больше! – Антонио Скиапарелли уже представил, как, наверное, заботятся азиатки о своих мужчинах, ублажают их по очереди, пылинки сдувают!

— Хочешь, мы оставим тебя на острове?! Станешь султаном... 16-ти азиаток! – Джон разделил в уме 48 на троих, ведь двое мужчин уже были.

— Было бы забавно! – рассмеялся Антонио.

Судно приближалось к берегам зеленого острова. Уже отчетливо виднелись пальмовые рощи, заросшие тростником берега и голубые лагуны.

— А что это за растение? На одиночных стеблях, которого растет словно зонтик из перьев? – молодому парню Вину прежде не приходилось видеть подобного, как и остальным юношам на судне.

— Это папирусная осока. Её много вдоль берегов острова. Египтяне с этого растения изготавливали бумагу, нам же бумага пока не нужна, главные наши цели – пропитание и дерево, если не считать уборки развалов после катастрофы в азиатском царстве, – ответила Юань, вспоминая жуткие картины азиатских городов, лишенных зелени.

— Остров выглядит впечатляюще! Если бы его окружали высокие скалы, он был бы похож на нашу зеленую империю Жизнь! – восхищенно произнесла Роза Пруд.

— Только климат здешний мне совсем не нравится, Роза. На юге острова и вовсе лежат желтые пески, растут низкие полукустарники и вечно высушенная трава. Даже на северо-востоке в сухой сезон все высыхает, берега покрываются потрескавшейся коркой соли, становится невыносимо жарко и душно.

— Похоже, нас заметили с берега! – сказал Фред в полголоса.

— Да! Они машут нам руками! – подтвердил император Мартин.

— Мы скоро причалим к вам, мои хорошие! Я так соскучилась по нашей речи, по своим подругам, с которыми мы столько времени проводили в плавании на одном корабле, пока они не остались здесь навсегда! – Юань одной рукой держала Дэна за руку, а второй радостно махала в ответ собравшимся на берегу женщинам.

Ветер подгонял корабль к побережью. Виднелся крепкий деревянный причал, хижины азиатских поселенцев сделанные из дерева, а крыши из какой-то водной длинной травы (издали не разобрать). По желтому песку, действительно, бегали голышом маленькие голопузые азиаты от 2-ух до 5-ти лет.

— Кажется, сегодня мы будем пить свежий кофе! – радовался Мартин, глядя на берег.

А кофе на острове рос дикорастущими деревьями, занимая большие площади. Погодные условия и легкий океанский бриз благотворно влияли на разрастание кофейных лесов по холмам острова.

— Кофе то нас напоят, конечно. Но вот мы не привезли им еды, – Юань изменилась в лице. – Может, другое азиатское судно все-таки побывало в колонии за последние месяцы, иначе они расстроятся.

— На таком зеленом острове должна быть хоть какая-то пища, – предположил Фред.

— Горький кофе с сахаром! Да? Но этим голод не утолишь, – возразил Антонио Скиапарелли.

— Здесь водятся змеи. Рыбы в океане практически нет. Но растут кокосовые пальмы. Надеюсь, поселенцы не голодают, – Юань искренне переживала за своих азиатов.

— У нас, кстати, запасы тоже худеют. До азиатского царства еще далеко? – спросил юноша Вин.

— Около месяца, если ветер будет благоприятствовать. – Ответила Юань. – Но мы несколько дней проведем на острове, если вы не возражаете.

— Нет, что ты, девочка, мы только «за»! Да, ребятки? – Антонио Скиапарелли был в приподнятом настроении. Из-за длительного отсутствия индивидуального женского общения, возможность несколько дней провести в кругу соблазнительных азиаток, лишенных мужской ласки, была Антонио по нраву.

— Конечно, Скиапарелли! Тут столько молоденьких красавиц! – Джон с Тихой заводи издали рассматривал загорелые смуглые тела в топиках и шортиках.

— Что-то мужчин и не видно вовсе? – император Мартин удивленно взглянул на Юань.

— Я тоже не заметила мужчин. Может, они чем-то заняты.

— Спят, наверное! Всю ночь работали, устали?! – рассмеялся Антонио Скиапарелли.

Вся корабельная команда собралась на палубе, и дневные, и вечерние, и ночные смены с любопытством рассматривали африканский зеленый остров. Парусник уверенно приближался к причалу. Высокие волны плескались о берег, где собрались в ожидании люди.

— Вот мы и прибыли! – Юань светилась от счастья.

Дэн бросил якорь, а Марио тем временем установил трап, деревянный мостик, и первым ступил на пирс африканского порта. Следом сошли Дэн под ручку с Юань, Фред и Роза, император Мартин, Антонио Скиапарелли и остальные члены корабельной команды.

— Юань! – Марио остановился, пропуская вперед азиатку, сделав чуть ли не реверанс. – Прошу, вас пройти вперед, мы то и языка вашего не знаем.

— Следуйте за нами. И не приставайте сильно к девушкам, Антонио, это вас касается, будьте сдержаннее, – Юань подмигнула ему, и пошла вперед, навстречу бегущей к ним азиатке.

— Юань Лан! – звонкий голосок приближающейся восточной красавицы ласкал слух соскучившихся по женской ласке моряков.

— Вики Со! – Юань обняла загорелую девушку в соблазнительных обтягивающих шортах.

Они говорили на незнакомом языке, а европейцы шли следом, рассматривая и обсуждая увиденное.

— Это европейцы? Где ты их нашла? Столько мужчин! – Вики Со то и дело оглядывалась.

— Европейцы! Это длинная история расскажу позже. Я не привезла вам порошок, у вас есть еще запасы? Вы не голодаете? – беспокоилась Юань.

— Порошка почти не осталось, зато мы вырастили кукурузу из тех семян, что ты привозила, а еще мы стали готовить гусениц дерева мопани, они похожи по вкусу на мясо! Я так рада тебя видеть, Юань, и привезенных тобой мужчин – среди них есть настоящие красавцы!

— **Интересно**, этот головастик здесь жил один?

Хан Жасурбек обошел монстра вокруг, удивляясь столь необычному виду. Лежащее на скалистом берегу существо было гигантских размеров. Большущая круглая голова, второго глаза даже не было видно (он был очень высоко), кровожадная пасть с выступающими острыми и зло пахнущими зубами. Забавный отросток в виде носа, еще недавно гордо поднятый вверх, поник на бок, и желтые полоски, что развивались на ветру, больше не светились.

— Мы узнаем ответ на этот вопрос, если хорошенько обследуем его логово, черную глубокую пещеру, – Лео повернулся лицом к темному входу в подземелье.

— А с этой тварью, что будем делать? – капитанша потонувшего судна Дай бацнула ногой по большому черному существу, распластавшемуся на каменистом берегу.

— Были бы здесь все необходимые приспособления, я бы перемолол этого монстра в порошок, а так мы его даже в воду не сможем затолкать, уж очень он большой и тяжелый, – сказал Лео.

— Что же нам делать? – завопили в один голос азиатки с поцарапанными руками.

— Наш корабль пошел ко дну. Будь он не ладен это проклятый пещерный монстр, – выругался хан Жасурбек, жалея о случившемся.

— Мы никогда не сможем вернуться домой. Посмотрите вокруг, тут же одни камни, – залилась слезами молодая девушка из корабельной команды, присаживаясь на берег.

— Я мечтал разыскать свою дочь среди бескрайних вод, – хан печально смотрел вдаль на зеленые волны под палящим солнцем. – А теперь? Теперь мне остается только надеяться, что кто-то разыщет нас на этом необитаемом острове.

— Не такой уж он и необитаемый! Здесь жил, вот какой красавец! – Лео даже умудрялся шутить, не смотря на трагичность их положения.

— Хорошо, что хоть птицы на скалах гнезда сплели, значит, с голоду не умрем. Да, нас и осталось то всего ничего. Ах, бедные мои девочки, – Дай смахнула слезу, глядя на все еще красные волны у берега.

— А вон и наши запасы приближаются, – хан указал рукой на плывущие бочки и ящики.

— Поплыли, освежимся! – Лео бросился в воду за ящиками.

За ним последовали и азиатки, лишь хан Жасурбек остался на берегу в окружении неподвижного монстра и парящих высоко в небе птиц. Он огляделся по сторонам, осознавая, что скалистый остров, скорее всего, навсегда заменит ему азиатское царство. Ком подошел к его горлу, в мыслях всплывали образы его былой жизни еще до катастрофы, когда зеркальные небоскребы горели неоновыми вывесками, а он на дорогом автомобиле часами стоял в пробках из-за миллионов таких же, как и он. Его дочь Юань. Хан боялся, что больше никогда не увидит её глаза.

— Хан! – капитанша Дай выходила из воды первой. – Вы мне не поможете с ящиком?

Хан Жасурбек, конечно, не простой человек, как они, он все-таки хан азиатского царства, хоть и на безлюдном острове среди бушующих вод Жасурбеку больше управлять нечем. Именно поэтому Дай попросила его вытащить на берег тяжелый ящик с запасами питательного порошка.

— Да, – короткий ответ, и хан принялся выполнять просьбу девушки.

Ящики выложили на берегу. Лео помрачнел, молчаливо присел на один из прибрежных камней и задумчиво смотрел вдаль. Девушки тоже затихли. Хан предполагал, о чем они сейчас думают.

— Здесь со скуки умереть можно! – хану ничего не оставалось делать, только присесть рядом с моряками, оставшимися в живых, и бросать камешки в воду.

— Тишина и покой! Разве не об этом порой мечтает каждый человек? Солнце, волна за волной накатываются на берег, крики птиц над головой, и некуда спешить! – капитанша Дай тоже от безделья бросала камешки в воду, слушая шум волны.

— А за спиной лежит огромный кровожадный монстр. Мечта!? – Лео оглянулся. – А с трупом надо что-то сделать, иначе из-за него нам скоро не чем будет дышать.

— Может оно съедобное? Мясо этого ужасного пещерного монстра? – спросила Дай, глядя на Лео, он ведь лаборант-биолог, должен разбираться в таких вопросах.

— Я бы не стал его употреблять в пищу, Дай. Слишком уж оно омерзительно и противно, еще и после того, как оно съело почти всю корабельную команду, – ответил Лео.

— Может, попробуем столкнуть его в воду? – предложил хан Жасурбек.

— Это не возможно, хан Жасурбек, мы не справимся. Если только не разделить его на части, – Дай высказала свое мнение, не дожидаясь пока Лео что-то скажет.

— Нужно сначала осмотреть пещеру. Может, похороним монстра там? Заложим камнями вход, и пусть себе гниет потихоньку, не загрязняя океан, – Лео встал и пошел к пещере.

— Девочки, давайте держаться вместе, – обратился хан к азиаткам и последовал за Лео.

Вход в пещеру был очень большим, темным и пахло сыростью. Лео остановился на мгновение, словно не решаясь переступить невысокий камень, лежащий как порог у входной двери. Хан и 5 азиаток стояли у него за спиной.

— Жаль, нет ни фонарика, ни факела, свет бы нам сейчас очень пригодился, – Лео переступил порожек, окунаясь в черную прозрачную шаль глубокой пещеры.

— Там совсем ничего не видно, но, кажется, я слышу шум воды, – Дай прислушалась. – Точно! Вы слышите, в пещере шумит вода?

— Да! Я тоже слышу, – хан Жасурбек долго не мог привыкнуть к темноте после яркого света. – И это, скорее всего не просто ручеек, а настоящий водопад. Нужно идти осторожно.

— Идите за мной, – шепотом сказал Лео, словно боясь кого-то разбудить.

Лео делал короткие шаги, нащупывая место, куда хотел поставить ногу, его глаза начали видеть очертания каменных выступов в пещере, а шум падающей воды был отчетливо слышен где-то впереди. Под ногами сначала была довольно ровная и сухая поверхность. Пройдя несколько метров, Лео чуть не споткнулся из-за небольшого выступа. Внезапно камни стали осыпаться под ногами, Лео и Жасурбек, идущие впереди, невольно скатились по невидимому склону, закричав от неожиданного падения.

— Я вижу свет! – эхом по пещере пронеслись слова Лео. – Девочки, не бойтесь, спускайтесь к нам.

Только Дай сделала шаг вперед, как над головами, стоящих на склоне азиаток, посыпался песок, а потом и большие камни стали падать с грохотом вниз.

— Скорее! Скорее! – уже не так громко, боясь вызвать очередной обвал, закричал Лео.

— Здесь два хода. Один на лево – темный, а справа похоже водопад, – заметил хан Жасурбек.

Команда, аккуратно ступая, продолжила свой путь к свету. Стало холодно и сыро, мелодично падали с потолка тяжелые капли воды, и причудливые каменные своды в полумраке поблескивали.

— Красивая пещера! А в ней жил такой страшный монстр, – заговорила Дай, рассматривая свисающие с потолка каменные сосульки. А азиатки согласно вздыхали, восхищаясь естественными красотами.

— Водопад! – вскрикнул Лео и побежал вперед, где через широкую расщелину были видны потоки бурлящей воды, летящей по камням высокой скалы.

Лео протянул руку на встречу шумному потоку, вода была обжигающе холодная. Зачерпнув её в ладони и испробовав на вкус, лаборант Лео понял, что это источник пресной воды.

— Питьева вода! – эхом пронеслось по пещере, и вновь зазвенели падающие с потолка камешки.

— Да, не кричи же так, Лео, – подала голос молчаливая девушка Синь.

— Нам еще предстоит возвращаться на берег, Лео, а после твоих криков, и выход может завалить камнями, – медленно и тихо говорил и хан (что было совсем на него не похоже).

— Там внизу, по-моему, небольшое озеро, – шепотом произнес Лео. – Я попытаюсь спуститься вниз по выступающим камням, посмотрю, что там к чему! Оставайтесь ждать меня здесь.

Лео ухватился за выступ пещеры и, нащупав ногами устойчивый камень, не спеша, стал опускаться вниз. Остальным пришлось лишь наблюдать за медленными передвижениями Лео и быстрыми потоками воды. Неожиданно рука парня сорвалась с влажного камня, и Лео с криком упал вниз.

— Лео! – на этот раз Дай закричала во все горло, и снова камни загремели в пещере.

Все члены команды, стоя на краю пещеры, высунули головы, наблюдая, как Лео барахтается в холодной воде.

— Спускайтесь сюда! – смыв с себя пыль и пот, крикнул Лео. – Вам здесь понравится, я уверен!

Небольшое озеро с чистой прозрачной водой было со всех сторон окружено высокими скалами. В небе парили все те же птицы, гнезда которых были видны с того берега, где остался лежать гигантский монстр. Немного вдали зеленело единственное, чудом выросшее в каменистой почве дерево – толстый баобаб. Его крупные пурпурные цветки сразу привлекли внимание Лео. А когда он подплыл ближе, из дупла дерева вылетела стая летучих мышей. Они поднялись над баобабом, и быстро скрылись в темной пещере с противоположной стороны водопада.

Хан Жасурбек с пятью молодыми азиатками осмотрительно спускались вниз, в то время как Лео уже успел налюбоваться белыми водяными лилиями, вдыхая их освежающий цветочный аромат. А немного дальше от шумного водопада скопилась небольшая стая розовых фламинго. Среди них были и птенцы совсем не похожие на своих родителей: серые пушистые с черным клювом и лапками.

— А мне здесь нравится! – улыбнулась Дай вся мокрая и дрожащая от холода. Она любовалась пейзажами скрытого от посторонних глаз озера.

— Неужели мы все еще на Земле? – хан был ошеломлен открывшимися взору красотами.

— Шумная выдалась ночь!

Дэн лежал на сухой траве под открытым небом, поглаживая горячей рукой Юань по едва округлившемуся животу. Ярко горели звезды, ветер с океана приносил свежий морской воздух, в зеленых рощах щебетали ночные птицы. Азиатская колония на африканском острове погружалась в глубокий сон.

— Ты уже спишь? – тихонько спросил Дэн. Юань не отвечала.

Закрыв глаза, Дэн тоже попытался уснуть, но сон никак не шел. Из хижин все еще изредка доносились стоны азиаток и незнакомые фразы на непонятном языке. Дэн больше всех проводил времени с Юань, но их язык так и не выучил, он к этому и не стремился. Но сегодня, когда они (поселенцы, а с ними и его Юань) долго что-то обсуждали, Дэн пожалел, что не может понять, о чем шепчутся у него за спиной. Девушки милые, симпатичные и не очень то и дело о чем-то хихикали, рассматривали, не стесняясь европейских мужчин, а вот их двое «султанов» Биде и Ницзито были не очень довольны появлению конкурентов (по крайней мере, так показалось Дэну).

Юань, наверное, больше всех сегодня устала. Ей приходилось постоянно переводить и нашим, и своим, к тому же её тошнило несколько раз. Дэн вспомнил, как Вики Со, стройная загорелая девушка и еще десяток молодых азиаток (как на подбор – красивых) принесли тазики наполненные живыми шевелящимися гусеницами. То еще зрелище! Девушки стали сжимать их в руках, выдавливая ярко-зеленые внутренности (Дэна тоже чуть не вырвало). Потом их поджарили на костре в большой металлической посудине и предлагали попробовать «жареное мясо мопанских гусениц» (так перевела Юань). Рискнул отведать дивный деликатес только Антонио Скиапарелли, и по его словам, если есть с закрытыми глазами – очень даже вкусно, но внешний вид у этого блюда был явно не аппетитный. Зато кукурузная густая каша, сваренная в большом котелке, пропахшая дымом, пришлась по вкусу всем, и азиатам, и европейцам. Еще на ужин была уха из корабельных запасов соленой рыбы. А когда все наелись, и солнце скрылось за горизонт, сразу всех потянуло на романтику. Антонио (любитель прекрасного пола) первый предложил Вики Со прогуляться с ним по берегу, показать ему красоты острова, остальные тоже не терялись, даже император повел в уголок одну из восточных красавиц.

Вики Со сказала, а Юань перевела, что как только взойдет солнце, все пойдут в дальнюю рощу за несколько километров от их поселения, охотиться на птиц и собирать яйца. Так как кукурузы осталось мало (лишь на посев), а жареных гусениц гости есть отказываются, а больше азиаты ничего предложить не могут, кроме сладкого кофе. Еще Вики Со обещала показать плантации дикого кофе и как они делают сахар из стеблей тростника. Думая о завтрашнем дне, Дэн так и уснул, крепко прижавшись к любимой Юань на пахучей травяной перине.

Одним мгновением пролетел его сон, и запах горячего кофе разбудил с первыми лучами солнца. Юань сидела рядом, держа в руках две чашки ароматного напитка.

— Доброе утро, любимый! Как спалось? – передавая кофе в руки Дэна, Юань улыбнулась.

Дэн первым делом обратил внимание на светлую кофточку (вероятно позаимствованную у Вики Со или другой азиатки), освежающую цвет лица девушки. Заметив, как Дэн разглядывает её, ясные глазки Юань засветились внутренним светом. Нежная улыбка украшала личико, а волосы тяжелыми потоками падали на плечи.

— Доброе утро, Юань, на тебе миленькая кофточка! – отпив глоток горячего кофе, ответил Дэн. – Я так крепко спал, что мне даже ничего не приснилось! А ты проснулась раньше меня, уже и кофе успела сварить, хозяйшка моя ненаглядная?!

— Да, – Юань сидела напротив, попивая свой кофе. – Вики Со дала мне и Розе кое-что переодеться. Почти все уже проснулись и умываются в лагуне. Скоро пойдем на охоту, так что допивай кофе и пошли искупаемся!

— Хорошо, – Дэн продолжил допивать бодрящий напиток, и не сводил глаз со своей избранницы.

С берега доносился женский смех и плеск воды. Вскоре резвые азиатки с мокрыми волосами, одетые на влажное тело, подошли к костру и, налив себе кофе, весело хихикали, неистово что-то обсуждая.

— Мужчины еще спят, – Юань расплылась в улыбке. – Перетрудились за ночь.

— Еще бы! – Дэн понял, что имеет в виду Юань.

За пальмовыми рощами, поросший зарослями папируса, был живописный уголок. Мелкий водоем чистой прозрачной зеленоватой воды, каждый камушек отчетливо прорисовывался на дне, узкая полоска намытого песка отделяла лагуну от моря. Чарующая тишина и пение птиц грели душу Дэна.

Юань на бережку сняла с себя тонкую бежевую футболку, оголившись перед Дэном, и кончиком пальцев ноги коснулась воды. Дэн не мог наглядеться на совершенное азиатское тело, её длинные красивые ноги, маленькие ступни, фигурный изгиб талии, узкие плечи и густые черные волосы.

— А водичка прохладная! – Юань оглянулась, заметив, что Дэн стоит на берегу, как вкопанный. – Ты чего? Раздевайся и прыгай в воду!

Пока Дэн снял с себя штаны, сшитые с грубой хлопковой ткани, Юань уже во всю плескалась в воде. Прозрачная вода не скрывала её красивое юное тело, мокрые волосы лежали на спине, не пряча упругую высокую грудь.

— Да! Свежо! – Дэн вынырнул рядом с любимой, протягивая к ней руки.

— У тебя мурашки побежали по всему телу! – Юань подошла к нему вплотную, положив нежные ладошки на его широкие сильные плечи.

— Ты тоже замерзла, – Дэн сжал её крепко в объятьях, поглаживая шершавой рукой по спине.

Их губы сплелись в долгом страстном поцелуе. На фоне восходящего солнца, яркое отражение которого плескалось в соленой морской воде, два силуэта еще несколько минут ласкали друг друга, пока из-за пальмовой рощи не послышался шум приближающихся мужчин.

Это были Антонио Скиапарелли и Джон с Тихой заводи. Они первые ступили на песчаный берег, нарушив идиллию двух влюбленных.

— Ой, простите! Не хотели вас потревожить! – громко крикнул Антонио, давая понять Дэну, что они здесь не одни, и стал к ним спиной, предоставив Юань возможность спрятать свои прелести от посторонних глаз. – Сюда идет вся корабельная команда! Поторопитесь!

— Антонио! Вам что места на всем острове мало? – Дэн был явно не доволен, что им помешали.

— Я же не знал, что вы здесь захотите уединиться! А вам, я посмотрю, и ночи было мало?! – шутил Антонио, вспоминая, как бурно сам провел эту ночь.

— Не поворачивайтесь еще минутку, – Дэн выскочил на берег за футболкой Юань.

— Только минутку! Остальные уже приближаются! – крикнул Джон.

— Не могли помыться возле причала, – пробормотал Дэн себе под нос.

Одевшись на мокрое тело, Дэн и Юань пошли вдоль берега, оставив зеленую лагуну пришедшим искупаться мужчинам. Под ногами лежали мелкие ракушки, круглые камешки и сырой песок. Солнце уже полностью вышло из-за линии горизонта, и круглый желтый диск во всю светился яркими лучами.

— Здесь зелено и красиво! – Дэн обнял Юань и они не спеша, пошли прогуляться.

— Я была здесь в колонии во время засухи. Картина была плачевная, – рассказывала Юань. – Сухой ветер бросал в

глаза песок, поднятый с берегов, все выгорело, потрескавшаяся корка соли напоминала пустыню. Не было дождей несколько затяжных месяцев. В полноводной реке, что за поселением, пересохла вода, кофейные леса и тростниковые рощи засохли. Было страшно и жутко. Это сейчас все зелено и наполнено жизнью.

— Да, — задумался Дэн. — А в дальние рощи тебя тоже уже водили?

— Нет, — покачала головой Юань. — Сегодня пойду в первый раз.

— Может, тебе лучше остаться в поселении и наблюдать за детьми? Я бы не хотел, чтобы тебя что-то напугало на охоте. — Дэн волновался и хотел оградить Юань от любых возможных опасностей.

— А я не оставлю тебя одного, ты же знаешь, и всегда буду рядом! За меня не бойся, ничего меня не напугает, — Юань была уверена в своих словах, ибо была убеждена, что никаких крупных животных на острове не осталось, и бояться в дальних рощах нечего.

Здесь жителям ни разу не довелось встретить ни льва, ни гиену, в округе не водились даже травоядные, все крупные обитали берега (которых и до катастрофы оставалось небольшое количество) погибли. Можно было наблюдать лишь большие скопления птиц, и только.

— Я знаю, довелось убедиться на личном опыте, как ловко ты разделалась с рысью в Зеленом краю! — Дэн вспомнил скорость её реакции и точный сильный удар.

Юань лишь скромно опустила глаза и наслаждалась шумом накатывающихся на берег волн. Их корабль стоял у причала, ветер покачивал собранные паруса, а на мачте сидела белая птица.

— Антонио уже ведет мужчин обратно в поселение. Идеи и мы, — предложила Юань, и повернула в сторону, где за пальмовой рощей виднелись ряды хижин.

Женщины уже приготовили деревянные луки и острые стрелы, и силки, изготовленные ими самостоятельно из мягкой коры, сплетенной в веревку. На одном конце каждой веревки была сделана петелька, и в неё пропускался другой конец (который потом нужно прикрепить либо к дереву, либо к вбитому в землю колышку). Часть женщин вместе с императором Мартином на охоту вовсе не собирались. Они держали в руках небольшие мешки, в которые азиаты собирают зерна кофе.

— Биде и Ницзито остаются смотреть за детьми. Мы же все идем в дальние рощи! – говорила Вики Со. – Юань, наконец-то! Переведи европейцам, пожалуйста...

— **Маргарита!** Я сделал свой первый нож для тебя! – Протянул Сэм свой подарок.

Мужчины Зеленого края под руководством Сэмми Пруд закончили строительство небольшой кузницы. Это было помещение с крепкими каменными стенами, высокая труба тянулась к небу, а в большие широкие двери можно было затащить даже большой метеорит, не разбивая его на части. В небольшой печи плавилась осколки металлосодержащих камней. В результате получалось тестообразное кричное (губчатое) железо с большим содержанием шлаков (примесей). В специально приготовленную форму из глины заливали мягкое железо, а потом сильными ударами молота выдавливали лишние примеси.

— Металлический нож! – обрадовалась пожилая женщина.

— Да! Я даже изготовил гвозди, чтобы скрепить лезвие и деревянную ручку! – Сэм был собой доволен.

— Ну, ты кузнец, Сэмми! Роза будет гордиться тобой, – Маргарита вертела в руках нож.

Это был хороший кухонный нож, его удобно было держать в руке, а главное он был острым. Им можно было легко разрезать мясо на ровные куски и содрать шкуру с козы за считанные минуты.

— Если бы вы знали, как долго я с ним провозился, особенно когда придавал заготовке нужную форму и сечение, а сегодня полдня затачивал его. Но главное, что я сам смог выковать нож! – вытирая пот со лба грязной рукой, говорил Сэм.

— Ой, неужели это настоящий нож?! – подбежали и доярка София, и пекарь Лилия, и Молли со своими кухарками. Все разглядывали металлическую поделку Сэмми.

— Да! – гордо ответил юноша.

— А Иржи где? Он ведь тоже с тобой теперь пропадает целыми днями в кузнице, – София знала, что и её муж скоро закончит свой первый нож.

— Иржи сегодня немного не повезло, он перегрел свой клинок, и тот потерял свою форму, теперь придется еще несколько дней по нему стучать молотом, дабы привести его в надлежащий вид, – ответил Сэм, присев на большой камень.

— Бедняжка Иржи. Он так хотел удивить меня своим мастерством, – София присела напротив Сэма.

— Еще удивит, не печалься! У него все хорошо получается! Вдвоем мы и не только ножи научимся изготавливать! – Сэм строил перспективные планы.

— А что же еще? – стало любопытно Лилии.

— Завтра начну выливать заготовки для ножниц. Иржи мне все уши прожужжал этим чудо-инструментом, состоящим из двух лезвий, скрепленных посередине гвоздиком (хотя видеть ножницы Сэму в жизни еще не приходилось, как и всем, кто был маленьким во время катастрофы или родился уже после неё).

— О! Это будет просто великолепно! Хотя мне для выпекания хлеба не нужны ни ножницы, ни нож, но в хозяйстве ножницы пригодятся! – Лилия невольно вспомнила свое последнее посещение салона красоты, когда парикмахер стриг её тремя видами ножниц. А теперь? Она за 15 лет отрастила длинные косы, и уже не уверена, что захочет с ними расстаться.

— Мы будем стричь наших коз ножницами! – обрадовалась София.

— И не только коз! – засмеялась Молли. – Мужчин наших приведем в порядок, а то ходят заросшие.

— Да, – согласно кивнула Маргарита. – И ножи, и ножницы нам нужны. Потом Сэмми сделает нам лопату, и не одну, а десяток!

— А мне большую сковороду и котелок! – подмигнула Молли Сэму.

— Будет вам и ваш заказ, Молли, но не сразу, – Сэм уже отдохнул от жара кузнецы, и заметил, что и Иржи приближается к ним.

— Иржи! – София побежала на встречу мужу.

Уставший мужчина был весь красный, пот градом стекал с его лба, а указательный палец левой руки был разбит и сильно кровоточил.

— Тяжеленный камень соскочил с рукоятки, и отлетел мне по пальцам, – Иржи приподнял руку вверх, и кровь заструилась по его руке, стекая вниз.

— Иржи! Дай я осматрю рану, – София ужаснулась, увидев голую окровавленную кость, и едва не потеряла сознание...

Маргарита приложила к ране вымытый в ручье лопух гладкой стороной, перевязала разбитый палец чистым куском хлопковой ткани, пока София приходила в себя после напугавшего её вида крови.

— Придется тебе, Сэмми, поискать себе помощника, – скрепя зубами от боли, произнес Иржи.

— Да, я возьму кого-то из желающих, а ты не переживай, Иржи, твой палец заживет, и ты еще всем продемонстрируешь свое мастерство! – приободрил его Сэм...

Февраль 2908 года вошел в историю империи Жизнь, как месяц начала обработки металла. Абсолютно во всех поселениях империи, и больших, и маленьких, выплавляли найденные метеоритные камни, содержащие большое количество железа. Но, на удивление многим торговцам, что часто приезжали с ослами, груженными товарами в соседние поселения, оказалось, что небесное железо во всех поселениях было неодинаковым (то есть состав, внешний вид и свойства отличались).

Метеоритное железо не было чистым, естественно, оно содержало и другие элементы, поэтому разные куски метеоритов (найденные в разных уголках империи) и отличались. Когда в Зеленый край прибыл столичный торговец Бани (брат Фреда), он был весьма впечатлен горячим способомковки Сэмми и его помощников.

— Зачем вы его так сильно нагреваете? Оно же будет хрупким! – Бани вошел в кузню вместе с Маргаритой, которая любезно вызвалась его проводить.

— Куй железо, пока горячо! – Сэм вспомнил слова Иржи. – Бани, я, конечно, понимаю, что вам не терпится меня научить, но у нас и без ваших советов отлично получается. Вот полюбуйтесь!

Сэм показал ему железные заготовки дляковки ножей и ножиц, несколько уже готовых наточенных ножей и широкий плоский клинок (основа лопаты).

— Не плохо, – согласился Бани. – А наши умельцы куют метеоритное железо в холодном состоянии.

— Неужели? – помощник Сэма, вытирая пот, продолжал стоять у раскаленных углей. – Как же можно его холодным то умудриться выковать?

— Этого я не знаю, но когда они впервые нагрели заготовку и стали по ней бить тяжелым молотком (ровный камень, привязанный к деревянной ручке), металл после охлаждения рассыпался на кусочки, – попытался объяснить Бани то, что слышал от столичных кузнецов.

— А я по 10 раз нагреваю заготовку и стучу по ней! Вот смотрите, – Сэмми показал гостю, что их металл вовсе не становится хрупким при нагревании.

— Хм, – у Бани не нашлось подходящих слов.

— Выходит, состав небесного железа разный, – Маргарита, наблюдающая за мужчинами, высказала свое мнение (и была права).

— Логично! – согласился Бани.

— Мы раскаляем металл докрасна, тогда он становится мягким и пластичным, – рассказывал Сэм, отвлекшись от своей работы. – И при помощи молотков и наших усилий он на глазах меняет свою форму. Вот так! – Сэм несколько раз с грохотом ударил по огненному железу.

— Горячая ковка очень трудоемкий процесс, а главное в кузне жарко, как возле извергающегося вулкана. Я весь вспотел, хотя и пальцем не пошевелил. Не завидую я вам, ребята, – вздохнул Бани, вытирая мокрый лоб.

— Жарко! Да! Огонь! – Сэм поместил свой горячий нож в бочку с холодной водой, и металл зашипел, – зато результат меня радует!..

Долго находиться в кузне около плавильной печи было невозможно с непривычки. И Бани не стал мешать тяжелому труду кузнецов, поспешив вернуться с Маргаритой на небольшую площадь, и обменять привезенные ткани на шерсть и глиняную посуду.

Сэм же продолжил работу. Он с утра и до позднего вечера проводил время в кузне, совершенствовал техникуковки, оттачивал своё мастерство, ожидая возвращения матери Розы Пруд. Возможно, лишь ради неё он с головой ушел в это дело, чтобы показать какие у него «золотые руки», что он ничуть не хуже Дэна, своего смелого и отважного брата, который всегда так и крутился возле маминой юбки.

— Я закончил свой 4-ый нож! – радостно закричал Сэм, доставая из воды крепкий и прочный кухонный инструмент.

— Я тоже сегодня закончу свой второй нож, – не так радостно сообщил Марк, который вместо Иржи, помогал Сэму в кузнице.

Марк был мужчиной «докатастрофного» периода, так же как и Иржи ему приходилось в жизни пользоваться и ножницами, и бритвами, ездить на автомобиле весом в тонну (это сколько же на его изготовление нужно металла?!). Вторым помощником Сэма был такой же юноша, как и он сам, сын кухарки Молли – Ник, родившийся уже в поселении Зеленый край. Ему не было и 15 лет, но он уже несколько лет наравне с взрослыми ловил рыбу, плел сети. После того как Роза и Дэн покинули поселение, он носил соль с пещеры, что высоко в горах. А с появлением металла чудом упавшего с небес во время небывалого звездного дождя, Ник заинтересовался кузнечным ремеслом, и после травмы Иржи попросился у Сэма в помощники.

— По-моему и у меня неплохо вышло! – Похвастался и Ник.

— **Дикие рощи африканского острова!**

Император Мартин в окружении прекрасных полураздетых азиаток остановился на мгновение, вдыхая тонкий шоколадно-кофейный аромат спелых кофейных зерен. В воздухе сладко пахло еще и незнакомыми африканскими цветами, зеленый лес шумел, а красные ягоды так и манили «сорви меня!».

— Здесь столько кофе, его теперь точно хватило бы на весь мир! – говорила Май Цу на азиатском языке. Мартин, конечно, её не понял, но продолжал улыбаться, и срывать спелые плоды в свой мешок.

Кофейная роща представляла собой дикорастущие скопления молодых и старых деревьев. Под ногами росли невысокие кустики, проросшие из опавших спелых ягод. На каждом взрослом дереве висели крупные гроздья африканского кофе, каждая ягодка которого под своей мякотью скрывала два желто-серых боба (зерна).

— Это сам император европейцев! Мартин Круус! Кто бы мог подумать, что император собственноручно будет собирать кофе, еще и в диких рощах! – хихикала Май Цу, поглядывая в сторону Мартина, с которым провела эту прошедшую ночь.

Мартин услышал своё имя, звучащее почти одинаково на обоих языках, и догадался, что азиатки говорят о нем, но не подавал виду (да они бы все равно не поняли друг друга).

Оборвав по два деревца, мешки вместимостью примерно в 20 кг были наполнены довольно быстро, и азиатки повели Мартина обратно к берегу, чтобы освободить мешки и вернуться снова продолжать сбор урожая, щедро дарованного природой.

Остальные же азиатки и европейские гости уже полным ходом охотились в густых зеленых дебрях диких лесов южно-западной колонии азиатского царства. Утром они разделились на три бригады по 26 человек в каждой, при чем мужчин было почти вдвое больше чем женщин, и разошлись в разные стороны. Одни пошли вглубь налево, другие сначала около километра шли направо от поселения, а потом и их пути разошлись.

Вики Со вела свою бригаду непроходимыми чащами, то и дело расчищая дорогу острым тесаком – мачете, с которым ей легко удавалось справляться. Антонио Скиапарелли не смог долго наблюдать, как худенькая девушка машет тяжелым оружием, и выхватил его из женских рук, которым, по его мнению, не гоже выполнять мужскую работу.

— Отойди, красотка! Смотри, как настоящий мужчина справиться с этим делом! – сказал Антонио, подмигивая девушке и продолжая вместо неё очищать путь.

Юань, улыбаясь, перевела Вики Со слова Антонио, от чего девушка слегка покраснела. Давно никто не делал ей комплиментов и не выполнял за неё тяжелую работу, давно она не чувствовала себя женщиной, так же давно она и не видела столько мужчин одновременно.

— Юань, у меня к тебе большая просьба, – Вики Со негромко заговорила, стараясь не привлекать внимание остальных. – Ты ведь, насколько я понимаю, теперь жена европейца Дэна?

— А что? – Юань так же тихо переспросила.

— Ты вернешься с ним, со всеми этими людьми в их империю? Возьми и меня с собой! Пожалуйста, – Вики Со совсем тихо добавила, – мы ведь всегда с тобой были подругами.

— Вики Со, я не возражаю. Даже больше, я бы с радостью взяла тебя с собой, – Юань заметила, как изменилось лицо Вики после слов «я бы». – Но сначала я должна повидаться с отцом, все ему рассказать о найденной мной империи. И я обещала привести европейцам металл, а корабль может не выдержать перегруза и потонуть в открытом море. Поэтому я пока не могу тебе ничего пообещать.

— Но может все-таки найдется и для меня местечко?! – чуть не взмолилась Вики Со.

— Возможно, на обратном пути я и заберу тебя. В любом случае, если я буду жива, я не забуду о вас, и непременно постараюсь вам помочь любым способом. А именно тебя заберу с собой, ты ведь мне как сестра! Помни об этом! – Юань обняла девушку, и Вики Со даже пролила слезинку от слов подруги.

— Я буду тебя ждать, – негромко ответила азиатка, хотя на них итак все уже обратили внимание.

Антонио Скиапарелли шел впереди, Юань и Вики Со следом, Дэн не отходил ни на шаг от своей возлюбленной, остальные растянулись позади длинной вереницей. Неожиданно раздался дикий крик сначала громкий, потом он становился все тише и тише. Джон, завершающий цепочку, так и не понял, что же произошло.

В глубокий кратер, как в чашку гигантских размеров, покатился Антонио с острым мачете в руках, громко закричав от неожиданного полета. Вики Со и Юань, отвлеченные от дороги беседой, тоже упали в возникшую на пути яму, и покатались по крутому склону. Дэн не успел схватить Юань

за руку, его кисть сомкнулась в нескольких сантиметрах от отдаляющегося локтя девушки.

— Ю-а-нь! – от этого крика любящего сердца содрогнулось все живое в густых зеленых зарослях.

Дэн остался стоять на краю кратера, земля под его ногами обваливалась и летела вниз, туда где все еще не достигли дна его любимая вместе со своей подругой Вики Со и Антонио Скиапарелли.

— Н-е-е-е-т. Юань! Юань! Только не ты, – сердце Дэна стучало как барабан. – Я спасу тебя. (Вопрос только в том – как? – подумал Дэн).

Антонио, прежде чем выронить тесак, поранил себе бицепсы на правой руке. Серьезная рана очень сильно кровоточила, бардовые пятна оставались на отвесном склоне, а мужчина кубарем катился в самый низ. Девушки, множество раз переворачивались, пока не оказались в пучине немыслимо большой воронки.

— Мой ребенок! – плакала Юань, хватаясь за живот.

Девушка была в синяках и ссадинах, слёзы хлынули ручьем, когда она подняла глаза вверх, где на самом краю котлована стоял Дэн. Она не могла видеть четко его лицо, но она чувствовала его боль от своего же падения и была уверена, что он сейчас жалеет, что не оказался на её месте, в этой глубокой яме.

Вики Со такая же поцарапанная, не знала кого и утешить. Антонио истекал кровью, Юань вся сжалась в комочек от боли и страха за своего не рожденного малыша.

— Юань, тебе сильно больно? – Вики подползла к ней ближе и обняла за худенькие плечи. – Не плачь, я прошу тебя. Только не плачь, или я буду плакать вместе с тобой, – Вики прижалась лицом к её спине и горько заплакала.

Антонио сдерживался, чтобы не закричать от острой боли в предплечье, он сжимал рану второй рукой, а кровь все лилась и лилась, образуя лужицу в земле.

— Давайте все ваши силки. Мы свяжем их в одну веревку и попытаемся спасти наших людей, – предложил Джон с Тихой заводи.

— Держитесь, мы вытащим вас оттуда, – Марио осторожно подошел к краю, прикидывая, сколько метров веревки потребуется для этой цели.

— Боюсь, нам не хватит этих веревок. Если бы мы не брали луки, а только силки. А так...– Дэн заметно волновался, его руки дрожали, и голос срывался.

Азиатки испуганно обступили кратер, что-то говоря на своем языке, но Дэн их даже не слушал, его мысли были с

любимой Юань. Мужчины крепко затягивали веревки, длинна которых была немногим больше метра. В итоге совместными усилиями получилась веревка длиной около 15-ти метров.

— Не уверен, выдержит ли этот шнур вес Антонио Скиапарелли, но девочек, я думаю, мы точно вытащим оттуда, – предположил ткач Марио, привязывая небольшой камень к концу веревки.

— Начинаем! – Дэн бросил камень вниз, и спасательный шнур извилистой змейкой полетел на помощь. – Юань! – громко закричал он в глубину здоровенной чаши, – ты сможешь подняться?

Камень, обвязанный веревкой, остановился в нескольких метрах от пострадавших девушек. У Юань очень сильно болел живот, она боялась встать в полный рост и снова упасть на землю.

— Ну же, Юань будь сильной! – Вики Со слезно её просила. – Давай! Ты сможешь.

— Я низачто не смогу туда взобраться. Это выше моих сил, – Юань подняла голову вверх, и этот котлован показался ей больше чем гигантским.

Вики Со на полусогнутых коленях добралась до камня, тут же развернулась и поспешила на прежнее место. Антонио уже побледнел от потери крови, и сидел с прикрытыми глазами, Юань же обняла колени и, склонив голову на них, всхлипывала.

— Юань! Я тебя прошу, любимая! Только возьми крепко в руки веревку, и мы достанем тебя! Юань! Я люблю тебя! – во все горло заорал Дэн. – Слышишь?

— И я тебя люблю, – Юань смахнула слезу, и сквозь боль потянулась к веревке, протянутой Вики Со.

Шнур натянулся. Сверху его крепко держали мужчины, медленно потягивая на себя, Юань же пыталась подниматься как альпинистка, покоряющая очередную высоту. Шаг за шагом, сжимая зубы от боли во всем теле, девушка преодолевала метр за метром. Как внезапно все задрожало, земля стала осыпаться и лететь с высоты вниз. Донеслись встревоженные писклявые крики азиаток, и Юань в ужасе оглянулась назад.

Чудовищный скорпион посреди кратера высунул свою голову и большущие клешни. Антонио и Вики оказались под завалами земли, и безнадежно пытались хотя бы вдохнуть воздуха, в то время как гигантский жук продолжал выползать наружу.

— Стреляйте! Стреляйте в этого монстра! – скомандовал Дэн азиаткам. – Тянем веревку, мы должны спасти Юань. –

Дэн отчаянно старался, во что бы то ни стало избавить любимую от ужасной смерти в пасти гигантского скорпиона.

— И откуда берутся эти великаны? — Джон от удивления выпучил глаза.

Азиатки оказались меткими стрелками. На своем языке они быстро что-то говорили, четко пуская стрелы в голову скорпиона. Они целились в глаза, которых у появившегося монстра было 6 пар. Два глаза из них помещенные посредине головогруды были большими, а боковые 10 — поменьше.

Юань, позабыв о боли, из всех сил карабкалась вверх, боясь даже оглянуться. Все страхи смешалась, она и думать ни о чем не могла, биение сердца заглушало все мысли и все окружающие звуки.

Дэну казалось, что скорпион преследует его Юань. Он медленно выполз из-под земли, показав все 12 конечностей и длинный хвост размеров в 2 метра. Антонио Скиапарелли и Вики Со, похоже, его не заинтересовали, монстр словно смотрел как Юань поднимается вверх.

— Еще чуть-чуть, любимая! Осталось совсем немного (около 3-ех метров). Не останавливайся! Я тебя прошу! Ты мне нужна! Давай! Давай! — призывал Дэн.

Девушка обессиленная повисла на веревке. Она все еще крепко её держала, боясь выпустить из рук, но больше не могла заставить себя подниматься вверх.

— Прости. Я больше не могу, — задыхаясь, простонала Юань.

— Тянем, — крикну Дэн.

Дэн изо всех сил тащил на себя веревку, пока руки Юань не показались совсем близко. Он оставил веревку на остальных мужчин, а сам поторопился вытащить обессиленную девушку из глубокого кратера, образовавшего, скорее всего после падения одного из метеоритов в ночь звездного дождя.

— Любимая! — Дэн столько нежности вложил в это слово, что зацвел бы и кактус от прилива такого тепла, а Юань лежала неподвижно, закрыв глаза.

Дэн подхватил её на руки, как невесомую пушинку, и понес в сторону, где уложил под развесистым деревом, нащупывая пульс. Тонкие ручки синели от ударов, под носом и от уголка губ застыла темная кровь. Юань дышала. И это было тогда самое главное для Дэна.

Скорпион чрезвычайно настойчиво стремился вылезти из глубокой чаши, острые стрелы одна за другой летели в его голову, укрытую панцирем, как впрочем, и все его тело было

крайне надежно защищено от повреждений. Но он был ранен, с его глаз торчали стрелы, и сочилась темно-голубая жидкость – кровь огромного паукообразного существа.

Камень, обвязанный спасательным шнуром, вновь полетел в глубокий кратер. Антонио Скиапарелли даже не двинулся, не предпринял никаких попыток спастись, его губы лишь слегка пошевелились, но Вики Со так и не смогла разобрать его слов, да она бы его и не поняла. Схватившись за край, как утопающий должно быть хватается за соломинку чтобы выжить, Вики Со стремительно взбиралась наверх по уходящей из-под ног земле. От влажных рук веревка скользила, больно натирая ладони, но Вики не сдавалась, преодолевая метр за метром.

— Ты умница, Вики! Продолжай в том же духе! – подбадривал её Марио, не прекращая ни на минуту тянуть на себя довольно крепкую и надежную веревку, не смотря на то, что она была 14 раз связанна неприхотливыми морскими узлами, вязать которые своих моряков научила азиатка Юань.

Скорпион метался по котловану, пытаясь запрыгнуть на безнадёжные рыхлые стены, почва уходила у него из-под ног, и он беспрестанно буксовал на месте, с какой стороны ни пытался бы выбраться. Стрелы уже закончились, и азиатки больше ничего не могли против него предпринять. Оставалось лишь уйти, скрыться как можно дальше, и больше никогда, под страхом смерти, не ходить в далекие рощи, дабы не встретиться снова лицом к лицу с огромным скорпионом.

— Вики Со! Вики Со! – в один голос заголосили азиатки, когда европеец Марио вытащил её к ним.

— Теперь бы как-то поднять Антонио, – Джон смотрел с высоты на неподвижное тело главы их поселения «Тихая заводь».

— Антонио Скиапарелли! Обвяжись веревкой, мы спасем и тебя, – Джон бросил вниз камень, наблюдая за реакцией раненного мужчины.

Из последних сил Антонио молча повиновался, кое-как обвязавшись одной рукой вокруг пояса, вторая же неподвижно болталась.

— Всё, – еле слышно произнес Антонио Скиапарелли, махнув левой рукой.

Поднимать тяжелого мужчину было гораздо сложнее, чем хрупких азиаток, тем более он совсем не помогал спасти себя. Пришлось волочить его по склону, от чего Антонио негромко вскрикивал, когда его раненная рука

соприкасалась с землей. Скорпион же, обессилев бегать по кругу и прыгать на неприступные стены, залег на дне, лишь изредка подергивая клешнями.

Бригаде Вики Со пришлось вместо добычи, на руках поочередно тянуть в поселение раненных. Лишь Дэн никому не доверил нести Юань, даже когда занемели руки, он продолжал прижимать её к сердцу, слушать её легкое дыхание и благодарить судьбу, что не лишала его счастья быть с ней.

— Я так больше не могу.

Каждое утро, разгребая берег от толстого слоя камней, Бат Цэцэг повторяла про себя эти слова. От рассвета и до заката, разгибаясь лишь для того, чтобы выпить питательный коктейль, приготовленный на речной, мягко говоря, нечистой воде, азиаты очищали землю в надежде в скором времени возделывать поля кукурузы и разводить свиней, как в южной австралийской колонии.

Каждый квадратный метр освобожденной от развалин земли давался с большим трудом и стоил немалых усилий для каждого выжившего человека. Вокруг места скопления азиатов росли высокие кучи камней, словно защитные стены в виде искусственных гор.

Но защищаться им не было от кого. Большинство жителей азиатского царства (но это уже было скорее царство камней, а не людей) погибли поз завалами зданий. А те, кто пытались бежать к воде, сгорали от пожаров, от взрывов и падений огромных метеоритов, многие же умирали голодной смертью, их мучила жажда в последние дни своей жизни. Так и не достигнув реки или моря, они были погребены под завалами рухнувших домов.

— Мы не должны сдаваться, Бат, – сказал Аль Джи как бы невзначай, пронося мимо девушки тяжелый камень, но не упуская возможность взглянуть на упавшую духом азиатку.

Он знал и понимал, что другие берут с неё пример, её мнение было важно для всех, и настрой каждой отдельной азиатки напрямую зависел от расположения духа Бат Цэцэг. Когда она твердо принимала решения, бралась за всё, не оставаясь равнодушной ни к чему, они так же активно и уверенно повторяли за ней. А сейчас? Поникие и молчаливые, подавленные и отстраненные. Каждая замкнулась где-то глубоко в себе, и словно робот неустанно таскала камни.

— Я устала от всего этого, – крикнула Бат, переходя на плач. – Я так больше не могу.

Бат Цэцэг бросила изо всех сил камень рядом, сама же присела и, уткнувшись лицом в колени, заплакала навзрыд. Прекратили работу и все остальные, окружая плачущую Бат, и Аль Джи тоже бросил свой камень, присаживаясь рядом.

— Я тебя понимаю, Бат, – осторожно начал разговор Аль Джи. – Мы все устали не меньше тебя. Но мы должны очистить для себя место на этом каменном материке, служившим нам домом долгие годы, века и тысячелетия. Это наша родина – азиатское царство.

Все с поникшими лицами слушали мудрые речи правителя Аль Джи, оставленного управлять ими самим ханом Жасурбеком. Каждый в глубине души понимал, что он прав – никто вместо них не придет и не наведет у них порядок, не очистит землю от бетонных плит, не построит им новое жилье, не засеет им поле. Надеяться нужно только на самих себя.

— Царство? Руины! – Бат на мгновение подняла голову, и снова заплакала горькими слезами.

— Мы вернем нашему царству прежний вид! Возможно не мы, а наши дети и внуки, – сделал поправку Аль Джи, понимая, что начинать с нуля всегда не легко, а когда прежде чем начать с нуля, нужно еще и расчистить завалы – то это еще тяжелее.

— Он прав, Бат, – слышались слова из многочисленной толпы.

— Не падай духом. Пока мы живы, мы будем бороться, – слова маленького мальчика, который тоже помогал взрослым, заставили Бат встать и вытереть слезы.

— А я и не сдаюсь! Конечно, мы будем работать. Что нам еще остается делать? – громко сказала Бат, и её слова подхватил ветер, разнося по всей округе.

Бат почувствовала себя обязанной быть сильной или, по крайней мере, делать вид, что она не сдается. На неё смотрели тысячи глаз, и от этих взглядов становилось еще более тоскливо на душе, хотелось плакать от жалости к самой себе и таким же людям как она, оказавшимся на грани вымирания. Но Бат сделала над собой усилие, заставила себя гордо поднять голову и не замечать серой разрухи под ногами.

— Скоро вернуться наши корабли с колоний, – продолжил Аль Джи. – Мы встретим их на берегу. Назначим дежурство, и каждое утро отсюда к южному столичному берегу будем отправлять людей.

— Да. На месте порта должен всегда кто-то быть, иначе наши моряки лишь издали, увидев серую пустыню, не станут

причаливать к берегу, и вернуться обратно к плодородным островам, – Бат согласилась со словами Аль Джи.

За последнее время Бат Цэцэг в лучшую сторону изменила свое мнение об этом мужчине. Сначала она почему-то не доверяла ему, даже больше, она видела в нем бессердечного человека любящего властвовать, а теперь он говорил о чувстве долга перед родиной и будущим поколением. Это, с её точки зрения, заслуживало, как минимум, уважения.

Аль Джи, также как и Бат Цэцэг, боялся упустить корабли с грузом. Он этого зависела их дальнейшая жизнь, так как порошок имеет свойство заканчиваться, а под грудами камней ничего не росло.

— К плодородным островам? – одна из азиаток подхватила последние слова Бат. – Может, нам лучше всем перебраться жить на острова?

Это была не бестолковая девчонка, а взрослая 40-ка летняя женщина, чего нельзя было сказать по её стройному худенькому телу и чистому лицу без единой глубокой морщинки. Цзиан Хуан (Река Счастья) заставила всех встrepенуться и обратиться к ней вопросительным взглядом.

— Да-да! Именно! Зачем мучаться и разгребать завалы, если можно дожидаться кораблей, и всех, пусть и не сразу, переправить в колонии, где практически не осталось следов разрушенных городов, только земля, поля, леса, фермы свиней и страусов на территории южного острова, кофейные и тростниковые плантации на юго-западном острове! А? Почему мы до сих пор здесь?

На этот вопрос так сразу затруднялись ответить и Аль Джи, и Бат Цэцэг. Они лишь молча переглянулись с довольно серьезными лицами, а остальные же переваривали информацию шумно.

— Во-первых, наши последние два корабля отплыли 9 января, – попыталась высказать Бат свою точку зрения, подавляя легкие волнения среди масс. – В данный момент нам не на чем отплывать. И даже если оба судна благополучно вернуться к родному берегу, все мы не сможем поместиться пусть даже в 2 корабля. Для того чтобы перевести нас всех, а это 1017 взрослых и 234 ребенка, потребуется минимум 12 раз за нами возвращаться. А если в год наши моряки совершали по 2-3 рейса, тогда на то, чтобы всех перевезти уйдет от 4 до 6 лет. Как будем жить эти 4 года или даже 6 лет, Цзиан Хуан? – Бат Цэцэг даже разозлился немного из-за сказанных ей слов «Зачем мучаться и разгребать завалы?».

— Повторяю, – Аль Джи не мог оставаться безучастным в стороне. – Эта земля и есть наша родина, здесь жили наши отцы и матери, здесь должны жить и наши дети.

— Но не легче ли нашим детям будет там, где есть пища, а не здесь среди камней? – Цзиан Хуан настаивала на своём.

— А ты уверенна, что в колониях по-прежнему есть пища? Может, там такая же ситуация после метеоритного дождя, как и у нас? – Бат Цэцэг лишь предположила, а в глубине души она не переставала верить, что благодаря поставкам с островов, они смогут пережить это нелегкое время.

— Нам остается только ждать возвращения кораблей! Нет смысла гадать, в каком состоянии острова, лучше там или также как и у нас. Всему свое время, а сейчас возвращаемся к работе! Мы должны очистить землю под кукурузное поле! – громким повелевающим тоном обратился Аль Джи к женщинам.

— И все же я покину эти каменные пустыни на первом же суде, а вы, если хотите, оставайтесь разгребать завалы, – спокойно ответила Цзиан Хуан, поднимая брошенный ею камень. – Я тоже устала от всего этого. Это не жизнь, а сплошная каторга.

Волей-неволей, а среди азиаток назревал бунт. Многие поддерживали Цзиан Хуан, нежелающую остаток жизни таскать тяжелые камни в изношенной одежде и в полуголодном состоянии. Бат, конечно, её ни в чем не осуждала, она и сама бы с радостью все бросила. Да только как?

— Это тяжело, Цзиан Хуан, но мы ведь стараемся для своего же блага, – Аль Джи остановил недовольную женщину. – Рано или поздно, на месте этих камней будут зеленеть растения. И это будет совсем скоро, я даже надеюсь, что еще в этом году, вот увидишь. – Аль Джи был как никогда искренен, честен, и в его усталых глазах теплились лучики надежды.

Цзиан Хуан, словно почувствовала в его голосе веру в сказанное. Аль Джи будто обладал даром переубеждения, и встревоженная азиатка, с удивлением для самой себя, немного успокоилась. Она больше не стала спорить и мутить сознания народа своими противоречивыми высказываниями, которые, кстати, многие поддержали бы.

— Хорошо, Аль Джи, если так и будет! Мы все будем рады, если азиатское царство возродиться. – Цзиан Хуан попыталась изобразить улыбку на лице, но её глаза по-прежнему оставались грустными.

— Все, девочки и мальчики, отдохнули, а теперь принимаемся за работу, обеденное время еще не пришло и нужно потрудиться для нашей же с вами пользы, – Бат Цэцэг прогнала навязчивые мысли и старалась больше не думать о том, как ей все это уже надоело.

И все вновь принялись таскать камни, и Цзиан Хуан, и Аль Джи, и Бат Цэцэг, и даже спасенные из-под завала дети. Небольшой разрушенный город был похож на муравейник, в котором каждый трудился, не покладая рук. Черная земля, виднеющаяся под серой пылью, была самым дорогим вознаграждением за их тяжелый труд.

Вечером, когда все уже улаживались спать, кто в полуразрушенном доме, кто прямо под открытым небом, Бат Цэцэг сидела на большой бетонной плите, наблюдая за звездами и хвостатыми кометами, а Аль Джи тем временем издала любовался самой Бат Цэцэг. Сил у обоих оставалось лишь на то, что бы только смотреть, все тело болело после постоянных работ по очистке земли.

— Ты поправишься!

Дэн уже сутки просидел у постели Юань. Его глаза были опечаленными, как у бездомного щенка, который остался один посреди незнакомой улицы. Красные сосудики мелкой сеткой обволокли глазное яблоко, две морщинки так и застыли на переносице, он потерял аппетит и, словно за один лишь день, повзрослел, возмужал и больше не походил на того прежнего юношу, которого ничего ни пугало. Теперь он как никогда боялся этого ужасного слова «смерть», парящего в воздухе над неподвижным телом его любимой девушки, которая, потеряв ребенка, и сама находилась в тяжелом состоянии.

Юань с ним не говорила. Она ни с кем не хотела говорить, даже со своей лучшей подругой Вики Со, которая пыталась её скорее вылечить и поставить на ноги.

— Юань, милая, открой глаза, – Дэн держал её за горячую руку.

— Пора принимать лекарство, – Вики Со говорила на азиатском языке, но смысл её слов был понятен.

Такая же поцарапанная, в синяках, но уверено держащаяся на ногах, Вики Со принесла с собой чашку воды и кусок коры (не листочки, не цветочки, ни корешки, а именно кусок коры).

— Это лекарство? – Дэн показал пальцем на принесенную азиаткой кору. – Ты хочешь заставить Юань грызть кору? – Дэн очень жалел, что не может говорить с ней на равных.

— Внутренняя кора муравьиного дерева, – Вики Со маленькими пальчиками легко разделяла её на тонкие ворсинки. – Это снизит болевые ощущения и поднимет иммунитет, а главное убьет вирусы, бактерии, и снимет воспаление после выкидыша, – девушка знала, что Дэн не поймет, но Юань то её слышит, только разговаривать почему-то ни с кем не желает.

— Я не хочу ничего, – еле слышно произнесла Юань. – Оставьте меня в покое, – она поджала ноги, и лежала на боку, свернувшись калачиком.

— Дэн, оставь нас наедине, – Вики Со встала во весь рост в невысокой и маленькой деревянной хижине с тростниковой крышей, и указала рукой на дверь. – Пожалуйста!

— Я итак вас не понимаю... (но азиатка явно настаивала, и Дэн повиновался).

Дэн не хотел уходить, но все-таки вышел из хижины, позволив Вики Со посекретничать с его возлюбленной, которая была в подавленном состоянии, и даже могла умереть от лихорадки.

— Юань. Прекрати так себя вести! Ты же не маленькая. – голос Вики Со звучал серьезно.

Присев на краешек деревянной кровати, мягкой и пахнувшей свежей травой, Вики Со попыталась развернуть Юань на спину.

— Я понимаю, тебе нелегко сейчас. Но поскольку эмбрион вышел из тебя, то и кровотечение, и боль скоро должны прекратиться. Но ты должна хорошо питаться и пить все, что я тебе даю. Юань? Как ты себя чувствуешь? Ну не молчи же! – Вики Со встряхнула её за плечи.

— Я так хотела этого ребенка! – Юань открыла глаза, и с них сразу хлынули слезы. – Ну почему...

— Ты не первая женщина, оказавшаяся в подобной ситуации. Нани Ци дважды пришлось пройти через это. Ей тоже было тяжело справиться с чувством разочарования и жалости, но она уже сейчас растит двух чудесных малышей... (Вики Со запнулась, замечая, что Юань еще громче плачет, не просто плачет, а кричит, хватаясь за живот).

— Уйди! Я хочу побыть одна! – сквозь слезы, всхлипывая, простонала девушка.

— Я не уйду, пока ты при мне не проглотить лекарство, – настойчиво заявила Вики Со. – Вот, это измельченный внутренний слой коры муравьиного дерева, – Вики Со протянула ладонь с сухими волокнами серого цвета. – Запей их водой!

— Мне плохо, Вики Со, – Юань ровно легла на спину, скрестив руки на животе. – Я умираю.

— Нет. Ты не умрешь. Верь в это! – закричала азиатка. – Если ты не будешь верить в свое выздоровление, ты точно не выздоровеешь в скором времени. – Открывай рот и пей лекарство.

— Вики Со! – Юань снова заплакала.

— Привстань, – Вики Со смягчилась в голосе. – Вот так, – Юань послушалась.

— Ты считаешь, это мне поможет? – вытирая слезы, говорила Юань.

— Непременно поможет! Вот увидишь, уже через две недели ты забудешь о боли и кровотечении. Давай, не упрямайся, слушай, что я тебе говорю.

Юань за несколько раз проглотила лекарственную кору, измельченную её подругой, и, успокоившись, вновь прилегла. Слезы высохли, оставив глаза мутными и покрасневшими, лицо было бледным, а роскошные черные волосы как всегда блестели, излучая здоровый вид.

— Спасибо тебе, Вики Со. Ты и сама, наверное, неважнецки себя чувствуешь – иди, отдыхай, – медленно проговорила Юань, закрывая глаза.

— Со мной все в порядке, – Вики Со вздрогнула. – Это я во всем виновата.

— Успокойся, никто ни в чем не виноват...– Юань даже в мыслях не думала кого-то обвинять, тем более свою подругу, которая тоже оказалась с ней в одной яме с огромным скорпионом.

— Если бы я прочищала путь от зарослей, не позволив Антонио Скиапарелли выхватить у меня мачете, мы бы не свалились в тот огромный кратер. Этого бы не произошло, – Вики Со сжала горячую руку Юань. – Ты потеряла ребенка из-за меня.

— Не вини себя, не надо. А как, кстати, рука Антонио? Я совсем забыла о нем, – все также еле слышно и медленно говорила Юань, закрыв глаза.

— У него глубокая рана. Роза Пруд обмыла его руку, посыпала своими травками и перевязала. Она сама им занимается, меня к нему почему-то не подпускает. Мы говорим на разных языках, и я её не понимаю, – девушка пожала плечами. – По-моему он очень слаб из-за потери крови.

— Бедный Антонио Скиапарелли. Ему понравилось здесь, он даже рискнул попробовать ваших гусениц с дерева мопани, и ты ему понравилась. Ты заметила? – Юань, сгорая

от высокой температуры и сосредоточившись лишь на себе, только вспомнила о серьезном ранении Антонио.

— Да, — Вики Со не стала вдаваться в подробности и вспоминать их первую ночь. Ей даже хотелось, чтобы та ночь не осталась их первой и последней ночью проведенной вдвоем.

— А где Дэн? Он очень расстроен? — Юань приоткрыла глаза.

— Он не отходил от тебя целые сутки. Это я попросила его оставить нас наедине, я подумала, что ты не хочешь при нем обсуждать женские дела.

— Позови его!..

Юань видела его переживание, его страх, и понимала, как же сильно Дэн любит её, и сердце снова сжималось от боли, от жалости к самой себе, к её любимому, и к невиновному малышу. В памяти всплывал образ Дэна в тот момент, когда она с самого дна глубокой ямы смотрела на него. Она пыталась угадать тогда его мысли, хватаясь за живот и понимая, что их малыша уже ничего не спасет. И сейчас он снова смотрит на неё своими бездонными глазами, он — такой близкий, любимый, тот, кого она меньше всего хотела бы расстроить.

— Юань! — как всегда нежный и приятный мужской голос ласкал слух.

Дэн прилег с ней рядом. Прохладной тряпочкой, смоченной в чистой родниковой воде, он заботливо протер её лоб, убрав длинные черные пряди волос.

— Тебе стало лучше? — в ответ Юань лишь кивнула.

Он гладил её по щеке тыльной стороной пальцев, ощущая все еще горячую кожу. Приблизившись ближе, Дэн смочил её сухие потрескавшиеся губы нежным легким поцелуем.

— Прости меня за все, Дэн, — наконец-то произнесла Юань.

— Мне не за что тебя прощать, любимая. Я благодарю судьбу, что ты осталась жива, что ты со мной и я могу видеть тебя, слышать твой голос, дышать с тобой одним воздухом. Ты для меня — это всё! Без тебя моя жизнь опустела бы.

От таких слов, наверное, любая девушка почувствовала бы себя королевой. И Юань (истинная принцесса — хатун азиатского царства) едва сдержалась, чтобы снова не заплакать. Но на этот раз не от боли и печали, а от нахлынувшего романтизма.

— О! Дэн! Любимый! — Юань ласковым взглядом смотрела в его глаза.

— Ты поправишься, грусть утихнет, ведь время лучший лекарь, и у нас еще будут дети.

Дэн не знал отцовской ласки, у него было трудное детство (детство времен катастрофы) и, возможно, поэтому ему хотелось иметь своих детей, чтобы дать им все то, чего не хватало ему самому – отцовского внимания, заботы и любви.

— Надеюсь, – Юань все еще было тяжело говорить.

— Вики Со тебя вылечит! На том муравьином дереве, кору которого она для тебя принесла, даже грибы не растут, это значит, оно и вправду эффективно убивает все вирусы и инфекции, – приободрил ее Дэн.

— Хорошо! Вот только наше путешествие затянется как минимум на 2 недели, – сказала Юань, не договаривая о том, что боится умереть, так и не выздоровев...

За стенами хижины еще долго шумели. Кто-то ел жареных гусениц, а кто-то оmlет из найденных в лесных гнездах яиц. Все еще живо обсуждали четырехметрового скорпиона, но, похоже, европейцы даже не огорчались, что им еще придется на некоторое время задержаться на острове с симпатичными азиатками.

Даже Антонио Скиапарелли улыбнулся, когда Вики Со пришла его проведать перед тем, как ложиться спать. Не спалось только Юань, она почти сутки провела в полузабытьи и теперь раздумывала обо всем, что случилось. Дэн же негромко похрапывал на ухо, положив свою руку на плечо Юань.

— Теперь этот остров точно не останется незамеченным! – Лео стоял на самой вершине горы, установив флаг сделанный из сухой ветки баобаба и найденной яркой кофточки одной из азиаток, погибших от зубов монстра.

Флаг развивался на ветру, приковывая внимание птиц каменного острова, но его основная цель была – привлечь внимание какого-нибудь судна, проплывающего мимо.

С высоты хорошо было видно и пляж с все еще лежащим на горячих камнях разлагающимся пещерным монстром. Зеленые бескрайние воды, со всех сторон накатывались на скалистые берега живописного уголка живой природы, спрятанной за высокими утесами. Запах мертвого кровожадного существа притянул к себе множество альбатросов, не брезгующих полакомиться падалью. В первый день их было не так много, а вот уже несколько дней как странствующие альбатросы, преимущественно ведущий одиночную жизнь, собрались в большую стаю и облепили всего гиганта.

— Лео, спускайся! – послышался отдаленный голос девушки Синь.

— Я установил флаг! – закричал ей в ответ Лео во все горло, так громко, что птицы на время перестали клевать свою пищу, рассматриваясь по сторонам.

Азиатка Синь, как и другие, была приятно удивлена красочным озером, обрамленным высокими скалами. Райский уголок украсил их серые будни, превратив их несчастье в своеобразный отдых от всех проблем. Не нужно было никуда спешить, ни разгребать завалы азиатского царства, ни поднимать и опускать паруса шершавыми мозолистыми руками. Можно было просто жить и радоваться каждому восходу солнца, каждому закату, каждому прожитому дню среди водяных лилий и стаи розовых фламинго, разгуливающих по мелководью в поисках небольших ракообразных, моллюсков и водорослей прекрасного внутреннего озера.

— Жасурбек хочет с тобой поговорить. Спускайся!

— Я скоро буду внизу, можешь идти, – ответил Лео, начиная обратный путь.

Подниматься вверх было легче. Лео выбрал самое удобное, на свой взгляд, место для подъёма. Скала больше напоминала ступенчатую пирамиду, отчего Лео довольно легко вскарабкался на самый верх. А вот обратный путь занял гораздо больше времени, и потребовалось прилагать больше усилий, чтобы случайно не оступиться и не разбиться об острые скалы.

Удачно, как прирожденный скалолаз, Лео преодолел последнюю высокую отвесную ступень и, прыгнув на каменистый берег, направился в прохладную пещеру, где прятались от полуденной жары его «компаньоны по несчастью».

Это была не та пещера, с которой выполз кровожадный монстр, потопивший их корабль, а небольшое прохладное углубление с высоким потолком, точнее расщелиной, где прятались раньше летучие мыши (крыланы) до того, как эту пещерку не облюбовали хан Жасурбек и лаборант Лео с пятью азиатками из корабельной команды. Крыланам же пришлось найти себе более укромное место.

Лео бесшумно ступал босыми ногами по горячим от солнца камням. Шум водопада, стекающего по каменным откосам, расслаблял, а радуга, стоящая дугой и вовсе приподнимала настроение. А вот приятный запах белых крупных цветов толстого баобаба, чудом растущего на каменистом берегу, не просто исчез, а удивительно изменился в худшую сторону.

Почти все цветы завяли, и рядом с деревом невозможно было находиться из-за отвратительного гнилого запаха. Лео поспешил скрыться в прохладном каменном укрытии, где его уже жаждали.

— И что это вам не спиться в столь жаркое полуденное время? – голос Лео эхом прокатился по пещере. – Я уже установил флаг! – гордо заявил он, присаживаясь на подстилку из сухих листьев единственного дерева на их острове.

— Мы уже знаем, Синь нам рассказала о твоём героическом поступке. Ты все правильно сделал, – говорил хан Жасурбек с серьезным выражением лица, будто он все еще находится в своем кабинете в столице азиатского царства и принимает надоедливых посетителей.

— Конечно, правильно! А что у вас с лицами? – удивился Лео, заметив, что женщины непривычно молчаливы. – Что-то случилось?

— Именно по этому поводу я и попросил Синь разыскать тебя, – загадочно ответил Жасурбек.

Он, также как и все сидел на прохладном полу, укрытом слоем опавших от жары баобабовых огромных листьев. Его черный представительный костюм был измят, на босых ногах прорисовывались зелеными линиями вены, ногти были слишком длинные (как и у всех из-за отсутствия ножниц), а небритая щетина на лице белела, как и волосы на висках.

— Мы с капитаном Дай сегодня прогуливались по лабиринтам огромной пещеры за водопадом, – начал свой рассказ уставший старик, каким уже и являлся хан азиатского царства.

— Зачем вы туда поднимались? – Лео спросил не подумав. И уже сразу догадался, что скорее всего Жасурбек решил уединиться с Дай именно для того, чтобы их никто и не потревожил. А пещера за водопадом была для этого идеальным местом.

— Захотелось рассмотреть вторую часть пещеры, – продолжил хан, не реагируя на косые взгляды четырех азиаток. Капитанша Дай же сидела с отрешенным видом, явно летая где-то в облаках. – Так вот в той стороне мы и обнаружили полуметровых личинок, – все кроме Дай внимательно слушали. – Я не особый знаток в этих делах, Лео, но мне кажется, эти маленькие существа и есть потомство того огромного монстра.

— Вы их уничтожили? – опять Лео перебил хана, желающего еще что-то им поведать.

— Я думаю, троих мы точно ликвидировали. Они неподвижно висели на стенах, похожие на головастиков с большим мешком на спине. Наверное, они только недавно выключнулись из икринки, а мешок на спине это их запас еды. Мы с Дай забили их камнями, пока липкая жидкость не растеклась по полу, — Жасурбек тяжело вздохнул, — но если их в пещере много, и все эти растущие существа проголодаются, а, как известно, все мальки прожорливы, то нам снова угрожает опасность быть съеденными на завтрак потомством пещерного монстра.

— Значит, тот гигант, что на нас набросился, был самцом, охраняющим свое гнездо, — предположил Лео. — Следовательно, где-то есть и самка.

— Может, это и была самка? Почему ты решил, что это был непременно самец, — спросил Жасурбек.

— Потому что самки не охраняют свою икру, — уверенно заявил Лео. — А самец, оплодотворяя икру, остается ждать, пока не выведутся личинки.

— Но где же тогда самка этого чудовища? — Синь стало страшно. — А если она вернется?

— Не исключено, что самка, действительно вернется. И мы должны принять меры, заблокировав вход в ту пещеру. Иначе во время очередного прилива у нас появятся незваные гости, — Лео встал. — Идемте все в пещеру, разберемся с личинками и перекроем ход камнями.

Азиатки не хотя встали и последовали за отважным Лео. Опять пришлось идти по раскаленным камням, вдыхая неприятный запах вялых цветов баобаба. Брызги текущей по камням воды освежали, и совсем скоро, преодолев невысокий подъем, семеро спасшихся азиатов втягивали всей грудью прохладный пещерный воздух.

— Ведите, хан Жасурбек, — Лео остановился, прислушиваясь к тишине.

Никаких подозрительных звуков в пещере не было слышно, лишь монотонные постукивания падающих с потолка капель холодной воды.

— Берите в руки камни, — скомандовал хан Жасурбек. — За мной.

В полумраке мало освещаемой части пещеры на полу остались слизистые комки мертвых личинок, а немного дальше были сотни полуметровых маленьких чудовищ.

— Мы уничтожим их всех до единой личинки! Приступаем! Пока они не представляют никакой угрозы, — Лео пошел следом за Жасурбеком, а девушки за ними.

Это было неприятное занятие. Слизистые личинки шевелились, изворачивались, хорошо, что хоть не издавали никаких звуков. Уже через полчаса в пещере не осталось ни одного потомка монстра. Все личинки превратились в желе, источая неприятный запах несвежей рыбы.

— Теперь заложим вход в пещеру, – Лео уже подхватил камень, один из тех, что осыпались с потолка во время их первого визита в пещеру.

Ближе к входу ужасно пахло, альбатросы еще не доели огромного мясистого монстра, и все еще облепляли его зловонное тело. Уже проглядывались его крупные кости, чешуйчатая кожа лежала на камнях, отражая лучи солнца. Девушкам не хотелось выходить на каменистый берег, но поскольку там было много крупных и мелких камней, они все-таки, стараясь не дышать, таскали камешки к входу пещеры.

— А если нам нужно будет выйти на берег? – Дай сложила руки в боки, прячась от солнца в тени пещеры, где уже росла каменная преграда из множества камней. – Если за нами придет корабль?

— Мы всегда сможем разобрать завал, Дай! – улыбнулся Лео. – Это ведь не азиатское царство, усыпанное камнями местами на десятки метров.

— Ну, тогда, пора возвращаться в пещеру, и закладывать вход изнутри, – скомандовала капитанша.

Всемером они справились с поставленной целью, и вход был заблокирован. И даже если он и светился местами, огромный монстр точно в пещеру бы не попал. Личинок абсолютно всех убили, и больше некого было бояться. Оставалось лишь наслаждаться жизнью на скалистых берегах живописного озера, и наблюдать с вершины скалы за океаном в ожидании проходящего поблизости судна.

— **Кофе** для азиатского царства доставлен на борт!

— Вы хорошо потрудились, девочки! – Вики Со с довольной улыбкой поблагодарила своих тружениц, которые старались не только прокормить себя, но и помочь родине, оказавшейся в незавидном положении. – Пусть наши сестры тоже наслаждаются чашечкой горячего кофе после утомительных работ по уборке территорий!

Азиатки согласно кивали, понимая, как тяжело стало жить в азиатском царстве после катастрофы 2892 года. Самим приходилось целыми днями гнуть спину, а результата все не было и не было. И не смотря на то, что Юань не привезла им ожидаемого порошка, они не могли не погрузить на корабль

кофе, которое помогали собирать и европейцы тоже. Они его и обжаривали, и помогали выпаривать сок тростниковых стеблей для получения сахара, наравне с азиатками и охотились, а главное скрасили своим присутствием скучные будни южной колонии. А обходиться без питательного порошка девушки и двое их «султанов» итак научились, введя в свой рацион неаппетитных, но калорийных гусениц, которых было несчитанное количество. А вот птиц азиаты жалели, боясь однажды остаться без яиц и дичи, поэтому охотой не злоупотребляли.

Пока Юань отлеживалась после выкидыша, Вики Со всю занималась подготовкой её судна к отплытию. Кроме кофе и сахара на корабль погрузили и спелые кокосы, которыми тоже можно было утолить голод за не имением ничего лучшего. Для европейцев уже солилось птичье мясо, пусть и не в большом количестве, но все же азиатки были добры к Юань и европейским гостям.

— Если бы не тот огромный скорпион в глубочайшей яме, я бы, может быть, даже остался здесь жить! – в приподнятом настроении поделился мыслям Антонио Скиапарелли.

— Его рука все так же болела, но вид у него был уже нормальный. Вики Со так вокруг него и вилась. Роза Пруд больше не запрещала им вечерних посиделок, как в первые дни, когда они оба так ужасно выглядели, словно после автокатастрофы.

— Так нора скорпиона в нескольких километрах от поселения, Антонио! – Фред подмигнул ему. – Можешь оставаться, если азиатская красotka Вики Со по-настоящему пленила твоё сердце!

Сидящие в большом кругу европейцы засмеялись, Антонио ничего ответил, а, допив свой кофе, напрямик направился к хижине, где все еще лежала Юань. Вики Со поспешила за ним.

— Видали? Любовь! – Фред посмотрел вслед удаляющейся паре.

— А что тут удивительного? Тут такие милые симпатяшки! – улыбнулся Джон, обводя глазами всех азиаток. – Если Антонио Скиапарелли все-таки останется на острове, я составлю ему компанию! А вы?

— Джон, если ты забыл, я напому тебе цель нашего путешествия – визит в азиатское царство. Нам нужен металл! И сильные мужские руки для его транспортировки на судно, или и вовсе нам нужно будет доставать его из-под завалов. Поэтому никаких «а вы?», – вмешался в разговор

император Мартин. – Мы все отправимся к нашей конечной цели.

— Мартин, я вас, конечно, глубоко уважаю, но если я решу здесь остаться, то никто меня не заставит изменить своего решения. А вы можете к вашей конечной цели отправиться и без нас с Антонио, – Джон не стал дожидаться ответа императора, и сразу же пошел в сторону хижины Юань.

— Похоже, этих двоих зачаровали, – Мартин больше ничего и не успел добавить, как и Джон скрылся в зарослях, за которыми и располагались хижины.

— Да, пусть остаются, если им так хочется, может, на обратном пути мы их и заберем, – Роза Пруд повернулась в сторону, где сидел император Мартин. – Ну не заставляй же их? Тем более с Антонио Скиапарелли сейчас рабочий никакой, пусть выздоравливает здесь, Вики Со позаботится о нем.

— А если все возьмут с них пример и захотят остаться? Ты погляди, европейские женщины им уже надоели, разнообразия им захотелось, азиаток им подавай! – возмущению Мартина не было предела.

— Не кипятись, император Мартин. Все мы люди! – ткач Марио с Тихой заводил тоже был на стороне Антонио и Джона, надумавших остаться. – Они еще назад проситься будут, как сезон засухи начнется.

— Надеюсь, больше никто не желает остаться на острове? – Мартин встал, ожидая ответа.

Желающих составить компанию Антонио и Джону, к радости императора, больше не нашлось. Азиатские женщины с удивлением наблюдали возникшие разногласия среди европейцев, но без переводчицы Юань так и не поняли, из-за чего был весь сыр-бор.

Юань же, в то время как все уже поужинали и отдыхали перед сном на поляне вокруг тлеющего костра, находилась в хижине в обществе Дэна, Вики Со и Антонио, а вскоре и Джон к ним присоединился. Попросив прощения за возможное причиненное беспокойство, они присели у постели Юань, желая побеседовать с ней о своем желании остаться в колонии. Девушка была удивлена, что с подобными вопросами они обращаются именно к ней.

— Мы, а я говорю от лица колониального поселения, будем только рады, если Антонио и Джон останутся с нами, – говорила Вики Со, обращаясь к Юань. – Ты же знаешь, как мужчины нам нужны! (Юань приходилось переводить, чтобы все понимали, о чем идет речь.)

— Я не возражаю, — ответила Юань дважды, для подруги и европейских мужчин. — Но император Мартин, возможно, считает по-другому. Я то здесь только капитан корабля и переводчик, а решения вместо императора я не вправе принимать. Поэтому и не понимаю, почему вы пришли просить меня.

— Юань, я пришел не для того, чтобы просить у тебя разрешения остаться. Скорее лишь поставить в известность, — ответил Антонио Скиапарелли. — Но и просьба у меня тоже есть, причем именно к тебе, а не к императору Мартину.

— Я тебя внимательно слушаю, Антонио, — Юань даже не догадывалась, о чем он попросит.

— Этот чудесный остров с такими необыкновенными азиатками замечателен! — Антонио очень выразительно и восхищенно говорил, поглядывая то на одну, то на вторую девушку. — Возможно, в засушливый период здесь и не так здорово, но я готов взглянуть в глаза всем трудностям и невзгодам, если Вики Со согласится стать, как бы это сказать, моей спутницей что ли?

— Вики Со! — Юань заговорила на родном языке. — Согласна ли ты, стать спутницей европейца Антонио Скиапарелли?

— Я?! — Вики Со засветилась от счастья, и бросилась с объятиями на шею Антонио. — Да! Я согласна!

— Тогда, Антонио остается ради тебя на острове, — продолжила Юань.

Антонио и без перевода понял, что Вики Со не откажет ему (он на это и рассчитывал), но когда его избранница немного отстранилась от него и серьезно заговорила с Юань на непонятном языке, он заволновался.

— Ты помнишь, я просила тебя забрать меня с собой?

— Ты передумала?

— Нет. Я все еще хочу с вами в империю Жизнь. Вы ведь заберете нас, когда будете возвращаться с азиатского царства в зеленую империю?

Юань сначала перевела вопрос Вики Со, после чего Антонио согласно кивнул и обнял свою азиатку за плечи. А Джон ответил, что готов остаться на острове навсегда, и его никто не отговаривал.

— Тогда по обратному пути мы вас заберем! Если договоримся с императором Мартином. Милый, может, ты обсудишь с ним этот вопрос? — теплая ладошка Юань накрыла сильную руку Дэна, она нежно заглянула в его глаза, и юноша, конечно, не мог отказать.

— Я скоро вернусь, — с этими словами Дэн вышел из хижины.

Джон, пожелав спокойной ночи, оставил Юань с влюбленной парочкой и поспешил в костру, где все еще шумели азиатские красавицы и европейцы.

— Тут вот еще какое дело, Юань, — заговорил Антонио уже серьезным тоном. — Тот огромный скорпион не выходит у меня из головы. Почему на острове нет огнестрельного оружия? Взрывчатки?

— Нет, потому что никто не привез. Надобности не было. А для чего было просто так вести ненужный груз? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Но у вас ведь есть оружие, правильно? — Антонио клонил к тому, что надо все-таки привезти на остров оружие, скорпиона хотя бы убить, чтоб не пугал больше никого из жителей.

— Да, — ответила Юань, — у нас в азиатском царстве есть склады и оружия, и посуды, и детских игрушек и всякой дребедени, которую уже никто не выпускает, так как заводы рухнули. В рабочем состоянии остался только металлургический завод. Оружие у нас есть, но мы им не пользуемся.

— И зря, Юань, зря. Того скорпиона голыми руками не возьмешь. Оружие бы пригодилось.

Вики Со успевала только поворачивать голову, наблюдая за подругой и европейцем, пробудившим в ней страстную тигрицу. Но пока Юань не перевела, она бы низачто не догадалась, о чем они говорят.

— Так скорпион же никому вреда не причинил. Он, несомненно, огромный, но возможно это травоядный монстрик, или он питается целыми деревьями?! — предположила Вики Со.

— Все возможно в этом мире, особенно после радиационных последствий катастрофы 2892 года. Я раньше и сама не догадывалась, что есть такие гиганты. А они все-таки есть. И не только на суше, но и в океане, а это еще страшнее, чем столкнуться с чудовищем на земле. Потому что морские монстры топят корабли, разрушая и убивая моряков.

— О чем вы говорите? — Антонио Скиапарелли надоело слушать непонятные речи.

Еще во возвращения Дэна, Юань успела и Антонио перевести, о чем они говорили, и рассказать Вики Со о подробностях своей встречи с океанским чудовищем, погубившим её команду и разрушившим корабль.

— Но оружие все-таки нужно привести на остров, Юань, — Антонио настаивал на своем предложении.

— Мартин решил завтра на рассвете отчаливать от берега, Юань, — недовольный Дэн вошел в хижину. — Он боится, что половина команды в итоге останется здесь. А ему нужен металл, электричество, острые лезвия для бритвы и т.д. Он не намерен больше ждать ни единого дня. Его даже не волнует, что ты еще не совсем окрепла. Мы с Розой не смогли на него повлиять.

— А если я откажусь подняться на борт? Он заставит меня затаскать против моей воли?

Дэн заметно нервничал. Даже в полумраке тлеющей лучины можно было разглядеть его возмущение от решения императора. Антонио Скиапарелли и Вики Со решили оставить Юань и Дэна одних, и, попрощавшись, бесшумно удалились восвояси.

— Он поручил мне доставить тебя на корабль с первыми лучами солнца.

Присев рядом с любимой девушкой, Дэн долго смотрел в её глаза. Юань молчала, а потом, не стесняясь, рассматривала его сильное накачанное тело в красноватом освещении. Дэн никак не решался её поцеловать, боясь не устоять перед чарующей азиатской внешностью.

— Ну, хорошо. Если ваш император так настойчив, и ему неважно подождать еще несколько дней, как было уговорено, пусть будет по его воле, — не громко произнесла Юань, удобно улаживаясь на мягкой пахучей постели. (На удивление Дэна, девушка слишком легко согласилась.) — В конце концов, быстрее достигнем азиатского царства.

...Первый солнечный луч пронзил густую пелену предрассветного тумана, часто наползающего с моря. Прохладный морской ветер шатал прибрежные пальмовые рощи, а девушки-азиатки уже проснулись, и ни свет, ни заря продолжили погрузку корабля продовольствием. Натаскали бочки свежей родниковой водицы, погрузили соленое птичье мясо, чтобы европейцы не голодали в плавании и остались довольны гостеприимством южно-западной колонии.

Вскоре проснулся император Мартин. Вид у него был заспанный, когда он вышел из временно предоставленной ему хижины. Под глазами мешки, и, похоже, настроение у него было самое скверное за все дни, проведенные на острове. Он торопливо направился к хижине Юань.

— Вы посмотрите, девочки, как торопится. Не уж-то ему здесь так не понравилось? — шептались азиатки у него за спиной. — К Юань направляется.

Предрассветные песни тропических птиц ласково разбудили чутко спавшего Дэна. Юань лежала рядом, беззаботно улыбаясь во сне. Нежный поцелуй влажных губ заставил её привстать и ответить поцелуем на такое приятное пробуждение.

И когда, прежде чем войти, постучал Мартин, Юань уже была одета в свои черные штанишки и бежевую кофточку, подаренную ей Вики Со. Она стояла посреди хижины, заплетая длинные волосы в хвостик.

— Доброе утро! – Мартин улыбнулся.

— Доброе утро, – ответили Дэн и Юань.

— Прошу прощения, если потревожил. Я вижу, вы уже готовитесь к отплытию.

(Юань заметила, что император нервничает и, скорее всего, провел полночи в размышлениях).

— Я лишь хотел убедиться, что Юань хорошо себя чувствует, – продолжил Мартин после короткой паузы. – Ты готова сегодня же покинуть берег?

— Но, вы ведь все уже решили, император, еще вчера поздним вечером, и не спрашивая «готова ли я?», – Юань гордо сложила руки в боки и подняла волевой подбородок.

— Я считаю нам нужно как можно скорее покинуть остров. Мы итак здесь задержались.

— Пусть будет по-вашему. Я уже могу продолжить путь, за меня можете не переживать, – ответила Юань. (Но спешка императора была ей не по душе).

— Антонио и Джон остаются на острове? – Дэн смотрел прямо в глаза Мартину.

— Пусть остаются. Но пока остальные не последовали их примеру, мы должны продолжить своё путешествие. Жду вас на поляне. Пьем кофе, и в дорогу.

Мартин вышел так же быстро, как и появился.

И европейцы, и азиаты в последний раз перед отплытием собрались вместе. Девушки не скрывали печального настроения, Вики Со даже не удержала слезинку, прощаясь с Юань. Остальные же не хотя расставались с сильными крепкими и смелыми европейскими мужчинами. Спокойно наблюдали, как европейцы поднимаются на борт только Биде и Ницзито. Хотя европейцы вместо них потрудились неплохо: целых 2 недели местным султанам не приходилось перетруждаться жаркими африканскими ночами.

— Всем подняться на борт! – громкие крики донеслись с корабля.

Юань поднялась последней. Каждую и каждого обняла на прощанье, и Джона, и Антонио, и долго не могла расстаться с

Вики Со, пока Дэн не поторопил... Судно отчаливало от пристани.

— Наше судно!

Радостные крики доносились из-за высоких каменных насыпей, окруживших небольшой почти очищенный от завалов городок. Чистая земля у берега реки теперь радовала взоры азиатов. На ней можно было бы выращивать урожай, если бы были семена.

Бригада девушек под руководством Бат Цэцэг занимались реставрацией полуразрушенного пятиэтажного здания, на первом этаже уже относительно ровно были восстановлены стены. Другая часть азиаток работала в складе площадью до 1 тысячи кв. метров, найденном Аль Джи в нескольких километрах от их места стоянки. (Что хранят в себе завалы, пока было неизвестно).

— К нашим берегам приближается корабль! – хрипящим голосом кричала измученная азиатка Лу.

В полинявшей рубашке и штанах она еле волокла от усталости ноги, преодолев немалый путь от южных берегов, где и дежурили, поочередно сменяясь, назначенные правителем Аль Джи женщины.

— Корабль?! – Цзиан Хуан радостно и удивленно повторила долетевшее слово.

— Наши моряки вернулись?! – прокатилась волна.

Бат Цэцэг бросив замазывать щели между камнями, поспешно вытерла руки от раствора бетонной пыли и глины. Её сердце встревожено билось от одной только мысли о возвращении кораблей (или хотя бы одного азиатского судна!).

— Бросаем работу! – скомандовала Бат, направляясь к выходу (дверному проему).

— Наконец-то они возвратись! – Цзиан Хуан не могла сдерживать распирающего её чувства радости.

Лу, преодолев каменные барьеры, подходила к выходящим из дома азиаткам. Их лица сияли довольными улыбками. За считанные минуты они гурьбой обступили Лу со всех сторон.

— На горизонте с юго-восточной стороны еще вчера появился корабль, – тяжело дыша, сообщила Лу. – Похоже это судно с южной колонии! Они, наверно, уже причалили к берегу.

— Ура! Ура! Ура! – радовались женщины и дети.

— Что же?! Нужно идти разгружать корабль!..

Сборы у азиаток не заняли слишком много времени. Взяв с собой в дорогу еще оставшийся в наличии питательный порошок и несколько бочонков воды, больше сотни девушек вышли за пределы каменных насыпей в сторону бывшей портовой столицы азиатского царства.

Другие, в том числе и Лу, остались восстанавливать разрушенный дом. Перед уходом Бат Цэцэг попросила двух мальчишек сбегать к найденному складу, и рассказать Аль Джи и его бригаде новости о прибытии корабля с южной колонии...

Корабельная команда еще издали была ошеломлена увиденной разрухой. Азиатское царство окончательно пало. Нет больше могучего портового города. Только серые камни и огромные кратеры, отчетливо виднеющиеся с корабля. Лишь горстка людей стояла на берегу, размахивая руками.

— Они бросают якорь, не приближаясь к берегу? – Цзиан Хуан сделала удивленное лицо.

— Наши девочки спускают на воду шлюпку! – Бат не сводила глаз с движений в море. – Причала нет же, а если они подплывут на корабле слишком близко, то вероятнее всего судно будет повреждено о прибрежные камни. Видишь, какие острые пики торчат из воды?

— Такими темпами разгружать корабль мы будем очень долго, – негромко произнесла Цзиан Хуан, желаящая как можно скорее покинуть каменное царство.

— Они опускают в лодку мешки! Значит, метеоритный дождь не был так немилостив к ним, как к нашей стране, – Цзиан Хуан снова принялась за своё. – Я хочу уплыть с ними на юг!

Пока груженная лодка приближалась к берегу, азиатки бурно обсуждали желание многих покинуть родные земли. Цзиан Хуан подбивала других принять её сторону, мол, незачем лишний раз гнуть спину, расчищая завалы, если можно сменить место жительства и возродить азиатское царство на небольшом острове. Людей то все равно осталось мало, это раньше азиатов были миллиарды, а в настоящий момент их немногим больше тысячи, и это на всю огромную планету Земля, большую часть которой занимает грязный зеленеющий океан с тоннами плавающего мусора на поверхности воды.

— Аль Джи правильно сказал: «Это наша родина. Большая территория, а не маленький островок южной или юго-западной колонии». И наш долг оставить будущему поколению страну, где тысячелетиями жили мы – азиаты! – повторила Бат.

Овациями большинства собравшихся на берегу женщин были поддержаны слова Бат Цэцэг.

— Но если кто-то из вас желает трудиться на благо азиатского царства в одной из наших колоний – пожалуйста, но только без всякой самодеятельности. Все решения принимаем сообща, – Бат говорила, специально для Цзиан Хуан, готовой хоть сейчас броситься в воду и поплыть к кораблю.

— Хорошо, – Цзиан Хуан дала свое согласие и отошла в сторону со своими единомышленницами.

Лодка с изумленными морячками подплыла к берегу, и Бат поспешила помочь девушкам выгрузить тяжелые мешки с кукурузными зернами.

— Бат Цэцэг! – капитанша Оюунчимэг прыгнула в воду, подтаскивая лодку ближе к берегу. – Это метеоритный дождь все разрушил?

Оюунчимэг была необыкновенно красивой азиаткой. Её карие глаза маленькие, но выразительные были полны разочарования. Она смотрела на берег, с ужасом осознавая, что все, что итак представляло собой полуразрушенные здания, и вовсе превратилось в пыль и пепел – серую безжизненную пустыню.

— Да, Оюунчимэг, беда захлестнула нашу родину. Кругом одна разруха. Мы чудом спаслись на этом берегу, опасаясь худшего – конца света, – ответила Бат.

Азиатки, окружив капитана корабля и её помощницу, стали изливать душу, жалуясь на невыносимо тяжелые испытания, выпавшие на их долю. Оюунчимэг с сочувствием и состраданием их выслушивала, не веря собственным глазам и ушам.

— Метеоритный дождь застал нас посреди океана, в воду то и дело падали камни, поднимая брызги, но я и подумать не могла, что у вас тут такое творится, – Оюунчимэг вышла на берег. – На одну из свиных ферм тоже упал метеорита, оставил неглубокую воронку, в которую попадали маленькие поросята. Но в целом ничего не пострадало. Здесь же все выглядит безжизненным. Как вы прожили все это время после небесной атаки? Это все кто остался? Ни одного мужчины? Тогда нам конец.

Азиатки вкратце рассказали об их новом поселении на берегу реки, об очищенном поле для выращивания, к примеру, кукурузы, о найденных складах с питательным порошком и еще неизвестно с чем, так как завал еще не разобрали. Не забыли и о спасении 234 детей, среди которых были и мальчики – надежда на будущее, и о восстановлении

одного из домов, и о том, как они ждали их возвращения, считая дни.

— Если порошка осталось мало, мы оставим часть продуктов на судне, и вернемся в колонию, – Оюунчимэг направилась к лодке. – И еще. Если и лаборатории разрушены, и порошок производить некому, тогда нужно увеличить число колониальных жителей, для работы на полях и фермах.

Цзиан Хуан была довольна предложением капитанши, она только этого и ждала, ведь как не крути, а рабочие руки нужны везде. Но, по мнению Цзиан Хуан – уж лучше работать на земле, ухаживая за урожаем, нежели еще десятилетиями разгребать развалины азиатского царства.

— У нас уже есть компания желающих «увеличить число колониальных жителей»! – Цзиан Хуан выступила вперед. – Сколько человек вы готовы взять, не считая уже имеющейся корабельной команды?

— Корабль не рассчитан на большое количество людей, – ответила Оюунчимэг. – Не считая 50-ти человек команды и необходимого количества продуктов... – капитанша вела подсчеты. – А мешки с кукурузой и бочки с соленым мясом весят гораздо больше, если бы вместо них был питательный легкий порошок, плюс еще бочки с питьевой водой, кстати, нам нужна будет вода, так что максимум еще 50 человек мы сможем взять на судно.

— Считайте, что 50 человек уже есть! – Цзиан Хуан довольно потирала ладоши.

— А если мы выделим вам бочку питательного порошка? – предложила Бат Цэцэг.

— Тогда мы отгрузим сверху еще 4 мешка кукурузы и 5 бочонков свинины, и возьмем дополнительно еще десяток маленьких худеньких азиаток, – Оюунчимэг с помощницей уже садились в лодку.

— Договорились! – Бат Цэцэг улыбнулась. – 60 девушек смогут покинуть этот ужасный берег.

Бат и сама бы с радостью бросила все, но не могла так поступить, хотя бы потому, что с неё многие брали пример. Она боялась беспорядков, которые могли бы начаться, если все одновременно захотели бы отплыть на единственном корабле. А места для всех не хватит. Да и азиатское царство, в каком бедственном состоянии оно не находилось, оставалось их родиной...

Три дня судно простояло у берегов стертой с лица земли столицы азиатского царства. С корабля на берег, а потом и к новому образовавшемуся городку доставляли привезенные с

колонии мешки съестных продуктов. Наполнили пустые бочки речной водой ничем не очищенной, но, во всяком случае, она не была соленой, как морская, и её можно было пить.

Аль Джи с девушками принесли на берег ящик гвоздей, винтиков и других слесарских инструментов, малую часть того, что было найдено под завалами еще не расчищенного до конца склада.

— У нас совсем нет дерева, Оюнчимэг. Поэтому, может быть в южной колонии, наши поселенцы с помощью этих инструментов смогут смастерить судно?! – с надеждой в глазах предложил Аль Джи, когда на корабль уже был погружен питательный порошок.

Оюнчимэг не отказала в просьбе единственному мужчине из тысячи собравшихся на берегу азиаток, и корабль вскоре стал удаляться, увозя с собой первую партию азиаток, нежелающих возродить государство.

— **Я** вижу флаг на самой вершине скалы! – Фред громко зывал дневную команду.

— Юань! – Дэн поспешил подняться на верхнюю палубу, где его возлюбленная о чем-то беседовала с его матерью Розой. – Неужели, мы уже практически приплыли? На скале колышется ветром флаг! Это и есть ваше азиатское царство?

— Не может быть! – с удивлением на лице воскликнула девушка.

Юань поспешила перейти на другую сторону палубы, откуда, действительно виднелись пики скал, на одной из которых ветер безжалостно растрепывал что-то наподобие флага. На нижней палубе моряки зашумели, высказывая наперебой свои предположения на счет неожиданного появления земли.

— Юань! Ты не говорила что ваше царство совсем близко с африканской колонией?! – ткач Марио развернулся и поднял голову вверх, ожидая ответа леди-капитана.

Дэн, прижавшись к Юань чуть ли не вплотную, слышал её учащенное дыхание, ему даже казалось, что он слышит, как стучи её сердце. Она подняла глаза к небу, посмотрела, жмурясь на солнце, в надежде понять, не сбилась ли она с пути.

— Ничего не понимаю. Это точно не азиатское царство. Но тогда что же? – Юань была в недоумении.

— Но ты ведь не в первый раз путешествуешь по океану. Ты должна все знать, – Роза Пруд перевела взгляд с

запутавшейся азиатки на приближающийся каменный остров.

— Я не знаю что это за скалы, они ни разу не встречались у меня на пути. А если говорить о курсе судна, то с появлением звезд я точно скажу, где наше азиатское царство. А пока ветер раздувает паруса, мы продолжим путь вперед.

— Но если там колышется флаг, значит, его кто-то установил. Значит, на острове есть люди, – предположил юноша Вин.

— Это само собой, – призадумалась Юань. – Предлагаю осмотреть островок. Может там есть кто живой?

— И, наверное, кто-то из ваших азиатов? – спросил Фред, щурясь от солнца.

— Вероятно, еще один из наших кораблей потерпел крушение, – печально ответила Юань, обнимая Дэна. – Но они бы не выжили на каменном острове, – она снова всхлипывала, еле сдерживая слезы.

Дэн уже привык утешать Юань, ему это даже нравилось. Рядом с ней такой миниатюрной и хрупкой девушкой, он чувствовал себя настоящим героем – сильным и смелым, бесстрашным и в тоже время на удивление нежным и чувственным.

— Да там люди! – закричал во все горло Марио.

На самой вершине скалы появился человеческий силуэт, размахивающий руками. Возможно, он и кричал, но на корабль не доносилось ни звука. Ветер дул в сторону каменного острова...

— Синь, Дай, хан Жасурбек! К нам приближается судно! – Лео стоял на вершине, громко крича им вниз. – Корабль! Вы меня слышите?

— О боже, неужели мы будем спасены! – Дай восхваляла небеса.

— Судно! Мы вернемся домой! Домой! – радовались азиатки.

— Домой, – произнес хан Жасурбек без малейшей радости. – Моей задачей было достигнуть юго-западной колонии в поисках дочери. Но я так и не нашел её, мою маленькую принцессу.

Хан Жасурбек помрачнел, он не мог радоваться, как Дай и остальные азиатки. Если он вернется в царство без своей дочери, как ему жить дальше, ведь он уже старик и у него нет наследников.

— Хан! Мы построим еще корабли, и если хатун жива и находится в юго-западной колонии, мы обязательно её

вернем в азиатское царство. Не отчаивайся! – Дай нелегко было видеть, как Жасурбек грустит из-за потери своей дочери.

За время проведенное бок о бок с Жасурбеком, все увидели в нем другого человека. Не того надменного и властного правителя – хана азиатского царства, который только и умел что командовать, унижая достоинство других азиатов. Теперь он говорил с ними на равных, его уже не боялись, и даже сочувствовали его отцовскому горю. Особенно азиатка Дай приложила немало усилий к сближению с ханом. И не смотря на его преклонный возраст, они очень даже нашли общий язык, но афишировать свои отношения не стремились.

— Да, как же мне не отчаиваться? – Жасурбек поднял голову. – Лео, корабль далеко?

— Далеко. Но я вижу людей на палубе, следовательно, и они видят меня.

Дай, стоя по щиколотку в прохладной воде озера, оглянулась по сторонам, будто прощаясь, и она даже задумалась, а хочет ли она вернуться домой, в азиатское царство? Променять всю эту живописную природу на серые камни? Водяные кувшинки, стаи розовых фламинго, ускокаивающий и чарующий водопад, музыкально стекающий по камням – всего этого нет на их родине.

— Девушки, настало время очистить выход из пещеры, – сказал хан Жасурбек, скрываясь за потоками падающего по скале водопада.

Размышления азиаток, которые также как и Дай, словно в последний раз любовались красочным озером, были прерваны необходимостью следовать за поднимающимся по склону Жасурбеком.

В пещере, чем дальше, тем было темнее. Все также однозвучно с потолка падали холодные капли воды, от прохлады даже мурашки бежали по коже. В один момент стало совсем темно, черное полотно укрывало глаза. Осторожно ступая, они на ощупь вышли к широкому пространству, откуда уже рассеивались тонкие лучи света сквозь заложенный камнями выход. Хан всем телом навалился на шаткую преграду, и камни с грохотом обвалились, образовав небольшую горку у входа в пещеру.

Яркий солнечный свет больно бил по глазам, даже закрываясь от солнца руками, никакого корабля не было видно на горизонте. Зато на самом берегу распластался огромный обглоданный скелет пещерного монстра. Такого только выставять напоказ в каком-нибудь геологическом

музее, подумал хан Жасурбек, вспоминая прежнюю жизнь до катастрофы 2892 года.

— Лео, ты видишь все еще корабль? – спросил хан, поднимая голову к вершине утеса.

— Да, хан Жасурбек, судно приближается.

— Тогда остаемся ожидать на берегу, – опустил хан на камень, не обращая ни на что вокруг внимания...

Ветер неустанно раздувал паруса, словно намеренно приближая встречу Юань с её отцом, о присутствии которого на острове она и не догадывалась.

— На берегу тоже есть люди, я насчитал 6 человек, не считая силуэта на вершине с флагом в руках, – философский голос Дэна успокаивал взволнованную девушку, то и дело всматривающуюся вдаль.

— Я тоже их вижу, Дэн. Как можно жить среди скал, я не понимаю?

— Может, остальных они уже съели?! – предположил ткач Марио, как бы в шутку.

Дэн, Юань, Фред и Роза лишь молча переглянулись, задумываясь над вопросом Юань и предположением Марио. А что если это правда, и они людоеды – вертелось на языке у каждого.

— Мы спасем их от голодной смерти среди пустынных камней, – Юань говорила громко, чтобы её слышали все, и верхняя, и нижняя палубы. – Они ведь такие же люди, как и мы с вами.

— Похоже, что «да» – такие же азиатки, как ты! Из них точно один мужчина.

— Мужчина?! – Роза вглядывалась вдаль.

— Это? Да это же мой отец – хан азиатского царства Жасурбек Лан. Но почему он здесь?

Теперь Юань и вовсе не могла найти себе места на палубе. Команда перешептывалась, а остров все ближе и ближе представлял во всей своей каменной красе. Над застывшими утесами плавно парили птицы, а в горстке людей на пляже Юань теперь точно узнала своего отца, капитана Дай и помощника профессора Хизоки молодого парня Лео, спускающегося со скалы. А четыре азиатки ей показались незнакомыми, но в том, что это были именно азиатки, девушка уже не сомневалась.

— Осторожно впереди камни! – закричал Фред.

— Бросайте якорь! – моряки орали во все горло.

— Отец!

Юань прыгнула за борт и поплыла к берегу. Волны во всю раскачивали её и накрывали с головой прохладной зеленой водой. Дэн и Фред тоже кинулись вслед за ней.

— Моя девочка! – хан Жасурбек задрожал от нашедшего на него волнения и поспешил ей навстречу.

— Отец! Это ты! – неожиданное счастье переполняло сердце.

Среди бушующих пенных волн Юань крепко обняла своего отца. Они стояли по пояс в воде, их окутывали бурлящие ряби. А для этих двоих словно все вокруг остановилось, замерло, не смотря на то, что от быстрого течения едва можно было удерживаться на ногах.

— Хатун! – от волнения Жасурбек весь дрожал.

Его сердце переполняла радость. Он видел перед собой свою единственную дочь целую и невредимую, нашедшуюся волей случая, подарком судьбы. Все те же изумительные азиатские черты лица, красивые глазки с застывшими в них слезами, мокрые, но шикарные густые волосы, ниспадающие на девичьи узкие плечи. Такие же роскошные волосы были и у его европейской жены. Юань невольно напомнила ему о давней потере, и хан азиатского царства был очень взволнован и мрачен, как темная ночь.

— Почему ты на этом острове? Где ваш корабль? Где вся команда? – Юань отвлекла отца от грустных воспоминаний, оглядевшись по сторонам.

С берега за ними наблюдал Лео в окружении встревоженных азиаток с выражениями надежды спасения на лицах. Дэн и Фред, как два телохранителя обступили Юань по бокам.

— Видишь скелет на берегу? – хан указал рукой на белые кости. – Этот монстр потопил наш корабль, нас только семеро, остальные стали жертвами кровожадного пещерного чудовища. Я же искал тебя, моя девочка. И очень рад, что ты жива! – горькие слезы застыли в глазах никогда не плачущего правителя.

— Отец! – Юань снова крепко его обняла.

— Европейские мужчины? – наконец-то Жасурбек обратил внимание на две мужественные фигуры, возникшие перед его глазами. От удивления он переводил взгляд то на дочь, то на европейцев.

— Да, отец, европейские мужчины! – Юань говорила с отцом на родном языке. – Нам о многом предстоит поговорить, но позже. Это Дэн и Фред, – девушка представила присутствующих.

Дэн с Фредом приветливо кивнули и поочередно пожали руку отцу азиатки. С берега приближалась компания чудом спасшихся на каменном острове моряков, и когда они совсем приблизились, Юань пригласила всех подняться на судно.

— Азиатское царство ждет нас!

Потрясенные новостью азиаты еще никак не отошли от радости появления судна, проплывающего вблизи их острова, а тут еще выясняется, что на судне 46 мужчин, и к тому же все они европейцы. Все были настолько взвинчены, что никто и не обратил внимания на две небольшие колбочки в руке лаборанта Лео. Это была сыворотка, изобретенная им для борьбы с мутантом, выпущенным на волю профессором Хизокой. Лаборант не забыл свое творение в пещере, хотя мысленно он был бы только рад, если использовать эту сыворотку никогда не довелось бы...

Для спасенных азиатов была выделена одна из кают (европейцам пришлось потесниться), но сначала их накормили мясной похлебкой, и горячий сладкий кофе приятно обжигал, способствуя беседе отца с дочерью.

— Где твой «Бохай»? Ты ведь не на этом судне покидала родной берег, — хан уже успокоился и теперь был готов выслушать все, что могла рассказать ему дочь о происшедшем с ней за последние полгода.

— Мой корабль был разбит огромным монстром, отец. Что-то слишком много мутантов развелось по всей земле...

Дэн не стал мешать Юань своим присутствием, предоставив ей возможность поговорить с отцом наедине. За время их разговора уже успело скрыться за горизонтом солнце, и звезды уже неярко загорались на серо-голубом небе.

— Я должен переговорить с их императором, моя девочка, — хан Жасурбек вновь почувствовал прилив сил и энергии, ведь он вновь стал особой, чье мнение просто не могло быть не учтено. — Ведь я все еще хан азиатского царства.

— Конечно, отец, я буду для вас переводить, без меня вы не поймете друг друга.

— Есть еще кое-что, моя девочка, — хан опустил неловко взгляд. — Ведь, по сути, я уже старик, а ты моя единственная дочь. Так вот, ты должна выйти замуж и родить мальчика, который продолжит наш род.

Юань старалась не показывать своей навалившейся грусти, но потеря ребенка болью отразилась в её глазах. И чтобы не заплакать девушке пришлось поднять глаза вверх и хлопать длинными ресницами, пока отец продолжал говорить, не замечая печали дочери.

— Помнишь одного из областных управляющих 48-ти летнего вдовца Аль Джи? Ты должна стать его женой и вместе с ним вы будете править азиатским царством.

— Что? Аль Джи? Да он мне в отцы годиться, – воспротивилась Юань, вспоминая о любимом европейце Дэне Пруд, и романтические строки завертелись в его голове:

Не зря судьба нас повенчала

*Не зря судьба нас повенчала,
Мы были счастливы с тобой,
Женой законной я не стала,
Зато нашла свою любовь!*

*Пусть краток был роман вчерашний,
Пусть ничего нам не вернуть,
Любви такой не знала раньше,
И мне себя не обмануть.*

*Я буду помнить наши встречи.
Да разве я смогу забыть?!!
Пусть говорят, что время лечит,
Ему меня не излечить!!!*

— Ты ослушаешься повеления отца, хатун Юань? – недовольно спросил Жасурбек Лан.

— Да, отец, ты все правильно понял. Я никогда не стану женой твоего друга Аль Джи. Никогда.

— **Азиатское царство вновь будет зеленеть!**

Предвкушали азиаты, засаживая вручную очищенную ими землю зернами кукурузы. Им было не привыкать работать, не разгибая спины, но засаживать поле было куда приятнее, нежели очищать землю от завалов. В неглубокие бороздки, проделанные экслюзивными тяпками (а это были листы железа, согнутые полукругом) они бросали по два зернышка, а теплые весенние дожди поливали сполна их поле. И уже маленькие зеленые росточки пробивались и тянулись к солнцу, радуя души азиатов свежей сочной зеленью.

— И когда-нибудь наши дети скажут нам спасибо за то, что мы сохранили для них азиатское царство, – говорила Бат Цэцэг с верой в светлое будущее своего народа.

— Мы обязательно возродим нашу страну! – люди её поддерживали.

Стены двух больших домов, которые раньше задевали своими крышами проплывающие облака, до второго этажа (включительно) были восстановлены, но по-прежнему в них не было ни окон, ни дверей. Зато больше никто не спал под открытым небом, у каждого появилась комната. В одной комнате расселились по 6-7 человек, своего рода дружная семья, состоящая из женщин и девушек. И в каждой такой семье воспитывался один ребенок из числа спасенных.

Аль Джи со своей бригадой рабочих успешно расчистили очень большой склад. В результате каждому уже был выдан набор необходимый в домашнем обиходе предметов: пластиковые чашки и тарелки, металлические ножи, вилки и ложки.

Аль Джи многое хотел бы сделать для азиатского царства. У него было столько планов, которыми он не делился даже с Бат Цэцэг. Это и свиноферма, и мастерская по выделке кожи, и соляная шахта, и глиняная, и угольная, и гидроэлектростанция, и швейная фабрика, и стекольный цех – столько всего нужно было воссоздавать. Но, прежде всего, нужно было убрать верхний слой поверхности, расчищая и освобождая землю от фрагментов прошлых строений, а местами этот слой превышал 20 метровый барьер, порой преподносящий свои сюрпризы.

Так были расчищены уже два больших склада, запрятанные от людей на большой глубине и таящие в себе товары широкого спроса. И вот очередная удача улыбнулась азиатам – под обломками был найден третий большущий склад, доверху набитый разнообразным содержимым.

Первое что Аль Джи вытащил на серую каменистую поверхность, это был полиэтиленовый мешок черного цвета набитый шелковым кружевным нижним бельем.

— Девочки, это для вас! Только для вас! – усмехнулся Аль, вытирая пот и продолжая доставать очередные черные мешки из-под камней.

Сексуального белья на складе были тонны, хватило бы на миллионы азиаток. И чулки, и безразмерные колготки, майки, бюстгалтеры и трусики-бикини, пеньюары и халатики. Женщины были в восторге. Аль Джи как единственного мужчину никто даже не подумал стесняться, девушки снимали с себя заношенные до дыр одежды, и тут же принялись одеваться в новое красивое белье.

Аль Джи на них даже не смотрел, он один продолжал разгребать завал, но уже в другом месте, надеясь найти что-то еще кроме уже найденной одежды. Под грудями камней таились ящики с обувью – тоже весьма приятная находка.

В поселение, где у берегов реки зеленело кукурузное поле, а рядом возвышались два двухэтажных дома, Аль Джи с бригадой шли не с пустыми руками. Каждая несла мешок с одеждой и уже была одета в чистенький халатик, а на ногах были красивые туфли. Девушки изумленно на них смотрели, рассматривая с головы до ног. Грязные, немые, но красиво одетые!

Потом стало очень шумно, когда все девушки стали выбирать себе наряды из содержимого черных мешков. Исчезновения Аль Джи даже никто и не заметил, все были заняты собой. А Аль Джи с полиэтиленовым мешком на плече поманил Бат Цэцэг с собой в дом.

Когда шумная гурьба азиаток осталась позади, и Аль привел девушку в свою комнату, а его комната была самая дальняя на втором этаже, они в который раз остались один на один – Аль Джи и красавица Бат Цэцэг.

— Я принес для тебя самое красивое белье, лучшие кофточки и халатики! Вот взгляни! – Аль вытрусил из мешка все на серое покрывало, служившее ему постелью (найденное в завалах).

— Спасибо! – только и смогла сказать Бат.

Снимая без сожаления свою изодранную пижаму, Бат предстала перед Аль Джи во всей красе. Он лишь мило любовался, как девушка у него на глазах преобразается. И когда перед ним стояла пышная очаровательная леди, руки Аль Джи так и потянулись к шнуровкам и застёжкам дабы снова оголить Бат Цэцэг – его прекрасный цветок!

— Хан Жасурбек обидел тебя?

Дэн остановил Юань посреди палубы, заметив, что она плакала. Её глазки были мутными, и мокрые ресницы подтверждали предположение юноши.

— Отец хочет выдать меня замуж за малознакомого человека – Аль Джи. Они уже, видите ли, даже успели договориться обо всем, пока я отсутствовала.

— Что? Я хочу немедленно поговорить с твоим отцом. Идем со мной, – Дэн взял её за руку. – Я тебя никому не отдам!

— Постой, Дэн, – Юань обняла его, уткнувшись лицом в его сильную грудь. – Я пока не хочу с ним разговаривать. Я уже все ему сказала.

— Ты рассказала о нас?

— Нет. Я только сказала, что низачто не выйду замуж за Аль Джи.

— Ну, вот, значит, мы должны все ему рассказать. Он ведь твой отец. Что он не поймет наших чувств?

— Боюсь, что так будет только хуже. Он мне рассказывал, какой он уже старый, и что я должна выйти замуж за выбранного им человека, этого повара Аль Джи, и править вместе с ним азиатским царством, родить наследников, чтобы династия Лан не прервалась, – Юань заплакала. – Не бывать этому! Я не хочу замуж за старика. Он только на 9 лет младше моего отца, Аль Джи уже около 50-ти лет. Тем более у меня есть ты, Дэн.

— Не расстраивайся, любимая. Твой отец нас не разлучит. Мы погрузим на корабль металл и покинем навсегда азиатское царство, и будем с тобой жить в нашей зеленой империи.

— Что-то беспокойно у меня на сердце.

— Юань, я все-таки хочу поговорить с твоим отцом. Пусть знает, что я тебя люблю.

Дэн крепко сжал её в объятьях, их уста слились в долгий поцелуй. А солнце уже садилось за горизонт, окрасив небо яркими красками.

Целующимися их и застал хан Жасурбек, хотел было вмешаться, но ему помешало вздымающееся над зеленой гладью воды океаническое гигантское существо – монстр подводного мира с длинными вьющимися щупальцами.

— О боже, снова этот монстр, – закричала Юань.

Владыка моря точно в ответ на доносящиеся крики издал глубокий пронзительный рев. Огромная голова с торчащими в разные стороны пластинами неповоротливо поднималась все выше и выше, разглядывая бегающих по палубе испуганных моряков своими огромными красными глазищами.

— Лео! – хан Жасурбек бросился назад в поисках лаборанта с пробирками сыворотки.

А морское чудовище зловеще поднималось из толщи воды. Оно раздувало свои бардовые щеки, ревело, раскрывая пасть и высовывая длинный змеиный язык. Вездесущие щупальца в отблесках заходящего солнца, казалось, горели огнем. На это мерзкое слизистое свечение было противно и страшно смотреть.

— Что же нам делать? – император Мартин прижался всем телом к одной из мачт, в ужасе разглядывая гигантского бурого змея.

— Оно такое страшное, – Роза так и застыла на месте, не зная как быть дальше.

Фред подбежал к Розе Пруд, не сводя взгляда с немалой и похоже очень прожорливой пасти чудовища. Он обнял Розу, прошептав ей еле слышно на ухо, что если им суждено сегодня умереть, то они умрут вдвоем.

— Юань, ну вот почему на корабле нет оружия? – дрожащим от страха голосом спросил ткач Марио.

А жуткий гигантский змей со щупальцами, как у осьминога, уже свысока смотрел на корабль. Он заставлял все ужасаться, выпячивая вперед мощную чешуйчатую шею, на которой, словно шипы, торчали в разные стороны ороговевшие метровые пластины. А его огромное туловище, конца которому даже не было видно, заставило всех трястись, остановившись на месте.

На шум сбегались все, и дневная команда, что только недавно сдала пост, и вечерние, и ночные моряки, и рабочие камбуза, и спасенные с каменного острова азиатки, только хан Жасурбек и лаборант Лео все еще не появились на палубе.

— Если это последний день в нашей жизни...

Юань вцепилась со всей силы в крепкие плечи Дэна, когда покрытые слизью щупальца стали шарить по деревянной палубе, стараясь кого-то схватить и утащить в зловонную пасть морского змея. Моряки заметались по судну, укрываясь от приближающейся опасности. Но опасность надвигалась со всех сторон.

— Если это последний день в нашей жизни, поцелуй меня на прощанье. Я хочу умереть в твоих объятьях! – и Юань страстно впилась в губы встревоженного Дэна.

Страшный монстр, казалось, внимательно наблюдает за целующейся парой. Его огромная голова со свисающими отростками на щеках резким выпадом оказалась напротив судна. Корабль на фоне гигантского морского змея выглядел жалкой игрушкой с маленькими муравьями, застывшими в ужасе при виде раскрывающейся зубастой пасти.

От одного только дыхания чудовища моряков едва не сносило сильным потоком зловонного порыва ветра, исходящего с раздувающихся ноздрей змея. Красные глаза с продолговатыми кошачьими зрачками горели вспышками ярких огоньков. Щупальца обвивали все судно, окутывая его сетями жадного повелителя дна мирового океана.

Оглушающий рев вынудил корабельную команду падать на колени, закрывая уши ладонями. Этот неземной крик невозможно было терпеть. А змей словно испытывал наслаждение, наблюдая, как корчатся в муках маленькие беспомощные человечки, возмнившие себя высшими

существами на планете. Змей издавал непонятные звуки, сначала похожие на устрашающее рычание дикого зверя. Потом он, словно, заливался истерическим смехом, звонко и громко, так что лопались ушные перепонки моряков, и алая человеческая кровь окрашивала палубу красными пятнами.

— Эй ты, змей-переросток! – прокричал Лео, но, похоже, его никто не услышал.

Лео в старом обесцвеченном халате поверх таких же изодранных штанов, со стекающими вниз из ушей по шее и по одежде потоками крови, вышел на палубу уверенными смелыми шагами. В его руках были две небольших запечатанных колбочки – надежда на спасение. Вокруг все лежали на палубе, изгибаясь в судорогах от оглушающей боли, скользкие щупальца, как змеи, вились вокруг судна, а гигантская голова остановила свой любопытный взгляд на молодом лаборанте.

Монстр затих, его хриплое дыхание сопровождалось извержением колец пара из широких ноздрей. Юань подняла голову, наконец-то убрав руки с окровавленных ушей. Моряки, боялись подняться, и лежа наблюдали за лаборантом Лео, бесстрашно направляющимся в сторону, где морской змей, казалось, замер на месте. Тишина повисла в воздухе.

Бурые чешуйки змея взъерошились, он весь стал колючим и еще более страшным. Его громкое дыхание участилось, а струи пара закутывали его гигантский образ густым маревом. Лео смотрел прямо в округлившиеся глаза морского змея, и ему казалось, что этот гигант узнавал в нем одного из причастных к его мутации.

Что было в его взгляде, Лео затруднялся определить. Возможно, в них тоже был страх. Лео подошел еще на несколько шагов ближе, и первая доза сыворотки обратного действия четко полетела в раздувающиеся ноздри монстра. Легкое облачко прозрачного пара тут же было поглощено океаническим монстром, искусственно выведенным в столичной лаборатории азиатского царства.

Это был тот подопытный осьминог, над которым проводил всевозможные опыты профессор Хизока. Лео и не предполагал, что с виду безвредные и даже приносящие пользу эксперименты могут породить такого гигантского монстра.

Чудовище издало громкий крик, от чего моряки снова схватились за головы, изо всех сил закрывая уши. Щупальца бешено схватили и подбросили судно над волнами, закружили его по воде, словно играясь. Команда каталась по

палубе, беззащитно и болезненно ударяясь о борта со всех сторон. Синяки и ссадины разукрасили тела моряков, потерявших надежду на спасение.

Монстр повис над судном, раскрыв глубокую пасть, будто намереваясь проглотить корабль целиком. Юань лежала на спине и в ужасе раскрыв глаза видела, как померкло вечернее небо, загороженное необъятной головой гигантского чудовища, распахнувшего бездонную черную пасть. Дэн был рядом, девушка протянула ему окровавленную руку, и их пальцы с силой сжались воедино. Вопреки всему они, азиатка и европеец, хотят быть вместе, даже если вместе им предстоит лишь умереть.

Вторая и последняя доза сыворотки вновь полетела в неугомонного монстра. На этот раз пробирка разбилась рядом с левой ноздрей, и снова мутант вдохнул в себя прозрачное облачко чудотворного зелья. Но вот только чудо почему-то не происходило. Лео уже заволновался, не прошел ли срок годности у его лекарства.

Монстр опять зарычал, его ороговевшие пластины, покрывающие всю длинную мощную шею, торчали во все стороны, чешуя тоже колючими иголками вся взъерошилась. Хан Жасурбек, как и все, лежал на палубе, обезумевшими от страха глазами он смотрел то на свою дочь в объятьях европейца, то на грозящего смертельной опасностью монстра. Первый раз за все время чудовище прикрыло глаза. Потом еще больше расширило и снова прикрыло. Он засыпает! Щупальца поникли, оставили в покое судно, и медленно скрывались в толще темной воды. Захлопнув зубастую пасть, голова накренилась набок и плавно сползала вслед за громадной шеей и туловищем. Стало тихо – опасность миновала!

— ...и кто сможет устоять?

Сквозь непроглядную мглу доносился спокойный мужской голос. То ли звезды погасли на небе и луну заволокли черные тучи, то ли это было и вовсе не небо, а черная бесконечность.

— Кто ты? – спросила Юань.

Она бежала вперед, ничего не видя перед собой, лишь черная пустота окружала, в ней проваливались ноги, не давая возможности приблизиться к источнику звука.

— ...и кто сможет устоять? – снова повторилось.

— Почему я тебя не вижу? Где ты? – отчаялась Юань, так и не сдвинувшись с места.

Она видела перед собой свои руки, опустив взгляд – тело, но никого и ничего вокруг больше не было. Только слышался незнакомый голос, словно совсем близко, но до него невозможно было добежать; голос, задающий один и тот же вопрос. Юань бежала на месте, постоянно проваливаясь в черные облака.

Впереди появилось пятнышко света, оно приближалось. Юань остановилась, не ощущая под ногами земли. Посмотрела направо. Белым облачком что-то приближалось. Юань посмотрела налево – такое же белое облако. А, оглянувшись назад, увидела белого ангела.

Четыре ангела остановились. Их белые крылья покачивались, а вокруг поднялся ветер. Безудержные вихри с каждым витком усиливались. Вокруг четырех ангелов, стоящих на одинаковом расстоянии друг от друга, поднялся гул. Юань оказалась в центре событий. Ангелы своими крыльями удерживали бушующий ветер, набирающий обороты.

А потом сверху опустился пятый ангел и спокойным приятным голосом обратился к другим ангелам.

— *Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям...* (слова из библии)

Первый ангел ответил: *«Сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела».*

Второй ангел ответил: *« И как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и третья часть одушевленных тварей, живущих в море, погибла».*

Третий ангел ответил: *«И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и источников вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».*

Четвертый ангел ответил: *« И поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья их часть, и третья часть дня не светла была так, как и ночи».*

Пятый ангел сказал: *«Горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех ангелов, которые будут трубить!»* (откровение 8:7-13)

— И кто сможет устоять? – спросила теперь Юань.

Видение рассеивалось, черная бесконечность обретала границы, очертания деревянных мачт вырисовывались на

фоне звездного неба. Дэн склонился над девушкой, приводя её в чувства.

— Юань, любимая, ты жива?

Хан Жасурбек приполз на коленях к неподвижному телу дочери. Уже стемнело, лишь яркие звезды и полная луна освещали палубу с приходящими в себя моряками после встречи с монстром.

— Юань, дочка! – простонал ослабленный хан.

— Я вас слышу, – негромко произнесла Юань, глядя на звездное небо.

— Мы живы! Монстр отступил! – облегченно вздохнул Дэн, помогая любимой присесть.

Роза Пруд и Фред уже, обнявшись, сидели на палубе, император Мартин разговаривал о змее с юношей Вином, ткач Марио тормозил спасенных азиаток, Лео стоял на ногах и смотрел на луну. Все зашевелились, вытирая засохшую кровь и ощупывая себя, словно сомневаясь, что они все еще живы.

— Мама! Ты в порядке? – Дэн оставил Юань с отцом, а сам подошел поговорить с мамой.

Жасурбек обнял свою единственную дочь, гладил её по густым волосам цвета ночи, и, к удивлению девушки, заговорил о Дэне.

— Ты любишь этого европейца? Я видел, как вы целовались, и как держались за руки, когда над кораблем нависала громадная голова морского змея, – хан был спокоен.

— Да, отец, я люблю Дэна. Поэтому низачто не выйду замуж за твоего «претендента на пост царя-хана Аль Джи», как бы ты не настаивал.

— Что же придется мне извиниться перед Аль Джи, – хан Жасурбек крепко обнял дочь. – Я понимаю тебя, ведь твоя мать тоже была европейкой – красавица Офелия. Я не стану мешать своему счастью.

— Только кто же займет твое место, отец? Я не планирую жить в азиатском царстве.

— Ты бросишь меня опять одного? – Жасурбек взглянул в глаза дочери.

— У меня есть важные дела в этом мире. Империи Жизнь нужно железо, я обещала вернуть им электричество и помочь в возрождении прежней цивилизации.

— А почему ты не подумала о нас? Об азиатском царстве? Обо мне?

— Отец, я и о вас не забыла. В европейской империи есть зеленеющая земля! В поселении «Зеленый край», где я буду

жить, зеленеют рощи, радостно щебечут птицы и журчат ручьи. Там хорошие добрые люди! Они живут в гармонии с самой природой. И там найдется место и для наших азиаток. А главное, там нет дефицита мужского населения. Нашим девочкам это точно понравится! – доказывала Юань свою точку зрения.

— Дочка, ты мне нужна в азиатском царстве.

— Азиатское царство представляет собой чуть ли не каменный остров, наподобие того скалистого берега. Его плюсы только в лабораториях, металлургическом заводе и большом количестве складов. Жить же там тяжело. И почему бы не облегчить жизни части наших азиаток, если есть такая возможность?

— Мы поделимся с европейцами нашими запасами, а они позволят нам жить в их империи? – задумался хан Жасурбек.

— А почему бы и нет? И это еще не все, отец. Я хочу очистить океан от мусора! – Юань все еще не могла забыть свой сон, натолкнувший её на подобные мысли.

— Ты, наверное, не в своем уме? Ты видела, СКОЛЬКО мусора лежит на поверхности воды? А сколько еще спрятано под толщей зеленых вод?

— Океан это жизнь, отец. И если мы его не спасем, рано или поздно мы все погибнем.

— Всей твоей жизни не хватит даже на то, чтобы убрать мусор с поверхности океана. Люди веками его загрязняли. Ты посмотри, сколько пластиковых стаканчиков проплывает целыми тоннами скоплений.

— Их нужно выловить сетями, расплавить и сделать из них что-нибудь полезное, например лодки! – Юань усмехнулась своей находчивости.

— Ты будешь заниматься океаническим мусором? – хан был очень удивлен.

— И этим тоже.

Вскоре вернулся Дэн и помог Юань перебраться в каюту. На небе ярко горели звезды, расположение которых предсказывало скорое возвращение в портовую столицу азиатского царства.

— «Горе живущим на земле людям от оставшихся трех ангелов, которые будут трубить!» – перед тем, как уснуть Юань рассказала Дэну свой странный сон.

— Значит, четыре ангела из твоего сна уже навредили и земле, и морю, и деревьям?

— Во сне – да, а на самом деле? Что происходит с нашей планетой? – Юань закрывала глаза, снова погружаясь в свой сон.

...И снова черное небо, беспросветная тьма и Юань окруженная пустотой. Под ногами, словно острые камни врезались в подошву. Юань шла по рухнувшему городу. Вдруг интенсивная вспышка озарила небосвод. Это была павшая с неба на землю звезда. Юань побежала, не чувствуя боли, но ощущая твердую опору под ногами. Среди обломков она нашла светящийся ключик.

— Какие двери я открою этим ключом? – сама себя спрашивала во сне девушка.

Юань бродила по колющим её ножки осколкам строений, сквозь безнадежный мрак, в поисках загадочной двери. Она шла, выставив вперед обе руки, нащупывая что-то перед собой. Но на пути ничего не попадалось, лишь одна пустота.

Черное небо, лишенное звезд, сверху давило, прижимало к земле, к острым камням на её поверхности. Юань споткнулась и, падая, натолкнулась на твердую преграду. Открывая глаза, девушка заметила, как что-то полетело вниз в воду. Она стояла на палубе своего корабля, обеими руками вцепившись в бортовые поручни. Уже розовело небо на линии горизонта, ночные звезды меркли в голубоватом свечении проясняющегося неба. И Юань обнаружила, как сильно болят и кровоточат сбитые ноги.

— И где я могла так пораниться? – Юань огляделась.

Вокруг было тихо. После вечернего представления все отлеживались по каютам. Паруса раздувались попутным ветром, одна из мачт была надломана, и деревянный фрагмент лежал посреди палубы, залитой темными пятнами высохшей крови.

— Наверное, об этот острый конец я и поцарапала ноги, – бормотала Юань себе под нос.

Ветер все сильнее поднимался, вздымая высокие волны. Одна из таких волн с головой окатила Юань прохладной водицей, смывая следы вчерашних кровотечений из ушей. В образовавшейся на палубе луже девушка вымыла ноги и, взяв швабру, принялась наводить чистоту на корабле.

— Серая безлюдная пустыня.

Юань с группой европейцев и двадцатью девушками-азиатками пробирались сквозь каменные преграды высоких насыпей, обходили глубокие кратеры, растянувшись длинной вереницей. На плечах они несли мешки с одеждой и обувью, ящики с посудой, металлическими ножницами, ножами и бритвами и тяжелые мотки металлических проводов, обтянутые резиновым покрытием (для проведения

электричества). Все это со старых запасов, погребенных под высоким слоем камней.

— Не пожалел метеоритный дождь ваше царство, – констатировал факт император Мартин.

— Мы еще не знаем, в каком состоянии наша империя, – Фред тоже был мрачен.

— Надеюсь, не в таком плачевном, как этот каменно-бетонный материк, – Роза Пруд, осторожно ступая, шла позади Фреда.

Не смотря на ценные товары, которыми они уже погрузили корабль и то, что еще не было доставлено, особой радости не испытывал никто. Совсем иным себе представляли азиатское царство европейцы. Император Мартин вместо серой пустыни, больше напоминающей поверхность луны, ожидал побывать в городах прежнего цивилизованного общества. Но оказалось, что империи Жизнь больше повезло (по крайней мере, до метеоритного дождя, европейское государство зеленело и развивалось)...

Когда корабль был погружен всем необходимым, на берегу собрались провожающие. Трое мужчин среди сотни азиатов: Хан Жасурбек, а рядом стояла капитанша Дай, Аль Джи держал за руку Бат Цэцэг, около лаборанта Лео крутилась красавица Синь, а остальные, печально вздыхая, смотрели вслед покидающим азиатский материк, мужчинам-европейцам. Вместе с ними отправлялись на постоянное место жительства в империю Жизнь и 20 девушек из числа приверженцев Цзиан Хуан, не желающих всю жизнь разгребать завалы.

— В добрый путь, хатун Юань! – слезно отпускал Жасурбек свою дочь.

— Не грусти, отец, мы еще вернемся и заберем с собой еще часть наших азиатских женщин.

— Я буду ждать тебя!

— Дай, присматривай за ним! – Юань обняла азиатку, догадываясь о её отношениях с отцом, хоть он и ни словом не обмолвился на эту тему.

— Не волнуйся, хатун, я о нем позабочусь!

— Лео! Если бы не ты со своими колбочками, мы бы все погибли тогда. Надеюсь к моему следующему визиту, ты восстановишь лабораторию и придумаешь средство, чтобы очищать воду! – и они пожали друг другу руки в знак согласия.

— Я что-нибудь обязательно придумаю!

— Аль Джи, я рада за вас с Бат Цэцэг потому, что, не смотря на всю сложность ситуации, вы нашли время и силы для любовных отношений!

...Все уже поднялись на борт. К берегу подплыла лодка. И юноша Вин, загорелый и накачанный паренек, работающий веслами, поторопил Дэна и Юань, все еще прощающихся с азиатами.

— Нам пора!

— Попутного ветра! – кричали на берегу.

— Хорошего жениха тебе выбрал отец! – подшутил Дэн, когда лодка уже близилась к судну.

— Джи Аль высоко образованный человек, технолог общественного питания, но только навряд ли в ближайшее время кому-то понадобятся его знания. Это раньше он работал шеф-поваром в дорогих восточных ресторанах. А теперь...

— А теперь нет ни ресторанов, ни ассортимента в выборе продуктов для приготовления пищи.

— Да, Дэн. Человечество наказано самой природой или даже неземными силами.

Юань все время вспоминала свой странный сон, в котором четыре ангела уже навредили и земле, и морю, и деревьям, а вместе с тем и людям, живущим на планете. И где-то в глубине души, Юань боялась страшной мести других трех ангелов, чей черед еще не наступил.

Дэн, уставший от морских путешествий, глядел на отдаляющийся берег. Он хотел бы как можно скорее оказаться дома, на родной европейской земле, в поселении среди рыбаков, доярок, вернуться к работе в соляной пещере, а главное построить для Юань отдельный домик, и жить с ней в мире и согласии на суше. Но Дэн сомневался, что рядом с Юань его ждет спокойная размеренная жизнь. Юань и море не разделимы. И Дэн понимал, что это только первое их морское путешествие.

Непредугаданный ветер постоянно менял направление и силу, но все же судно стремительно двигалось вперед. Вот, казалось, лишь недавно скрылась из виду серая пустынная поверхность азиатского континента, как впереди уже зажелтела юго-западная колония, сухая, испепеленная солнцем, растрепанная ветрами, но живая, с радостными лицами местных жителей.

Не смотря на глубокие трещины побережья, сухой и жаркий климат, азиаты собрали большой урожай кофе, кокосов, чем и поделились с европейцами, для которых была приготовлена также и большая партия мешков сахара.

Моряки не задерживались долго, и как только все было погружено на корабль, Вики Со и Антонио Скиапарелли тоже поднялись на борт.

Их ожидала цветущая империя Жизнь! Со своими сюрпризами в обработке метеоритного железа!

...Судно причалило в порт Тихой заводи. Там в небольшой части моря, обособленной от открытых вод скалистыми берегами, не бушевали ветра, и волны нежно ласкали берег. У подножья гор с белыми от снега вершинами зеленели деревья и низко растущие кустарники, звонко пели птицы, и журчал чистый источник пресной воды. Азиаткам это место показалось раем!

Эпилог – «спустя 9 месяцев»

В азиатском царстве родились первые дети после губительной небесной атаки. Хан Жасурбек в свои немолодые годы вновь стал отцом. Бывшая леди-капитан Дай родила ему сына – истинного наследника престола поднимающегося из пепла азиатского царства. Бат Цэцэг также осчастливила своего супруга Аль Джи рождением ребенка, а вот лаборант Лео подарил энному количеству азиаток возможность растить и воспитывать своих детей (и продолжает в том же духе).

Хан Жасурбек придумал новый способ ликвидации завалов. Камни сбрасывали в глубокие кратеры, тем самым и ямы исчезали, и толстые слои камней и пыли, освобождая землю под посевы.

Лео изобрел уникальные фильтры для очистки воды. С южной колонии по-прежнему доставлялись кукуруза, мясо свиней и страусов. В азиатском царстве была построена свиноферма, порт и корабли.

Юго-западная колония приятно удивила Юань, когда она в очередной раз достигла их берегов на старом судне все с той же корабельной командой. Не считая Розы Пруд и Фреда, которые обзавелись близнецами и остались в империи. Населения африканского острова увеличилось вдвое!

Европейская держава тоже росла и крепла. Привезенные азиатки влились новой струей в имперскую жизнь. Рождались дети, и жизнь продолжалась.

Юань тоже родила мальчика – посреди океана. Дэн и не пытался её отговорить от своей затеи очистить моря и океаны от мусора. Принимая её такой, какая она есть, Дэн чувствовал себя счастливым. Юань же с командой единомышленников рыболовными сетями вылавливала океанический мусор, спасая мир от гибели. Словно искала тот призрачный ключик, что якобы выпал однажды из её рук. Ключик способный отворить дверь к спасению всего человечества!

Сохраним мир для наших детей! ☺

© Кристина Денисенко.

В книге «Созвездие онлайн неверности»
использованы стихотворения автора:

<i>Звездный вальс.....</i>	<i>9</i>
<i>Беседа в тишине.....</i>	<i>12</i>
<i>Разреши мне.....</i>	<i>14</i>
<i>Не игнорируя души желанья.....</i>	<i>25</i>
<i>По-весеннему осенней красотой.....</i>	<i>28</i>
<i>Запретное тепло.....</i>	<i>32</i>
<i>Таинственному поклоннику.....</i>	<i>36</i>
<i>Сквозь бронь души.....</i>	<i>45</i>
<i>Моя ты сказка.....</i>	<i>48</i>
<i>Отпусти, не мучай.....</i>	<i>61</i>
<i>Весенней осенью из лета.....</i>	<i>67</i>
<i>Недолюбила.....</i>	<i>71</i>
<i>Грязь натур.....</i>	<i>72</i>
<i>Со мной целуется мечта.....</i>	<i>74</i>
<i>Немыслимый барьер.....</i>	<i>79</i>
<i>Не обвиняю.....</i>	<i>80</i>
<i>Чужую женщину забаву.....</i>	<i>81</i>
<i>Коротким эпизодом.....</i>	<i>82</i>
<i>Яблоком «Ю».....</i>	<i>87</i>
<i>Корабликом из звезд.....</i>	<i>93</i>
<i>Гудки немного телефона.....</i>	<i>98</i>
<i>Не избежать расплаты часа.....</i>	<i>107</i>
<i>Поцелуи при звездах.....</i>	<i>118</i>
<i>Разговор невестки со свекровью.....</i>	<i>123</i>
<i>Речной пейзаж.....</i>	<i>131</i>
<i>Жестоким роком.....</i>	<i>135</i>
<i>Берег каменных иллюзий.....</i>	<i>145</i>
<i>Раскаянье царицы.....</i>	<i>154</i>
<i>В восточном танце.....</i>	<i>166</i>
<i>Осенний интим.....</i>	<i>169</i>
<i>Не зря судьба нас повенчала.....</i>	<i>311</i>